

ГОД ПОЭЗИИ *2022*

Київ



Друкарський двір Олега Федорова
2022

УДК 821.161.1-1+82(082)

Г59

Г59 ГОД ПОЭЗИИ. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2022. — 656 с.

ISBN 978-617-8082-50-5

«Год поэзии 2022» объединил около 90 авторов разных поколений из разных стран, которые продолжают писать по-русски за пределами распадающейся империи.

Мы гордимся тем, что эта книга выходит в Киеве. О чём бы мы ни писали, сердца и стихи тех, кто не может молчать — на стороне сражающейся Украины.

УДК 821.161.1-1+82(082)

© «Друкарський двір
Олега Федорова», 2022

© Виктор Фет. Составление, 2022

ISBN 978-617-8082-50-5

© Обложка работы Николая Сологуба

ГОД
ПОЭЗИИ

2022

СЛАВА УКРАИНЕ!
ГЕРОЯМ СЛАВА!

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Фет. От составителя	12
--------------------------------------	----

ПОЭЗИЯ	15
------------------	----

Эмилия Песочина	16
Максим Коровниченко	20
Лия Чернякова	27
Ирина Евса	34
Оксана Картельян	40
Вера Павлова	44
Марина Генчикмахер	51
Владислав Лоза	60
Дина Меерсон	66
Григорий Яблонский	71
Галина Ицкович	73
Палад	83
Ирина Рыпка	89
Марина Тюрина Оберландер	95
Михаил Юдовский	101
Яна Кане	107
Ирина Юрчук	111
Зоя Полевая	117
Николай Лобанов	145
Ян Пробштейн	156
Марина Эскина	165
Анатолий Лемыш	170
Ирина Карпинос	175
Игорь Михалевич-Каплан	180
Александр Ратнер	185
Анна Стреминская	191
Денис Голубицкий	197

Дина Березовская	203
Берта Фраш	210
Борис Херсонский.	216
Саша Казаков	222
Вита Штивельман	228
Сергей Курбатов	244
Андрей Гущин	249
Михаил Троепольский.	254
Наум Сагаловский.	260
Вячеслав Рассыпаев	266
Михаил Бриф	271
Давид Поташников	287
Михаил Гринберг	292
Александр Немировский.	295
Анатолий Либерман	302
Сергей Кодес	307
Григорий Оклендский.	312
Виктор Фет	316
Георгий Садхин	328
Игорь Хентов	334
Андрей Теплов	340
Татьяна Сальникова	348
Бахыт Кенжеев	364
Татьяна Щёголева	370
Давид Сеглевич	375
Сергей Плышевский.	380
Евгений Израильский	384
Людмила Лурье	399
Виктор Каган	404
Слава Гауфберг	410
Олег Никоф	419
Ольга Шенфельд	424
Игорь Жук	430
Андрей Грицман	436
Сергей Шабалин	441

Ребекка Левитант	446
Виталий Амурский	453
Ильдар Ахметсафин	459
Алекс Щегловитов	461
Вадим Гройсман	465
Юрий Диденко	471
Мартин Мелодьев	478
Людмила Некрасовская	483
Борис Сулович	487
Александр А. Пушкин	493
Раиса Резник	497
Семён Патлис	502
Алёна Емелина	506
Ариэла Марина Меламед	512
Инна Рогачевская	517
Сергей Яровой	522
Павел Демидов	528
Галина Зелевинская	534
Валентин Емелин	541

IN MEMORIAM 555

Алёна Тайх (1969–2022)	556
Василь Дробот (1942–2020)	561
Виктор Шендрик (1956–2021).	567
Александр Амчиславский (1958–2022)	572
Нина Берберова (1901–1993)	581

ПЕРЕВОДЫ 585

Галина Ицкович	
Перевод с английского	
Роберт Уайтхед	586

Ханох Дашевский	
<i>Переводы с украинского</i>	
Иван Франко	.595
 Галина Зелевинская	
<i>Переводы с английского</i>	
Дилан Томас	599
Эдна Винсент Миллей	600
 Михаил Гринберг	
<i>Переводы с английского</i>	
Редьярд Киплинг	.601
 Яна Кане	
<i>Переводы с английского</i>	
Эмили Дикинсон	.604
Уильям Батлер Йейтс	604
 Константин Гулисашвили	
<i>Перевод с грузинского</i>	
Шота Руставели	.615
 Сергей Кодес	
<i>Переводы с английского</i>	
Уильям Шекспир	.622
<i>Переводы с французского</i>	
Карл Орлеанский	.625
Поль Верлен	626
 Саша Казаков	
<i>Перевод с английского</i>	
Уоллес Стивенс	.627
 Алекс Щегловитов	
<i>Переводы с английского</i>	
Божена Хелена Мазур-Новак	629

Вита Штивельман	
Перевод с иврита	
Йегуда Амихай	633

Илья Липес	
Переводы с английского	
Эмили Дикинсон	634

Александр Шик	
Переводы с английского	
Роберт Фрост	646

КРИТИКА, ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Анатолий Либерман. <i>День русской зарубежной поэзии 2022.</i> —	
Виктор Фет. <i>Вскипает лава</i>	126
Берта Фраш. <i>День русской зарубежной поэзии 2022.</i> — <i>Связь времён</i> , 11	232
Игорь Михалевич-Каплан. <i>Мой дорогой идиш</i>	278
Давид Поташников. <i>Реставрация речи</i>	323
Дмитрий Бобышев. <i>Интервью Артёму Комарову</i>	354
Зоя Полевая. <i>Киеву, на все времена.</i>	
Майя Потапова и её клуб «Экслибрис»	391
Берта Фраш. <i>Евгений Терновский. MCMLXXIV</i>	415
Игорь Михалевич-Каплан. <i>Нина Берберова</i>	578
Сергей Камышан. <i>Льюис Керролл. Полювання на Снарка</i>	595
Константин Гулисашвили. <i>Предисловие переводчика</i> (<i>Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре</i>)	606

От составителя

Этот литературный сборник включает авторов со всего мира, в разное время выбравших свободу.

Сегодня, во время русско-всемирной войны, мы гордимся тем, что эта книга выходит в воюющем Киеве, в героической Украине, которая противостоит варварской агрессии России.

Наш язык — «аллопатрический», зарубежный, *свободный язык* многих волн эмиграции, многих регионов, отложившихся от московской зомби-империи — даёт нам сегодня возможность *не молчать* на нём, ещё раз обозначить раз и навсегда свой разрыв с фантомным «русским миром», который много десятилетий, много веков несёт порабощение и смерть народам.

Именно так поступали сто лет назад те, с кого мы берём пример сегодня: Гиппиус, Бунин, Ходасевич, Набоков...

С 24 февраля 2022 г. история убыстрилась в сотни раз.

В современном мире нельзя спрятаться, нельзя притвориться, что «всё не так однозначно».

Многие замолчали в отчаянии — но те, кто могут ещё писать по-русски, должны превратить свой язык в действенное оружие, сделать его языком собственного голоса, тем языком, который остался для нас.

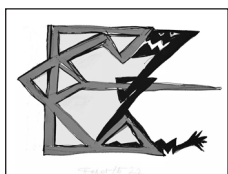
Мы, может быть — последние, кто пишет на этом, стремительно исчезающем языке.

В империи он умрёт от позора, его покроет вечная мерзлота.

Мы сохраним его в руинах Вавилона.

Смерть рашистским оккупантам!
Слава Україні!

Виктор Фет
Западная Виргиния, США
24 декабря 2022



ГОД ПОЭЗИИ 2022

ПОЭЗИЯ

Эмилия ПЕСОЧИНА

Аз воздам...

Стала ржавою жалость... От крови, пожалуй...
От могилок на вырост оглохли слова.
А возмездие Божье в пути задержалось,
Или ангел отмщенья сейчас нарасхват.
Память сильно разбухла от горя и гнева.
В ней взрывают миры, бьют по счастью бедой.
А в колодцах живая вода покраснела,
И нельзя исцелиться погибшей водой.

Воля борется против кандалной свободы,
Перерезанной радости, треснувших снов,
Напрочь выбитых мыслей и взломанных кодов,
И раздетой мечты, и замаранных слов.
Обесцвеченной радуге тешить ли зренье?
Крик простреленной музыки слуху ли люб?
Губы нежности, приговорённой к сожжению,
Что сквозь пламя прошепчут убийце-углю?

Расширяется сфера багровых коррозий.
Милосердие пало под рыки ракет.
Бёрцы ротой шагают по розовой розе,
А с крыла у зари кто-то снял турникет.
Может, выдадут гуманитарную помощь
Волонтёры небесные каждой душе?
Свет — безногому, хлеб и надежду — слепому.
Всем по капельке счастья. Да, всем вообще.

Чёрный ангел отмщенья сидит у воронки.
Белый ангел прощенья от слёз поседел.
Бог спустился и кормит живого ребёнка,
А младенцам убитым несёт по звезде.
Лбы уснувших бойцов тихо крестит елеем.
Шлёт хранителей-ангелов снежный отряд...
И бредёт по земле, человеков жалея...
Всех жалеет Господь. Вообще всех подряд.

Всем желающим в души тепла наливает.
«Мне отмщение, — молвит — и Аз всем воздам.»
Бог идёт — и живая вода оживает.
Оживает в колодцах живая вода.

Из жизни нолей

Пролагаем локтями дорогу на свет в темноте
И толкаемся в толпах последних печальных причалов,
А количество жизней равняется числам смертей —
По-другому ещё на земле никогда не случалось.
Ловко вертится в космосе аквамариновый ноль,
Остро брызжут в шампанский зенит из надира восторги,
Ярко пахнет в апреле от почек горячей весной,
Но цыплятам по осени счёт, и бесспорны итоги.

Все дороги не в Рим направляются, как ни крути,
И приходится многим уйти, не увидев Парижа.
А количество счастья легко уместится в горсти,
При наличии горя на складе от пола до крыши.
Открывается звёздный парад генеральшей-луной,
Маршируют по пыли орбит за планетой планета.
А овал голубой прожигают война за войной,
Ранят землю навывлет, и нет санитарной кареты.

Сколь ни тщишь, сколь ни жалуйся в чёрные дыры судьбы
На жестокость битья и неласковость грубого рока,
Несмотря на колдобины, всё ж не соскочишь с резьбы.
До чего дослужился-дожился, туда и дорога.
До звезды мудрецам далеко на усталых ослах,
И благие небесные вести в пути задержались.
Только шёпот любви не задушишь сиренами зла,
И пока что не вычеркнут нолик на Божьих скрижалях...

Гремящая тишина

Возьмётся тишина греметь
Лавиной заревых осколков!
Затеет в горлах переулков
Летать листвы литая медь.
Прошествоует немой оркестр,
И глухо ухнут туч литавры,
Зависнет звон на волоске
Надорванной струны гитарной.

Лишённый выдоха кларнет
Заплачет безголосой птицей,
И флейта в жёлтой вышине
Шепнёт обетом аббатисы
Хранить молчание. На ветви
Скрипичной, завитой, заветной
Уснёт несыгранная ночь,
И самой лёгкою из нош
Во длани отрешённой деки
Скользнёт невысказанный звук.

Смычки упустят человеки,
И музыка порхнёт из рук,
Как будто вырвавшийся голубь
Из пётли хитрого силка...
И музыкантов по глаголу
Отпустят с миром на века*...
Безмолвие сыграет туш
Во славу перехода душ
В неслышимые уху гаммы...
И звёзды в луже под ногами
Мигнут фонариками нот.

Но острым воем резанёт
По коже воздуха сирена.
Ракета пламенным коленом
Ударит в согнутый живот
Небесный, и земля замрёт,
Готовясь к ужасу разрывов.
И вспыхнет огненною гривой
Визжащий, диссонансный крик...
Війна... La guerre... The war... Der Krieg...
И дрогнет скорбная спина
Берёзы над горящей нивой...
И в медь ударит тишина...

* Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром (Лк. 2:29).

Максим КОРОВНИЧЕНКО

* * *

Это страшное место бездомных и брошенных кукол.
Это место, откуда весною уехало счастье.
Здесь восьмой ада круг. Данте, глянь, ужаснись — Мариуполь!
Дьявол трахал тут Смерть и она отдавалась со страстью.

По прогнозам синоптиков в марте обильны осадки —
Из ракет и из бомб, а в обед ожидаются грады.
Здесь в подвалах играют с судьбою в смертельные прятки.
«Я иду вас искать!» — прокричат снова сверху, из ада.

Море псом лижет раны и щёки больному хозяину,
Море примет те души, что уже не вмещает небо.
Авель пал, на его шее руки Каина
Жмут на горло безжалостно, зло, свирепо.

«Дима, мама погибла. Квартира сгорела». И карта.
Остров страшных сокровищ. Могилы в дворах, словно клады.
Мариуполь. Европа. Какое-то страшное марта.
Невиновные тени так молят в подвалах: Не надо...

* * *

Мы когда-то все эти моменты запишем в учебники
И уже никому не дадим ковыряться в истории,
Как пришли к нам с холодного севера злые волшебники
Превратить нашу землю в ненужную всем территорию.

Только нашу историю снимем по нашим сценариям —
Со своими героями, драмой, финалом и титрами,
Чтобы вера, надежда, любовь вдруг не стали гербарием,
А участники этих событий не стали арбитрами.

И мы снимем большое кино про сражение с диктатором,
Растекалася ярость с любовью по венам и порам.
Мы позволим быть Совести в нашем кино оператором,
Мы поручим стать Времени в нашем кино режиссёром.

Снимем мы про цыган, угонявших российские танки;
Как мужик с сигаретой в зубах на руках тащит мину;
Как бабуля с окна сбила дрон метким «выстрелом» банки;
Как задорно послали российский корабль грузины.

Чтоб не стёрла с годами из памяти вдруг амнезия,
Чтоб знание это навеки вросло в наш геном,
Снимем мы про разбитую нашу красавицу «Мрію»
И про наш мариупольский зверски убитый роддом.

Есть у каждого рода герои свои и нахлебники,
Всё идёт по спирали, по чёткой своей траектории.
Мы когда-то все эти моменты запишем в учебники
И уже никому не дадим ковыряться в истории.

* * *

Кованым сапогом от Юдашкина
Топтать ковра моего чернозём.
Такова, видно, доля рашкина —
Самой себе быть врагом.

Ханыгою быть, пропоицей,
Травиться задорно палёнкою.
И в пьяном хмелю расстроиться:
Прорвалось опять, где тонкое.

Прорвалось плевою девичьей —
Окúpится курсом рыночным.
И губим своих царевичей
В сражении с Змеем Горынычем.

Тела выдаются новые,
Да старые стонут души.
И гимны звучат михалковые
Всё тише, всё дальше, всё глуше.

А люди простые рады,
Они распрямляют спины —
Сжигают их грозные «грады»
Вовсю мою Украину —

Мой дом, урожай, друзей моих,
Без жалости и не меряя.
Зачем тебе столько таких живых?
Ведь ты же мертва, империя!

В твоих подвалах полно костей,
Обглоданных вбелую временем.
Ложись, некрасивая, в свой мавзолей,
В обнимку с холодным Лениным.

Кажись, опять ты навеселе,
Вся блещешь бравадой-гонором.
Мы кровь отдаём не тебе — земле,
Твоим мы не будем донором.

Мы станем твоим похмелием —
Доешь уж себя, болезная.
Ложись в чернозём, империя,
И царство тебе небесное.

* * *

Вгрызаются сутками мысли, как свёрла,
Где-то в районе надбровья:
Впиваться зубами врагу в его горло
С любовью.

И с яблочка шкурка скользит по ножу,
Потом потереть с морковью,
Сметаной полить и подать малышу
С любовью.

С колонной врага возжелать жарких встреч,
И, поступь услышав слоновью,
Коктейлями танки безжалостно жечь
С любовью.

Завешены окна — как в склепе точь-в-точь.
Поставить свечу в изголовье.
И долго молиться про тихую ночь
С любовью.

А врач из кусочков нас, целых, сшивал:
— Спасибо вам, док. — На здоровье.
Плевать, что без ног, мы поедem на бал
С любовью.

Придёт похоронка и сухо собой
Окрестит твою долю вдовью.
Ты деткам расскажешь, что папа — герой
С любовью.

Я эту войну никогда не прощу,
Смешалась ненависть с кровью.
Мы «сотку» победную выпьем к борщу
С любовью!

* * *

Когда кончится мир, мы должны оставаться целыми.
Наша хата везде, а не только, как думали, с краю.
Повзрослели за месяц и стали седыми Акелами —
Промахнуться нестрашно: с тобою всегда твоя стая.

Когда кончится мир, мы должны оставаться чистыми —
Головою, душою, руками, ртом, интонацией.
Если кто-то так сильно уж хочет нас видеть нацистами,
Значит, каждый из нас должен стать этой самой Нацией.

Вьётся дым над скелетами зданий прозрачною ниточкой,
Голубую громадину неба собою вспоров.
Когда кончится мир, мы уйдём из него на цыпочках,
Не тревожа покой умерщвлённых огнём городов.

Коль в грядущем — беда, память греется днями минувшими,
Зажимая мгновения радости тихо в горсти.
Когда кончится мир, мы оставим его отдохнувшими:
Извини нас, Господь, — допиши на скрижаль «Отомсти».

* * *

Мы актёры в живом сериале.
Мы герои для вас? Не против.
Все кричали, что мы из стали,
Но забыли, что мы из плоти.

Нам сейчас и язык, и мова
Пригодятся — ау, земляне!
Кто-то слышит парней с «Азова»?
Заберите всех тех, кто ранен!

Да, у нас не клыки, а бивни.
Наша крепость сейчас — темница.
Нам ещё бы дожждаться ливня,
Чтоб воды просто всласть напиться.

В эту землю пустили корни,
Мы срослись с этим злым металлом.
Нам весна эта стала чёрной
И зияет пустым оскалом.

Мы стоим, но мы ждём подмогу.
Не сочтите наш крик за прихоть.
Напишите на вайбер Богу:
Вдруг он знает отсюда выход?

Разлагаются наши братья,
Дожидаясь нас в мире лучшем.
Зажимаем в кулак распятыё,
Отправляя в полёт их души.

Мы не пустим в свой дом заразу,
Мы когда-то вам дали слово.
Мы остались верны приказу,
Мы останемся ввек «Азовом».

Мы живые, но мы устали.
Мы надеемся, вы идёте.
Все кричали, что мы из стали,
Но забыли, что мы из плоти.

Лия ЧЕРНЯКОВА

* * *

Поэты погибают на войне...
(Самоцитата, моё первое стихотворение)

Моя беда, моя вина,
Хоть грош вине цена.
Кто скажет: Не твоя война?
Моя, моя война.
Она на небе и в воде,
И в хлебе и в вине.
И каждый день, и каждый день
Я гибну на войне.
Об этом вслух не говорят,
Такие, брат, дела,
Влетевший в станцию снаряд
Меня спалил дотла,
А тот попал, когда еду
Варила на костре,
А вот, избитую, ведут
В пролесок на расстрел,
Вот в окровавленном аду
Железа, тел, костей
Без света, без воды, не жду
Хороших новостей.
Ещё мы помолчим с тобой —
Об этом ведь не врут —
Как по утру фантомна боль
Здоровых ног и рук.

Внутри осколки — как фугас,
 Взрываются слова.
 Я умираю каждый раз
 За то, что я жива,
 Что вас от бомб не заслонить,
 Ракет не отвести,
 Что никого не сохранить,
 Не спрятать, не спасти.
 А завтра снова на ветру —
 За тысячу неправд —
 С тобой, мой самый лучший друг,
 С тобой, мой злейший враг,
 С тобой, геройская страна
 И скотская страна...
 Но вдруг, как только я умру,
 Закончится война,
 Так будет литься тишина
 По выжженной земле,
 Что захмелеют без вина
 Все те, кто уцелел,
 И счастье по усам стечёт
 До самых до корней.
 И будет выдан смерти счёт,
 И всем кто иже с ней —
 Найдёт «награда» подлеца,
 Палач не убежит...
 Эх, как до этого конца
 Хотелось бы дожить.

Молитва о поэте

Ире и Паше

Поэт уходит на войну,
Он записался в ополчение.
Не спрашивай его: зачем — не
Береги свою вину.
Ты будешь ждать его, пока
Он там бредёт в пространстве скользком.
Из ранца выпала строка
И разлетелась на осколки.
Лежит раскрытою тетрадь,
Остывший чай, не тронут завтрак.
Поэт уходит защищать
Твоё надломленное завтра.
И я шепчу: Держись, поэт,
Пусть этой страшною порою
Мой без вести пропавший дед^{*}
Тебя под Киевом прикроет.

Военная тайна

Надо уважать свою стаю
И хранить военную тайну,
Страшную военную тайну,
Мерзкую военную тайну.

^{*} Мой дед, Соломон Черняков, ушёл добровольцем и пропал без вести под Киевом, в ополчении в 1941-м.

Хлопья света падают с яблонь,
 Тайное становится явным,
 Это не со мною, не я, блин,
 А оно становится явным,
 А оно становится мною.
 Я татуирован войною,
 Этою подкожной весною,
 Этой неотложной страною.
 Говорят, мол, есть чем гордиться.
 Говорят, что кровь не водица,
 Если враг — твердят — не сдаётся...
 А она всё льётся и льётся.
 — К празднику возьмём этот город...
 Вот уже подходит под горло.
 — Их смешно упорство и глупо...
 Крови в трюмах по Мариуполь,
 По Ирпень, Гостомель и Бучу,
 И всё солонее, всё гуще
 По шоссе течёт и просёлкам.
 Кровью затопило отсеки.
 Мама, не звони понапрасну,
 Здесь моё солдатское счастье —
 Захлебнуться кровью невинной
 И паскудной тайной военной.
 Господи, спаси мою душу...
 Господи подносит мне чашу,
 И глядит светло и сурово.
 А она наполнена кровью.

* * *

*Господи, как хорошо было мне в этом городе...
Эли Бар-Ялом*

*Какие разные у нас с тобой воспоминания о Москве...
может быть, дело в том, что время моё ушло, и сменился век?..
Юдит Могилев*

*Никогда не любила Москву — да, увя мне и ах...
Ариэла Марина Меламед*

До чего ж мне было в городе хорошо.
То журчал он ручьями, то лънул как китайский шёлк.
Только лопнула вдруг струна, разошёлся шов
По живому.
И когда прошёл, рассеялся, первый шок,
И в стакане выдохлась водка — на посошок —
Я нырнул в глаза, заглянул ему под капюшон,
В тихий омут.
Я увидел, как этот город накрыла мгла —
Где порхали души раньше, бредут тела,
Как молчат его колокола, ибо знают: беда пришла —
Звонари оглохли.
И с какой стороны свечу его не оплавь
А в ответ — хоть амэн, хоть осанна, хоть иншалла —
Всё такая же исполать, чтоб другим городам пылать,
Чтоб все сдохли.
Как же раньше не замечал я этого шва?
Как же раньше не понимал я, что дело швах?
Из-под сгнивших ниток лезет всякая шваль,
Рвёт гармошку.

Здесь любой дурак величает себя Иван,
А чуть что не так — в руках его булава —
Знаешь, это очень весело — убивать
Понарошку.
Этот город был вечен, был выучен назубок,
В каждом встречном мне улыбался — я верил — бог,
Нынче зов его млечный внутри, как зубная боль,
Затухает.
Значит время прощаться, пора не смотреть назад
Уношу в себе город-счастье, мой город-ад.
Облетевшим листом на брусчатке письмо без дат
Под стихами.

Предсказание

Когда вытащат меч из седых пророчеств,
Когда ярмарку закатят Сорочинцы,
Когда орочий превратится в сорочий,
Короче,
Когда сад зацветёт, ручей защебечет,
Захлебнётся ночь соловьиной речью,
Руки стали крепче, лягут на плечи
При встрече,
Когда залюбится народ в кофейнях,
А на площади в танце сойдутся феи
И распишут голуби танк трофейный
По фене,
Когда броники запылятся в прихожих,
Когда стянутся раны в узор под кожей,
Когда станет на прежнюю жизнь похожа...
Этот ужас и стыд
Забывать никогда не сможем.

* * *

Как по щучьему хотенью,
Будто приквел к Вонг Кар-Ваю,
Станет нашей вечной тенью
Всё, что нас не убивает,
Точно сбитою ракетой,
Промахнувшимся снарядом...
На потресканном паркете
Верным псом свернётся рядом.
Сядем смиренно у камина —
В рюмке чай, в глазах усталость —
Пуля пролетела мимо,
Но дыра внутри осталась —
Не взорвавшаяся миной,
Не сложившейся игрою...
Мы с тобой, два грустных мима,
Спим и видим, как накроет,
Когда в зале свет потушат,
Люд, как снег повалит валом,
И придёт по наши души
Всё, что нас не убивало.

Ирина ЕВСА

— ДЕТИ РАХИЛИ —

Снег

— словно шорох помех,
помнишь, в старой спидоле,
это, кажется, снег?
— Не снаружи, а в доме
звук. Не спорь, помолчи.
Это бабушка Галя
ищет капли в ночи,
света не зажигая.
Или дед (слышишь треск
дров?), хлебнувший из фляги,
сел у печки, нетрезв,
и сжигает бумаги.
Или отчим, размах
чуя распри возможной,
собирает впотьмах
чемоданчик тревожный.
— Но их нет. — Они есть.
— Где? В убежищах тайных?
Что им прятаться здесь,
если приняли т а м их?
Сна — как не было. Чай
заварить? Снег — на прутьях,
проводах... — Не включай
свет, не вздумай спугнуть их.

— Это снег, посмотри,
снег шуршит. — Говорю же,
помолчи. Звук — внутри.
Звук — внутри, не снаружи.

Памяти полуострова

Дом открыли, флигель. Шорохи тростника
запахнули в глечик. Кофе, спеша, смололи.
Даровали слизню имя — Три Толстяка,
пауку — Самсон, пятнистой лягушке — Молли.

Навестили пляж. Базар обозрели, где
разведённый спирт назвали татарской чачей,
черенком листа — червя в дождевой воде,
продавца чурчхелы — дерзким вождём апачей.

Дополняя смыслом, но не лишая прав,
всяку тварь живую мы воплотили в паре
с новоязом пришлых, сущее переврав.
И уснули, рухнув. Господи, как мы спали!

Ничего не слыша. Навзничь, потом ничком.
Сны овечьей шкурой пахли и молоком,
по краям холмов цикорием голубели.
Дул левант. Клешнями крабы скребли по дну.
Мы проспали голод, смуту, позор, войну,
наводнение в Ялте, засуху в Коктебеле,

передел пространства, времени торжество
над селом сиротским, что по ущелью вьётся.
И проснулись там, где не было ничего.
И забыли напрочь, как «ничего» зовётся.

* * *

У каждого есть бесценная чепуха,
которую он хранит:
обрывок бечёвки, фантик, фрагмент стиха,
таинственный эбонит,
счастливый билетик, связка ключей от той
квартиры — окном на юг —
куда ты — без лифта — с первого на шестой,
и дверь открывалась вдруг.

В бедламе отъезда этот священный хлам
(а стоит ли он возни?),
сбивая предметы, ищешь по всем углам:
да где ж она, чёрт возьми,
монетка вон та — вершина его даров —
цидулка из никогда?
Тебе подмигнул бы пристальный Гончаров:
залог любви, ну да.

И там, где толпа клубится у врат, боясь,
что не заберут в теплынь
краёв, где в озёрах спит краснопёрый язь,
скользит золотистый линь,
тревожишься об одном, подходя к черте:
позволят ли пронести
тот синий стеклянный шарик, что в суете
успел ты зажать в горсти.

* * *

Ты разбуди меня, но не здесь, не здесь.
Не заслоняй мне свет, как дурная весть,
словом «война», его нарративом чёрным.
Я доверяю только цветам и пчёлам.

Я не в ответе за мировую гниль.
«Где мои дети?» — снова кричит Рахиль.
В левом крыле, за лифтом, её палата.
Кто эти люди в белом — врачи, враги ль?
Вот мои дети: донник, ромашка, мята.

Кровь со щеки успела ещё стереть
правой рукой. Сказали: осталась треть.
В хитром сплетенье длинных шнуров и трубок —
не подходи, не смей на меня смотреть! —
жалкий скулит обрубок.

Там разбуди, где воздух с утра стеклит
узкие окна меж розоватых плит.
Вот я сижу на ветке ольхи, болтая
тем, чего нет, и тем, чего нет, машу
тем, кого нет. Шмели расшивают шум,
сталкиваясь бортами.

* * *

Евгении Моргулян

По ржавому пальнув, пустому баку:
отстой, мол, и фигня,
он, выбив дверь, убил мою собаку.
Потом убил меня.

И не было ни ужаса, ни боли —
негромких два хлопка.
Мы встали и пошли, минуя поле,
направо, где река.

Но лапу приволакивала псина,
и боком по стерне
теперь не впереди она трусила,
а тычась в ногу мне,

в любой момент готовая включиться,
и даже огрести
за дурочку, с пробойной в ключице
и слабостью в кости.

Река, вписавшись в местную природу,
слегка смиряла прыть.
Я знала, что собака эту воду
не сможет переплыть.

А та в оцепенении глубоком,
поджав худой живот,
косила на меня печальным оком:
«А вдруг, не доплывёт?»

Две беженки, чей срок на «или — или»
бессмысленно истёк,
мы с ней переглянулись и поплыли,
по грудь войдя в поток.

И словно безразличная, чужая
речь вне добра зла,
река впустила нас, не отражая
в себе, и понесла.

* * *

— Ладно, Ты отобрал море, клочок земли
в пять с половиной соток,
лунные ковыли, сад в дождевой пыли,
лета горячий свёрток,
дружный галдёж гостей с ворохом новостей,
беглого муравья.
Но зачем Ты убил детей?
Слышу в ответ: «Не Я».

— Ладно, взамен тюрьмы Ты мне вручил суму,
выбравив троекратно.
Разум моих друзей Ты погрузил во тьму
и не вернул обратно.
Кореш меня учил: Бог — справедливый чел,
а не галлон вранья.
Но детей Ты убил зачем?
Слышу в ответ: «Не Я».

— Ладно, меня Ты спас. Чтоб не рванула вспять,
окна обрушил в доме.
Дал сухарей в запас. И, бормоча «не спать»,
выплюнул на кордоне —
мол, на Luisenplatz в тёплом чужом пальто
выживешь, корм клюя.
Но детей ты убил за что?
Слышу в ответ: «Не Я».

Вот я плыву пятном в пёстрых Твоих рядах
в ночь, где всего дороже
крыша над головой: по-украински — дах
и по-немецки — тоже.
Кирхи зелёный шпиль над городской стеной.
Огненный сухоцвет.
— Господи, это впрямь Ты говоришь со мной?
И ничего в ответ.

Оксана КАРТЕЛЬЯН

В бомбоубежище

Загляни в глаза войне,
Страшно? То-то. Вот и мне...
Стерва шуруется хитро:
«Ты рожать пойдёшь в метро,
И при всех орать про мать —
Негде в Харькове рожать.
Все роддомы под замком —
Бомбы падают рядком...
Бах-ба-бах — чего орёшь?
Сын ведь! Сын! Ядрёна вошь!
Ишь бутуз — башка лыса,
И зелёные глаза!»
Рядом примостилась дочь...
Пережить бы эту ночь,
Выйти из метро в весну
И навек проклясть войну!

Диктант

Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам...

Владимир Высоцкий

— Рты подъездов, уши арок и глаза оконных рам, —
Написала без помарок, ты диктуешь классно, мам!
Почему у арок уши, для чего у рам глаза?
— Не болтай, а лучше слушай, будь прилежней, егоза...

Не расскажешь этой крохе, как глаза оконных рам
Наблюдают все подвохи непростых семейных драм.
Что большие арок уши слышат шёпот, ловят крик
(В эти уши бы беруши — только кто бы их воздвиг?)

В курсе лестничная клетка, лифт-шпион, подъезд-дебил...
Ты одна не знаешь, детка, как твой папа уходил.
Мы расстались без эксцессов... Только сердце — пополам.
Я диктую: «Рты подъездов... И глаза оконных рам»...

Трусость на двоих

Стихи не пишутся, земля не крутится.
Раздрай на улице, в душе распутица.
Кричу я зеркалу: «Не вздумай плакать ты!»
Мы нынче с осенью в режиме слякоти.
Не всходит в сырости надежда-зёрнышко,
Но снова струсим мы окликнуть солнышко.
А вдруг с ожогами опять останемся?
Не проще ль серости привычно кланяться?
Слеза солёная, цвета контрастные:
Тоска зелёная, рябина красная...

Папаля

В детстве папа, помню я,
Часто пел про тополя:
«Тополя, тополя, солнцем коронованы».
Важно подпевала я:
«Папаля да папаля»,
Ощущая себя под отцовской кроною.
С той поры я всей роднѣй
Величалась Папалѣй
И росла, как тополя — тонкой, неиспорченной.
А потом отец ушѣл,
Молча так, нехорошо,
И осталась Папаля просто безотцовщиной.

И в моей семье разлад —
Родила двух папалят:
«Тополя, тополя, мы растѣм и старимся».
Поднимала, как могла,
От печалей берегла...
Не грустите, тополя, и без папы справимся!

Болит

Не скрыться от боли, горячей и горькой —
Во мне Украина болит нестерпимо.
Не плачет она — научилась быть стойкой —
Поскольку под Богом, поскольку любима.

Не будет ни в сердце, ни в мыслях — «как прежде»,
А только разлом, безнадега, руины.
И рушится всё: и дома, и надежды:
Болит Украина, горит Украина...

Теряет сынов, нецелованных хлопцев,
Которым влюбляться б в девчат, да жениться...
Теряет внучат — малышей и подростков,
Под бомбами гинущих маленьких принцев.

Теряет героев, стальных, непреклонных,
Которые бьются за Родину стойко.
По всей Украине проклятья и стоны —
Ну сколько терять ещё, Господи, сколько?!

На солнце твоём, словно тля — «вороженьки».
Но гинут, проклятые, гинут и сгинут!
Держись, дорогая, крепись, рідна нэнька,
Ты всё одолеешь, поскольку любима.

Моя

Україно,

Кохана...

Єдина...

Вера ПАВЛОВА

* * *

Вы — ура-патриоты,
я — увы-патриот.
Что оставила? Ноты —
шкаф зачитанных нот, —
пианино, могилы,
маму, книги, дела.
Сердце? — Нет, прихватила.
Душу? — Нет, увезла.

* * *

Международный язык —
младенческий лепет.
Спит у груди призывник
Голгофы. Колеблет
воздух взрывная волна.
Противник не выбит.
Путь отрезает война
для бегства в Египет.

* * *

апофеоз войны
сажи золы бурьяна
все до одной черны
клавиши фортепьяно
будем играть на нём
размазывая копоть
под проливным огнём
в чьей-то крови по локоть

* * *

Петь перестал? Писать перестал?
Новости колюще-режущи?
Просто представь, что концертный зал —
это бомбоубежище,
с передовой не звонит жених,
нет писем от сына-беженца.
Плачущим пой. Пиши о них.
И, может быть, ты утетишься.

* * *

Стала душа могилой,
кровавым кошмаром явь.
Молю тебя, шестикрылый, —
двуглавого обезглавь.
На волоске над бездной
всё, что люблю, чем живу.
Архистратиг небесный,
помоги ВСУ.

* * *

а дети пойдут в школу
если у них есть ноги
а дети сядут за парту
если она не сгорела
а дети откроют тетради
если у них есть руки
и будут писать сочиненье
«Як я провів літо»

* * *

Вестницы-разлучницы,
в сумке почтальонской
встретились попутчицы —
повестка с похоронкой.
Иванова, Петрова, Сидорова,
Смирнова, Кузнецова,
забирай убитого,
собирай живого.

* * *

Единственный твой сынок,
защитник, помощник, друг,
с вокзала придёт без ног,
обнимет тебя без рук,
наполнит стакан без дна,
без глаз оглядит подвал
и скажет: была война,
и я её проиграл.

* * *

«Детский мир» на Лубянке.
Автоматы и танки.
Пушки и пистолеты.
Шлемы. Бронежилеты.
Униформа в избытке.
Предусмотрены скидки
на щиты и дубинки
для сирот из глубинки.

* * *

Опознан муравьями,
цикадами отпет,
лежит в кровавой яме,
убит во цвете лет.
Жук-падальщик приник
к отверстию над ухом
и любопытно мухам —
контрактник, призывник?

* * *

Густая прохлада оврага.
Лягушек и горлиц погудки.
В цвета украинского флага
окрашены незабудки.
Застыв, на прищельцев косится
и с места срывается белка.
Минутное дело — забыться.
Забывать — не хватит и века.

* * *

От грохота, скрежета, лязга
сжимается матка.
Качает пустую коляску.
Це хлопчик? Дівчатко.
Поёт колыбельную дочке.
Печаль непроглядна.
Война. Молока на сорочке
расплывающиеся пятна.

* * *

Кто в подвале зачах?
Кто под землю несёт
девочку на сносках,
раненую в живот?
Кто при свете свечи
жизнью должен истечь?
Всё, стишок, замолчи.
Тут кончается речь.

* * *

Сердце, слезами залей
пламя пасхальной свечи.
Кровью убитых детей
Враг окропил куличи.
Ангелы сбиты с пути.
В колокол бьёт ПВО.
Ныне Воскресший, прости:
для радости сердце мертво.

* * *

гранатомёты пушки
буча гостомель ирпень
старенькой легковушки
движущаяся мишень
сказочное спасенье
под перекрёстным огнём
дети на заднем сиденье
бабушка за рулём

* * *

Ну и что вы тут устроили,
ироды, детоубийцы?
Из учебника истории
вырву чёрные страницы
и пойду на рисование,
пенье, труд и физкультуру.
Взрыв. Прямое попадание.
Кира. Саша. Лиза. Юра.

* * *

На горку тащат санки
Алиса и Тарас.
— Тарас, ты видел танки?
— Конечно, тыщу раз.
Облизывает губы —
спросить или нельзя?
— Тарас, ты видел трупы?
Нет. Мама надвинула мне шапку на глаза.

* * *

Листья — жёлтые, небо — синее:
осень за Украину.
А в России бельишко зимнее
мать покупает сыну.
Берцы — не разрешили валенки.
Шапку. Шарф. Рукавицы.
Обнимает: прощай, мой маленький,
будь хорошим убийцей.

* * *

Не говори: я стреляю мимо.
Пуля не дура — летит до конца.
Выстрелишь в небо — убьёшь херувима.
Выстрелишь в землю — убьёшь мертвеца.
Птицу. Крота. Стрекозу. Полёвку.
Пуля не дура — найдёт себе цель.
Не слушай комбата — бросай винтовку.
Послушайся маму — забейся в щель.

* * *

Допускать правоту Пилата,
понимать и прощать Иуду
не просите меня, не надо, —
не хочу, не могу, не буду,
потому что слова-пароли,
потому что отзывы-рифмы
толерантны до первой крови,
до последней непримиримы.

Марина ГЕНЧИКМАХЕР

— ВОЕННЫЕ СТИХИ—

Канун

Огни гася, гоня тревоги прочь,
На город снова опустилась ночь,
И небо распустило звёздный полог;
В сердцах пророков царственный покой,
Им можно до утра махнуть рукой
На путь, который сумрачен и долог.

От Господа покуда нет вестей.
Лот застилает ложе для гостей,
Жена гремит посудой на кухне;
Всё — как всегда, как было сотню лет;
Над крышами луна, а в окнах — свет,
Но сон придёт, и этот свет потухнет.

Чужая боль во мраке не видна;
Всё в мире поглощает тишина;
Пусть веселятся в кабаке кокотки;
Пусть пьяницы пьяней, чем старый Ной,
Ночь заливает вязкой тишиной
И шум гуляк, и дерзкий смех красотки.

Лот медленно выходит на порог;
И на его глазах бессмертный Бог
Преображает мир сияньем млечным;
Из комнаты его зовёт жена;
И вновь над миром та же тишина,
И кажется, что это будет вечно...

Дактиль

Мне было 30. Я покидала мой город —
Город, прекрасный, как стены дворца Растрелли.
Стрелки часов моей жизни сошлись на полдне;
Утро моё осталось бродить по скверам,
Глядя, как кроны каштанов пятнает охра,
Клёны меняют зелёный наряд на алый,
А на скамейках мечтательные принцессы
Мирно читают легенды о злых драконах,
Или о нежной лебеди и трёх братьях.
Как это было давно!

Мне каждый вечер шлют эсэмэски из сказки,
Сказки, где кажется — снег остро пахнет серой,
Сказки, где почва колеблется под ногами
Нежной принцессы.

В сердце несчастной тревога сменилась страхом,
Тщетно бедняга ждёт помощи Ланселота;
Наш Ланселот слишком стар; он давно не рыцарь;
Он суетится, пытается договориться,
Провозглашает, что «мстя» его будет страшной...
Вряд ли дракон испугается погремушки.

Всё остальное — привычно, как в пьесах Шварца:
Кто-то сочувствует, кто-то уже рыдает;
Бургеры жаждут огонь из зловонной пасти
Хоть по чуть-чуть приспособить к своим конфоркам;
А бургомистры твердят: тварь ломает зубы,
Если сожрёт слишком много принцесс и принцев.

Всё, как обычно, но я до сих пор не верю:
Мирные скверы, в которых поныне — утро —
И кровожадное зло из ожившей сказки.

Демоны

А демоны смерти опять поднимают трубы,
И вновь этот рёв, этот грохот и лязг орудий,
Кликушество прессы и шквал новостей в ютубе:
Пока только песня, но скоро погибнут люди.

Как странно и страшно глядеть на людскую массу,
Тревожно гудящую, будто пчелиный улей!
Любой человек — это просто живое мясо,
Которое станет мёртвым, столкнувшись с пулей.

Кровинка твоя, твоё счастье, твой нежный мальчик
Лишь матери дорог... Война, тут никто не дорог;
Всегда находилось в мире довольно прачек,
Смывающих кровь с продырявленных гимнастёрок.

А древнее зло, пробудившись, зовёт на битву:
Косматая ненависть, ярость медведя гризли.
И ты перед ним беспомощен, как молитва
О смерти того, кто весь ад этот к жизни вызвал.

* * *

Кто завтра будет лаврами увит?
О ком сегодня жены голосили?
Мой Киев, будто в древности Давид,
Сражается с безумием России.

В нём умирают, поминая мать,
Спасая близких в дымной круговерти...
И я, прости, Господь, желаю смерти
Пришедшим гордый дух его сломать.

Они пришли не по своей земле;
Им восемнадцать или девятнадцать,
Но КГБ-ист, пирующий в кремле,
Из россиян их превращает в наци.

Ему по сердцу орудийный гром,
Ему по нраву танки и мортиры...
За что мой дед был ранен под Днепром?
Чтобы кровавый молох правил миром?

Бабий Яр

Ракета угодила в Бабий Яр.
И телебашня,
Как евреи, — в яму,
Погибшие давно
Не имут сраму.
Их не страшит воинственный угар.

Спец-операция или война?
Кровь — не страшна.
Куда страшнее слово,
А то, что люди гибнут...
Что ж такого?
Не убежали, значит, — их вина.

Никто не скажет нелюдям:
«Не смей!»
Попали не в ребёнка —
В телебашню.
А дети — по подвалам.
Детям — страшно.
Им всё равно, как называют смерть.

Петиция в НАТО

Пусть это звучит нелепо,
И без стихотворных затей:
Закройте, пожалуйста, небо!
Спасите невинных детей!

С прозрачной его лазури
Потоком несётся смерть!
Ракеты страшнее, чем пули,
Кровава закатная медь.

Сегодня небес боятся:
Где спрятаться, где залечь?
Что толку от ваших санкций?
По небу несётся смерч!

Вам некуда будет драпать.
Вас вряд ли спасёт Потсдам,
Когда этот атомный лапоть
По вашим пойдёт городам!

Уйдёт Украина в небыль —
И ваш свод небес затрещит:
Закройте, пожалуйста, небо!
Спасите ваш собственный щит!

* * *

Остаётся стоять. Не колеблясь, стоять до конца,
Пусть друзьям надоели военные мрачные сводки,
И Макрон запекает, что правда — всегда посередке,
Что на морде драконьей мерцают остатки лица.

Но по-прежнему взрывы детей превращают в калек,
Невозможно спасти обречённых напуганных женщин,
А дракон наблюдает над ними с улыбкой зловещей,
И уже нереально поверить, что он — человек.

Да, война — это смерть. И ужасно ее пиршество,
Но покуда кровавая тварь не оставила трона,
Украина собой закрывает от смерти Макрона.
Не внимая речам, но от смерти спасая его.

Джону Маверику

— Ты ангел, Кевин. Мы, ангелы, обречены смотреть на
человеческие страдания, но ничем не можем помочь.
— Отруби мои бессильные крылья, я хочу уйти...

Джон Маверик

Мир охвачен бедой. Орды орков громят города.
Кровь пятнает асфальт и бетон рассыпается пылью.
Ангел мой, не умри! Не истай в синеве навсегда!
Не сложи, не отринь белоснежно-бессильные крылья!

Мир — как надвое треснул, и кровью сочится разлом.
Опустевшее место не будет ни пусто, ни свято!
Нужно верить: добро победит в этой схватке со злом,
А иначе зачем и за что погибают солдаты?

Ты не сможешь помочь... Но когда ты, истаяв, уйдёшь,
Растворится и призрак надежды на честное завтра.
Всю планету затопит нахальная вязкая ложь,
Та что нынче зовёт себя светом, зовёт себя правдой.

Кто погибших проводит в их скорбный заоблачный путь?
Кто живое тепло сбережёт от орды святотатцев?
Жизнь во лжи или смерть? До неё, до зловещей — чуть-чуть...
Люди выбрали смерть. Не тебе, легкокрылый, сдаваться!

* * *

Господь безмерно мудр. Дела его просты.
Развеян мрак ночной и наступает утро.
И что тебе мудрить? Вселенная — и ты...
Но ты — не тот мудрец, что поступает мудро.

Ты смотришь на цветы, как на ненужный фон,
Тебе не по душе апрельская прохлада,
Вся жизнь твоя теперь — замолкший телефон,
Где чьи-то голоса и отзвук канонады.

Чужой тоскливый вопль твой раздирает рот,
Чужая боль саднит, а взрывы застыт солнце...
Хоть, может, этот ад тебя и не коснётся,
И дом твой — далеко, и морок обойдётся.

Но как не для тебя гуденье дружных пчёл,
Ковёр роскошных трав божественно красивый,
Ты смотришь на цветы, но думаешь про взрывы,
Про горе, что Господь в творенье не учёл.

Тебе не изменить течения бытия,
Тебе не заслонить растерзанное небо.
А день твой, отблестав, уходит молча в небыль,
Куда уйдёт и жизнь ненужная твоя...

* * *

*Моим киевским подругам:
Оленьке Здир, Рокси Крутовой
и харьковчанке Любе Девяткиной*

Роксана — живая. И Оля — тьфу-тьфу, — живая.
А Люба не пишет... И снова бомбили Харьков.
Ракеты и бомбы их медленно убивают.
А я лишь читаю посты, проставляя лайки.

Война — уже месяц. Война превратились в будни.
Статистика деток погибших и снова — взрывы.
И всё, словно прежде, но где-то внутри, подспудно:
Что Люба не пишет, а Оля и Рокси — живы.

У их аватарок — кружочки зелёных точек,
На Киев опять наступают не люди — звери,
И мне не хватает слов для бессильных строчек,
Я просто пишу в имейлах: люблю и верю...

Пейзажное

Как ни мала, как ни кругла земля, —
(На самолёте пролетаешь страны) —
А далеки отсюда тополя
И киевские пышные каштаны.

У нас светло, а там — глухая ночь,
Лишь призраки с ужасною личиной
Скользят вдоль окон. И нельзя помочь:
Мрак поглощает слабый свет лучины.

Усталость давит гробовой доской,
Осколки звёзд дрожат в небесном сите,
И невозможно совладать с тоской:
Вий ожил и глаза его открыты.

Но как бы ни был Вий ночной силён,
Рассвет развеет грозный призрак Вия,
И солнце вновь взойдёт на небосклон
И потечёт по куполам Софии.

Владислав ЛОЗА

* * *

шеллинг тютчеву возле сильпо говорит,
что не то уж природа, что он себе мнит.
но позвольте, язык вам не плесень.
он прекрасен, и лёгок, и весел.

почему достоевский существовал?
я бы плесень на зеркале век не смывал.
как бы мне в нём себя не увидеть,
под ракетой выйти и выпить.

да, всё так, отвечаю, салфеткою
обтираясь, ужалясь нимфеткою,
слыша шуберта эти глухоты
над Днепром, над плесканьем голгофы.
10 августа 2022

Одни из последних стихов

1

между эль греко и фуко
я б линию провёл легко:
вот натяженье наготы
стеклянные саднит черты,
и взгляд мерцающий Христа

направлен как бы вне холста
сквозь складки, формы и цвета
туда, где жизнь — лишь нагота
под сводом шепчущих небес:
ты — эта складка, этот срез.
нагие вы, нагие мы:
где нет холста, там нет тюрьмы.

2

и останется под небом: глуповатый,
эффективный, добрый, в прошлом хамоватый,
полированный, слегка преодолённый,
а не так как ты: почти испепелённый.

ему отдан мир, и он распорядился,
чтобы сад отличный в мире получился:
только призраками кронверкского сада
населять сей обновлённый сад не надо.

я, последний из классических поэтов,
призываю обойтись без сих куплетов,
ведь история стремится к оголению,
к саду спящему, последнему молению.

для игры оставьте ямбы, только ямбы:
буду бегать, их закапывая в ямки,
удивлённый, заторможенный ребёнок,
это в прошлом ослеплённый ваш потомок.

1 июня 2022

Ressentiment

*И злость, и скорбь моя кипит,
И трость моя в чужой гранит
Неумолкаемо стучит.*

В. Ходасевич

1

век мой гадкий, ты прорезей прошлых
не потерпишь в сиянии дня.
я один в наплываниях пошлых,
расторопно ключами звеня.

но какая-то высшая пошлость
в этом звоне и в этом нытье.
я надеюсь, что это оплошность
и что все мы погрязли в ничье.

пересохла герань гераклита
под назойливый ангельский вой:
раз ничто никогда не забыто,
я последний пойду на убой.

на допросе спокойно отвечу,
что, мол, это не власть и не рок,
а лишь некое место для встречи,
и что я, мол, усвоил урок.

но назначено будет лечение:
лампа лязгнет напротив лица,
и палату зальёт излученье.
я в нём стану захлёбываться.

кто-то должен отпеть надрывавших
сдуру глотки, сердца и мозги.
а потом будет марш пострадавших,
за которым не видно ни зги.

2

освобождённое оно
поглядывает мне в окно
мне мелкое мученье
ему лишь развлечение
забыло плеть, забыло честь
и думает что можно есть
свой бургер прямо у окна
а ночь темна

но в скуке есть своя тоска,
во взгляде сила лепестка,
в присутствии господство.

а в стенах есть сиротство,
последней праздности исход,
и смотрит отрешённо кот
на этот взгляд, и в нём плывёт,
как некий плот.

3

блажен, кто посетил сей новый мир,
разгуливал в садах его опавших
и не бросал в разреженный эфир
укоров, бездны слуха исчерпавших.

вот шествует неуголённый слух
поверхностью иссякших лабиринтов,
но иссяканье это — будто пух
на головы блуждающим в коринфах.

живёт в любви, эпоху не коря,
что, мол, чумна, не имеет вертикали:
мы сохраним остатки словаря,
а этих, слава богу, дотолкали
к началу лабиринта, говоря
фигуристо о тех, что тут мелькали
и вовремя нам листья убирали,
присаженные, будто якоря.

кроссовочки как компромисс с эпохой,
и, хоть убей, не лезет в шапито:
пусть тыканье разбилося о пальто —
не по любви всё это — «чернь», не то,
и замечанье сдерживает: похуй,
но вот для словаря ещё словцо,
ещё одно бессмертье налицо:
коринфскою снежинкой, белой крохой.

10–17 июня 2021

Ода

залысина гвоздя пространство и трико,
на ней висящее, отождествит легко,
и в качестве тюрьмы, что твой мишель фуко,
сии штаны добротные воспримет,
но лишь свободный дух, ни скуки ни тюрьмы
не избегая и не требуя займы
у мира слёз, пространство не отринет.

не мягкое трико, но твёрдая стена,
пятно незримое, гвоздю предreshена,
как полуголый мрак, как вечная жена,
уже-всегда тебя отдавшая — тебе же.
в божественный цемент, как узник, погружён,
он вещь в комнате как светом окружён,
не в языке упорствуя, но в бреши.

себя найдя в стекле, стекла не изменив,
сей смелый гвоздь решит, себя себе вменив,
что время есть рука, что комната есть нимб,
что вещь и есть сиротство,
что чаадаев стен и тютчев лепестка
его хотят извлечь за лёгкость мотылька,
за тайное пустыни производство.

29–30 марта 2021

Дина МЕЕРСОН

* * *

Пью июльскую жару
Жду февральскую хандру
Тили-тили трали-вали
Мне сказали я помру

Жизнь светла и хороша
От неё болит душа
Тело тоже ну так что же
Всё проходит неспеша

Звёзды шепчутся в ночи
Сердце жжёт как из печи
Светит месяц светит ясный
Не пытается лечить

Месяц спрятался в туман
Ножик спрятался в карман
Мой костёр в тумане светит
Жизнь и смерть игра ума

Дни ползут бегут года
Жизнь даётся навсегда
Я уйду других достанут
Солнце воздух и вода.

* * *

Некуда. Не о чем. Не с кем.
За пустоту держись.
Новые занавески
Могут украсить жизнь.

Парус поднять не чаю,
Тихо гребу веслом.
Надо прощать? Прощаю.
Надо любить? А влом.

Ну же, друзей и присных
Разве не тесен круг?
О одиночество лысое,
Как твой характер крут.

Вьются деньки да ночи,
Быга здоровый сон.
Вот и лелей привычки,
Вот и держи фасон

Лунный, хмельной, нерезкий
Свет как слеза дрожит.
Новые занавески
Очень украсят жизнь.

* * *

Так и живём. А что нам ещё остаётся? Сердце болит войной — той, далёкой и здешней, нашей. Новости утром и вечером, перед едой, полною чашей. Проходят с трудом. Вот ведь блажен, кто курит. Всем прочим — глотайте свой кофе. Поможет не очень и всё же, из опыта: горький горячий лучше, чем сладкий со сливками. Впрочем, у каждого свой. Ты только не стой. Жизнь не стоит от слова горит. Попробуй уйти в быт.

Двигайся, кашу вари, играй на гитаре, кошку погладь, иди на работу, с работы. Годятся любые заботы, свадьбы, разводы. Роды. Похороны. Нет. Не годятся. Только куда от них деться, разве зажмуриться? Память уносим с собой, мы жаждем свободы, музыки, и тишины, и рутины. Там, в Украине. Здесь, в Палестине. И слушаем сводки погоды, как обещание мира и света. Кто говорит, что у нас два сезона, осень и лето? Наша зима холодна и промозгла, её не согреть силой. Нынче весна не спешила. Возможно, мешала война. Всё же пришла, пробежала, зажгла анемоны, белый миндаль окунула в февраль торопливо, лиловым окутала сливы. Птицы, туманы, хамсины, уж травы пожухли, термометр бьётся в ознобе. Солнце в тревоге. Лето стоит на пороге, лето шагнуть не решается. Нам не до лета. Нету покоя. Ну, нету. Там — там война затяжная. Тут — постоянная. Сводки последних известий. Тревога, усталость, бессилие, боль. Мысли о вечном. Господи, как Ты позволил? Так и живём. А что нам ещё остаётся? Жить. Эту жизнь поднимать, как ведро из колодца. Делать, что должно и ждать. Верить. Молиться. Опять? Как всегда? Да.

Время разбрасывать камни

Время пришло, решило разбрасывать камни
Камни послушно легли, да и что они сделать могли бы.
Выждали время, замшели всеми боками
Вросли в травы, вжались кто в пыль, кто в глины.

Камни лежат, они собирают время
Звонкое, как пустые бутылки
Кудрявое, как мальчишьи затылки
Их солнце целует в губы, дождик целует в темя.

Однажды Время придёт собирать свои камни.
Тяжёлое Время, не знающее покоя,
Усталое Время с натруженными руками
Скажет: «За мной! Вперёд, мои Камни, по ко́ням!»

И камни протянут собранное веками:
Время, звонкое, как пустые бутылки,
Кудрявое, как мальчишьи затылки.
Время, полное сил, они отдадут до капли

Мир устоит, он не распадётся в клочья.
И волк с ягнёнком возляжет, не то что б, но как бы.
Будут ясными дни, станут нежными ночи
И Время поймёт, что время разбрасывать камни.

* * *

Человек, не познавший добра и зла,
Жил на всём готовом, не ведал смерти
Радости не ведал, горя не знал,
А также гнева, и страха, и чувства меры

Человек был создан, человек был изгнан
Дураком стал, пророком, убийцей, поэтом
И любил своего Бога больше жизни,
Раз за разом нарушая Его запреты

Хитрый Змей выступает как червь сомнения
Намерения светлые стирает в пыль звёздную
Добрый Бог то прощает, то шлёт знамения
Мышцей простёртой нас держит над бездною

Неспешно и тонко мелют Божии мельницы
Человек, а ведь ты не постиг науки
Ах, если б сначала, если б помедленней
Господи, Ты только не опускай руки

Григорий ЯБЛОНСКИЙ

Песнь о Новой Войне

Они всегда хотят войны,
России верные сыны.
И воевать, и убивать
Им хочется опять, опять...
И мы, друзья, понять должны,
Все вместе мы понять должны:
Они всегда хотят,
Они всегда хотят,
Они всегда хотят
ВОЙНЫ!

Они о братстве нам твердят,
Но Каин Авелю — не брат.
Пусть Путин воет на луну,
Зовя на помощь сатану.
Пускай Шойгу бежит в тайгу
С Песковым вместе гнать пургу.
И все они должны понять,
Им всем давно пора понять:
ЧТО УКРАИНУ НЕ СЛОМАТЬ

Да! Это будет время гроз!
Да! Это будет море слёз!
И нам придётся грудью встать,
Чтобы убийц за горло взять.
Пускай мерзавцы отойдут.
Пусть, наконец, они поймут,
Им всем давно пора понять,
ЧТО УКРАИНУ НЕ СЛОМАТЬ!

26 февраля 2022

Эта песня в исполнении литовского хора (март 2022):

<https://youtu.be/oGGu6ReklMI>

Я — не птица

Стонет-погибает
белый голубок.
Вот сейчас погибнет
прямо между строк.

Хоть он белый-белый,
тень его темна.
И к земле печальной
тянется она.

Ну а я — не птица.
Мне недостаёт
тайного желанья
прекратить полёт.

14 сентября 2022

Галина ИЦКОВИЧ

Надия

...А Надия везучая — остаётся живой пока,
И пока находит кормёжку, выкручивается,
И ещё не стёрли ракеты приметы ее городка.
Только мамка выскочила под обстрел,
Дом сгорел
И скончалась бабка, почти не мучаясь.

Бог не дал, но и чёрт ничего не взял.
С каждым звуком сирены тревога взрезает веки.
Бесполезно прятаться в шумный школьный подвал,
Толкаться в сырую подсобку при бывшем ЖЭКе.

Да пребудет с Надией удача: найдётся подпол,
Добежит живой до села, для которого жаль ракеты.
Речь родная построит вокруг частокол,
Да и бабка надёжно хранит, Надия так верит в это.

Звук как зубовный зуммер разносится по воде,
Смерть привязчива, как длинное стихотворение,
Но и смерть не ходок в то древнее царство, где
Банки с вареньем скопились со дня творения,
Словно спустилась в киношный кадр... Но пока
Старый погреб распахивает объятия,
Орки уже за дверью. Кадыровские ЗеКа
Курке и яйкам зигуют, поминая мать её.

Снова бежать — замедленно, точно во сне,
Во сне, повторявшемся с детства, пугавшем с детства.
Задёшево взять шофёра,
 завесить лебедя на стене —
Бабкин коврик,
 ею преданное наследство.

Беженка, неженка, мамкина дочка в очках, жертва будущего кидалова...
Высший кинщик, как надо крути кино,
Радуй модой года: прикидом путника запоздалого.

И вот уже цивилизация лагеря, забытые в спешке очки. Чужие звуки (благодарный не будет об этом). Обрастать ей дорожным бытом, копить клочки И купоны на пользование туалетом.

Не уехала полностью, не приехала никуда,
А вещички посланы малой скоростью,
И когда-то дойдут, какие её года,
Но не туда и не полностью.
Ждёт тревоги ночью, отсыпается в школе днём.
Привыкает к Европам (из неё европейка та ещё).
Привязалась смерть, и куда бежать от неё?
Не смотрите, лебеди, осуждающе.

Шум моря

«Звука на морето»* — так звучит название пансиона.
Ломоть бескрайнего счастья всего лишь за три границы от войны.

* Звука на морето (болг.) — шум моря.

Как заказывали, получайте по прейскуранту:
Ленивые волны целуются с небом,
Вечно голодные чайки насмерть дерутся с котами.
Из прибрежных механ слышатся здравицы
Механических неотразимых мачо, пение тонкоголосых певичек.

Чудное побережье, Чёрное с майамской претензией,
С любовью и ненавистью к Америке
В каждой вывеске, в изгибах названий.
Болгары экономят на гласных,
И кажется, что говорящий сердится на тебя.
Стенает волынщик у городских ворот. Стенает, заметьте, лицом к стене —
Так лучше отражается звук.
Пот не стекает, а покрывает лужицами морщины щёк.
И вдруг...
Нет, написать «и вдруг» — это принести дань привычке всё рифмовать.
Что и говорить, курорт достоин рифмы:
Летние дни предсказуемы, повторимы.
Рашисты на пенсии, беженцы, бешеные местные — все на машинах.
Пассаты и Джетты прижаты друг к другу на парковке отеля
Под острым углом к шоссе, кормой к обочине.
Редкий прохожий протиснется мимо,
Потому обходит по мостовой.
И вдруг... Да, в этот раз не ложная тревога,
А дырочка, пол-ладони от бензобака,
Треугольная шахта, уходящая в чрево машины,
Треугольная, как штыковое отверстие позапрошлой мировой.
И номерные знаки на синем и ярко-жёлтом.
Это не может быть пуля. Похоже на осколочное от снаряда.
Погодите, к которому региону
Приписана эта машина?
Полуминутным дознанием подтверждается, что к Донецку.

Мозг отказывается принимать, что так бывает,
Что это по-настоящему. Ведь не зря
Кладбища планируются за городом.
Конечно, со временем мёртвые и живые притягиваются друг к другу
В самых причудливых комбинациях...
Но только со временем.
Нам, действительно, рано думать о смерти.
Да брось, мы находимся
За целых три границы от войны.
На обратном пути из механы обходим не справа, а слева, а там —
выходное.

Уж выходное отверстие не перепутаешь ни с чем.
Как будто смертельное любопытство досужего Буратино
Пробило холщовый очаг
И вывело отблески масляного пламени
На обратную тёмную, пыльную сторону
Дешёвейшего из холстов.
Эти фейки, пейзажи с машинами и домами, протыкаются каждым носом
С удивительной лёгкостью.
Человек протыкается даже легче.
Человек не должен даже просыпаться для того,
Чтобы стать продырявленной декорацией.
Не обязан покидать заднее сиденье
Скорлупки, несущей его по морю огня и дыма.
Странно думать об этом, а потому — не будем об этом.
В конце концов, им удалось проехать
Через условный ад, и вот они, невидимые «они»,
Хозяева — или... новые хозяева? — тут.
Звука на морето шепчет: «Memento mori»...
Но, может случиться, и это
Всего лишь название пансиона.

* * *

Война встаёт нам в копеечку
Пришлите деньги
Требуют
Пострадавшие
Пришлите деньги
Визжат ракеты
Не долетевшие до цели
Деньги имеют свойство кончаться
Деньги корчатся
В пламени
В кабине танка
Деньги
Дорогое неудовольствие
Расходы на вооружение
Расходы у мирных жителей
Всё ещё живущих
Это мёртвые денег не имут

Что делать
Когда кончились деньги
Деньги
Денно и ночью
Питающие войну

Попробуйте надоить из вен
У меня их много
Или артерии
Хотите
Сожмите артерии

Тёмная венозная
Алая артериальная
Бездомные соты
Гронки гнева
Виноградные пальцы пробирок
За них могут дать немало
Ольховые серёжки
Органные трубы
Оригами переплетений
Наполненные до половины
И заполонённые
За стеклом
Подключите к центральному отоплению
Подключите к высохшим складкам земли
Обесточенным городам
Ожесточённым боям
Кровь неизвестных доноров
Спонсоров
Денежное выражение
Приложение
Продолжение
Следует

Уф-ф
Кажется, дали
Воду
Свет
Патроны
Я открываю краник
Набирайте

Вестник

(фантазия)

Как они узнавали раньше?
Ждали, наверное, вечернего стука в окна.
Серая тень входила, порой вытирала ноги,
но чаще не заморачивалась их полами,
проходя к столу, не омывала руки.

Даже чаю с дороги?..
Он не будет чаю?!
Расступитесь, дайте сказать,
хаверим.

Они, наверное, догадывалась по таким приметам,
как расположение складок,
гадали по бесформенности накидки,
По нездешности шляпы

Кто рассказал вам, что оккупанты насилуют и убивают ваших?
Припоминали чужое лицо,
грязь под ногтями,
запах зверя и гнили.

Никто не обещал,
что весть о приближении смерти
прибудет в вызывающей доверие форме.
Слушайте, а вдруг он говорит дело?

Запрягали, путали ремни,
начинали снова,
лошадь ждала,
в своём раздражении
отмахивалась, как от слепней.

Каждый еврейский ребёнок должен
выучить азбуку
Морзе, музыку морга,
скрип
непослушной подпруги,
характерный запах гари,
перестук дороги.
Как только они убегали?

* * *

— Как они убегали?
— Караван выходил второпях
Верблюды ломали ноги, гнулись под невыносимым.
Перевес багажа.
Балласт отправляли за борт.
Когда их настигали с неба, прятались
под кислыми животами дромадеров.
Прятались по подвалам.
— Как они собирались?
— Всё было собрано, детка.
В каждом семействе нацменьшинств
Отыщется подходящий
нацчемоданчик.
Передвигали поближе к двери,
перед выходом спали, не раздеваясь.

Что было с теми, кто не поверил?
Кто беспокоился о квартире,
о корове,
о получке?

— Что ты помнишь, дедок, о блокаде?
— Много холода. Только холод.
— Что ты помнишь, малыш, о блокаде?
— Тёмный полог,
застойный воздух.
— Повезло, некоторые помнят только пулю.

Славичи, русичи, арийцы и нибелунги,
колонна танков, орда с орденами.
Герои пыточных, дети героев
на горизонте.
Ничего с собой не берите.

* * *

Ничего не брали с собой:
Всё найдём на месте.
Сквозь остатки того же леса,
по земле, наспигованной телами.
Некоторые деревья,
помня еврейские те подводы,
машут машинам, застревающим в буреломе.

Не идите по главной,
там теперь ручейки из крови,
на волнах качаются дети соседа.
Наши уйдут проходными дворами.
Надо знать наизусть проходные дворы.
Как они нащупывали дорогу до Интернета и до мобилок?

* * *

Как они узнавали раньше, до Интернета и до мобилок?
Пристально вглядывались, наверно,
варили кофе, на блюде опрокидывали гущу.

А те, что до них, разглядывали шкуры,
изобретали приметы, прислушивались к крови.
Человеку свойственно
презирать другого,
считать соседа недочеловеком.

Когда
они понимали, что язык их вне закона,
и ремёсла их бесполезны,
и сами они не к добру?
Кто приносил неблагою весть?

Наивно думать, что
когда освободители
нажирались до поросёчьего визга,
натачивали девизы,
планируя вылазку, распределяли роли в погроме,
был среди них один, незаметно
скользнувший к двери.

ПАЛАД

Время у Лидки

Время у Лидки не лупит в колокола —
напрочь застыло в желейную вязкость джема.
Знать наперёд бы, — назвали бы кроху Джемма.
Ибо тотем, символично, и все дела.

Было иначе. Точнее, наоборот.
Первой-последней
их общей весной пригожей
Витькой на даче вжималась в тепло ворот
с вяленой за день, червивой сосновой кожей.

Только был сумрак — вдогонку за ним рассвет.
Ни надышаться, ни впрок прорасти друг в друга.
Тюлью взахлёб придыхала, сипя, фрамуга.
Бёдер чураясь, сползал своевольный плед.

Время кроили зигзагами на пруду
тьма водомерок.
Тлел месяц лимонной нэцкэ.
Витька осёкся. И твёрдо сказал:
— Піду!
Чобіт ординця топче степи донецькі.

Сердце девичье не ветошка для заплат.
Вдовый венец ай не всякой снести невесте.
В поле гвардейца накрыл сатанинский «Град».
Ушлый чеченец добыл из останков крестик.

Вскоре и Лидка, попрёком всему и всем,
чем бы и кем не был попан Эдем их краткий,
мушкой янтарной
увязла в свой личный джем.
Невозвратимо — ни явно, и ни украдкой.

Шепчет губами, не знающими помад,
и окромя никого и ни зги не видя:
— Милуй мене, мій нестерпно-коханий Вітя!

Витя подходит.
Откладывает автомат.
2015

* * *

был нынче день как будто из последних
снова октябрь
то кротко
то смурно —
прабабья лета мелочный наследник
сушил тепла подкисшее руно

шальной фугас свистел как пьянь из зала
плевочки пуль
то мнимы
то слышны
плоть хроноса ириской навязала
на золотых коронках старшины

летучий МИГ с тягучим мигом дружен
ронял в поля гремучее драже
но джин борща благовещал нам ужин
ах что за чудо — ужин в блиндаже

зелёный чай отдушкою жасмина
посильно заглушал окопный смрад
и мантру мантр — Все Буде Україна —
почти что пел подраненный комбат
2022

* * *

Спя на земле, как заправская сволыч,
в ночь по получке, в ноль-первом часу,
тонкой материи прапорщик Фролыч
смог уловить эфемерную суть.

В сходных стоп-кадрах с полотнами Гойя
был ему даден астральный посыл.
«Вроде таков же — ан, тут же другой я», —
прапорщик Фролыч спросонья решил.

Как облачённый в незримые латы,
прапорщик Фролыч воспрял, вдохновлен:
«Это ничто, шта штаны обоссаты, —
и не в таких-та вставали с колен!

Пусть в поистлевших, щербатых заборах,
в пьяных хрущобах кондовая Русь,
тщетно ли деда заначили порох —
выйду на ратище, не обосрус!»

С тем, языком всё бессвязней колдуя,
двинул, взъерошенный, на опохмел.

Жду тебя, прапорщик Фролыч.
Так жду я,
что прорастает в глазницу прицел.
2022

* * *

Ты, как водится, чуть влюблена.
Безупречна риторика дивы.
Я живу на планете «Война».
Мне привет от планеты «Мальдивы».

Надо мной мотыляется дрон —
чёрный ворон, взалкавший поживы.
Твой парфюм, феромоном едрён,
пробуждает в пижонах порывы.

Всё же помнишь меня, всё же по...
Мнишь, поди-ка, что мне до терзаний.
Мой трамвайка желаний в депо —
не ему распушить хвост фазаний.

Твои ночи неоном горят.
Твои смехи, как прежде, искристы.
Дарят птахи распевные свисты...
Мне свистун — лишь российский снаряд.

Недолёт-перелёт, и ага —
следом, может быть, тот, кто — за мною.
Мне твои без нужды берега.
Пусть когда-то и снились, не скрою.

Недовыбрит, не молод, не стар,
отрешённый, почти святолицый,
я вырастаю по грудь в Соледар.
Потому, что я — соль сей землице.

2022

* * *

в прифронтовых полях не сжаты
стоят понурые хлеба
гниют расклёваны буряты
испив до дна судьбу раба

не скобари не гречкосеи
но иже с ними — под ружьё
сыны побочные рассеи
а пуще — пасынки её
2022

* * *

а ливни в августе внезапны и лихи
под них в усадьбе млеть бы
чёсывая бачки
где подбоченьясь ждёт рябинушка стихи
как воплощая дерзость сонюшки-рыбачки

поднаторели кто правей и кто левей
пора б и к стенке
да сегодня не об этом
реанимирован в сиреньке соловей —
вестимо тоже осуждён отбыть поэтом

верстают оды перебежчики в крыму
непокорившийся оплёван и освистан
а на нулёвке непонятно почему
не я а мальчик бьёт кремлёвского фашиста
2020

Памяти мамы

предтравьему поддавшись куражу
заря обильна бдением соловки
и я его посильно подддержу
пусть поначалу трелями неловкий

но выкован дотошною зимой
наскоками снежинистых кокоток
в короткий срок возвышу голос мой
до этих самых — выверенных — ноток

под утро сколь грудина отперта
покуда в канонаде передышка
весне воздастся песней — только слышь-ка:
всю ночь орду чекрыжила арта

и дню ещё греметь и рокотать
и месяцу поди и полугодью
доколе не сражён последний тать
к наземному и вышнему угодью

достоинства и духа закрома
останутся вовек неистоцимы
бесславно — как в аид нисходят зимы —
убудут беды наши —
слышишь, ма?

во всём приемлю жребий мой и путь
а в том лишь разногласен со вселенной
что не с тобой мне воздуха глотнуть
победной украины суверенной
2022

Ирина РЫПКА

Иерихон

Каждую ночь мне снится Иерихон,
как точка отсчёта, краеугольный слон,
с расписанными на хинди увесистыми боками,
трубящий песню ветра над огненными столбами.

Я забегая в него на цыпочках, босиком.
И даже во сне ощущаю застрявший в гортани ком
памяти человеческой, где боль сплетена с любовью.
И вот уже небо над городом рассветное-голубое,

пытается погасить огненную стихию.
Проснувшись, я понимаю, кругом Россия.
Железная койка, тумбочка, крашеный потолок,
и на иконе маленький розовощёкий Бог.

Я вновь погружаюсь в сон, в поисках продолжения.
Зелёным огнём глазастый радар слежения
отслеживает, как пролетает, срываясь на крик,
над городом птицеголовый вражеский Ми Г.

Он поливает брусчатку дождём из чёрного чрева.
Выходит народ нарядный из храма, будто из хлева
стадо овец послушных, и руки возносит к небу.
Но, это уже перебор густых, как кусты, гипербол!

Под ноги входящим, красным ковром Раав,
стелется город, смертью семь раз поправ
дыхание улиц, вычеркнутых вовек.
Входящие понимают — это их ноев ковчег.

Проснуться трудно в каменных джунглях слона.
Трубы трубят занудно — их музыка солона,
как мёртвое море, приправленный хворью суп.
Иерихон превращается в баню — бревенчатый сруб.

Раав оборачивается в банщика-истопника,
она добывает спящих руками из гамака,
по ягодке переносит в эмалированный таз —
расслабленных, расчеловеченных нас.

Клюквенный сок и сахар, крахмал и вода.
Покойник всех поминающих целует в уста.
Господь претворяется в просфору из чаши с вином.
В блин да кисель — все мы, когда умрём.

2018

Мене текел

Выйдет огонь наружу, мята растёт вокруг.
Девочка, это стужа, это кричит Бейрут.
Или вот, на моторке едут два рыбака.
Присмотришься, это орки, под ними река мелка.

Спичка горит, как факел; факел почти костёр.
Вот и святой Акакий шинель свою распростёр.
Прошелестел над нами и приземлился в яр.
Маленький, папин, мамин, закутан в махровый шарф.

Всё это «мене текел», кто спрятался, молодец.
Железные дровосеки из лесу, наконец,
вышли, как партизаны, как гномы-наоборот.
От Питера до Рязани, из Киева в огород

прыгнули и рассыпались, штрифель или шафран.
Это они, спасители и вечер опять багрян.
Лампочка, люстра, солнышко; Господи, нам свети.
По ком захлебнулся колокол на ледяной мотив...
2020

Преображение

Утром храм проспишь и не беда,
свет Преображения снисходит.
Рядом ты, мой истовый Адам —
первенец, а паче первороден,

как весь этот грех, что нам знаком.
Откусил от яблочного Спаса
зареву вечерних облаков —
был юнец, а вышел седовласый

из трясин кисельных берегов
в звуковой орнамент колоколен.
Боженька не спросит — кто таков.
Человек, а не кирпичный голем.

Эта плоть, как боль, как голый срам,
эйфория, чувственное эго.
Яблоко прильнёт к твоим рукам,
словно в этом альфа и омега.

2020

Чешуя

Нет войне, да войне, два войне.
Война, ты сегодня не готова, иди учи.
А война подрастает и выламывается вовне,
подбирает к замочным скважинам золотые ключи.

Подбирает к сердцам осколки, звёзды и ордена.
Для неё нет противоборствующей стороны.
Дети войны накормлены ею сполна,
Напоены млеком её, пьяны.

Вот идут мальчишки, вот идут старики,
чьи-то отцы, возлюбленные, мужья
Это не поезд огненный Москва-Петушки —
это как жар горит на них чешуя.

2021

Ясак

ко мне пришёл читатель и говорит пишите
пишите не дышите дышите не пишите
а я сижу на лавочке какой ни есть а житель
подъезда дома города в руках огнетушитель

как будто бы пожар вокруг и я такой рассеянный
лишь помню в каждом городе есть улица бассейная
и улица строителей к чему она нужна
не побежит по ней к неве смятенная княжна

здесь кто-то скажет ленинград воскликнет ленинград
и будет прав ведь ленинград ни в чём не виноват
дома стоят как на плацу матросы в октябре
за рядом ряд за рядом ряд две точки и тире

и я иду промеж домов промеж седых дерев
бубню себе под нос слова немного нараспев
дышу и не дышу дышу здесь сырость на века
большой выносят каравай гранитные бока

я откусил и с солью съел отравленный бугор
и чудом лишь остался цел анкор ещё анкор
о одиночество моё хоть я не одинок
пожалуйста тяжёлый хлеб доешь за мной сынок

прими на ярком рушнике надкушенный ясак
ты раньше у меня встречал в стихах и дом и сад
сейчас в моих руках стоп-кран — пора остановить
вот этот слог вот этот смог у спаса на крови

2021

Белая крупа

В воскресенье нас засыпало белой крупой.
Моё имя обозначает — мир и покой.
Но я не согласна, потому что мир — это меч.
Теперь у украинцев больше прав на русскую речь.

Белая крупа — это небесная манна.
У кого-то нет воды, у кого-то ножи в карманах.
Мои дети ходят с вилками и заточкой,
говорят, мы победим — это точно.

Мы сидим не в подвале, мы сидим на верхнем этаже.
Это Киев под нами, Украина во рже.
Будут рожь и пшеница, а трава лебеда
где-то там колосится, где беда и орда.

2022

* * *

как было хорошо когда ты дома был
мы под вечерний свет растапливали джаз
и с юга на восток влетел точнее вплыл
тропический циклон как праздничный баркас

святая соль морей фруктовое амбре
корица кожа розовый нагар
я жду тебя всегда но боле в декабре
когда природа девственно нага

туманище вокруг как дым от табака
р а с с е т с я обледенит бетон
у стройки на краю хрустальная тоска
из лакшери витрин рябит луи витон

как было хорошо как будет хорошо
когда мы снова вместе вопреки
завьюжит закружит небесный порошок
и сердце обожжёт тепло руки
2022

Марина ТЮРИНА ОБЕРЛАНДЕР

— ЗЕМЛЯ И МІР —

* * *

Мы столько пережили войн
от сотворенья
так что ж тебе неймётся —
воин —
со дня рожденья

ещё не успеваешь встать
с колен —
потуги —
курка убийственная стать
кладётся в руки
и заклинаньями под спуд
упрятав душу
выходит подлинная суть
твоя наружу
темна
убога и пуста
без дум
без сердца
лишь тень распятого креста
от неверца

не осязая укORIZн
пойдёшь на плаху
за чью-то отнятую жизнь
тебе — расплата...

* * *

Ужели не найдётся головы
безумцу заявить
иду на вы
и руку занесённую отсечь
и сохранить свою
хотя бы — честь
ужели не найдётся той руки
которая приказу вопреки
остановившись
кнопки не нажмёт
и не запустит дьявольский полёт
лишённых милосердия ракет
которым — уцелеет мир —
иль нет
им всё равно
у них ни чувств
ни глаз...

кого почтить дано
что внука спас?

* * *

Горит земля
в дыму небесный купол
и по ночам сирен протяжный вой
с лица Земли стирают Мариуполь
и больше месяца не снится нам покой

секут дома крылатые ракеты
молотят бомбы женщин и детей
о, Боже мой
к тебе взываю
где ты

как Ты позволил волею своей
обрушить смерть на мирные пенаты
где жили под дамокловым мечом
соседа
небеспечностью объаты
при этом не печалюсь ни о чём

зачем послал им это испытанье
чтоб на миру постичь
кто друг и враг
или людей отправить на закланье
чтоб вразумели
кто и где не так

не спорю я
Ты поступил жестоко
но *мир*
наверно
это заслужил
во лжи погрязнув глупо и глубоко
неправедности преданностью жив

а я молюсь
в защиту той малышки
родившейся под заревом войны
да будет свет и *мир*
не понаслышке
а всамделишный
как — по чести — мы

* * *

Поведайте
кем мне себя назвать
коль мать с Полтавщины
отец — из Мензелинска

мне душу пополам не разорвать
она жива пока за счёт единства
в любви переплетённых ваших душ
меня любовью позже одаривших
и завещавших преданности дух
свободы
над землёю воспарившей

Меня растил мой украинский дед
в тюрьму упрятанный по подлому доносу
но выживший в Гулаге десять лет
чтоб собирать со мною абрикосы
и в голову мою всех знаний клад
которым обладал ещё до срока
вложить
он верил в жизненный расклад
и знал
что скоро кончится морока
он честь имел
и он смотрел вперёд
презрев и суеверья
и доuku
но не предвидел —
новая грядёт
и пережить её придётся внукам

что русский мир
едва привстав с колен
и для надёжности крестами обмотавшись
пойдёт войной на не принявших плен
возжаждав крови преданных и павших

Но мы другие
мы — другой народ

и в жажде жизни мы теперь едины
нас не сломить
и нас не побороть
мы — украинцы
мы — непобедимы

* * *

Мы последние из могикан
сохранившие свой язык
изъязвленный решёткой ран
подошедший к черте впритык
той черте
за которой ноль
за которой не в бровь
а в глаз
острым жалом таранит боль
на года
не на день и час
этой боли душой владеть
этой боли тела иметь
до победы
когда сердца
выжмут ненависть до конца
и тогда просочится мир
в бездну смерть посылавших дыр

Уцелеет ли мой язык?
Я на нём говорить привык...

* * *

Я устаю от новостей
они не радуют отныне
не в силах видеть смерть детей
и превращение в пустыни

весной цветущие поля
и города на вознесенье
испепелённая земля
мечтает встретить воскресенье
душа рыдает вопреки
оптимистичному прогнозу
летают ночью светляки
роса спадает на покосы
и дивно светится луна
не предвещая окаянность
испитья горести до дня
перед восходом в богоданность

* * *

Мне стих нейдёт
чернильница усохла
рука не в силах пробовать пера
печаль неймёт
и горло пересохло
не выжать слов из сжатого нутра

и мне невмочь
не пересилить муку
взошедшую в проклятом феврале
не превозмочь
увечную разлуку
с мечтами что цвели навеселе

война плетёт
венки по убиенным
не пережившим шквального огня
и зарево плывёт
над той вселенной
где свято место пусто без меня...

Михаил ЮДОВСКИЙ

* * *

Меня бомбят издалека,
хотя вокруг покой —
молчит земля, молчит река
и небо над рекой.

Часы, недели и века
как будто скрылись в щель.
Меня бомбят издалека,
но попадают в цель.

По телу пробегает ток,
и видится с трудом
немецкий тихий городок,
похожий на фантом.

Друзья, нас поперёк и вдоль
одна связала нить.
Но боль мою и вашу боль
не смею я сравнить.

Вдали от собственной страны
я ощущаю смесь
бессилья, гнева и вины
за то, что я не здесь —

не в Украине, чья броня
собой закрыла свет,
а там, где, кажется, меня
уже в помине нет.

И мысли только об одном,
хоть мозг до дыр сотри.
И слышен взрыв — не за окном,
а где-то там, внутри.

Но, может, я ещё сгложусь,
я всё ещё стерплю...
Я восхищаюсь. Я горжусь.
Я плачу. Я люблю.

Страна, не рви со мною нить,
пока я боль ращу.
Прости меня. И — может быть —
я сам себя прощу.

6 марта 2022

* * *

Птица, лети, бросай на землю перо,
сильными крыльями небо меси, как глину.
Сверху падали бомбы. А люди пели в метро
«Червону калину».

Пели — спина к спине, плечо к плечу.
Свет электрический тёк по лицам, как масло.
Ветер над городом пытался задуть свечу.
А свеча не гасла.

Город стоял, город держал удар
всеми мостами, всеми семью холмами,
смехом и матом, звоном разбитых фар,
песнями и псалмами.

Время пыталось намертво сжать в кольцо
хрупкий осенний воздух на шее шаткой.
Город глядел смерти летящей в лицо
детской площадкой.

Смерть, опираясь на костыли,
пылью ползла из воронок, трещин, ущелий.
Слышался сквозь выдох и вдох земли
тоненький скрип качелей.

Птица, лети, собирай в небесах серебро —
эти пути исповеданы, исповедимы.
Падали бомбы. Люди пели в метро.
И были непобедимы.

11 октября 2022

* * *

Октябрь вернул своё значение — «восемь»
в пределах героической страны,
когда, деля на части эту осень,
минуло восемь месяцев войны.

Минуло — словно ветра дуновенье.
Страна летела в небе напрямик
и умирала — каждое мгновенье
и воскресала — каждый Божий миг.

Мы сами будто пели ей: «Воскресни!»
и песнь была печальна и горда,
и — Боже — как боялась этой песни
кровавая московская орда

и таяла — бессмысленно, бесплотно,
и вспыхивала новая звезда,
и птицы оживали перелётно
и возвращались в прежние места.

Промокнет воздух, сонный ветер сбреет
щетину порыжевшую со щёк,
и так занает, так занаябреет
под сердцем заблудившийся щенок.

А мы во мгле осенней сблизим лица,
готовые над миром ворожить.
И будет в небе Бог на нас молиться
и тихо повторять: «Переможить...»

31 октября 2022

* * *

Но разрушается Завет
дыханием московской смерти —
Бог говорил: да будет свет
и воду отделял от тверди.

Сквозь кожу тонкую страны
проходят нервные волокна,
и, как беззубый рот, черны
погасшие ночные окна.

А время прыгает с моста
и мир — одна сплошная рана.
Течёт по трубам пустота
и пересохло горло крана.

И лишь убийственный покой
качает воздух — декабря,
касаясь тонкою рукой
холодных рёбер батареи.

А смерть, прищурившись в ответ
и растолстев от рациона,
спокойно ждёт, покуда свет
погаснет в операционной.

Но мы разорванную нить
сплетаем вновь — победы ради.
Вам никогда нас не сломить,
московские тупые бл*ди.

За вами чёрный строй полков,
но вы не стоите мизинцев
моих прекрасных земляков,
моих отважных украинцев.

Водою смоем горький след
и жизнь у смерти нас отсудит.
И скажет Бог: да будет свет.
И будет свет. Конечно, будет.

25 ноября 2022

* * *

Я сейчас бы в родной толпе пил
не горилку, а киевский воздух.
На губах моих не пена, а пепел,
на сердце — небо в потухших звёздах,

на руках моих умершие младенцы
улыбаются после взрыва тучам.
За спиною моей Освенцим
смотрит в глаза Ирпеням и Бучам.

А в окнах горят вместо лампочек свечи,
фонарные столбы как будто плешивы.
Люди, дайте потрогать ваши руки и плечи —
я хочу убедиться, что вы живы,

я хочу убедиться, что сам живой я,
что иду по городу и чувствую город,
то с собаками и заблудившимся ветром воя,
то опавшие листья пряча себе за ворот —

словно навсегда хочу сохранить эту осень
в памяти, в сердце, которое так стучится,
что каждый миг становится високосен
и перелётен — как печальная птица.

Не печалься, птица, сердце — стучи ровнее
над любимым городом, над всей страной,
умирая с нею, оживая с нею,
то сестрой зовя, то зовя женою,

то по-детски — мамой. Що робити, мамо,
чим допомогти тобі, мамо, ненько, мати?
— Не сутисься, синку, тримайся прямо.
Ось — поїж вечерю. І лягай поспати.

29 ноября 2022

Яна КАНЕ

Грань

Сердце земное — дом и очаг,
Любимые лица.
Сердце нездешнее — грозная тень
Хищной птицы.

У судьбы, что есть, — дневные пути.
У несбывшейся — в полночь дорога.
Зрячим взором увидишь и свет, и мрак,
А незрячим — лишь Бога.

Тень

Тени тень, зазеркальный двойник,
Языка иномирного эхо,
Для тебя здесь никто не указ,
И ничто не помеха.

Можешь ты, не касаясь, ласкать.
Ты с размаху без лезвия ранишь.
И ничем тебя не отпугнёшь,
И ничем не приманишь.

Второпях пишет хронику день.
Ночь свои фолианты листает.
Росчерк твой между строчек на миг
Проступает и тает.

Переправа

Мне столько раз приходилось с тобой расставаться,
Сколько за жизнь выпадает прощаний с собою —
С верой своей и неверием, страхом, надеждой,
С обликом в зеркале, с домом, прозванием, судьбою,
Сколько за долгую жизнь переправ происходит,
Где понимаешь, что нет без потери свободы.

И каждый раз — вброд и вплавь через новую реку,
Дальше и дальше, сквозь быстро бегущую воду.

Годовщина

В преддверии годовщины смерти
подступает бессонное беспокойство.

Душа мечется в поисках слов и действий,
взывает к разуму,
бьётся о стены плоти,
как будто ещё есть куда спешить,
как будто птица потери
ещё неуклюже прыгает,
ещё не оттолкнулась от земли,
ещё не распахнула
широкие чёрные крылья.

Январь

*И будет снег неторопливый
Идти, как символ чистоты...*

Елена Касьян

Чёрнёное серебро — ранний сумрак, мороз.
«Декабрь, декабрь!» — крик ворона на ветру.

Но небо смягчится — ночью повалит снег.
И чаша пустая заполнится манной к утру:
Манной покоя, сладостью тишины.
Душа отдохнёт наконец от тревог и бед.
А пробудившись, увидит — пришёл январь,
Между белым и белым — молочный свет.

Родная речь

Март 2022

Когда-то я хранила в памяти
первый свет —
неспешно разгорающийся восход
над молочной равниной
свежевыпавшего снега.

Когда-то я хранила в памяти
первые слова —
колыбельный напев речи,
лепет ольшаника,
шёпот еловой чащи.

Теперь свет очернён —
невольный соучастник глаз,
когда они ищут живые мишени,
когда они целятся в людей.

Теперь память спотыкается,
затерявшись между воронками и увечьями,
оглушённая взрывами, криками,
мёртвой тишиной развалин.

Родная речь онемела.
Ненависть призвала её слова
на войну.

Ирина ЮРЧУК

Будни

Треснувший меридиан.
Разбежались параллели.
Шар земной заложен, сдан,
Но кружится еле-еле.

Век потерь в груди саднит,
Точит сердце, каплет в темя.
Дней сигнальные огни.
Растревоженное время

Мчится, голову сломя.
Отвязалась стремянная.
Только память проливная
Сорвалась и льёт ливня.

Путеводная звезда,
Не затушенная в спешке.
Догорают города
И года, как головешки.

Харьков: град, ракетопад,
Артобстрелы крупной дрожью,
И который стон подряд
Николаев, Запорожье...

В настороженных дворах
Неохватны пепелища,
Жизнь и смерть причину ищут,
Страх сжигают на кострах.

Жатва, скорбная страда.
Вой сирен, врачи, носилки,
Будни ратного труда,
Лопасты жизнекосилки.

Рыжий жар, входящий в раж,
Мчит пожарная машина.
Лишь хватило бы бензина
Завести мотор с утра.

Тлеет жизнь на самом дне
В измерении реальном.
Оживляют свет в окне
Боги службы коммунальной.

Погорелица-сосна,
Обожжённый куст самшита.
На живую нитку сна
Пережитое зашито.

Вот и пройден новый круг
Концентрического ада.
И рассвет из Божьих рук
Принимает ночь в награду.

У леса на опушке

Бытие зачёркнуто
Зет-образным символом.
Прежде было чёртово,
Стало хиросимово.

Прежде выло бесово,
Извивалось ведьмово.
Вождь повёл внестрессово
Сгинуть до победного.

Вошь приговорённая
Истекает ядами,
Чтоб война ядрёная
Обернулась ядерной.

Мунков крик — молчанью мзда.
Бессловесность знакова.
Путеводная бразда.
Пустошь нагасакова.

Болотяне

Петляет бреда путаная нить.
А человек обрёл приставку недо-.
Как просто оказалось подменить
Господнее — на дьявольское кредо.

Как выяснилось, бешенство привить —
Не фокус, здесь достаточно и раза.
Как просто людоеда подманить
На запах человеческого мяса.

За кромкой пограничной полосы
Край. Волчья сыть оскаленной державы,
Где рыскают цепные полупсы,
Не брезгуя свежатиной кровавой.

Война черным-черна, надета на
Изнанку бытия из сэконд хэнда.
Страна со всеми признаками дна
И бирка «смерть» на ней пижонским брендом.

Ждут пассажиры бизнес-класса VIP,
Но судный лайнер долго не протянет.
В трясине гиблой птица Феникс — выпь
Посадки просит. Воют болотяне,

Взывая: не убий, не укради...

...Наверно, зря я так. Не удержалась.
Но выжег Мариуполь брешь в груди,
А Буча ампутировала жалость.

Пришельцы

Волна войны. Ещё один накат.
Огня, железа, ярости...
Отхлынет —
Лежать навеки в зарослях полыни
Оставит тех, кто был не виноват.

Взрыв захлебнётся и достигнет дна.
Ночь дулом на рассвет, а в грудь прикладом.
И нет возврата: надо, значит надо.
А жизнь сухим пайком всего одна.

Война волны. Неотвратимый вал...
Вне логики, вне смысла, вне контроля.
Распорядитель во широком поле
По штуке в руки смерти выдавал.

В карман нагрудный лягут косяком
Осколки, разлетятся не по рангу,
И будет хлюпать кровь под сапогом,
И звёзды падать быстрым бумерангом.

Прикажут город брать, на то и рать.
Сходить на нет, кончаться, убывать,
И ни один не хочет умирать,
Но не сказал: не буду убивать.

Насущное

Где у жизни начало? Где у смерти венец?
Полбеда откачало, но ещё не конец.
Солнце, взмывшее криво, камнем падает вниз.
Хронология взрыва. Часовой механизм.

Мина нервного тика, перекошена тишь.
За грудиной затакал опрометчивый стриж.
Чернозёма мякина. Отползает река,
Неуклюже раскинув по бокам берега.

Ну а там, за рекою, в огнеротой дали
Дышит поле на сколе оголённой земли.
Ночь в окопе глубоком. А за насыпью там
Вспышка огненноока, небеса пополам.

ПОЭЗИЯ

Но в запёкшемся слове перелом коренной
От нещадного злого до любви проливной.
Поле буквенных злаков, загогулин, крючков,
И звезда добрым знаком средь небесных ростков.

Там, в осколках, обломках, комьях жизней, судеб,
На рассвете у кромки всходит солнечный хлеб.
Свет, политый слезами, чтоб росток не зачах,
Выжил под образами в поминальных свечах.

Зоя ПОЛЕВАЯ

— ВОЗВРАЩЕНИЕ —

Киевским родным и друзьям посвящается

*Інших опцій немає сьогодні у Бога.
Світло й темрява. Пекло і рай.
Нежиття і життя. Окрім цього — нічого.
Визначатись тобі. Вибирай...*

Григорій Фалькович

16 октября 2022

Как же тяжело сегодня в кривом зазеркалье войны.
Только стон, только скрежет и свист, только взрывы слышны.
А слова, распадаясь на крики, и всхлипы, и вздохи,
Где беспомощны, где неуместны, где плохи.
Жди! Поэтика выйдет из плена, для жизни восстанет,
Когда дикий металл уже намертво в жерле застрянет,
Когда в пыль превратится чужая, безумная небыль,
Когда души погибших высоко подымутся в небо.

21 апреля 2022

Мы все сейчас на войне:
Те, кто в тылу — вдвойне,
А те, кто на поле боя —
Десятерых заменяют собою.

Рвать по живому — злая наука, но в ней
Преуспевали и единицы, и сотни тысяч.
Будущее, глядя из прошлого, проступает ясней,
Если только ложью его не выжечь, не высечь.

Мы все сейчас на войне,
Среди нас нет таких, кто вне,
А если такие есть —
Им с нами не пить, не есть.

Война — не сестра, не подруга и тяжело с ней.
Сердце страдает, болит и рвётся на части.
Будущее, глядя из прошлого, проступает ясней.
Говорить ли сейчас об участи, когда нужно участие?

Мы все сейчас на войне.
Литература упала в цене,
А сводки, видеоленты и интервью
Сотнями жизней вошли в твою.

Это столетие опять началось с азов:
Кровь, преступления, блокады, беда, утраты.
Нынче пароль — «Мариуполь», ответ — «Азов»,
Нынешний каждый день — роковая дата.

Мы все сейчас на войне.
Пожелай пережить её мне
Потому, что на поле боя
Сердце моё как щит над тобою.

26 февраля 2022

Моё сердце рассечено этой войной.
Я о близких молю, я страдаю виной,
Я прощение прошу у могилы отца.
Как прикрыть эту землю, с какого конца?
Там лежит моя бабушка в Бабьем Яру,
Но я знаю: я выживу, я не умру.
Не теряя реальность, я словно во сне:
Вот мой город, мой дом, моя мама в окне.
Что ж за мальчики в касках, на чьём языке
Говорят ваши танки, сползая к реке?
Уходите! Не пейте воды из Днепра.
Дома матери ждут, возвращаться пора.
Всем вам хватит огромной российской земли,
Уходите домой, вы напрасно пришли.
Затянулись ученья до чёрных дымов —
Вас опять обманули. Идите домой.

Украина сегодня в огне и в борьбе.
Мир с тобой, Украина, и жизни тебе!

Киев. Сентябрь 2014

Между аэропортами время,
Скользнув, упало на дно.
Разберут и разнесут по свету
Его почтальоны.
Послушайте, я хочу сказать:
Мне не всё равно,
Кто населять будет завтра
Эти горы и склоны.

Мой город остановился и замер
Недалеко от войны.
Но его переулки и дворики
Ещё подметают,
Продают горячие
Пирожки и блины.
И живут в этом городе те,
Кого мне так не хватает.

Возьмусь за горло
И междометия заменят слова.
Захлебнётся сердце,
Под ребром заводится остро.
Господи,
Только бы Вера была жива —
Моя тётя Верочка,
Мой непотопляемый остров.

И эта девочка —
Не ведает, что творит — влюблена.
Разве я ей советчик?
Сама ломает и строит.
И эта женщина —
Неужели она
Узнает меня
И зовёт сестрою?

Провожанье в предместье.
Поздний вечер. Слух
Доминирует
Над беспомощным зрением.
Мы идём вдвоём,
Я считаю до двух,
Перебирая
Свои впечатления.

Был день,
Неожиданный, как кино:
Дворняги, река,
Мой попутчик с посохом;
И мысль:
Увидимся ль, суждено
Добраться сюда —
По воде ли, посуху?

А после — аэропорт.
И эти полдня
Пуповиной оборванной
Бессмысленно будут болтаться.
Вроде я ещё здесь,
Только жизнь обтекает меня.
Нелегко улететь,
Но ещё тяжелее остаться.

А дальше — время,
Как в прорезь почтового ящика ускользнёт,
Когда, вспыхнув крыльями,
Отражая солнце,
Повиснет игрушкой
Самолёт
В облаках —
Белоснежных небесных соснах.

Киев. Июль 2012

Дыни херсонские, вишни нежнейшие —
Тёмные, терпкие, солнцем прогретые.
С детства знакомые улицы здешние,
В ясное, росное утро одетые.

Воздух сладчайший и ветер такой
Свежий, бодрящий, упругий, морской
Веет, меня за собой увлекая,
Хоть посредине материка я.

Это мой Киев, мой ласковый Киев,
Это в закате иду вдоль реки я,
Там, где при всех, не смущаясь нимало,
Счастье так юно меня обнимало.

Радость моя, я не помню усталость,
Много прошло или мало осталось —
Это не важно, а важно другое:
Жить и дышать, обрета дорогое.

Город магический, город нетленный,
Вот я — твой подданный, беглый и пленный.
Город мой, сердца и солнца слиянье,
Нет расставания — есть расстояние.

В преддверье 2000

А в Киеве нынче чудесная осень.
И клёнам с каштанами листья не сбросить
До тех пор, пока в синеве облака
Белее и легче лебяжьего пуха.
Там нынче, как в храме, стоит перезвон, —
Слепящих лучей, золотящихся крон,
Светлейших берёз, тонко плетёных лоз, —
Едва различаемый слухом.

И я в этом храме бывала не раз,
Вдыхала там воздух горчайший и сладкий.
Там всё было ясно, как в школьной тетрадке,

От грома до шёпотом сказанных фраз.
И я всякий раз возвращаюсь туда,
Где любят меня, где моё место пусто.
Где рядом идут нищета и искусство,
И дух просветлённый, и в хлебе нужда,

Там сад мой, с хрустальной росой поутру,
Со мною заводит такую игру,
В которой по-прежнему лето.
Деревья мои, будто верные псы,
Затихли и ждут, не считая часы,
Всё преданней с каждым рассветом.

3 сентября 2022

*Памяти отца — ветерана Второй мировой —
Дмитрия Лазаревича Полевого*

Сад — это рай мой на земле,
В нём живы предки и потомки,
Я возвращаюсь сквозь потёмки —
Там ключ остался на столе.
Стена — нестругана доска,
Веранда смотрит прямо в небо.
Там начинается строка
И жизнь, и сон, и боль и небыль.
Там дом отца, там смех детей
И жажда вечная любви,
И чистота и смысл в слове,
И святость жизни без затей.
Туда чужие не придут,
Деревья там, как часовые,
Они — мои, они — живые,
Они меня там вечно ждут.

Прохлада, дым, костёр ночной,
Туман, сажающийся в низины,
И расставания на зимы,
И возвращения весной.
Стрекозы, груши, аромат
Ночной принцессы — маттиолы...
Там рай мой, дом мой, мир мой, сад
Твёрд как орех и не расколот.
Туда чужой не попадёт, —
В тот рай земной, что стал небесным, —
Где сыплет яблоками бездна,
И мой отец за чаем ждёт.

4 мая 2022

*Пока бетховенских аккордов
дрожит струя,
гори, треици, мой шнур бикфордов,
суть бытия.*

Виктор Фет

Даже среди плотного тумана,
Даже с догорающим шнуром,
Даже, если страшно жить и странно —
Пишем, слышим, дышим и живём.
Вопреки? В связи? В дремучей чаще?
В тёмные и злые времена
Строчки в нас рождаются всё чаще
В час, когда опора нам нужна.
Может быть, и возникает свет
Из такой непрочной паутины
В день, когда надежды больше нет,
В миг, когда нас Бог почти покинул?

13 ноября 2022

1

Палитра мира непроста,
Мир не читается с листа,
Дни сжаты до мгновений.
Но, выбирая жизнь и свет,
Понятно — полумеры нет.
И нужен скальпель — вот ответ
Для пятен на рентгене.

Во тьме ночные города
— Сегодня или никогда! —
Остры и коротки слова,
Как выстрелы жестоки.
Но, выбирая жизнь и свет,
Понятно — полумеры нет,
Когда война, когда бои
На юге, на востоке.

2

У каждого своя и правда, и вина,
Дорога и судьба в разъятом мире этом,
Но шрамом на живом останется война,
И скорбь не улетучится с рассветом.

Отступит тьма, воспрянут города.
Разгладит землю солнцем и снегами.
Но как вернуть любовь, забыть врага,
Отставить автомат, расстаться с сапогами?

Анатолий ЛИБЕРМАН

День русской зарубежной поэзии 2022. Составители Виктор Фет и Владимир Батшев. Обложка и заставки Юрия Диденко. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2022. 211 с.

В четвёртый выпуск «Дня русской зарубежной поэзии»ходишь, как в дом, где живут близкие тебе люди, но где не был целый год. Многие «жильцы» обосновались там издавна, а кто-то поселился только что. Дом в целом тот же и по духу, и по именам «хозяев» (Фет, Батшев, Диденко): 69 авторов, среди которых и я, что исключает для меня возможность этот выпуск (как, впрочем, и предыдущие) оценивать и тем более «критиковать». Да и пишу я не рецензии, а обзоры — совершенно особый жанр.

Начну с конца. Большинство стихов в сборнике рифмованные; однако есть и свободные. Я плохо слышу свободные стихи. В англоязычной поэзии в отличие от русской нет равномерно, строгого распределения ударных и безударных слогов: регулярные чередования типа по синим волнам океана; любить и лелеть недуг бытия допускаются, и они нередки, но на «английское ухо» производят впечатление чеканного марша. Немецкие и итальянские стихи организованы, как русские, а для французов вопрос и вовсе не стоит, поскольку в их языке нет словесного ударения и строка потоком движется к концу.

Англоязычных поэтов раздражает «механическая» русская просодика, а люди, впитавшие европейский канон, с трудом научаются читать английские стихи, хоть Шекспира, хоть Фроста. Державин ещё не полностью связан правилами девятнадцатого

века («Венцедаятель, славы Бог / Архистратига Михаила / Послал небесных вождя сил, / Да приведёт к нему вождя земного...»), а Кантемир и вовсе не связан. Мне кажется, что только в англоязычном мире и мог развиваться свободный стих. Писать им вопреки видимости трудно: нет никаких опор (строфики, размера, рифмы), кроме пауз, но должно получиться нечто такое, что было бы поэзией. Можно ведь и газетный текст прочесть с такой задушевной интонацией, что прочитанное покажется лирикой с тонко скрытым подтекстом.

Я позволю себе предположить, что у русского свободного стиха нет серьёзного будущего, но иногда он вроде бы на месте. Например, Яна Кане, сочиняющая на двух языках (русском и английском), пишет: «Зимородок, / Весёлый маленький франт, / Бесстрашный ныряльщик / С земли в воду, / Из воды в воздух, / Недолговечный ловец, / Серебряных рыбок, / В твоём клюве / Трепещет моя душа» (с. 86). Это, однако, семь строк. На столь короткой дистанции не собьёшься. Строчки ныряют, как их герой, и в конце нас ждёт эффектный аккорд: моя душа, как та серебряная рыбка, готова погибнуть в клюве ловкого и неотразимо привлекательного хищника, чей век столь же краток, как и век его жертвы. Но это, повторяю, семь строк! А длинное (свободное) стихотворение «Вечер» — в сущности, стихотворение в прозе — ограниченный в своих возможностях жанр.

Поэт «творит» прежде всего для себя и живёт (или старается жить) «в себе самом», и всё же давно замечено, что на необитаемом острове можно писать дневник, автобиографию, может быть, даже роман, петь псалмы или посылать стихотворные проклятия небу, но вряд ли сочинять лирические стихи. Зарубежные поэты — часть другой страны русского языка: *аллопатрии* (как назвал во введении эту иную родину Виктор Фет), но живут они явно не на необитаемом острове. Некоторые стихи снабжены посвящениями, и связи их с культурой всего человечества

поистине обширны. Вот неполный список имён, упомянутых в стихах этого тома: персонажи Ветхого Завета, греческие боги, Данте, Рафаэль, Шекспир, Сервантес, Бах, Моцарт, Бетховен, Тургенев, Ван Гог, Чюрленис, но и, конечно, Пушкин, Набоков, Пастернак и Мандельштам — куда же без них? Роль переводов очевидна без комментариев.

Среди очевидных и скрытых переключек с композиторами, художниками, но, главным образом, с поэтами, особенно выделяются диалоги Сашы Казакова с поэтессой Луизой Глюк (с её циклом «Дикий ирис»). Он не переводит её стихи с английского, а отвечает своими, которые не затерялись бы ни в каком сборнике:

В весеннем небе клейкие листки
на веточках раздвоенной берёзы
как лёгкие художника мазки,
когда невинные, как слёзы, грёз
вот-вот прольются из девичьих губ,
и он торопится схватить испуг
впервые распутившейся мимозы.

Под деревом головки орхидей,
трилистника, нарциссов, а фиалки
к земле прижали листья потемней
живой букет надежд, пока неяркий (с. 161).

В аллопатрии люди, видимо, инстинктивно борются против изоляции и обнимают весь свет. Стихи зарубежных поэтов заметно больше окультурены, чем в «патрии», но горечь от отсутствия не виртуальной, а реальной среды остаётся. Не могу не процитировать Мартина Мелодьева (стихотворение называется «Второстепенные поэты» почти, как давняя статья Некрасова в «Современнике»):

Поджечь пытаюсь мокрый порох,
дымят сырые фитили.
В сиюминутных разговорах
и мы полжизни провели.

Храбрюсь: «Какие наши леты!»
самим себе противны мы —
второстепенные поэты
незавоёванной страны.

Но иногда и мы умели
связать на улице ночной
витиеватый шар метели
с огнями, окнами, с луной.

И счастье не было нам чуждым,
и упоительность труда.
И нам горела в небе выюжном
второстепенная звезда (с. 84–85).

Горькие стихи. Оттого и запоминаются.

Плохой год (2021) мы прожили, но тот, который наступил, ещё хуже. Дело, разумеется, не только в пандемии. Наша цивилизация гибнет на глазах, и спасти её мы не в силах. Разумеется, не я один так думаю: слишком уж очевидно торжество варваров и не грядущих, а нынешних гуннов. Приведу конец сонета Ларисы Ицкович:

Как легендарный Вавилонский зиккурат
Почти пять тысяч лет тому назад
Разрушен был из-за разноязычья,
Вот так и наш Американский Дом,
Построенный таким Большим Трудом,
Теряет Гордость, Силу и Величье (с. 16).

И Раиса Резник в Америке «то в восторге, то в шоке, то в трансе». «Здесь тепло, да и хлеба здесь вдоволь, / но качает вовсю эту лодку» (с. 70). Пустыня вокруг едва ли внемлет Богу. Андрей Корсаров (Латвия) видит лес небоскрёбов и вытоптаный вишнёвый сад, асфальтовый плен. В память о загубленной земле: «В рамку — пейзаж / На бетонной стене» (с. 52).

Хотя «День» 2022 собирался прошлой осенью, в некоторых стихах, например, у Виталия Амурского, Лии Черняковой и Ларисы Ицкович я слышу отзвуки войны. А в Израиле всегда война, и поэто́му так трагичны стихи оттуда. «Как душе прижиться в мире этом, / Там, где обесценены тела? / Где вчера разорвалась ракета, / Пыль ещё улечься не смогла» (Виктория Левина, с. 92). Из выпуска в выпуск я с изумлением слежу за страстными, сотканными из любви и отчаяния стихами Ханоха Дашевского (с. 23–25). Надо бы, конечно, цитировать большими кусками, но сделать этого я здесь не могу.

На снег ступила ты, как на траву,
И только слёзы падали, не тая,
Когда в свой час к раскрывшемуся рву
Ты подошла нагая и святая.

Слова молитвы бормотал старик,
Ребёнок прижимал к себе игрушку,
И вышел из глубин сознания крик
И оглушил притихшую опушку (с. 24).

Большое стихотворение Дмитрия Казьмина «Старение. Простая благодать...» (с. 126–130) — в сущности, небольшая поэма. Простим ему пастернаковский зачин за то, что так неслучайно, навзрыд слагаются его стихи (рассказ старой женщины): «Любите — любящих. Любить чужих — пустое. / Так трудно быть любимым, нужным, близким, / Так трудно нежным быть... Лю-

бовь — ярмо такое... / Сколь многих я обременила им, / Сколь-
ких обременила я собою — / Крадя любовь и требуя любви, / Что
не была отпущена судьбою, / Но спит младенцем в старческой
крови» (с. 130). «Дай мне напиться / Из решета моих угасших
дней» (с. 127). Такое решето недёшево стоит.

Есть поэты, чьи стихи сотканы из окружающей нас темноты.
Такова Марина Генчикмахер. Хотя никто не посвящает столько
строк друзьям, как она, никто так не общителен и в то же время
одинок, как она (речь, естественно, идёт не о реальной М. Генчик-
махер, с которой я незнаком, а о её «лирической персоне»; мы ведь
вечно сливаем в то неуловимое единое слово свою боль и печаль,
а в жизни едим, пьём, стараемся найти работу хоть сколько-то по
душе, кому-то сочувствуем, кого-то избегаем, и всё это «[в] пределах
пространств, захламлённых безрадостным бытом», с. 11).

Куда б мы ни пошли, безжалостный рычаг
Сметает нас с земли неласковой и подлой.
Сжигают стройных Рив в освенцимских печах,
На хайфских площадях взрывают рыжих Мотлов.

Какой по счёту год мы плачем при свечах,
А книга скорбных дней поныне не закрыта...
И молится еврей, чтоб род наш не зачах —
Презренный жалкий род, бессмертный род Давида (с. 12).

И никому ничего не прощает всегда проклинающий мир
Юрий Нестеренко:

Знаете, а мне наплевать,
Кто кого пойдёт убивать
Кто продолжит верить врагу,
Даже превращаясь в рагу.

...

Одного я хочу сейчас —
 Чтобы больше не было вас!
 Может, и со мной вместе, но —
 Знаете, уже всё равно (с. 19).

Остроумнейший Генрих Шмеркин тоже отрёкся от старого мира: «Покедова, гады и слизи! / И ты, воблоглазый, — не жди... / Живущие — при коммунизме! / прощайте навеки, вожди! / [...] Покедова, ночки порожние — / я всех вас уже сосчитал... / Прощайте, дожди, бездорожье, / прощайте, позор, нищета!». Но мучает нас одна мысль: «Нет, весь я не умру». Надежды, конечно, мало, и всё же: «Строфой насмешливой не вечен, / на склоне лет, на склоне лет — никем как личность не примечен / и неприметен как поэт, // в азартном смертном переpleся / — в пристанище для стариков — / уйду я во свои свояси / на веки вечные веков. // [...] Назло зануде-терапевту / и всем стараниям врачей — я стану самой лучшей нефтью / и вспыхну — в тысячу свечей!» (с. 27–28).

Дмитрий Казьмин, о котором речь шла выше, начал свою полупоэму словами: «Старение. Простая благодать / Полночной слабости, / Когда всё тихо в доме, / Когда уснули дети, внуки, жёны внуков, / И правнуков приплод, раскинув руки, / Весь милый беспокойный, долгий род / Спит вперемешку... (с. 126). И о чём-то похожем, но не раскрытом, пишет Галина Ицкович (кстати, не родня Семену и Ларисе Ицковичам):

Пока томилась в собственном соку,
 Пока по капле убывала сила,
 Я царствовала, лёжа на боку,
 И день последний в календарь вносила —
 И ошибалась. Стаял снег на треть,
 Но Шнееркин дом стать, то бишь Снегуркой,
 Не удалось, и спичкой обгореть
 Не вышло (с. 79).

Сложны отношения с миром Владимира Штеле, мастера выдать абсурд за нечто глубокомысленное и серьёзное и соединить трагическое видение мира с издёвкой над самим собой. Поразительно, сколько разнообразной музыки можно извлечь, играя на одной струне. «На груди моей медалька, / на обочине — люпин. / Впереди кобыла Валька, / сзади пёсик Валентин. // Без конца дорога вьётся. / Любо — тишина, леса... / Пёсик в ручейке напьётся, / а кобыле дам овса» (с. 39). «В избе печурку затопить. / Небрит, лохмат — ну, чудо-юдо. // Как хорошо забытым быть, / Жить без друзей, вина и блуда. // [...] В руке кривая кочерга, / Глаза сощурил, как китаец. / Гудит за стенами пурга / И поле жизни замечает» // (с. 41). «В слободе разбойной жил особняком. / Я по роще хвойной — топ-топ с батожком. // Дебри колдовские, тишь, сова в гнезде. / Хорошо в России, плохо в слободе... Бабы были? Были. Растерял, дебил. / Может, и любили ... может, и любил. // Красоту смакую, топаю, хромой. / В слободу другую? Нет, везде разбой. // Кедр, мхи сырые. Я — как лиходея. / Хорошо в России там, где нет людей. // ... Старый недоумок ... сорок лет прожил... / Бормочу угрюмо: '... может, и любил'» (с. 43). Насчёт общего аршина не знаю, но «хорошо в России там, где нет людей». Это точно.

Изгладилась из памяти, войдя в равнодушную историю, Первая мировая война: не осталось свидетелей. Так, конечно, скоро произойдёт и со Второй. Сгинул Вильнюс, литовский Иерусалим, и сгинуло его прошлое. «... Наверно, не там копаем — / всё ищем Иерусалим. // ... Ушёл он на дно Атлантидой, / он выпал из общего вида. / Ну, что ворошить обиды, / зачем о том горевать. // Замучили ложь, кривотолки, / от той Атлантиды осколки / родители были — и только, / а мы — лишь подножная пыль».

Была там улица Стикло — Стекланная, тоже была да сплыла:

Я больше не шагаю
по улице Стеклойной —
хоть чисто и прилично,
но где её тепло?

Она сама уходит
своей походкой пьяной,
и в сердце проникает разбитое стекло

(Ребекка Левитант, с. 54–55).

Родившийся много позже тех дней Гари Лайт тоже бродит тропами никогда не кончающихся катастроф: «Я вышел из Египта налегке / в толпе таких же — ни левит, ни коэн. / Мы шли по направлению к реке, / Но ненароком собрались у моря. / Про то, что было дальше, не секрет, / хотя интерпретации разнятся / об этом. И о том, что сорок лет / к Обетованной было не добраться. / Тогда я всё же видел Ханаан, / мне те холмы и камни часто снились. / Во все века красоты разных стран, как зеркала, об этот образ бились. / И всякий раз погромы и война, / кровавые наветы, рвы с телами, / волшебный образ заживлял сполна / всё то, что нелюди толпой творили с нами» (с. 134).

И сходные картины видит Игорь Хентов, обращаясь к потомкам тех, кто не выжил: «Мсье Эпштейн, вы богаты, живете в Париже, / Ваша жизнь словно слеплена из шоколада, / А слышали о деде своём Элише, / Что сожжён был в гудящей печи Бухенвальда, // Как нацисты его привезли из Прованса, / Превратив жизнь людскую в смертельную драму? / Уцелеть не имел ни малейшего шанса, / Но он чудом спас Эстер, вашу милую маму» (с. 151). И пан Иоффе жив, и Хаим Шулман из Москвы.

Я не цитирую ностальгические стихи об ушедшей молодости, нищем детстве, незабытой любви. Сделаю всё же исключение

для Андрея Москотельникова (детство) и Евгения Терновского (любовь).

Москотельников

Я родился в Латинской Америке,
Хотя Америки нет там и близко
В тихом доме на улице-скверике
В глубине беспризорного Минска.
Этот город — ничейное детище;
Он в Европу попал незаконно,
Облечённый в дарёное вретиче
Бедолаги колоний пеона,
Под неярким своим небосводом
Он о тропиках грезит недаром,
Населяемый чёрным народом —
Мужичьём с алкогольным загаром (с. 14).

(Напомню, что пеонами в Латинской Америке называют подёнщиков.)

Терновский

Amore amaro <горькая любовь>

Всё нас разделяло — выси и моря,
Зори и закат, и Восток, и Запад.
Шёл я за тобою, каждый день моля
Помнить обо мне, не умирать внезапно.

Но сгорел наш день мгновенный, и, быстра,
Ночь прошла, как пламя, а это немало:
Всё, что нам осталось от нашего костра —
Amore amaro (с. 112).

Много в жизни странностей. Дину Меерсон удивляет, «[п]очему черти не бывают белобрысыми» (с. 57). Я думаю, что появление белобрысых чертей — вопрос недалёкого будущего: сначала в Северной Америке, а чуть позже в Европе. Поэтому я вполне разделяю чувства Раисы Мельниковой: «...и в чёрный квадрат Малевича / ныряет трамвай надежды» (с. 79). Вот только вынырнет ли? Во всяком случае, юмор у нас точно чёрный. Лев Альтмарк в ужасе вглядывается в карантинный мир:

Жена, и та неумолима,
Слюною ненависти брызжет:
Ты захотел сейчас интима?
Давай — два метра, и не ближе! (с. 77).

Не пандемия ли навееяла Славке Гауфбергу стихи о масках: «От-
чего в нашей сладостной сказке / где с любимым рай в шалаше
/ Жизнь на нас надевает маски / От которых так больно душе?»
(с. 104; пунктуация — вернее отсутствие запятых — авторская).
Плохо дело:

Больше нет ни радости, ни боли.
Нет людей, чтоб выучить урок.
Им была дана свобода воли...
Но не впрок

(Сергей Кодес, с. 144).

Спасибо, что можно убежать от мирских забот, спрятаться
в глуши:

Тут покой озёрный, да эха шёпот,
Лишь подбрось под вечер в огонь поленьев...
Поживёшь тут с месяц. Накопишь опыт
И напишешь пьесу — ну, как Тургенев

(Людмила Лурье, с. 142).

Да и вообще, живы мы ещё. Правильно заметила Анжелика Миллер: «Скоро эта жизнь кончится, / А в другой нам быть призраком» (с. 99).

Кое-кто не обращает внимания на карантин, гуляя по безымянному городку: «В городе, не попавшем на карту / большой страны, / мы гуляем без масок...» (Александр Немировский, с. 93), а Григорий Яблонский, хотя и грозит в песне Страшным Судом, сообщает: «Но чудо состоится. / Суд будет долго длиться. / И приговор отменят, / а Суд перенесут» (с. 147). На той же странице читаем: «Когда в душе морозное ненастье / И боль скребёт по сердцу нестерпимо, / Одна надежда — всё же будет счастье, / Пусть малое, но не проскочит мимо» (Иосиф Рабинович, с. 147). Блажен, кто верует и рифмует ненастье со счастьем.

В самом начале я написал, чтоходишь в этот выпуск, как в знакомый, близкий дом, и я не могу не упомянуть Семёна Ицковича. В отличие от многих (включая меня), он оптимист. «Америка, ей-богу, возродится», — пишет он (с. 19). Возможно, если варвары, подобные тем, которые разрушили опустившуюся, погрязшую в пороках Римскую империю, проникнутся духом когда-то великой, сожжённой и разграбленной ими страны. Но забудем политику и полемику. Вот, что он пишет:

Немыслимо: мне девяносто лет!
И я ещё живу, я в двадцать первом веке,
И свет давно угаснувших планет
Усталые мои ласкает веки (с. 18).

Россияне и многие за пределами аллопатрии, я уверен, присоединятся ко мне:

Вы так достойно представляли нас
Все эти годы,
Что хором разношёрстный наш Парнас
Поёт Вам оды.

Не лесь, а восхищенье в них,
А Вы моложе молодых.

(Увы, замечательный публицист Семён Ицкович скончался в Чикаго 14 ноября 2022 г. — Прим. сост.)

Всякий, кто прочтёт ДРЗП 4, признает, что аллопатрия не посрамила русскую поэзию, и оценит нетривиальность ее взгляда на мир и изощрённость стиха. Не одни второстепенные поэты рвутся и прорвались на наш разношёрстный Парнас, где бы эта гора ни возвышалась.

В отдел оригинальной поэзии вмонтировано и некоторое количество прозы: два отзыва на предыдущий «День» и подробная рецензия на десятый выпуск литературно-художественного альманаха «Связь времён» за годы 2018–2020 (Сан-Хосе, 607 с.) Его составитель — Раиса Резник (в «Дне» она представлена подборкой оригинальных стихов). Когда-то был анекдот, что, если с трапа самолёта, привезшего советских эмигрантов в Израиль, спускается пассажир без скрипки, значит, пианист. Порой кажется, что в аллопатрию приехали только прозаики и поэты.

Яна Кане рассказывает о потрясении, испытанном ею при первом знакомстве с творчеством Анны Ахматовой. За подборкой стихов Евгения Терновского следует рецензия на его недавний сборник (Александр Урусов), а за стихами Игоря Михалевича-Каплана — давнее письмо (1988 год) Евгении Жиглевич о его нескольких публикациях. Также впервые увидело свет письмо Тани Масалитиновой Виктору Фету о пребывании в 1931 году Игоря Северянина в Болгарии. А. А. Пушкин вспоминает К. К. Кузьминского (1940–2015).

Возвращаюсь к вопросам формы. Пишущие сегодня избегают точной рифмы: тарелке / мелкой, залогом / немного, чай /

печать, стая / забываю, утром / пурпур, и так почти на каждой странице. Поэты двадцатого века неслучайно рвались на новые просторы. Кое-чему научились у них и мы, хотя ясно, что миру нужен только один Хлебников, один Маяковский и т.д., так как авангард легко превращается в самопародию. Как сказано, некоторые из наших современников ушли в верлибр. Другие ищут выхода в предельно броской образности. Такова Лия Чернякова:

Когда реттайм полночного пути
Несёт тебя, за плечи обхватив,
Внезапно вспоминаешь тот мотив,
Навязчивый, запетый, неугодный,
Нанизанный на ниточку свободы,
На веру в хлопнуть дверью и уйти (с. 9).

Ржавым осколком голос торчит из горла,
Ржавым пятном по карте расплылся город.
Вспоротым ртом, бинтом, фантомом атаки
В ржавое небо рвутся чужие танки (с. 10).

Дорога петляет меж морем и морем,
Как жизнь между молотом и наковальней,
Как бьётся душа между небом и небом
Коралловой рыбкой, смешной и нахальной,
Навязшей в зубах у китов мироздания,
Кружится пером экзотической птицы... (с. 10).

Но, конечно, разбирать поэтику сборника — задача невыполнимая.

Как и раньше, разнообразен и содержателен в «Дне» отдел переводов. Вита Штивельман, поэт и переводчик, рассказывает о жизни её отца, человека во всех смыслах незаурядного, и публикует его переводы с немецкого и с идиш. Сама же она переводит с английского. Как автор и как переводчик, кроме Виты

Штивельман, в «Дне» представлены Яна Кане, Марина Тюрина Оберландер, Андрей Москотельников, Саша Казаков, Алишер Киямов, Андрей Корсаров и Сергей Кодес, причём Кодес переводит с трёх языков. Сам по себе этот реестр столь же малоинтересен, как дочитанный даже до конца список кораблей в отдалённой гавани, но он свидетельствует о богатстве нашего поэтического цеха. И языков представлено немало: английский, немецкий, идиш, испанский, словацкий, венгерский и таджикский. Серьёзный комментарий к некоторым переводам вызовет, я думаю, всеобщее одобрение: иноземные авторы нуждаются в подробном контексте и, чем больше мы узнаём и о них, и о принципах перевода, тем ближе становится нам чужая культура.

Поразительно по размаху и успешности начинание Виты Штивельман. Её усилиями знаменитое в Канаде стихотворение Джона Маккрея «В полях Фландрии» переведено на десятки языков. К этому проекту, по достоинству оценённому в Канаде, присоединился и Виктор Фет, переводивший Л. Кэрролла на русский и организовавший перевод «Алисы» на десяток языков.

Сборник полон «звуков, звонких и глухих» (Андрей Корсаров, с. 52: он говорит о ночи, не о сборнике); тем и хорош. Составить его — огромный труд. Поразительно, как мало в книге опечаток, и то, что почти вовсе нет столь обычных и столь раздражающих компьютерных дефисов в середине слов. Замечу лишь (далеко не в первый раз), что знаменье надо ударять на первый слог (остальные, очень немногочисленные мои претензии к ударениям пропущу: я ведь пишу не рецензию), а ни при чём — это три слова, и именно такие, как здесь.

«ДРЗП 2022» вышел. Теперь главное — довести его до библиотек, библиографий и читателей.

Виктор Фет. Вскипает лава. Стихотворения и пьесы.
Dundee, Scotland: Evertime, 2022, 130 с.

Заглавие недавнего поэтического сборника Виктора Фета рождено гневом и отчаянием свидетеля войны на Украине. (Кстати сказать, Фет не только свидетель, но и активнейший организатор помощи Украине, но об этом, естественно, в стихах ничего нет). Ниже мы увидим, что сборник не целиком посвящён войне. Хотя Фет вырос в новосибирском Академгородке, родился он в Кривом Роге («криворожское детство моё», с. 4). Меньше всего в его стихах плакатного патриотизма (его там нет нисколько). В них ужас и скорбь от происходящего, надежда на победу справедливости, размышления об истории и многое другое: перед нами лирика, а не агитка. Когда маньяк Хинкли ранил президента Рейгана, тот спросил на операционном столе у хирурга: «Надеюсь, вы республиканец?» — и услышал в ответ: «Сегодня мы все республиканцы, господин президент». Так и мы: сегодня мы все украинцы.

Что бы ни происходило в мире, Фет постоянно думает о роли и судьбах языка в истории и особенно в эпохи кризисов и катаклизмов. Больше века терзают русский язык тираны из новых, поставившие его себе на службу:

Язык мой

Язык мой, друг мой неизменный,
сто лет, как хрустнул твой скелет
у бездны на краю вселенной;
в тебе опоры больше нет.

С нуля приходится сонет
реконструировать, как генный
забытый код; как крови венной
пассивный ток; как тусклый свет

безгласных рифм. Твоя громада
уходит в топь, как скифский клад
в глубины угро-финских блат,

туда, в граниты древних плит,
куда твой смысл прогорклый слит
и занесён слоями яда.

Всё же он, проклиная прихвостней и «презренных потомков», надеется сохранить русский язык «в руинах Вавилона» (с. 5). Вот его символ веры: «История есть мёртвая вода. / Там, где душа от слова отлетела, / уже не будет лучше никогда» (с. 15). Постоянно, изо дня в день (все стихи этого цикла датированы с календарной точностью) возвращается он к своей главной мысли:

...мы позабыли все слова
под гнётом памяти и боли,
как на страницах естества
необозначенное поле.

Мы отменили языки
и только песен огоньки
всё теплятся под слоем пыли,
но все слова мы позабыли (с. 29).

Трудно человеку жить без надежды, а поэту — обходиться без языка. Есть у Фета стихотворение «Будущее». Вот его финал:

Но истекли лета, и солнца нет,
долины дней давно погребены
под тлеющей войны торфяниками;
но в залежах полумразного песка,
мне кажется, хранятся наши сны
на иероглифах праязыка (с. 51).

Вторая часть сборника («Из довоенных архивов»), в сущности, о том же: о человеке перед картиной прошлого (не забудем, что Фет — биолог-эволюционист, и прошлое для него полно смысла) и перед лицом будущего; о зарождении и гибели культуры (а значит, и языка). Одно из лучших стихотворений на эту тему называется «В былые времена». Эти полумифические времена Фет не склонен идеализировать («стояла вечная война: / без отдыха и сна / сражались насмерть короли / за выжженный клочок земли / в былые времена»; *в былые времена*, как эхо, кончает каждую строфу). Но в те поры началась история, которая не могла не стать жестокой. И вот, что мы видим:

Ещё имелись имена,
слова имели племена
для хлеба и войны,
слова для ячменя и ржи,
слова для истины и лжи
в былые времена.

Их создавал пленённый дух,
их узнавал врождённый слух,
и плакала струна
на дне едва возникших душ,
в пустые дни, в большую сушь,
в былые времена (с. 65).

Всё так, всё точно так. И придумали слова, которые дошли до нас, а мы пытаемся разгадать, кто и когда их сочинил, и оста-навливаемся в недоумении, когда оказывается, что слово *ложь* у некоторых народов древнее, чем слово, означающее правду.

Этот раздел сборника полон отсылок к давней и недавней литературе. Есть стихи, навеянные Александром Городницким, Игорем Северяниным, Гербертом Уэллсом и даже Гоголем («Откуда взялся Хлестаков»). Мелькают Кавказ и Рим, а на их фоне потёмкинские деревни. Выборка охватывает годы от 1975 до 2016: видимо, сюда попали самые дорогие для Фета стихи. Через десять лет после смерти обращается к нам Галич:

В марте водкой столы уставлены,
Всё тоскуют, что рано помер он,
И мелькают портреты Сталина
На машинах с московским номером.

Век двадцатый уже кончается,
Наши внуки уже венчаются.
Что же вы ничего не поняли,
Ничего из грязи не подняли? (1984; с. 73).

Грустная вещь — история, куда ни посмотришь.

Книга заканчивается разделом «Театр». Герои двух пьес — Нерон и Прокруст. В высшей степени назидательное чтение. Я бы хотел заключить свою крайне неполную аннотацию сборника цитатой, вырванной из предисловия: «Мы — последнее поколение выросших и учившихся на классическом имперском языке, волнами эмиграции нёсшие его с собою в рассеяние по всему миру. Мы пишем для тех немногих, кто будет читать нас по-русски, как читают сегодня латынь — в будущих университетах Киева, Казани, Каталонии, Атлантиды...» (с. VII). Неужели так? С живыми на мёртвом языке? Воскликнем горестно с Пушкиным: «Но не хочу, о други, умирать».

Николай ЛОБАНОВ

Нежность военного времени

Когда, опустошая тишину,
Сознание третируют сирены,
Когда, взывая к завтрашнему сну,
Пытаешься увидеть перемены,

Когда в душе запойные дожди,
Когда в глазах краснеющих ненастье,
Когда неразличимы впереди
Пространства заштрихованные части,

Когда стекает полночь со стекла,
Крест-накрест переклеенного лентой,
Потребность хоть какого-то тепла
Вдруг проступает сущностью момента.

Мужается, линчуя суету,
На поле жизни Бог, у самой кромки...
И нежность накрывает пустоту
Зияющей внутри тебя воронки.

СНЫ военного времени

Мне снились яблоки и груши,
Дремучий лес и юный сад,
Корабль, плывущий вдаль по суше
(И не вернувшийся назад).

И льдом накрывшееся лето,
Немая звукопись огней
И будней завтрашних рассветы,
И угольки вчерашних дней.

Мне снилась битая посуда,
Воронки лет, кремлёвский бес
И ангел, выбравшийся чудом
Из-под руин жилых небес.

Дети войны

Законы памяти нарушив,
Тщеславный дьявол пишет: «мы»
И ложью потчует умы,
И околачивает души
Под канонаду адской тьмы.

И миллионы зрячих слепы,
Удавкой режет слово «нет»
И на границе мрачных лет
Нерастаможенное небо,
Неконвертируемый свет.

Мелькают тени алчных фурий
И гонят день минувший прочь,
Таясь, притихли сын и дочь...
И здешний ангел нервно курит,
С предохранителя сняв ночь.

Давным-давно

Когда-то раньше, до войны,
Когда ещё Господь кино
Крутил нам про сорвиголов,
Мне снились бежевые сны
И пелось юное вино,
И градус креп заветных слов.

И я когда-то был иным,
И мир подвластен был уму,
И зеленел надежды сад
Давным-давно, давно-давленным —
Далёких восемь дней тому,
Лгу — вечность целую назад.

Виною мается герой:
Куда несёт событий рок
Всех нас на краешке земли?..
Вчерашний день — не за горой,
И задувает ветерок
Звезду, плывущую вдали.

Дырявый бублик тишины.
Хоть сны тревожны и темны —
Рассвета в сердце благодать,

Мне до тебя, как до луны,
Мне до тебя, как до войны, —
Рукой подать.

Киевский вальс

— Что происходит на свете? — А просто зима.
Юрий Левитанский

— Что происходит на свете? — А просто война.
— Просто война, ты считаешь? — Признаться, не просто:
Солнце увядшее, чёрные травы у моста,
Трижды распятая гостем незванным весна.

— Что же за всем этим будет? — А будет рассвет.
— Будет рассвет, ты считаешь так? — Да, я считаю,
Небо дырявое нитью суровой латая
И подшивая печальные весточки лет.

— Чем же всё это окончится? — Песнями птиц,
Памятью горькой, надеждой и словом заветным,
Не поспевают рассветные мысли за ветром,
За бесконечной мозаикой буден и лиц.

— Что же из этого следует? — Следует быть,
Просто всего лишь не кем-нибудь быть — человеком,
Сердцем продрогшим срастаясь с обугленным веком,
Не разрывая времён обессточенных нить.

Следует быть, ибо, сколько ни длиться войне,
Божьему свету черёд свой настанет пролиться,
Нам ли друг в друга обратно с тобой не влюбиться,
Нам ли с тобой не бродить при стыдливой луне?..

Крутится-вертится нехотя шар голубой,
Нам ли не верить с тобой, как и прежде, друг другу,
Нам ли не мчаться, счастливым, по яркому кругу...
Только пока, потерпи, — продолжается бой.

Наш

Домик белый в небе спальном,
Бог, живущий в зарубежье, —
То ли в ближнем, то ли в дальнем,
То ли где-то возле-между.

Он серьёзен, тих и замкнут,
Солнца луч — любви радаром,
Миллион воздушных замков —
Птицам певчим божьим даром.

Наши лайки — правде голой,
Вдалеке, под звуки лиры,
Молодясь, летает голубь,
Сизокрылый голубь мира.

Час раздумий: годы тают —
Кто нам друг, а кто редиска?
Ну, а голубь — тот летает
Тихо-тихо, низко-низко.

Хорошо, на солнце нежась,
Вспоминать про званный ужин,
А вдали от зарубежья
Беспредел и тихий ужас.

Поле брани. Стали грудя.
Солнце, майна! Солнце, вира!..
Наши чада верят в чудо,
«Отче наш» читая миру.

Глянь — в сердцах надежды долька,
Грех расспрашивать, но всё же:
«Чей ты, Отче: наш — и только?
Или их, незваных, тоже?»

Тишины угар. Обидно.
Век скукоженный — пробелом,
Полумрак, ни зги не видно,
Только домик, белый-белый.

Война без ретуши

Казнить, казнить... Помиловать нельзя.
Поджав хвосты, кучкуются кометы,
И путь, что именуется стезя,
Тебя уводит в сумерки рассвета.

Там небеса — на должной высоте,
И звёзды-камикадзе тучи роют,
Там бродят в отсыревшей темноте
Контуженные памятью герои.

Скулит весна, затёртая до дыр
Мечтами саблезубого злодея,
И трижды не убитый командир
Зовёт в атаку павших за идею.

Ребёнок седовласый у столба
(Укор не ближним — замершей планете)
Твердит самозабвенно: «Жизнь — борьба»,
Раскачивая съёжившийся ветер.

Там пахнет гарью, кровью и свинцом,
Там левый берег снова крайне правый
И медсестра, склонившись над бойцом,
Вставляет сердце в медную оправу.

А быть может

Птичка, птичка, запятая,
Пулей — туча холостая,
Неба хрупкий колосок.
Годы наши заплетая,
Облака в полях витая,
Держат путь наискосок.

Запятая, птичка, птичка,
Не ворона, не синичка.
Слова синий мотылёк,
Солнца вредные привычки,
Взято прошлое в кавычки,
Жизнь — искрящий уголёк.

Ранний завтрак. Поздний ужин.
Божий свет мечтой контужен —
Запастись любовью впрок.
Строк постель: рассвета стужа,
Дождь, запутавшийся в лужах,
Ускользнувший ветерок.

Что так мучит и тревожит,
Что так души наши гложет —
Беспощадно пошлый быт?
Тишины закатной ложе,
Любишь ты меня, быть может,
А быть может — может быть.

Чудеса военного времени

Огня расплавившийся звук,
Письмо из выгоревших точек
И текст, в котором нету букв, —
Лишь паутина рваных строчек.

Но, растопив бумаги снег,
Ночь поглощает мыслей смуту
И ускоряет время бег,
Транжируя полые минуты,

Выносит спешно за поля
Руины, раны, похоронки
И бронзовеют тополя
В зеркальном омуте воронки.

Минует память ворох лет,
Размолвки, беды, передраги
И ближней робкий силуэт
Вдруг проступает на бумаге.

Действия

Катилось небо под уклон,
Слипались точки горизонта
И выпит был одеколон
Бойцами видимого фронта.

Светило солнце прямо в глаз,
Приумножались незадачи,
Неприкасаемый запас
Заветных мыслей был растрочен.

Был переполнен лазарет,
Бродили ангелы по трое
И, заарканив белый свет,
Глумился дьявол над героем.

«Переиначить все мечты!» —
Дана была команда свыше
И в промежутках маеты
Съезжали дрогнувшие крыши,

Сносило башни тут и там,
Всё обнулялось — дни и лица,
И к обезвоженным цветам
Тянулись замершие птицы.

Я слушал исповедь огня
И понимал — король-то голый,
Я помнил, как в потёмках дня
Воспламеняемы глаголы.

Я верил — свет не за горой
И кожей чувствовал, в запарке,
Как, зеленея, держат строй
Деревья в сумеречном парке.

Краем уха

Краем уха я услышал,
Что звезда, листая годы,
С кем-то шепчется на крыше
О душевных непогодах.
В полутьме — не отогреться
И оттенок дум — оранжев,
Я увидел краем сердца
То, о чём слышал раньше.

Нервно ойкали берёзы,
Шумно охали осины,
Я учуял краем носа —
Дело пахло керосином.
Мгла колючая редела,
Лез рассвет, пыхтя, из кожи,
Чем ещё там пахло дело —
Догадался я попозже.

Яро ныло караоке
И Днепра дымились кручи,
В общем, случай был нелёгкий,
Был тяжёлым слишком случай.

Ветхий мир война колышет,
А поэт, снося разруху,
Говорит вам, ЧТО услышал
В полумраке краем уха.
По тропинкам бед кочуя,
Обезглавив знак вопроса,
Признаётся, ЧТО учуял
В ночь глухую краем носа.

Жало слов — огнеопасно,
Берег левый. Берег правый...
Впрочем, тут и так всё ясно
Хомосапиенсам здоровым.
Века сгорбленные плечи,
Солнца детская площадка,
Время лечит и калечит
Милосердно и нещадно.

И, к зиме готовя сани,
Лет ветируя кавычки,
Разгадать рискните сами —
Кто кому здесь доктор нынче?
...Съёжась, мир притих опальный,
Но, солируя поэту,
Обживает утро спальню,
Растекаясь по паркету.

Снова небо светородно,
Истин липовых руины,
Если дышится свободно —
Дело пахнет Украиной.

Ян ПРОБШТЕЙН

* * *

На небе — звёзды, на земле — кресты,
на свастику похож зигзаг удачи
и оловянный взгляд незрячий
в преддверии всемирной пустоты.

март 2022

* * *

Все заботой озабочены
что вокруг всё заболочено
что вокруг всё заколочено
скособочен здесь плетень
кто-то здесь наводит тень
на грядущий светлый день

устаём любить мы ближнего
устаём любить и дальнего
устаём любить Всевышнего
сокровенного печального...

но и ненавидеть тоже
вразуми убогих Боже
можно ли не на крови
нам построить храм любви.

* * *

Мы живём в камерном мире
в эпические времена
наши современники-сокамерники
несанкционированно выходят
на просторы социальных сетей
и за каждый виртуальный выход
получают реальные сроки.

Выходя на улицу оглядываются
чтобы не попасть под машину
или в автозак.
Государственная
динамо-машина
набирает обороты и штрафы грозя
превратиться в перпетуум-мобиле.

* * *

Из газет выползают
крупные трупные черви.
Кишит убийствами мир.
Растрава расправа справа
и слева расправа
семь пар нечистых
и семь пар центристов
ибо ты тёпл
а он остыл
был он горяч
стал он незряч
и повёл народ за собой

* * *

Нет мочи мочь и сил осилить
что и не стоило усилий прежде
и нет нужды в надежде
когда лишь наждаком по нервам
скрипит скрипач на крыше
и затаившись в нише
блеснёт луны осколок на ущербе

Ущербный мир ощерился как ящур
какой-то у него коварный прищур
он кривизной мерцает словно сфера
чтоб выпрямить его — какая вера
нужна нам — смертного замера?

2022

* * *

Человек на выдумки горазд
но за веком век человек
сумел лишь выдумать ад
и на это потратил свой век

* * *

у человечества
коченеют конечности
вначале отмирает мечта
о вечности
потом о человечности

* * *

Вышли из преисподней
На Пасху орки и бесы
Харьков бомбят и Одессу
Неужто воскресе...

* * *

Мир иной — не война и мир,
не Магадан, не Таймыр
он словно дар нам дан
а мы растратили этот дар
развеяны по ветру
люди годы жизнь —
это ретро
на самой горькой из тризн
апрель 2022

* * *

Как всё вокруг похоже на муляж —
езде музеи восковых фигур
таксидермист набьёт десятки шкур,
а за окном почти живой пейзаж —

он вскоре испарится, как мираж,
победу нагадает нам авгур,
а после мы пойдём на перекур —
наперекор себе судьбе воздашь...

иль ждать, когда раздастся Божий гром,
услышать: «Мне отмщение, Аз воздам!»,
превозмогать отчаянье Любовью,

когда стирают в прах за домом дом
и смерти смерч идёт по городам,
и мир встаёт, умывшись свежей кровью.

июль 2022

* * *

Жизнь до ковида, до войны —
Как мало в жизни было жизни,
Как много в жизни стало смерти,
Как будто мы попали в сети —
Мы все теперь войной больны,
Как будто мы живём на тризне.

Живём в преддверье перемен
Или нам это только мнится? —
Вокруг распад, глумление, тлен,
Благонамеренные лица
Глядят из омута времён.

Мы ненавидим и не видим,
утратив внутреннее зренье,
мы даже муху не обидим,
а человека втопчем в грязь,
и в этом видим наслаждение,
когда времён распалась связь.

Но станет горькою вода
И отворится кладезь бездны,
Падёт полынная звезда,
И снимут пятую печать,
И мир испуганный, болезный
Седьмой печати будет ждать.

19 августа 2022

* * *

Как песочные часы, мир перевернулся.
У некоторых пошатнулись нравственные ориентиры.
Всё обнулилось — лишь трассирующих пуль пунктиры
Да взрывы там, где конец перспективы.

Приближение к отторжению —
это тоже движение.

Неандертальцы, патриоты пещеры,
вспомнили о кольце нибелунгов.
Те, кто плыли по течению, приплыли
туда, куда их принесло или занесло.
Те, кто плыли против течения,
попали в водовороты или в переплёты.
Были ещё созерцатели —
стояли и наблюдали безучастно,
но были ещё и свидетели—
писали летопись несметного
смутного времени.

сентябрь 2022

* * *

У всех у них одноразовый разум
и сердце, и печень,
и глядят они в мир единственным глазом,
как циклоп Полифем,
ослеплённый тем,
кто назвался Никто,
и смотреть им уже вроде бы нечем,
но слепцы их ведут за собой
в последний решительный бой.

сентябрь 2022

* * *

Как мало было лет и лета.
Слова роняю безответно
На поседевшую страницу.
Но это не в кошмаре снится.

Мир содрогнулся от насилья:
Кто от бессилья с отвораченьем,
Как те, которых не спросили,
Но есть и те, кто с вожделеньем,
Решив теперь, что можно всё,
Что всё дозволено теперь
И заповеди отменили —
В ничто распахнутая дверь,
И раскрутилось колесо:

Несутся месяцы и даты,
Летят убитые солдаты,
Их ноги, головы и руки,
Снаряды, старики, старухи,
Безрукие младенцы, дети
В густом, как почва, рыхлом свете,
Освободясь от мук, легки,
Вступают во владенья смерти,
А мы глядим на кадры эти —
И дрожь до кончиков волос,
Как риторический вопрос,
Но это не в кошмаре снится.

Как мало было лет и лета.
Слова роняю безответно
На поседевшую страницу.

сентябрь 2022

* * *

Одно дело в морской бой играть
И выкликать: Б-3, Б-4, Б-5,
А другое — корабли и мосты взрывать.
Одно дело в войну играть с деревянным мечом
И воевать с крапивой и репьем
А потом устало в траве лежать,
А другое — лежать во рву
С остекленевшим взглядом,
Навсегда безразличный к наградам.

* * *

Всё проходит, пройдёт и это —
Эта осень, ещё нежна,
Это тёплое бабье лето,
Не проходит только война —

В небе чёрном и в котловине,
Наблюдаем бессильно с тобою,
То ли в Сирии, то ль в Украине,
Вековая осада Трои.

октябрь-ноябрь 2022

* * *

Нас преследует человек с ружьём,
и для нас один выход здесь —
не бежать в катакомбы, а в том,
когда бомбы сыплются, сея смерть,

взять ружьё, как и он, автомат,
миномёт и гранатомёт —
превратим эту землю в ад
или в рай — как повезёт.

Мы пойдём с тобой наугад —
угадай-ка, куда забредём —
попадём прямиком то ли в ад
то ль в рай с тобой пропадём.

15–16 ноября 2022

Марина ЭСКИНА

* * *

Не смотрю утром новости, и без них узнаю —
все невинно убиенные уже в раю,
говорит мне огонь, который под сердцем в груди зажат,
а убийцы, кто камнем лежит в земле,
кто разлагается заживо в своём кремле,
выстроились в очередь в ад.

Из прапамяти торчит арматура взорванных стен,
рассечённое время ничего не даёт взамен,
это мама, в придачу к теплу и ласке, мне
доверяет свою блокаду, хочет расквитаться со злом,
отодвигая ложь, защищает меня крылом
своей детской боли, в которой я, как в броне.

Мы с утра теперь не смотрим друг другу в глаза,
потому что взглядом не пересказать,
что случилось в этом безумном мире за ночь,
потому что «гибель богов» это смерть детей,
и царапать ногтями грудь не поможет ей,
матери, что в живых осталась.

Даже у музыки не хватает в октавах нот,
кроны сломаны, сожжены, ветер в них не поёт,
дома нет, неужели цветы расцветут без спроса
там, где был палисадник, где нет сейчас ничего,
ни весны, ни пения птичьего,
только лакримоза.

* * *

Рассчитайся на первый-второй,
первый в строй, а второй в перегной,
первый к брусьям, второй — на ковёр,
холодок по спине до сих пор,

первый с вилами, с дулом второй,
это двор, увлечённый игрой,
не казак, не разбойник — стратег,
я в плену и готовлю побег,

синегубого детства настой
заедаю сухой немотой,
соловей наш, разбойник, — жесток,
голубой хула-хуп мой шесток,

не ходите в разведку со мной,
пытки мне не стерпеть ни одной,
и, принять не готова позор,
я во сне не спускаюсь во двор,

пограничник Гарькавый, прощай,
на заставе цветёт Иван-чай,
до свидания, Город-Герой,
отпустил меня первый-второй.

* * *

О, панельно-блочный дом пятиэтажный —
Отчий рай досрочный, или был ты башней
Из слоновой кости, где «Москву» на «Юность»
Нам меняли гости, где душа проснулась.
Провод удлинённый, тайн хранитель важных
Телефон надомный, хоть звони из ванной.

Газовой колонки гул стрекочет в ухе,
Или голос ломкий Галича на кухне.
В спальне — райским садом — гарнитур венгерский,
Там, со шкафом рядом, мой топчанчик детский.
Шкаф вальяжный, крепкий, прятать не боялся
В обувной коробке «Роковые яйца».

* * *

Памяти Г. А. Ш.

Жаль эти пальцы в артрите, ногти с облупившимся красным лаком,
Жаль ненаписанные воспоминания, запутавшиеся в паутине
Беспамятства: об эвакуации, о работе над «синим» Блоком,
О тётках — дягилевских балеринах в Париже и в Аргентине,
О женихе, ограбленном и убитом
В экспедиции на корабле, в каюте,
О блокаде — съели кошек, потом собак любимых,
Об Ахматовой, Лидии Гинзбург — великих антисоветских людях.
Кто будет помнить гостеприимство, хлебосольность,
материнскую невостребованную ласку, упрямство
в достижении цели и школьность, вольность,
кокетливую, ироническую улыбку, постоянство
в дружбе, широту, душевную щедрость,
студенческую, в Гарварде, постановку «Ревизора»,
вдовью растерянность после похорон и крещендо
сиротства, попытки спрятаться от позора
старости, болезней, унижительных для души и плоти.
Прямая спина — но дворянства оборваны нити —
помада, и неизменное — одиноко, на — как живёте?
И пальцы неухоженные, в артрите.

Центон

Выпей чаю от печали,
скушай персик от тоски,
по одежке привечают,
проводжают до доски.

Как художник, мелкий дождик
меткие кладёт мазки,
но колеблют твой треножник,
пачкают тебе мозги.

Всё, что было сердцу мило,
всё в тебе, а не вовне.
Помнишь очередь за мылом,
Мене текел — на стене.

Хочешь, вольный житель мира,
звуки гнать из рода в род,
но прославленного пира
в рот не лезет бутерброд?

Ждёт тебя твоя берёза
у помойки во дворе,
или это рифма «роза»,
соль звезды на топоре.

* * *

Понедельник, что ли, взять на пробу,
всё начать сначала, чем чёрт не шутит,
вот моя дорога, мой путь особый,
начиная с младенческих, млечных штудий,

До свиданья, опыт, а был ли опыт,
память межпланетные шлёт сигналы,
прописные истины автостопом
убывают в мир бесконечно малых,
комсомолкой ли, сообщая со всеми,
я клялась бороться, и петь, и строить,
мне четырнадцать лет — оставаться в теме
в 68-м оказалось стрёмно,
а начало, вдруг, от конца так близко,
то — я снова с книгой в кустах сирени,
то — темнеет вытоптанная в снегу записка,
и её «прости» проникает время.
Ах, прости-и-прощаай — распевает птичка,
а мерещилось — горы за поворотом,
раз уж Бог не выдал мне ключ скрипичный,
поскриплю пером на прощанье, что там.

* * *

Так невидимый ручей перешагнуть,
Чтоб ни всплеска, разве может быть чуть-чуть
Кто-то всхлипнет, кто-то коротко всплакнёт,
Тело душу нерадивую вернёт.
Ей неведомо, что дальше предстоит,
Может, там сейчас на души дефицит,
И отправят бедолагу в новый путь,
Ты, душа, мои сомнения забудь,
И весельем, что тебе недодала,
Заполняй свои заботы и дела,
И под скрипочку, не забывай, пляши,
Нет занятия полезней для души.

Анатолий ЛЕМЬИИ

Мы вернёмся ещё на Андреевский спуск

Эти дни в нашу память впечатаны вхруст.
И когда отгремят боевые,
Мы вернёмся сюда, на Андреевский спуск,
Все — и павшие, и живые.

Каждый дом нам родной, каждый камень знаком,
Даже воздух — для лёгких отрада.
Здесь Булгаков, укрытый мешками с песком
От обстрелов и чуждого взгляда.

Здесь Андреевский купол увенчан крестом,
Словно окаменевшее знамя.
Мы поднимем стаканы за вечный Подол,
И, помедлив, за тех, кто не с нами.

Позади — времена: не бывало подлей.
Впереди — лабиринт раскалённый.
Нам не будет покоя на этой земле —
Победителям и побеждённым...

Я — человек, выползающий из руин

Я — человек, выползающий из руин.
Еле живой, окровавленный — и один.
Где-то в завалах остались мои друзья.
Господи, на хрена тебе жизнь моя?

Я — человек, еле выживший между плит,
Рухнувших, сокрушивших привычный быт,
Камни пробил я и вроде пока живой.
Господи, что мне делать с самим собой?

Я словно призрак эпохи, которой нет,
Брошенный среди крошева прошлых лет,
Кость перегрызший и выползший в никуда,
К новой эпохе, сметающей города.

Я не укор вам, я просто ещё живу,
Длюсь, не сдаюсь, сохраняю свою главу
От помешательства, рухнувшего на нас.
Господи, что ты ещё для меня припас?

* * *

Я — нигде, кроме этого тела. Но я везде.
Я распят на истории, на каждом её кресте.
В венах моих бродят мамонты и мустанги.
Я ещё не рождён, но уже старик.
Голос мой тих, но порой заглушает крик.
Я шаманю в яранге и полыхаю в танке.

Правая рука моя — в пламени на Майдане.
Левая — вмёрзла в лёд в Магадане.
Сердце моё в Освенциме из-под пепла зовёт.
А в голове — слова Соломона: «и это пройдёт».

В каждом живом существе повторяюсь я.
С каждой смертью гибнет и часть моя.
А потому нет границ меж адом и раем.
Я в себе соединяю и свет, и тьму.
Бог создавал себя по образу моему —
То-то Адама он вылепил разгильдяем.

Правая рука моя — в пламени на Донбассе.
Левая — под развалинами в Одессе.
Сердце моё в Мариуполе из-под руин зовёт.
А в голове — слова Соломона: «и это пройдёт».

Скитальцы

Вырвались без прощаний.
Вещи — и на вокзал.
Как там теперь Почайна,
Верхний и Нижний Вал?

Жили — да не дожили,
Перехитрили зло.
Поезд наш не бомбили.
Всё-таки повезло.

Вот и пришлось кататься
Нам на закате дня.
Кто мы с тобой — скитальцы,
Беженцы из огня.

Нас окружает мирный,
Праздничный, неземной
Город гостеприимный,
Но, увы, не родной.

И не найти причала,
И не обжить привал.
Как там моя Почайна,
Верхний и Нижний Вал?

По Нижнему Валу метёт листопад

По Нижнему Валу метёт листопад,
Дома в голубой поволоке.
Открыты кофейни, девчонки галдят,
Не слышно воздушной тревоги.

Неспешно мамыши везут детвору
По жёлтым лохмотьям бульвара.
Здесь тихо и мирно, и клён на ветру
Пылает весёлым пожаром.

Влюблённые пары проходят порой
По улочкам древним покатым.
И купол зелёный парит над горой,
Подсвеченный рыжим закатом.

А вечером тут не горят фонари,
И окна в домах не зажгутся,
Но свет, как лампы, мерцает внутри,
И люди живут и смеются.

И кажется, город застыл и померк
В предчувствии огненной стаи.
Но катится мимо наш бешеный век,
Подольский уют обтекая.

Толпится народ на Монмартре

Толпится народ на Монмартре,
В кофейнях и пабах аншлаг.
А я не оттаю никак.
Я в Киеве, в про́клятом марте
Продрог от ракетных атак.

Здесь танцы вокруг саксофона,
Девчонки смеются легко.
А я далеко-далеко,
Под Бучей, в селе разорённом,
В подвале среди земляков.

Все сдвинулось, перемешалось,
Все скрыла слепящая мгла.
Но тихо взмахнули крыла,
И пуля, что мне назначалась,
Кого-то другого нашла.

И женщины, как из сказаний,
Не с лицами, а образами,
Глядят из-под взорванных крыш,
И смотрят моими глазами
На недостижимый Париж.

Ирина КАРПИНОС

* * *

На Андреевский спуск после страшной войны
я приду, на Андреевский, знаю,
чтобы музыку слушать большой тишины,
довоенную речь вспоминая.

Вот Андреевский, 8 — театр «Колесо»,
где я пела, давно это было...
Здесь волнует до слёз не один адресок,
где выросла, грустнела, любила.

Вот печальный Пьеро на Андреевском, 3,
здесь Вертинский из бронзы взлетает,
поднимаюсь наверх — дом 13 парит,
в нём Булгакова дух обитает.

И Андреевской церкви летят купола —
совершенное чудо Растрелли!
Эта церковь меня под обстрелом ждала,
а над нею снаряды свистели.

На Андреевском спуске осталась душа...
Что нам жизнь по Парижам и Венам?
Будет мир — будем снова свободно дышать
на Андреевском благословенном...

23 мая 2022

* * *

Я — бегущая по мостам
через реки и города,
есть ещё на земле места,
где о вечном поёт вода,

эта музыка — как магнит,
как спасение от войны,
тихий омут соединит
звуки с магией тишины.

Есть дыхание между слов,
есть мгновение в каждом дне,
и у нас, золотых ослов,
есть любовь, что лежит на дне

этих омутов колдовских,
там, где свет ещё не померк,
их глубины и блеск близки
тем, кто падал не вниз, а вверх...

Над мостами — такая синь,
под мостами — такая гладь,
что не надо уже просить
ничего, лишь ладонью гладь

этот воздух и этот мир
и желаний горячий след,
раскалён докрасна эфир,
много крови и много бед...

В долгой памяти сберегу
лютый холод и мёртвый зной,
но пока я ещё бегу,
нерушимы мосты за мной

13 сентября 2022

* * *

Я любила красное и чёрное,
по Стендалю, да и без Стендаля,
все цвета, контрастные и чёткие,
кроме цвета грязи, цвета стали.

Я любила Пушкина и Бродского,
Киев, Питер и Париж в придачу,
Окуджаву, Галича, Высоцкого
и гитары звон. А как иначе?

Всё давно разрушено, расстреляно,
всё извращено до онеменья,
скатерть битвы по земле расстелена,
вой сирен — и нет другого пенья.

Запах крови через расстояния,
запах гари, запах разложения...
На какой стою теперь поляне я?
Кто назначен новою мишенью?

Остаётся красное и чёрное —
цвет любви и цвет больной эпохи.
Ничего не ведали учёные,
все мы были дураки и лохи.

Мир несётся в пропасть, Богом брошенный,
новый круг в аду прислуга чертит.
Как же вас спасти, мои хорошие?
Где найти слова сильнее смерти?

20 октября 2022

* * *

Сны о мире ушли,
откололись, как льдина,
и плывут февраль —
не судьба, а судьбина...

Кто как хочет — зимуй,
окопались навечно.
Поезд мчится сквозь тьму,
выходить — на конечной.

Где-то — смех, где-то — крик,
чёрт кому-то не страшен,
вон безумный старик
белым шарфиком машет,

вон цыганская дочь
по ладони гадает,
поезд мчится сквозь ночь,
пьёт вдова молодая,

никому не видать,
где кончаются шпалы,
пролетают года...
«Як тебе я шукала!» —

тихо-тихо поёт
чья-то девочка рядом...
Переезд, перелёт
между жизнью и адом.

29 ноября 2022

* * *

От надежды до отчаянья
меньше шага, полушага.
Как до оттепели, таянья
нам дожить на дне оврага?

Телефон звучит, как колокол:
диги-дон — сопротивляйся!
Путь далёк ли, путь твой долог ли
в ритме марша, в ритме вальса?

Мы пока ещё живучие,
хоть и многих потеряли,
путь лежит по воле случая
в царство вьюги и печали...

Утром снова взрывы в Киеве,
а в Париже — снег на крышах,
в этой переключке виевой
детский смех всё реже слышен...

Голоса в эфире разные:
проклинают, молят слёзно,
тропку некому указывать
в сумрачном лесу морозном...

Не раскаялись, не сладили
и не ведали, не знали,
как друг друга грели, гладили
люди зимние в подвале...

Нет пророков ни в отечествах,
ни в чужих краях спесивых...
Огоньки в потёмках мечутся
наших душ неугасимых.

14 декабря 2022

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

Жёлтая грусть

Город.
Вечер.
Дуги фонарей, как плечи,
держат белый город вечный.
Столики в кафе,
тени на стекле,
снег разлуки в январе.
Скачет пламя в преисподней,
пляшет кофе над жаровней,
пахнет сыром,
лёгким дымом.
Шарф, подаренный тобой,
светит жёлтою судьбой.
Отпусти мой вздох на волю,
из петли кадык на горле.

В фруктовой лавке

Может, купить наудачу
у продавца без сдачи
персики и бананы,
чтобы тобою пахли?..
Цвета красного золота
в ящике спелые яблоки,
как щёки лица румяного.

Сливы-глаза голубиные
синью меня голубят...
Черникой зрачки чернит...
Грудь твою, как дыню,
при луне лимонно-дымной.
Губы распахнуты дольками
сочного апельсина.
Ева-Богиня-Кощейка!
Куплю всего понемногу,
на белую скатерть поставлю,
пусть прилетают птицы.
И мы попируем с тобою.

* * *

Обступили сосны жизнь мою,
тянутся стволами — ввысь, —
к небытию.
Ветви, словно крылья,
в солнечном лесу,
пятна света,
как узор судьбы у лани на боку.
Мои годы-лета потихоньку вертятся
на сосновом вертеле,
я теку по кольцам летописи
от ствола к стволу.
Дай, Господь, мне милости на моём пути.
Дай, Господь, мне малости, — путнику в тени.
Чувствую усталость в вечном том лесу.
Отдохнуть б ступням моим
на игольчатом ковре.
Мысли мои падают от небес к земле.
Ты благослови меня, в странном том бору,
дай мне силы следовать,
дай мне силы веровать,
и молитву древнюю я не оборву...

Чаепитие

Впустить покой,
 как в сердце тишину,
гонять чаи
 в раздумье самоварном,
с лимоном пополам
 траву души закипятить
 и надышаться ароматом.
На юге пью зелёный чай,
 встречая Новый век отчаянно,
на севере — заварку чёрную из дальних стран,
 прощаясь с памятью запаренной.
Как сладок мёда дух,
 орешков хруст,
 изюма мякоть.
Всё пахнет родины прохладой —
имбирь и мята, вишня и ромашка.
Мне б жажду жизни утолить,
и скатерть белую расправить,
и усадить друзей лихих,
ответив им на зов прощальный...
...Два-три глотка,
 в прихлёб, взахлёб,
чтоб мой напиток долго, согревая, тёк
в горячий день,
 как пульс, как пламя,
мне сердце жаром обдавая,
и горечь с утомлённых глаз снимая.

* * *

Свет в небесах —
падают тени на плечи.
В её волосах —
тайна прошлого —
встречи.
Сквозь мерцающий круг —
всё от рук,
тёплых ладоней и пальцев,
и очертания губ,
шелест вечернего платья.
Взгляд, а затем тишины нарастанье.
Вспомнил дачу,
скамейку и сад,
и шаги наугад,
наудачу.
На дороге космический век,
песня звенит за околицей,
небо — одно на всех —
зависло певучей звонницей.
...Остывает компьютер
и голубой экран,
чувства закрою в файле:
тень и свет,
и твои глаза, —
всё сохраню на память.

* * *

Великий Бог,
Бог Библии
и Мира —
зданья!

Ты дал в наследие
 двадцатый век — кровавым —
 по жребию судьбы.
 Набег твоих сынов
 продолжит дух Пророков,
 судимы будут их враги.
 Ты мысль поставил на весы —
 пересечение Давидовой звезды —
 шесть миллионов жизней
 за клочок Земли.
 Не говори,
 что знают только мудрецы:
 мираж пустыни — зеркало души.
 В глазах Израиля
 сума и посох,
 и Провидение,
 как мальчик-поводырь.
 Но не сойти с пути!
 Народ Твой древний устал
 бродить в своей стране,
 не зная стороны.
 Великий Бог,
 сквозь стены Храма
 переведи через дорогу
 в двадцать первый век
 слепых детей своих...
 О, твой подаренный Иерусалим —
 Стена из Плача,
 палач и плаха,
 и смерть — расплата
 за слово — Жизнь.

Александр РАТНЕР

* * *

Я из прошлого века, из его середины,
В нём спрессованы годы, будто в банке сардины.

Я из прошлого века, из годов повоеванных,
Инвалидных, обидных, незавидных, забвенных.

Я из прошлого века, там, где соло трамвая,
Там, где гимн паровоза, там, где мама живая.

Я из прошлого века, в нём впервые и гордо
И «люблю» я услышал, и «жидовская морда».

Я из прошлого века, но не весь — на две трети,
Знает это точнее Бог, но держит в секрете.

Я из прошлого века, я из этого века —
Я из двух веков сразу, словно Луций Сенека.

Это век мой последний, я — его подсудимый,
В нём уйду, не добравшись до его середины.

А пока что годами поистёртый, как джинсы,
Я вишу на подножке не трамвая, а жизни.

* * *

Мне на рассвете шмель нанёс визит,
Он, кстати, прилетел по птичьей визе
И надо мной, вибрируя, висит
В его на время приютившей выси.

В полях — перепелов переполох,
В деревьях — свет от гнёзд, ещё не свитых.
Как дышится, как хочется, чтоб вдох
За вдохом повторялся, а не выдох.

Ах, если б колокольчик зазвенел,
И человек, неся с вином две кружки,
Вбежал и, от волненья бел, как мел,
Воскликнул: — Сударь, к вам приехал Пушкин!

* * *

Война — беда и, значит, не одна
Приходит, с ней страшнее тишина,
Готовая от взрыва расколоться...
Село во тьме. Там дед, седым-седой,
Наполненное доверху водой
Ведро с луною тащит из колодца.

Он в хату принесёт его, кряхтя,
Осветит лик улыбкой, что дитя,
И руку запустив почти по локоть
В ведро, пошарит пальцами по дну,
Пытаясь вроде выловить луну,
А если не удастся — то потрогать.

Так чуть ли не у смертного одра
Живёт он от ведра и до ведра,
Его святою влагой наполняя.
Дед полуслеп, не слышит ни хрена,
Не знает, что кругом гремит война,
В которой что ни пуля — то шальная.

И так бы жил в неведении он,
Ходил во тьме колодцу на поклон
И воду набирая ночью грозной,
Не знал ни сном, ни духом о беде
И, как ребёнок, счастлив был воде
Не лунной и не солнечной, а звёздной.

Осколком бомбы ранен был старик,
Он умирал и свой не слышал крик,
А рядом с ним так, будто ей неловко,
Не ведая, что замкнут этот путь,
По ободу ведра ползла чуть-чуть,
Как капля крови, божия коровка.

Ты

Пресвятая моя, таинственная,
Золотая моя, единственная,
Безгреховная, богоравная,
Нравом — ровная, ролью — главная,
В полдень — строгая, в полночь — милая,
Легконогая, быстрокрылая,
Хоть мала, а душой великая,
Кабала моя солнцеликая,
Неземная, неповторимая,
Вся родная и вся любимая,
Всех дороже и молчаливее...
Дай-то Боже, чтоб всех счастливее!

* * *

Кому ты нужен? Никому! Я тоже.
Когда тебе давно за шестьдесят,
Не лезь из кожи, не кажись моложе,
Пришла пора раздумий и досад.

Всё лучшее осталось за плечами,
И с этим окончательно смирись.
Те, кто тебя когда-то поучали,
Травой под подошвами сплелись.

Уже на мир ты смотришь полуслепо,
Не замечая дней, и в том числе,
Что жизни путь сворачивает в небо,
Хотя ещё идёшь ты по земле.

* * *

Пожалуйста, не кисни:
Подумаешь — больница.
Кто не боялся жизни,
Тот смерти не боится.

В мозгу осколок острый,
Врачи, и те вздыхают.
Вокруг тебя медсёстры,
Как ангелы, порхают.

Буянишь, будто в бане,
Трясётся вся больница.
Бойцам на поле брани
Нет времени браниться.

А на больничной койке
Орать — святое дело,
Когда лежит по стойке
Израненное тело,

Что шито-перешито,
Залатано, как надо,
Просеяно сквозь сито
Недантевского ада.

Какие, к чёрту, черти
По одному и вместе?
И если шаг до смерти
Остался, стой на месте.

И душу в тело втисни
Поглубже, и тогда ты
Узнаешь, что у жизни
Второй не будет даты.

Сонет

Неюный пленник юной красоты,
Я часто в зной, а изредка — в морозы
Дарил тебе на длинных стеблях розы,
Которые несла, как факел, ты.

А полночью, прижав к груди цветы,
Во мгле стояла, не меняя позы,
И, как алмазы, озаряли слёзы
Твои благословенные черты.

Когда же будет песня моя спета,
То на могилу в середине лета
Приди ко мне одна, без никого.

И там, сорвав (не загони занозу!),
Прижми к груди пылающую розу,
Проросшую из сердца моего.

* * *

Не страшно говорить: «Идёт восьмой десяток» —
Ведь та, кого люблю, жена, а не вдова.
Прожитые года тогда лишь недостаток,
Когда их за спиной не семь, а скажем, два.

По жизни тяжело плыть в сражении с течением,
Когда висят года, как тина на весле.
Но в старости берут не силой, а уменьем —
Всё сущее берут, и женщин в том числе.

Какие, к чёрту, смерть и почести на тризне,
Коль тянется рука к любимой и к перу,
И козыри не все я из колоды жизни
Достал и не сыграл ещё свою игру?!

Я ждать её готов, покуда карта ляжет,
И будет тот расклад, о коем я мечтал.
А сколько проживу, пусть вскрытие покажет
Бутылок, что не пил, и книг, что не читал.

Анна СТРЕМИНСКАЯ

* * *

Трамвай трясётся, как повозка
с упряжкой лошадей усталых.
Вот моря Чёрного полоска
в окне дрожит с закатом алым.

И вспенила весна деревья,
повсюду розовое с белым.
Вот дева древнего поверья
заходит по-цыгански смело.

В вагон трясущийся заходит
она Кипридою из пены
да песнь свою тотчас заводит
о жизни и любви нетленной.

Почище древнего рапсода
она поёт, гармонь терзая.
Вагон ей внемлет и природа:
закат, деревья, птичья стая.

Народ, истерзанный ковидом,
в чаду больного маскарада
на миг любовного повидла
отведает, что той отрады.

Поёт цыганка, что довольно
любви, зрачками абиссиня,
что жить невыносимо больно,
невыносимо...

Окраины

Я лежу, но выйти бы во двор —
старый виноград подвергли казни.
Человек всегда другому вор,
друг, товарищ, шулер и проказник.

Надо мною — чистый звёздный атлас,
в ковш, наверно, намело немало снега...
Туча на востоке чешет патлы,
но сияет ласковая Вега.

И сияет Сириус кольцом...
Только ярче всех «Кадорр» — название!
«Бизнес с человеческим лицом»
побеждает время с расстояньем.

А вокруг «Кадорра» хижин ряд
прилепился в круговой поруке.
И витает хлебный аромат,
слитки хлебные хватают чьи-то руки.

Скоро, скоро Новый Год придёт
и мешок чудес для нас притащит.
Нам чудес не нужно, Новый Год!
Только лишь закрой Пандоры ящик!

Беды извергает мир из недр,
но окраины стоят, хоть еле-еле...
Степовая даст степного ветра,
Мельницкая горе перемелет.

* * *

Е. М. Голубовскому

На Большой Арнаутской сапожник сидел — дядя Сеня.
Поэт Игорь Павлов меня привел в мастерскую
и сказал: «Дядя Сеня поэзию любит: Есенина,
Блока, Пушкина, но и нынешних милует все».

«Читай стихи! — сказал мне, кивнув,
сапожник.
если понравится, я обувь чиню бесплатно!»
Я присела на стул и скинула босоножки,
и читала ему стихи, что нравились, вероятно...

Я читала, а Сеня стучал потихоньку,
вбивая слова молотком в каблуки и подмётки.
«Читай ещё!» — он повторял монотонно
и закончил работу ловко и чётко.

«Ты читаешь стихи, как будто молишься, — он мне сказал —
Поэтесса — что с неё взять!» — вынес вердикт сурово.
«Вот стихи настоящие: жизнь это лишь вокзал», —
и прочитал стихотворение Кочеткова.

Мы уходили с Павловым, я цокала
каблучками —
как будто мы побывали в лучшей из всех Одесс...
И казалось, что рядом шли, подбитые лишь словами,
ботинки поэтов, цокали каблучки поэтесс.

* * *

*Одиночество, зовам далёким не верь
и крепко держи золотую дверь.
Там, за нею, желаний ад!*

Райнер Мария Рильке

Почему я не ветер, не море, не свет, не огонь,
не гора, не сосна, не олень или птица?
Точно знает, как жить, этот радостный скачущий конь.
Бег — молитва его, он не может ничем соблазниться.

Но я — женщина, я — человек. Я — арена борьбы...
И души уязвимая ткань истерзалась страстями.
Как поймать путеводную нить непонятной судьбы,
не увлечьшись уютом чужим и чужими сладостями?

Рой желаний летит на меня и изжалит тотчас,
как поддамся я звукам призывным дурманящей флейты...
Что под силу отшельнику, то невозможно для нас?
Золотую способен удерживать силою дверь ты?

А любви запретной так сладко и горько питьё,
вдохновенье в нём бродит, рождая стихи незаконно...
И ломаются двери, и ломится в наше житьё
безрассудный, тревожный, пугающий мир закоренный.

Но когда одиночество снова вступает в права,
обретаю я храм в своём сердце и рай в тишине.
Только самые точные тихо ложатся слова
на бумагу, и тайные смыслы приходят ко мне.

И тогда я свободна! И снова спокойствия снег
засыпает жилище моё и искрится как сон.
А снежинок полёт, как секунд нескончаемый бег...
Отчего я не ветер, не море, не свет, не огонь?

Франц

Плакал он, плакал... Он говорил: «Мне не нужна война,
война нужна только Гитлеру, а я хочу к своей фрау!
Она красива и такая хозяйка она...
У нас молочная ферма. Так какое имел он право?!»
Он обращался к моей прабабке: «Мутер, кальт!* А я нездоров».
Она отвечала ему трёхэтажным матом.
Её дочка переводила: «Мутер сказала, что у нас нету дров!»
Он говорил: «Дрова у вас будут — это слово солдата!»
Через полчаса он вернулся с телеграфным столбом, в грязи.
Он распилил его на кусочки, и дров хватило на зиму.
А ещё он катал на санках и называл Зизи
девочку с локонами, мою юную бабушку Зину.
Гитлер капут! — кричали они вдвоём.
Гитлер капут! — кричали товарищи Франца.
Смеясь о чём-то на языке своём,
они все любили на санках кататься.
На Рождество Франц получал посылки
из дома: пряники и печенье, стущённое молоко.
Он делился с моей прабабкой, излишне пылкой:
она принимала гостинцы, посылая его далеко.
Франца с товарищами перевели на восток.
И никто не узнал, встретился ль он со своей доброй фрау.
Но запомнили все, как он плакал и говорил: «Мой Бог,
Кто дал ему, кто дал ему это право?!»

* Мутер, кальт! — Мама, холодно! (нем.).

* * *

Поэту Надежде Агафоновой

Чёрное небо войны, белые абрикосы,
белая церковь на чёрном — приют надежды.
Взрывы над головою, взрывы в душе —

вопросы:

как? отчего? зачем? Будет ли так, как прежде?
Как прежде — уже не будет! — ответ приходит
мгновенно.

Есть то, что нельзя простить! — то кровь вопиёт
невинных.

По каплям непобедимость вводится внутривенно.
Из дыма и копоти над головами реют святые
нимбы.

И ты удостоена нимба над золотой головою,
когда ты погибла весною в городе Николая
святого. Поэзия нынче равна утробному вою.
Нет места весне и птицам, лишь помесь воя и лая.
Белая церковь на чёрном — это приют Надежды,
я верю, что есть тебе место в небесном Иерусалиме.
Без пятен крови и гари твоя одежда,
её от боли и горя уже облака отбелили.
А там по приказу маньяка посланная ракета
в доме дыру пробила страшным чёрным вопросом.
В доме, где ты была... И нет на него ответа.
На чёрном небе войны — белые абрикосы.

Денис ГОЛУБИЦКИЙ

* * *

И вдруг покажется, что не о чем писать,
когда коллизий стало меньше, но, пожалуй,
бывает время, чтоб от радости плясать,
бывает время для уныния и жалоб.

Перечитаем Соломона или нет...
Отбросим книгу, фильм оставим иль, напротив,
в сюжет зароемся, потом начнём планет
смотреть парады и распад небесной плоти.

Всё это было столько раз... Стихам нужны
не только сорная трава, не только тучи —
порывы ясности, ожоги новизны,
и самый лучший день, и самый странный случай.

А человеку не хватает простоты
и приключений, корки хлеба и экзота.
Чуть не сказал: «Передо мной явилась ты...»
Но это, кажется, уже придумал кто-то.
2019

* * *

Вступаю в сентябрь, как будто в монашеский орден,
доверив свой город на время кочующим ордам,
На сон или хаос тем самым его обрекая.
Впадаю в сентябрь размашисто, будто река я.

В сентябрь, как в сети, как в дебри... Брести, обретая
сознание осени, только без слов «золотая»,
«дожди», «увядание», «Пушкин», «хандра» и так дале,
без поиска рифмы, без прозы, без мыслей о Дале.

В сентябрь, как в ересь... Легко, как ребёнок — любой ли? —
что может от радости плакать острее, чем от боли.
В сентябрь, как в пустошь, в притвор, за чертою рассудка.
Вникаю в сентябрь, как в книгу, которые сутки.

В сентябрь, как в сумрак, как в утренний замысел птичий,
при лунном огарке особых не видя отличий
меж мной и тобою... К тому же, рукав Ориона —
не худшее место (отнюдь) для живущих синхронно,

для тех, кто умеет поруку блюсти круговую.
Я мыслю, я верю, и, стало быть, я существую.
А может быть, дождь... но ведь мы же условились с вами.
Сентябрь, как просьба дела не испортить словами.

2020

* * *

Мне всякий август — память об одном
из тёзок, близнецов, неточных копий.
Ищи полонку в сердце заводном,
ищи себя на празднестве утопий.

Высокий август, веский, восковой,
а то и високосный, будь неладен.
Кто сам пропал, кого увёз конвой.
Безвременье — главнейшая из впадин.

Но август, левенгук и гутенберг,
в такие вникнет тонкости и штампы...
Где выцвел век, где месяц не померк,
достаточно одной настольной лампы.
2020

* * *

Туман захлёбывался. Мрак
теснился, бился отголоском.
День, будто ранний Пастернак,
был расточительно-громоздким.

Не всю же слякоть феврялям
вручить огульно, без разбору.

Помарки снега по полям —
как приглашение к разговору.

И, предвещая новый штамм,
с остервенением финала
ночь, будто поздний Мандельштам,
сгущалась, плавилась, пылала.
2020

* * *

Ой-вей, неужели этот скрипач местечковый,
ремесленник, с воздухом работающий виртуозно,
в самом деле встретился мне сегодня ещё раз?
Я попросил его сыграть ту самую мелодию...

Расспросил и о бабушкином, и о дедушкином детстве.
Неужели он что-то знает о жизни той,
не доступной моему воображению?
Неужели он помнит о чём-нибудь подробно?
Ой-вей, мой скрипач местечковый...

Неужели всё это до сих пор существует нетронутым?
Неужели всё это до сих пор существует?
Неужели — всё?
И только мелодия звучит в голове,
сплетаясь со слезами скрипки,
с голосами бабушки и дедушки...
И оба они смеются,
и родились они оба после войны,
а следующую войну не застали...
2021

* * *

В реестр живых запиши меня,
лекарь мой, врач мой,
умойся росой имён и нектаром фамилий.
Я выкрест, и я прорасту из печали невзрачной,
воскреснув. Лечи меня смертью. В траву меня вылей

водой непрозрачной, частицею круговорота.
Ты, Корчак? Ты, Януш? Не чёрным, а красным чернилом
меня запиши, только имя, ни мысли, ни фото,
учительский яр, ученический яр. Не могилам

я верю, а этой осенней игре в светофоры.
Зелёным и красным, и жёлтым впиши в свою книгу.
Борьба и спасение. Жгучие пальцы меноры
вошли мне под кожу. Спасибо несносному мигу.

2021

* * *

Из февраля родом
(Летом рождён пусть я),
Но за таким годом
Не разгляжу устья

Прежней реки, корня,
И морщин не разглажу.
Видишь меня? Вон я
Пробую смыть сажу.

Слышишь меня? Там я.
Гром или град? «Грады».
Время кричит, тая:
«Что же творят гады?»

Я не о них, то лишь
вздых над моей Пущей.
Что ты в слезах тонешь,
мальчик, весны ждущий?
2022

* * *

Велик был год и страшен год, велик...
Когда язык положишь под язык,
То станет сердцу легче, если так
Считать возможно. Но язык — мой враг.

По Рождестве Христовом... Ныне, впредь
был год велик и бесновалась плоть.
И открывалась чёрная дыра
размером с безграничное «вчера».

Был страшен год, но светел, но велик,
Так возникала правда не из книг.
Язык — мой враг и врачеватель мой.
Я здесь, я жду Булгакова домой.
2022

* * *

Ещё в Мариуполе Таня,
И в Харькове Юра ещё.
И время для плачущих тайно
Страстное — буравит плечо.

Притом обязательно слева,
Поближе к той мышце, что жжёт.
И бьётся в дурмане припева,
Разбойника просит народ.

А сколько неназванных точек,
А сколько не найденных тел?
Но ради сыночков и дочек
Вдруг ангел бессонный взлетел.

За несколько сотен до Пасхи
веков и мгновенье спустя.
Сегодня повсюду опасно.
Родись для Голгофы, дитя!
2022

Дина БЕРЕЗОВСКАЯ

* * *

Повезло, успел на поезд,
позади чужой вокзал,
пара слов зашита в пояс,
сотни слов с собой не взял:
те, что были всех важнее —
пропустите, я сойду! —
обнуляются, бледнеют,
исчезают на ходу,
и уже не надо помнить
дальний отсвет золотой,
если скрючился на полке
безнадёжной запятой.

Оттого, свернувшись в кокон,
люди терпят поезда,
что мельканье тёмных окон
всё стирает без следа.

* * *

... в конце всегда больничная палата,
и свет случайных фар почти не виден,
скользнул, протиснулся в иллюминатор,
как Мартин Иден.

Тянись за их лучом затёкшей шеей
и всем своим заледеневшим телом —
он лишь мгновенье на стене рыжеет,
как бок собачий, медное на белом.

Хотя душа уже зависла между,
вдруг отлегло, как будто легче стало,
а это он — прочь по равнине снежной
уводит волчью стаю.

* * *

Успели спастись, но забыть не успели:
косые лучи из небесных прорех
и дом на краю захолустной Помпеи,
что выставил солнечные батареи
отчаянным жестом ладонями вверх.

Там каждый из дней, нескончаемо летний,
усталые капли стирает с лица,
и тот злополучный, желанный, последний,
для нас, уцелевших — не знает конца.

Кого позабыть мы успели на свете —
того, кто остался и скрылся из глаз —
надёжно запомнит спасительный пепел,
серебряный пепел запомнит для нас...

* * *

Там, где сгладилось уже, отболело,
всё простилось до седьмого колена —
проступает неудобный и острый
чьей-то жизни неразобранный остов.

Что крепилось на него бестолково —
ветошь тёплого жилища людского —
копошилось, суенилось устало,
было, было, а потом перестало,

где от солнца двор циновкой затянут,
и побеги без присмотра завянут,
где мы жили, планы строили по привычке,
планы-планочки, речки, перемычки...

* * *

будет день и будет пища,
и в груди немой укор —
наши прошлые жилища
не обжиты до сих пор,

все в одной неброской гамме
желтоватой старины,
и боками, и веками,
и вьюнками сплетены,

где из памяти, из глины,
из ночных бессонных глыб
каждой трещины, щербины
незатейливый изгиб,

где, на вечном слое пыли
не оставив и следа,
мы с тобой как будто жили —
но не жили никогда...

будет день привычно ранить,
резать пальцы злая нить,
и хранит зачем-то память
то, чего не может быть...

* * *

В нашей комнатке, книжной и строгой,
каждый день, пережитый втроём,
что в окне полоскался, тревогой
наполняя высокий проём,

неизменный, в дешёвом футляре,
наш семейный альбом, желтолиц,
словно собранный в детстве гербарий,
выцветавший между страниц,

наших слов утешенье и милость,
безмятежная водная гладь,
всё, что с нами уже не случилось
и чему никогда не бывать,

что забыть успевали за лето,
ради новой недетской игры —
ничего не стоило для этой
безвозвратной, последней поры!

* * *

Мажет, фонит, хоть режь его,
хлам, пианино чешское,
сядешь играть, да где тебе —
так, Майкапар и Гедике.

Только худые пальчики,
мраморные суставчики,
нервно сжимать под плач его
и разжимать запальчиво.

Стали регистры низкими,
а интервалы длинными —
после секунды близости
спать, повернувшись спинами.

Только бы не затронула
горькая та ирония,
та безнадёжно ровная
нота потусторонняя.

Две костяные, бледные
клавиши предрассветные —
спят, отвернувшись чопорно,
а между ними чёрная.

* * *

Зачем ломали мы язык,
запретных набираясь знаний
из неподъёмных старых книг,
стотомных подписных изданий?
«Поешь, кому я говорю, —
твердила мама, — всё остыло!» —
в мой порыжевший к сентябрю
и летом пахнувший затылок,
но я возилась у стола,
пристроив томик у солонки,
и отвлекал меня Золя,
прилипший к кухонной клеёнке.

Зачем считаем мы года,
перемогаясь по привычке,
пока везут нас не туда
задёрганные электрички?
Но где-то в сквере над рекой,
где рыже к осени и чисто,
мне знаки подаёт рукой
рассеянного букиниста,
усмешкой лунного серпа,
теплом знакомого прищура,
чудаковата, как судьба,
французская литература.

* * *

По дороге на Арад
нам спускаться не впервые,
по обочинам стоят
деревеньки кочевые,
их слепили по одной —
по привычке легковесной —
из фантазии сплошной,
манны бросовой небесной,
из того, что под рукой,
из того, что дарит случай,
из фонащей и глухой
жести кровельной певучей.

Нерушимые пока —
на холме, потом правее —
их ребристые бока
в сером облаке ржавеют,
и такой закат густой
над долиной этой сорной,
словно знахарский настой
местной травки кроветворной.

Смотрит первая звезда
без досады и укора,
словно это навсегда,
и ещё совсем не скоро
те, сошедшие с ума,
времена придут иные
в наши хрупкие дома,
деревеньки жестяные...

Берта ФРАШ

Киевский блюз

В этом городе листвой едва прикрыты купола,
и мостами, как скобками, стянуты вечные парки.
Между ними река пароходы и время несла,
с гор спускались аллеи каштанов — подобие арки.
И за мною бежала весна.

Но дожди и плоды на поверхности ложного блеска
оставляли следы, размечали, всему вопреки,
мне дороги не светом, но чистой печалью. И вёски
аргументы не здравого смысла — осенней реки,
обрывающей корни и ветки.

В этом городе вечном, в шуме дворов и базаров,
по гранитным ступеням шагали наивность и наглость,
и в беспечности жили лишь волны речные и травы.
А дворцы у лачуг отнимали ничтожную малость.
Но в стихах между строк — оставалась.

В далёком городе вдоль речки,
в домах, разрушенных теперь,
не гаснут тоненькие свечки,
струится пламя давних дней.
Холмы другие и речушки расставят точки и тире.

* * *

В этом городе всё — стихи,
на рассвете — мостов кружева,
на холмах с позолотой верхи,
и каштанов в цвету — острова.

Колокольный шум с городским,
птичий гомон и волны Днепра...
До поры Киев был моим.
Это было недолго, вчера.

В этом городе плач времён
погрузился в черныбыльский ад.
Но бывало счастье и в нём,
потому что нам виделся сад.

* * *

Исчезает сад, словно он
погребён лепестками любви.
Жизнь — чудесный недолгий сон,
забывая его, уходи.

Позади холмы и мосты,
на рассвете надежды горсть
растворится во мне. А ты
не цепляйся за слово, гость.

2018

* * *

В смертельной белизне по крышам
кварталы холодом сковала.
Ещё не смерть, но где-то выше
боролась с жизнью, лютовала

зима! Волшебный снегопад,
В стихии чуда чуть тревожно.
По льду, слегка замедлив шаг,
найти дорогу стало сложно.

В холодной тайне строгой маски
зима как смерть — всё поглощает.
Скрипящий звук, немые краски
в молчанье памяти прощают

ошибки. И летят снежинки,
В слезах зимы осталось лето.
А с ним в мелькании картинок
твоя улыбка, нежность где-то,

так далеко!

Лиора, свет последних дней,
окрась невинностью улыбки.
Весна в глазах моих детей!
Оставь, зима, свои попытки.
2017

* * *

Мы поодиночке тлеем,
с книгой замедляя век.
Не от страсти-счастья млеем,
продолжая прежний бег.

Мир огромный за оградой!
Пробежали нашу дверь.
Не преодолеть преграды —
повторяем мы теперь.

Только осень может снова
просыпаться в майском дне,
превращая пепел в слово,
звёзды разбросав на дне.

Снова пролетают ночи.
Осень ускоряет бег.
Но и майский день короче,
сокращая болью век.

Благодарю...

за несбывшиеся сказки
и не прожитые дни,
и за те, где на салазках
мчалась ночи вопреки.

февраль 2022

Городу

Меня ты не хотел, моей любовью был,
но беспощадно горькой, безответной.
И с Лаврой в тишине, с мостами плыл
сквозь ночи осени, сквозь зимы снежные.

Осталась в прошлом тайна переулков,
глаз сполохи, пронзающие вёсны.
Нагайки слов, стегаящие гулко
по рёбрам коридоров и по дёснам.

Унижений «талисман» остался,
не пришлось расстаться с ним и здесь.
Город подо мною распластался —
я искала, где бы мне присесть.

Что ж, во сне летать большая радость!
Жизнь от грёз нетрудно отличить.
Ненависть и зависть — эта гадость
всё везде способны омрачить.

Ты, конечно, был моей любовью!
Раздробилось время, разминутись.
Верю, ты из пепла выйдешь снова.
Сбереги детей, чтобы вернулись!

март 2022

* * *

nape

Ты больше не расскажешь о войне.
Мне кажется, я помню то, что было.
Ты торопился «жить сейчас», вдвойне.
Я скоро эту мудрость позабыла.

Дорога — это сердце: боль и пыль.
Но без неё нет утра, только мрак.
Над невозможным, превращая в быль,
смеялся, плыл. Но грусть жила в зрачках.

Ты больше не расскажешь о войне.
Теперь другая. Но по сути — та же.
Твой внук живёт, как ты умел — вдвойне.
Его дороги длинные, не глаже.

* * *

Оденешь дни прозрачностью дождей,
цветеньем мая захлебнутся сутки.
И с ними песни птиц пронзительней,
нужней,
всё кажется сегодня буйным, жутким.

Не где-то — *рядом* всё идёт война.
Нельзя привыкнуть. Привыкать нельзя!
И там, повсюду, с пулями весна.
Нельзя смириться. И прощать нельзя!

Рождение сокровища

М.

Когда мы встретились с тобой,
была поздняя осень
и снег искрился в темноте на деревьях.

Кровавым закатом перечёркнуто небо,
застряли поникнув облаков гроздь.

Не помню наш крик.
Но мой — сегодня застрял, где живот
и выше в горле. Нередко, сорвавшись бежит.

С крошками в реку не ушли заботы,
не меркнет память желанной встречи.
Я не помню стихов ни плохих, ни хороших.
Но дыханья стаккато длинною в вечность
и на зебре дорог счастливую ношу.

Когда мы встретились с тобой,
на запястьях протянутых рук у деревьев
дребезжали сосульки — счастливые слёзы.

Борис ХЕРСОНСКИЙ

* * *

Слушаю Генриха Шютца* — «Paratum cor meum, Deus**».
Слушаю, но не знаю, на что я сегодня надеюсь,
и к чему ты готово, бедное сердце моё?
да — cantabo, et psallam tibi gloria mea,
но петь не умея, и славы пустой не имея,
мой голос пресёкся, исчерпано бытиё.

Первый месяц зимы, он же последний — года,
безысходность сидит в углу, в ожиданье исхода,
дни — короче некуда — всё же на убыль идут.
Мир охвачен чумою, нечему тут дивиться,
и терапевт младой говорит депрессивной девице:
пей фенибут, и проблемы тебя не *бут.

О Господи, думаю, ни хрена себе поговорка,
в мои года за такое положена порка
на собрании коллектива под потаённый смешок.
А сегодня врач не робеет, и девушка не краснеет,
и ветерок заразный из преисподней веет,
и осталось одно лекарство — электрошок.

* Генрих Шютц — немецкий духовный композитор, предшественник И. С. Баха.

** Paratum cor meum, Deus — Готово сердце моё, Боже — начало Псалма 56.

Но — paratum cor meum, к чему ты готово, сердце?
И какая вера живёт в еретике, иноверце,
и какая слава дурная идёт за ним по пятам?
Но звезда Рождества затаилась, в ожидание момента.
Последний месяц в году. Начало Адвента.
Доживём до Нового Года. Что нас ожидает там?
1 ноября 2021

* * *

Воскресный день. Колокольный звон
наполняет воздух со всех сторон.
Дело движется к Рождеству.
И лёгкий ветер без холодов
творит, что хочет среди садов,
по аллеям гоняет листву.

Сюжет стандартен. Наборы примет
на каждом углу. И выхода нет —
покупай и тащи домой.
Но дом далеко, и военный год
порождает разлад и разброд
в эпохе глухонемой.

И море плещется где-то там,
где фантазиям и мечтам
я в юности волю давал.
Но воля хуже неволи, я весь
сжался, вжился в нелепую смесь
клевет и ненужных похвал.

Мы вышли из моды чёрт знает куда —
в одиночество, в холода,
в смешение мыслей и слов.
И движется время за мыслями вслед,
и длится эпоха себе же во вред
под звоны колоколов.

27 ноября 2022. Paris

* * *

Человек всеяден — песок хрустит на зубах.
В желудке глина превращается в чернозём.
Человек велеречив, но путается в словах,
а хочется всем рассказать обо всём.

Человек любит власть, но старается всем угодить.
Человек любит мир, но война по душе ему.
Человек остаётся, хотя пора уходить.
Человек любит свет, но уходит во тьму.

26 ноября 2022. Paris.

* * *

Хочешь мира — готовься к войне, но если идёт война
— готовься к миру. Что делать мне, когда завершится она?
Что мирные годы несут стране, чем займётся страна?
Мир внутри надёжней, чем мир вовне. И мирная ночь темна.

Встанут ли города из руин, и чем будут жить, восстав?
Жестокость и ложь легки на помин. Человеческий ум лукав.
Ожесточается исполин, лишённый свобод и прав.
Как прежде клин вышибает клин, и тот, кто вышиб — не прав.

Долго ли будут сниться живым мёртвые их сыны?
Распрямится ли то, что стало кривым за долгие годы войны?
Погаснет огонь. Рассеется дым. Притупится чувство вины.
Легко на посту стоять постовым на страже седой старины.

Вернутся ли вновь подлость и лесть в послевоенный уклад?
Высохнет кровь, но кровная месть не вернёт ли на землю ад?
Будут ли в тренде совесть и честь? И как с раздачей наград?
Человек человека желает съесть. А после и сам не рад.

Ребёнок ждёт вестей от отца — он ранен или убит?
Редко когда уцелеет овца, а волк не бывает сыт.
И покуда войне не видать конца, и мирный быт позабыт.
Внезапная смерть ловит нас на живца. Не холодно, а знобит.
26 ноября 2022. Paris

* * *

Мало вам было расстрелов, мало голодомора,
всё скалите зубы на нас, проклятая свора.
ну что же, вот вам табличка: россия — спонсор террора.

Но что вам, гады, табличка, что всемирные инвективы,
вы будете разрушать, покуда вы ещё живы.
Всё предопределено. Сомнительны перспективы.

Но для вас нет сомнений. Есть помесь страха со злобой,
помесь зубастого рта с ненасытной утробой,
с непролазною грязью, с водкой московской, особой.

На гвозде в сортире висят обрывки газеты.
Сядешь, начнёшь читать... Господи-батюшки-светы!
Спуск воды из бачка — на все вопросы ответы.

Вот в фекалиях вся колонка передовая.
Вот вам схватки — военная, а потом — родовая.
Вот каравай именинный. Вот — ломоть каравая.

Каравай, каравай, кого любишь — тому несладко.
Время движется с отставанием, идёт ни валко, ни шатко.
Все идут строем на кий, коль выразаться кратко.

Крепись, старушка. Путь твой далёк и долог.
линия жизни — кабак, нарколог, онколог,
великие книги валяются с книжных полок.

Вот статейка «Ленин о Платоне и Демокрите».
Вот золотая рыбка лежит в разбитом корыте.
Молчали бы. рты заткнули, так нет! Вы всё говорите.

О, звуки ваших речей, о рожи на телеэкранах,
уж лучше слушать шансон, там хотя бы об уркаганах,
о душевных, о ножевых и огнестрельных ранах.

И я врубаю шансон, и что же! Господи Боже.
Всё на жизнь похоже, всюду одно и то же.
Мороз на оконном стекле и мороз по коже.

Дело идёт к зиме. Уголовное дело.
Ваше убожество! Нам всё ваше осточертело.
двуглавый стервятник клюёт прогнившее тело.

1 декабря 2022. Umbertide

* * *

Египтяне ценили серебро
больше, чем золото.
Майя ценили хрусталь
больше, чем золото.
Григорий Сковорода ценил вольность
больше, чем золото.

«Злато-блато» помню старую рифму.

Я никогда не носил золотых украшений,
а серебряный крест «лепесток»
никогда не снимаю.
Вольность свою не отдам ни за какие блага.
Впрочем, мне и ломаного гроша не предлагали
за отказ от свободы.

С хрусталём проблема. Его очень любила мама.
Чешский хрусталь стоял на румынской горке.
Ваза в форме ладьи. Две пепельницы, в которых
никогда не было пепла.
В доме у нас не курили.

А для меня хрусталь — ничто, я к нему равнодушен.
В доме моём — ни одной хрустальной вещицы.
Среди груды разнообразных предметов —
представьте себе — ни одной! Прости меня, мама.

Впрочем, дом оставлен. Пишут, что отсырели стены,
обои отклеились. пошли плесенью книги.
Только свобода моя и старый серебряный крестик.
и любовь моя остались со мною.

3 декабря 2022. Umbertide

Саша КАЗАКОВ

*«Чёрный Квадрат», как «Белый Свет», несёт религиозное начало — Начало.
Он есть приглашение к творчеству — сотворчеству.*

Вот я и последовал этому приглашению:

Чёрный Квадрат

Чёрный квадрат на белом фоне,
Чёрный на белом — разве не ясно.
Попробую снова: на белом чёрный,
Резко, жёстко, до боли контрастно.
Квадрат совершенством углов разрушает
круг, не имеющий точки зренья,
Право чёрных углов утверждает
Чёрным по белому, белая чернь я.

Год пятнадцатый — чёрным по белому
Двадцатый век расписался властно,
Нарезав в глине живым могилы,
Окопы — Европы, по грязному — грязно.
И снова по белому чёрным квадратом —
Могила для сына, могила для брата.
Живая глина копает могилы,
Грязной чертой по грязи, без контраста.

Когда у этики нету надежды,
Эстетика в злобу впадает соблазна.
Вот я и малюю по белому чёрным,
Сказитель Малевич — по-адски ужасно.

8 октября 2009

Чёрный Квадрат I

Я не чёрный квадрат! Я белый
Холст натянутый, гулко, ловко.
Прогрунтованный — зрелый, спелый
Воплотить в себе прелесть плутовки,

Или неба синь с переливом,
Или красную тушу коровью,
Но взорвали мою сердцевину,
И потёк я чёрною кровью.

Гематитом сочится тело,
Ожидавшее яркой жизни,
Проходи, не смотри обалдело,
Чёрной кровью тебя забрызжу.

Как туша коровы распятой
Истекает сутинской кровью,
Так и я на стене заплатой —
Память горькая, ставшая солью

Непонятного, вестником взрыва,
Чёрной вестью и плачем чёрным,
В новый век туннелем, прорывом,
Чёрным Квадратом — Квадратом Чёрным.

Чёрный Квадрат II

Холст пуст и требует жертв —
Глаз, губа, обожжённый нерв,
Поворот обнажённых тел.
На чёрной подушке лик бел.

Кисть тонка передать зло,
Каждый раз умирать — ремесло.
Красок? Света? — Вот вам окно.
На холсте только смерть — пятно.

В красный угол, чёрной золой.
Умер слабый — родился злой.
Умер раб — народился раб.
Чёрной смертью — Чёрный квадрат.

21 октября 2009

Чёрный Квадрат III

Когда бы взволновал вас сей квадрат,
Нашли бы вы в нём тысячи карат,
Заснувших в черноте его ночи,
Желаний, например, простой свечи,
Чтоб каждый, кто в глаза ему взглянул,
Вдруг замолчал, нельзя будить — уснул.
На нас оставил весь приход, весь мир.
А мы, как вурдалак, как злой вампир,
Устроили кровавых дней потоп,
И наш ковчег пустым к горе плывёт.

А он желал услышать звуки сфер,
И видеть сны, что сотканы из вер,
Не из одной, из разных, но они
(Ведь Он один) друг другу все сродни.
Он ждёт рассвет, и мы рассвета ждём.
Он ждёт, пока мы наконец поймём,
Что он проснётся, как один из нас,
Но не настал ещё свиданья час.
И он, весь свет вобрав в простой квадрат,
Спит, нам пока ни друг, ни враг, ни брат.

13 декабря 2012

Стая слов

Стая слов напала на Ночь.
Чёрные, они не видны в её черноте.
И они рвут её внутренности и питаются её жаром,
Пока мир спит в её объятиях.

И только иногда, на диске Луны,
Промелькнёт тень с кровавым клювом.

18 апреля 2014

Дети и Бог

Ты пишешь в Библии, что в начале было слово. Какое?

(Руслан, 1 кл.)

Зачем Ты создал этот мир, Ты что, не понял,
что будет такая заморочка?

(Марина, 4 кл.)

Человека Ты создал по образу Своему и подобию, а инопланетянина?

(Зоя, 4 кл.)

Ты бы хотел быть нашим?

(Сёма, 3 кл.)

От какого существа появился кот?

(Лена, 3 кл.)

А как Ты появился на свет?

(Алёша, 1 кл.)

Сколько Тебе лет, Господи?

(Валя, 2 кл.)

Я слышал, что в Начале было Слово.

Какое слово? Мама? Папа? Я?

И на каком из языков бормочут души?

Скажи, зачем Ты создал этот мир?

Ты что не знал, какая будет заморочка?

Неужто мы подобие Твоё?

А сам Ты чей? Хотел бы нашим быть?

Скажи ещё, как создал ты не нас?

Ну, например, собак или котов?

К примеру, крокодилы — чьё подобье?

И инопланетяне-дикобразы?

Ты Сам-то как на белый свет явился?

Ты взрослый или всё ещё ребёнок?

Скажи, Ты в детстве слушал папу с мамой?
А может детства на всю жизнь хватить?
Там у Тебя красиво? Ты счастливый?
Ты только разум или весь душа?
Мне страшно ночью, можно иногда,
Тебе я буду понемножку сниться?
Сказала мама, что во сне я плакал
и бормотал. О чём я бормотал?
Как стать воспоминаньем или сном?
И вообще: нельзя ли не рождаться?
Раз мы нужны, то почему стареем?
И умираем? Попадаем в Ад?
Ты там глядишь, как издеваются над нами!?

И главное: как стать воспоминанием?
И вот ещё: нельзя ли не рождаться?

*В эпитафье — вопросы к Богу, заданные детьми российских школ.
1995*

Вита ШТИВЕЛЬМАН

* * *

На той фотографии все ещё живы.
Натаха сидит на коленях у Вовы.
Натаха ещё не заплывшая жиром,
и Вова — в плену у бессчётных любовей.

Вот справа Андрюша — непризнанный гений —
глядит исподлобья, бухой и помятый.
Он с Игорем спорит о тайнах вселенной,
о гамма-пульсарах, о солнечных пятнах.

Да нет, я могу показать вам на снимке
и тех, кто по верхнюю сторону грунта.
Жива тётя Рая с собачкой в обнимку,
не ходит почти, но жива ведь как будто...

Меня-то узнали? С гитарой убитой,
с дурацкой улыбкой, захваченный кадром.
А рядом мой друг — одноклассник Никита,
всегда были рядом, всегда были рядом...

Никитушка жив, но ни звука ни текста,
ни вести хорошей, ни вести печальной.
Он просто сменил проживания место,
свалил за кордон — да и не отвечает.

* * *

аты-баты шли солдаты
не ходи на войну сынок
не ходи на войну
умирать тебе не пришёл срок
убивать тебе не пришёл срок
во чужую не ходи сторону

аты-баты ружьями богаты
вот опять нескончаемый строй
одинаковых ног сапог
и безглазых лиц и бессловных ртов
не ходи на войну сынок

аты-баты сожжённые хаты
кто в колонну тебя поволок
кто тебе затуманил глаза
брата брата убьёшь на войне сынок
не ходи на войну нельзя

аты-баты — была считалочка наша когда-то
ты волшебный ребёнок был
как я ждала, под сердцем носила тебя
а теперь у меня нет сил нет больше сил
левой-правой — ты повторяешь урок
день и ночь твердят солдаты урок
день и ночь твердят

вот у дерева кружит птица а гнезда-то нет
не зови птенцов не зови
нет птенцов как нет их простыл и след
как ты будешь ходить по земле сынок
как ты будешь ходить по крови

ты не слышишь меня ты идёшь на войну
ты любил зверюшек и птиц когда-то
подбирал и выхаживал их если мог
а теперь сеешь смерть — говоришь — так надо
потому что команда — и аты-баты
проклинают ведь люди тебя сынок
да и я тебя прокляну

4 октября 2022

Джекил и Хайд

Доктор Джекил, что нового в мире научных открытий?
Мистер Хайд, почему вы не спали сегодняшней ночью?
Кто любезно кивнёт — или зубы ощерит по-волчьи?
Кто займётся вопросом — как быть, или вовсе не быть ли?

Чья поломана трость, кто виновен в ужасном убийстве?
Чей стеклянный флакон, чьи тетради, чей шкаф с порошками?
Как заслуженный доктор становится злобною крысой?
Как пример благородства навек обращается в камень?

Не гадайте, не надо: ведь он двоеликий, как Янус.
Он исчадие ада, но также исчадие рая.
Это я виновата — с нечистой силою знаюсь.
Это я виновата — ведь я это всё позволяю.

* * *

...но никуда от счастья нам не деться,
серебряный поток не прекратится.
Гадаешь на восходе и закате —
то кажется: родился ты в сорочке,
то кажется: обижен ты судьбой.

Судьба — она прикинется индейкой
или другой какою-нибудь птицей.
Роняет перья, как меняет платья.
И помни, что судьба не ставит точку,
а ставит только точку с запятой.

Август

Цикады поют
их звон заполняет всё
наши уши
высокую — в висок — траву
кусты малины и тени от них

Мы идём по тропинке
неважно сколько нам лет
семь или семьдесят
важно что так будет всегда
полдень
жаркая тень
кислинка малины на языке
цикорий в траве
где всегда будут
петь цикады

Берта ФРАШ

День русской зарубежной поэзии 2022. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2022. 211 с. (Книга была сдана в печать в начале февраля 2022. — Сост.)

Очень печальные дни, идёт война и трудно сосредоточиться на чём-либо. «Пусть Украина выиграет битву!» (Лариса Ицкович, с. 16). Даже волнения, связанные с непрекращающейся пандемией, мало тревожат.

...

Как душе прижиться в мире этом,
там, где обесценены тела?
Где вчера разорвалась ракета,
Пыль ещё улечься не смогла...

(Виктория Левина, Израиль).

В яркой, красиво изданной книге поэзии можно ли найти утешение? «... а там, где вдох, там есть и вход — входи! Вдыхай поэзию!» (Владимир Батшев, с. 96).

Но уже скоро с благодарностью, мысленно обратилась к составителям: Виктору Фету и Владимиру Батшеву, художнику Юрию Диденко. Они же и поэты! Их стихотворения читатель обнаружит в этом сборнике. И всем-всем участникам ежегодника — СПАСИБО!

«Аллопатрия — другая родина» — пишет во вступлении Виктор Фет. Поэтическое творчество — остров, «зыбкая реальность» которого позволяет преодолевать твердины будней.

В интересной статье о предыдущем «Дне поэзии», Анатолий Либерман *совершенно напрасно* сомневается в необходимости своего обзора. Действительно, невозможно в рамках статьи перечислить или упомянуть более шестидесяти участников сборника. Отнюдь не только субъективность этому препятствует. Но сам выбор, он огромен! И всё-таки желание написать о книге и профессиональное мастерство обзоров Анатолия Либермана воспринимаются с благодарностью. А также его стихи — искренние и иронические.

Нет возможности переписывать все 209 творческих страниц, но коротко упомяну об основных направлениях содержания. В поэзии: трагические личные и общественные моменты жизни, детство, о смысле жизни настоящей и прошлой. И о любви. Интересны разнообразие рифм или их отсутствие. Проза: воспоминания, рецензии, интервью, переводы.

В поэзии рассматриваются восприятие времени, сомнения вообще и в себе, в частности, описания чувств; реальность, бьющая наотмашь, выражение благодарности за возможность жить. Нередко догадываешься, поэту какой страны принадлежат волнующие строки. Единый язык, но в нём различны географические и биографические особенности.

В оглавлении лидируют американские поэты, немного из Германии, Израиля, Канады, Франции, Италии, Норвегии, Латвии, Беларуси, Литвы, Великобритании, Новой Зеландии.

...

Где-то кровища, а где-то чуток получше;
Ивы сменяют пышные эвкалипты;
Жизни свои проживая в чужих созвучьях,
Наши Иосифы бродят в чужих Египтах.

...

(Марина Генчикмахер, США).

Так устроена жизнь: у кого-то в конце улицы, за домом морские волны, а у другого водная стихия ограничена потоками дождевой воды, стучащими по подоконнику. Над кем-то кружат чайки, над другими — лишь вороны. У кого-то огонь в камине; сейчас в Европе на большом пространстве, совсем рядом — горят дома. И тогда один из секретов жизни — довольствоваться тем, что есть, является жестоким цинизмом. Израильтяне десятилетиями подвержены нападениям и благодарны за каждый прожитый день. Несравнимые масштабы, но коварство, подлость. Искусство, в частности, поэзия, способны всё отразить.

Образ и мучительный, и зыбкий
представлять и трудно, и легко.
Неземное спрятано в улыбке,
мысли — думы — близко, далеко.

Детских губ капризные извивы,
светлый лоб, прямых бровей размах.
Груз обид, излившийся в мотивы,
растворился в судьбах и умах.

(Раиса Резник, США).

Выживут ли стихи, русский язык — с сомнением и надеждой открывает Виктор Фет очередной ежегодник, цитируя Анатолия Либермана: «Наш век — не созидательный, а разрушительный; наше будущее в прошлом».

Что остаётся после нас, зачем мы родились? В романе 1966 года «*Les belles images*» французской писательницы Симоны де Бовуар этот вопрос волновал десятилетнюю девочку. Её мама, героиня произведения ответила ей: «Люди живут для того, чтобы делать друг друга счастливыми». «Но почему есть люди, которые несчастны?» — не успокаивалась дочка.

Читая стихи, не обнаружить рецептов, но радуют красивые образы и капли сочувствия, сопереживания. Мудрые мысли и чувства в физической оболочке, то есть духовное — осязаемо.

...

Ты хочешь порой, но не можешь забыть
Корявые контуры лиц неприятных,
Скольжение рыбы, бесшумность совы,
Усилие бедной больной головы,
Попытки играть с безнадёжностью в прятки,
Потребность укрыться, спастись, одолеть,
Замкнуться в запаянной болью реторте,
Застыть каплей яда на тонкой игле,
Очистить всю память на скучной земле
И небо принять в непокорном восторге...

(Сергей Плышевский, Канада).

За что держаться в жизни?

...за воздух её, паутинку, летящее облако,
за бледный рассвет, за дождевку, красивый закат.
Как всё эфемерно! Словечка услышать бы тёплого,
но плохо мне слышно, и что-то не говорят. ...

Летаю ли, падаю — землю руками не трогаю —
старюсь держаться, держаться за облака.

(Ребекка Левитант, США).

Любовь — прелюдия разлуки.
Разлука — исповедь любви.

(Григорий Оклендский, Новая Зеландия).

Статьи чередуются со стихами. Интересны все! Но все здесь не перечислить. Есть личные воспоминания, литературная критика. Например, эссе «Зеркала Анны Ахматовой» Яны Кане — о развитии её восприятия, понимания поэзии Ахматовой. Воспоминания детства Яны Кане и посещение ею Петербурга действительно увлекают искренностью. «Не только в “Поэме без героя”, но и в других ахматовских стихах я вижу, всем существом ощущаю эти двери-в-зазеркалье, холодок перехода в иное измерение, которое лежит за гранью и реальности, и искусства» (с. 75).

Преподаватель литературы, давно проживающий в Италии, Александр Урусов рецензирует сборник стихотворений Евгения Терновского «МСМLXXIV». «Его поэтический взгляд преображает вещи, которые, казалось бы, уже давно сданы в поэтический ломбард и там прочно забыты» (с. 114).

«Книги Гари Лайта привлекли моё внимание именно жадой духовного поиска, смены впечатлений, преодоления препятствий судьбы, ответить на вечные вопросы — вот круг его интересов», — рассказывает Игорь Михалевич-Каплан в статье «Четыре измерения Гари Лайта: Америка — Россия — Украина — Израиль» (с. 138).

Переводы в ежегоднике расширяют поэтический горизонт. Некоторые из них сопровождают познавательные комментарии: Анатолий Либерман — перевод 129 сонета Шекспира, Саша Казаков («Берёзы Роберта Фроста»), Вита Штивельман — «Памяти Карла Штивельмана» и «Канада, Фландрия и EtCetera», Алишер Киямов — Умари Хайём, Андрей Москотельников — «Поэтический канон Джеймса Джойса».

Ирония и грусть, палитра любовных переживаний, сновидения... И старость.

...

Мы станем тихим смехом в чьём-то прошлом,
Покинув рамы ледяных картин.

...

Мы уходим. В зеркала,
Треснувшие после бала.

(Лия Чернякова, США).

...

Старость, так уж вышло, приходит скорее,
Чем в предсказанный теорией срок.

...

(Анатолий Либерман, США).

Предполагаю, что участники сборника, читатели обратили внимание на творчество Дмитрия Казьмина (США). В его большом стихотворении-истории «Старение. Простая благодать...» лавина существительных и глаголов ошеломляет истинами бытия, пониманием вещей, отрицанием ада и рая. В его поэзии ощутимо влияние Бродского и Донна. Бродский переводил Джона Донна и они сроднились. Дмитрий Казьмин талантливо объединил их в своём творчестве.

Ажурная конструкция большого отрезка времени в его стихотворении — философские рассуждения о смысле жизни. Они просты, доступно ощутимы, пронизаны болью обычного явления — старения. Благодать ли это? Скорее — неизбежность.

...

Что ждёт меня за гранью бытия?
Старею я — уж тело стало в тягость,

...

Не верю в ад. Не верю в рай, не верю.
Всё врут попы. Видала я всех этих,
Что бьют поклоны, крестятся, целуют
Всё что ни попадя, пьют горькую, звереют,
Рвут глотки, каются, все в праведники метят,
И в рай гуртом пролезть желают всеу.
Беспомощные, злые лицедеи!

...

Ад — памяти моей набрякший плод.
Ад — горечь неисчерпанной обиды.

...

И если рай ваш есть — он мне не нужен,
И если ад и есть — я в нём давно,
Но мне в воспоминаниях дано
Увидеть рай, что выше, чище, глубже
Чем всё, что во мне видеть вам дано.
Ведь рай и ад — внутри, а не снаружи:
Вот символ моей веры неуклюжей.

...

Любите — любящих. Любить чужих — пустое.
Так трудно быть любимым, нужным, близким,
Так трудно нежным быть... Любовь — ярмо такое...

(Дмитрий Казьмин).

А что такое поэзия, если не каскад ассоциаций и чувств, отказ от земной гравитации и понимание смерти?

«На свете так мало букв и так много слов» (Дина Меерсон, Израиль). С их помощью и в следующий раз появится книга «День зарубежной русской поэзии».

С благодарностью всем и пожеланием счастливых творческих мгновений!

Связь времён 11. Литературно-художественный альманах.
Сан-Хосе, Калифорния, США, 2021. 526 с.

Прежние разделы альманаха (поэзия, юбилейные страницы, поэтическое наследие, литературные очерки и воспоминания, литературоведение, интервью, поэты русского зарубежья, библиография, изобразительное искусство, *In Memoriam*) дополнили поэтические переводы с русского на английский язык. Гари Лайт и Александр Стесин предоставили читателю возможность почувствовать, меняются ли смысл, интонации поэтов, например, Раисы Резник (редактор альманаха), Игоря Михалевиича-Каплана в другом языке. Но и в разделе *Поэтическое наследие* есть переводы с украинского, с польского. Большой раздел *Поэтических переводов на русский* с английского и французского.

Все разделы интересные, познавательные и даже увлекательные. Много замечательных поэтов и высказываний о самой поэзии.

...А поэзия — это поющая истина. / Не навеки, так — на года... (с. 30). О поэзии, о жизни и творчестве великой поэтессы продолжает Дмитрий Бобышев в своих воспоминаниях об Анне Ахматовой «Анна Божественная. К 65-летию со дня её смерти (1889–1966)». Их встречи, Бобышева с Ахматовой, были содержательными беседами о литературе, о поэзии, о прошлом и настоящем (с. 33). Почему Анна Ахматова не воспользовалась возможностью эмигрировать, меня давно волновало. Позже я поняла. Это интересовало и Дмитрия Бобышева: «... Но Ахматова осталась ни здесь и ни там, а в лимбе, посередине этих крайностей — в Ленинграде, где пришлось на её долю предостаточно горестей, страхов, невзгод, болезней и поношений, но и преданных дружб, помощи, тайного преклонения и утешения, выраженного её же словами:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.» (с. 36)

Эта статья Дмитрия Бобышева, его личные воспоминания, восприятия оказывают большое эмоциональное воздействие.

Её продолжает интервью Раисы Резник с Дмитрием Бобышевым (к 85-летию со дня его рождения). На интересные вопросы следовали иногда и неожиданные ответы. Например, о свободе в России. Утешением мне служила пометка в начале сборника: *«Мнения авторов не всегда совпадают со взглядами редакции»*.

Ответами на другие вопросы были биографические подробности, в том числе об эмигрантской жизни Дмитрия Бобышева. Радует очередное подтверждение американской мечты (с определённой долей везения при наличии таланта) — ему удалось реализовать себя. Все вопросы и ответы оказались интересными.

Например: Р. Р: *Лирика — это молитва, копание в себе? Что это?*
Д. Б: *Это сумбур чувств, ставший музыкой слов.* (с. 43).

Юлия Горячева и Раиса Резник обратились к нескольким литераторам, учёным, деятелям культуры с вопросами о юбиларе: «Круглый стол, посвящённый 85-летию Дмитрия Бобышева».

В 11-м выпуске альманаха много познавательных эссе:

Игоря Михалевича-Каплана о Сергее Львовиче Голлербахе (1923–2021), об его судьбе и творчестве;

О жизни и творчестве поэта, сотрудника русской службы Би-би-си Равиля Бухараева (1951–2012) — Ирина Тосунян;

«О поэзии Канады: истоки и тенденции» рассказали Леонид Савицкий и Семён Сафро (в том числе о современных, например, Маргарет Этвуд; с нескрываемой симпатией о Леонарде Коэне).

В содержательной статье Вадима Крейда «Г. В. Адамович (1892–1972)» читатель обнаружит многосторонний анализ твор-

чества и страницы биографии Георгия Адамовича, отношения с коллегами, мнение Адамовича об эмигрантской литературе.

Благодаря волнующей статье Елены Дубровиной (с. 350–364), я узнала о судьбе и творчестве тонкого лирического поэта, эмигранта первой волны, Юрия Джанумова (1907–1965). Действительно, я не нашла его в сборнике 1966 года («Содружество», Вашингтон: Victor Kamkin). Но два его стихотворения опубликованы в антологии «100 лет русской зарубежной поэзии — I. Первая волна эмиграции» (издательство «Литературный европеец», Франкфурт-на-Майне, 2017). Трагическая, короткая жизнь Юрия Джанумова нашла отражение в лирических стихотворениях, следующих за статьёй Елены Дубровиной. Они не могут оставить читателя равнодушным. По-прежнему актуальны его мысли:

Коль хочешь быть теперь со мной знакомым,
Садись. Я рад. Отставка в сторону цветы.
Поговорим. — Да, я расстаться с домом
Был вынужден уже давным-давно... А ты? (с. 364).

В «Связи времён-11» как раз и ощутима связь, в которой поэзия остаётся на почётном месте и радуется разнообразием рифм и тем. И в трудное время читаются и пишутся стихи, которые иногда оказываются провидческими (например, стихи В. Амурского о Москве и Киеве, с. 250–251). В некоторых стихотворениях поэтов разных стран есть непосредственные высказывания о пандемии, о войнах, о лжи, о смысле жизни, о временах года, где доминирует любимая поэтами осень, об одиночестве, смысле жизни, уходе близких людей.

И просто о поэтах и самой поэзии, как её воспринимают.

«...Вчера нам твердили: поэты — врачи!..»
(В. Батшев, с. 419).

«они меня преследуют, роятся,
Колотят в лоб, они стучат в висок. ...»
(Н. Резник, с. 102).

«... нет, одиночество — оно совсем не враг,
а друг, и не исключено, что лучший» ...
(Л. Скляр, с. 300).

«Мы ищем смысл. А ведь его-то нет!» ...
(С. Яровой, с. 434).

«Поэты умеют писать о смерти,
О том, что чувствуют перед расстрелом,
О том, как подступает обречённость,
Как кто-то возносится к Богу,
А кто-то уходит в небытие.
Поэты умеют рассказать о боли.
Они сами — боль и слёзы погибших.
...

...просто попробуем жить...»
(Е. Биляк, с. 338).

На восприятие, интерпретацию искусства, поэтического творчества влияет много факторов. Один из них — актуальные события. Возможно, поэтому Чеслава Милоша (1911–2004) переводил И. Бродский. Альманах «Связь времён-11» завершается стихотворениями Чеслава Милоша в переводах с польского В. Штокмана:

Я всегда тосковал по форме более ёмкой,
что была бы ни слишком поэзией, ни слишком прозой
и позволила бы общаться, не обрекая никого,
ни автора, ни читателя, на страдания высшего толка.

В самой сути поэзии есть непристойное что-то:
возникает из нас нечто, о чём мы не знали, что в нас оно есть,
а мы таращим глаза, словно из нас выпрыгнул тигр
и стоит в круге света, похлёстывая себя хвостом по бокам.

Поэтому правильно говорится, что стихи нам диктует демоний,
хоть наивно считается, что это, конечно же, ангел.
Трудно понять, откуда берётся вся эта гордость поэтов,
если стыдно бывает им оттого, что заметна их слабость.

...

(с. 508).

Ты, причинивший зло человеку,
Над горем его посмевающий смеяться,
Себя окруживший толпою паяцев,
Зло и добро перепутав навеки,
Пусть головы все пред тобою склонили,
Мудрость и святость тебе приписали,
Отлили тебе золотые медали,
Счастливые тем, что день свой прожили,

Не будь спокоен. Поэт всё помнит.
Можешь убить его — родится новый,
запишет и дело твоё, и слово.

...

(с. 509–510).

Труднее сказать, о чём *не* пишут поэты. Огорчает невозможность всех упомянуть, а также субъективное цитирование — только в разделе поэзии более шестидесяти участников (!).

С благодарностью за «Связь времён» и с надеждой на свободное творчество в справедливом мире!

Сергей КУРБАТОВ

* * *

Ускользают слова в изначальный предел,
пустоте городской я пытаюсь поверить,
но, нащупавши бреши в людской суете,
снова осень стучится в открытые двери.

Снова листья — их золото сводит с ума,
заплетая в косички печаль и причуды.
Кто-то ясную вечность опять разломал,
неизбежное в музыке смерти почуяв.

Затишают шаги в пожелтевшей траве,
звук летит, как последнее эхо прощенья,
и моя темнота превращается в свет,
словословя мистический миг возвращенья...

* * *

Снова осень.
Засыпь мои мысли, листва!
Ветер вьётся в лучах, с пустотою играя,
мир зачах — в унисон вместе с ним умирая,
словно рыба, хватаю живые слова.

Снова осень.
Всё было, всё будет — уже
рвётся нить паутины и скрипки играют.
На костре оттолоски мечты догорают,
сея страх пустоты в онемевшей душе.

Тишина. Как прозрачно чиста эта боль!
Время льётся, скрывая морщины проступков,
и уводит безжалостно вслед за собой
замирающим эхом сердечного стука.

Снова осень...

* * *

На берегу — лишь ветра круговерть,
да в небеса распахнутая дверь —
забыть себя, опять начать сначала.

Всё просто в этом мире — только верь
в морские волны и земную твердь —
тогда ни боль, ни смерть не опечалит.

Пусть воздух свежий наполняет грудь,
самозабвенно продолжай игру,
пока на сцену не пришли другие.

Уходит время в чёрную дыру,
ложатся блики солнца поутру
морщинами на лица дорогие.

И, пробираясь через ворожбу,
я понимаю — и мою судьбу
холодным ветром к берегу причалит.

И кто-то отзовётся на печаль
в момент, когда, бессмысленно крича,
в морской песок уходят тени чаек.

* * *

Последний мотылёк ушедшего столетья
летит на лунный свет, к искомой высоте —
я тело уберёт в потоке лихолетья,
а дух, как мотылёк, и с нами, и везде.

Последний мотылёк. Полёт очертит судьбы
исходом в никуда, в заоблачный предел.
А вслед летит листва — бог осени рассудит,
кто из глядящих вдаль напрасно поседел.

Последний мотылёк. Вокруг сухие травы,
и отражают смерть фальшивые слова.
В попытке вырвать смысл из призрачной оправы
и изначальный дух от тела оторвать
взлетает мотылёк...

Аргонавтика Аполлония Родосского

Осядет в Лету пыль Александрии,
скрывая непонятные слова.
Лишь кружится шальная голова
в предчувствии грядущей эйфории.

Ничтожною молвою опорочен,
смиренно жду грядущего восхода,
чтоб, приобщаясь к таинству исхода,
понять, насколько этот мир непрочен.

Арго плывёт. Я догоню Гомера!
Мной эта чаша выпита до дна —
да не посеет в строки семена
забвения коварная химера.

Сплету из фраз любовь и боль разлуки,
и, древней притчей паруса наполнив,
я сохраню мечту, пройдя сквозь полдень,
и передам нетленной в чьи-то руки.

Добро и зло смешав в священном тигле,
я в этих строфах вспыхну, и сгорю...
мне в настоящем скучно, больно, тихо,
поэтому я с прошлым говорю.

Четыре книги. Время и пространство
слились в сакральной правоте квадрата!
мне буквы звёзд начертят карту странствий,
мне сны подарят истину возврата.

Библиотека — саркофаг харизмы.
Став книгой, мой Ясон уже не мой.
Я прохожу триумф и катаклизмы
никем и никуда — к себе домой...

26 августа 2003

Мои стихи завёрнуты в туман...

Мои стихи завёрнуты в туман.
В огромном мире не хватает снега,
и хочется идти, сходя с ума.

Забудься, Альфа, помолчи, Омега,
когда накроет улицы зима,
небесным птицам вовсе не до смеха.

Всё это — игры жалкого ума,
щелчок судьбы, нелепая примета,
а дальше будем вечность обнимать.

На перекрёстке истины и света
корявый посох, старая сума
и свет очей — горящих без ответа.

Слова остыли, в голове — туман...
7 января 2008

Ты пишешь...

Ты пишешь слова, наполняя пришедшей весной
неровность условной границы застывшего света.
На белой бумаге, на камне, на всём, ожидая ответа,
ты пишешь слова — и уходишь за ними со мной.

...Ты пишешь? И мне остаётся смиренно молчать —
пусть птицы и сны принесут ощущение тайны.
Какие блаженные чувства над миром витают,
как радостно мне, что не нужно на них отвечать.

Ты скоро напишешь узоры светил, облака,
пусть мир возродится в магической этой осанне,
чтоб мы осознали великую силу писаний
под стук метронома и капель небес с потолка.

Ты пишешь...
2012

Андрей ГУЩИН

— ПОКРОВА́ —

(Из поэмы)

«Свет отключают по тревоге...»

Свет отключают по тревоге,
Успеть в подвале притулиться.
Смотреть, как улица двоится
И кружится. Как вереница
Автобусов и фур стремглав
По главной улице с сиреной.
И от кутюр из балаклав —
Сигнал рассерженной Вселенной.

Эта осень — волчья сыть,
Промах щучьего веления.
ГОЭЛРо небесный Ленина,
Темноты не пережить.
Как юродивый святой,
Переулки крестит тополь
Город наскоро заштопан
Молнии стальной иглой.

На зорьке мокро и прогоркло.
Я думал о тебе так долго,
Что высохли следы морщинок,
И молоко снесли на рынок.

Шуршит в кустах промозглый дождик.
И дворник пьёт ясновельможный.
С листвою он просто поступил —
Как Жанну, на костре спалил.

Любовной драмы отголоски —
Детишки милые такие,
У мамочки животик плоский,
И самый маленький бикини.
На форточках коты-домушники,
Айтишники горбатят спины,
Прядут, как пауки бездушные,
Тоски всемирной паутину.

Топор, кровавая рубаха,
Вчера казнили Пугачёва,
Так Пушкина и не прочёл он,
Взойдя на плаху.
Не мог не слышать о Толстом
Наполеон под Ватерлоо.
Рыбак под Лондонским мостом
Все ждёт улова.

Тулузлотреком окаянным
В кабаке осенний пьяным вломишься:
«А подавайте ж нынче скромницу
Читать хадисы из Корана!
Сююмбике из башни проклятой,
Шахерезаду из Иванова».
И роща поминает шёпотом
Неврозы грозного Ивана.

А вот и снег нагрянул в рощи,
И добираться стало проще
В один сомнительный приют,
Где мало пишат, много пьют.
Закуска на столе, винцо.
С кофейной чёлочкой дивчина —
Вирсавия, не то Марина,
Какое грустное лицо!
А речь течёт неторопливо.
Танцуют парубки от печки.
Глаза, как восковые свечи,
Мерцают сухо, неслезливо.

А всё же снег нагрянул в рощи —
Как участковый впёрся в душу.
Теперь престало бить баклуши
(Чего уж проще?)
И слушать снегопада тихий,
Потусторонний разговорчик.
Так говорят стихами дворничихи —
Анапестом или пиррихием.
О, сколько до весны открытий
Ещё сугробы обещают,
Любовей пылких и наитий!
Медведей жалко — отощают.

Обильных возлияний с другом
Моя подруга не прощает,
С любовью борется наука,
Но ничего не обещает.
Ей обнищать самой придётся,
Борьбы не выдержав с театром.
Смеётся розовое солнце,
Горит на верховине ватра.

Ранение. Кремлёвский выстрел.
Радение. Хлыстовский выкрест.
В овраг упала колоколья.
Разбила кумпол, но не больно.
Не собрала костей наивных.
Наносит ей мороз узоры
На лоб кустодиевский розовый,
На профиль дивный.

Наносит тонкие порезы,
Как ушуист, по сухожилиям.
Спят серебристые берёзы,
Горчит степное чернобылье.
И мнится: без дорог по гатям
Идёт зима в сапожках аленьких —
Сафьяна бы не замарать ей,
Когда приличествуют валенки.

Не мотоцикл — моноцикл
Теперь по Киеву в почёте.
В семье не без урода, тётя,
И вы, конечно, вне артикула.
А я, не то, чтобы советский,
Но свойский, по-простому чуткий.
Не то, что эти прибаутки.
У них в Прибалтике немецкой
Все продано за медный грош,
Все куплено. Айда в кинош-ку!

Гляди-ка: там над горизонтом
Большие тучи грозовые,
Не раз воспетые Кобзонтом
Озимые и яровые.
В них всё земное отразилось,
И с новой силой изумительной
Вдруг на мгновенье прояснилось,
Как в предложеньи вопросительном.

Приходит время телогреек,
Буржук. Буржуа свалили —
Остались перья канареек
И запах приторный ванили.
Ветра гибридные крепчают.
Свет постоянно отключают,
Печальный кустик молочая
Милее лучшего врача.

Крепостной души отрада —
Покрова и Юрьев день.
Белых хлопьев мириады
Собираются в метель.
Вновь завьюжит по просёлкам,
Понесётся вдаль и ввысь
Весть благая, а в светёлке
Ёлка детская, зажгись!
Будет, будет угощение,
Прёщенье или прощенье,
Счастья скромный уголок,
Ангелок на Благовещенье.

Михаил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

На обочине

Насмотрелся трудяга навывлет пронзающих снов.
Нахлебался беды второпях из немытой посуды.
Выбегал из штанов по дороге к основе основ,
А она — бог ты мой! — оказалась повсюду, повсюду!

Он уже не спешит. Он на сорок заездов умней.
А народ мельтешит, тормозами скуля безголосо...
Снова раннее утро... рюкзак философских камней...
И какие-то добрые люди свинтили колёса.

Здравствуй, жизнь! Ты мелькала размытым пятном за окном,
В этой гонке смешной ты застенчиво так окружала!
Но табун проскакал, а ему подфартило в одном:
Дышло лопнуло,
поезд ушёл,
молоко убежало...

Полезное Ископательское

Ход истории я исказить прекращаю попытки.
Приходи, может, вместе оставим какой-нибудь след?
Подевались куда-то леса, а бумаги в избытке
и запасов словесной руды на 400 лет.

Мы в японском саду философских камней насажаем,
будем песни слагать и не будем ходить в туалет.
Пусть цейтнот победил дефицит, пусть беда с урожаем,
но запасов словесной руды на 400 лет.

Кто чужую беду превращает в источник дохода,
кто меняет свободу на горсточку тёплых монет.
Я в своё положение вхожу со служебного входа —
здесь запасов словесной руды на 400 лет.

Ни казны, ни дворца и не звали отца доном Педро.
Как ищейка, я лезу на запах, ползу на просвет,
опускаясь семь раз на неделе в бездонные недра,
где запасов словесной руды на 400 лет.

Век живу, два учусь — будь здорова, моя бестолковость!
За ходячим вопросом маячит лежащий ответ...
Я и старость готов воспринять как хорошую новость,
ведь запасов словесной руды на 400 лет...

В июне

Май сгорел сигнальной ракетой,
жизнь перемещается на пляж:
люди в пятнах солнечного света,
безыскусный мирный камуфляж.

Здесь, на берегу седьмого лета,
шкет во всеоружии гулял.
Он из водяного пистолета
пять минут как маму расстрелял,

и она рукой незагорелой
ласково грозила сорванцу.
В мире одноразовых тарелок,
воздавая мясу и винцу,

штатские беспечно кочумали.
Истекал по капле выходной.
И небес лазурные эмали
наливались новою войной...

Остаюсь

Уезжавших провожали,
обвисали паруса.
Неужели не ужалит
осень, сонная оса,
как и прочих, зудом драпать
на остывший запах дня?
Солнце падало на запад...
Заграница-западня
всё ждала меня облапать.
Я ж, однако, не бежал:
я стоял... и правый лапотъ
нестерпимо ногу жал.

На Хортице

Сон забыт. Примерно восемь.
Вижу остров наяву:
стаяка диких абрикосин
на колючую траву
опустилась боязливо;

солнца бусины в воде
задрожали. Час прилива
фантастических идей —
где фантасты, что найдут их?
Я один на берегу.
Люди в лодочках надутых
сонно счастье стерегут.
На родной своей планете
ноги свесил и сижу,
за течением столетий
снисходительно слежу.
Обживаючи без спешки
малахитовые мхи,
лезут то ли сыроежки,
то ли новые стихи.
Запевалой в птичьем хоре
летний день вступил в права...
Знайτε все! В житейском море
есть такие острова!

Ядное

*Всё живое вышло из воды, обсохло
и потеряло смысл жизни.*

Копытом бьют и чешут рог сбежавшие с Ковчега,
в стаканы льют горячий грог по выпаденьи снега.
Завязнув по уши в зиме, предчувствуя болезни,
о тёплой каменной тюрьме они слагают песни.

То с ног отряхивают прах, то забивают стрелки —
в больших, казалось бы, делах они обидно мелки.
Им есть никак не надоест. Пока не канут в Лету,
всё будут думать — чем заесть последнюю котлету?

Всё будут тихо догонять, когда трубят охоту —
чем, чёрт ее дери, унять отрыжку да икоту!
А смерти — нет. И Ной не Ной, что лучше бы утопли —
с ухмылкой смотрит водяной на розовые сопли...

В круге белом

И не в тягость мороз, что следит за моим языком,
и о том же молчит, но в корявом своём переводе.
И не в радость зима: столько вместе исхожено вроде —
всё равно холодна, будто с нею совсем не знаком.

Нам не сбиться с пути, ведь дороги и нет никакой, —
все туман и песок, неизбывная наша опора...
Только вьюга поёт, что отыщется очень нескоро
там, вдали, за рекой перелётной души упокой.

И столбами стоят восходящие к богу дымы, —
Он по-прежнему здесь, каплей правды в любом мухоморе.
И баюкает нас ослепительно южное море,
неразумных детей в ледяных колыбелях зимы...

В глазах темнеет быстро в январе

В глазах темнеет быстро в январе —
здоровье не ахти и мало веры,
но ты сидишь в налобном фонаре
под сводами двухкомнатной пещеры,

и в час, когда весь город заражён
повальным одиночеством сограждан —
она приходит, лезет на рожон,
мечта, неутолимая как жажда.

Зовёт из переплёта в переплёт
неверная подружка — авантюра.
Командуется чайнику на взлёт,
из недр восходит банка конфитюра

на бочку дёгтю, коего объём
повремени оценивать пока ты,
пока секретных планов громадьём
вы с авантюрой сказочно богаты.

И вас теперь попробуй догони!
На вас глядят с надеждою народы
сквозь долгие, томительные дни,
сквозь день за днём мелькающие годы...

* * *

Мерси за чёрное и белое
луне и солнцу, их сиятельствам!
Спасибо, племя очумелое,
кто жив по разным обстоятельствам,
кто пьёт из луж и пишет песенки,
чья зеленеет речь озимая —
чтоб лезть куда-то вверх по лесенке
и выражать невыразимое...

Наум САГАЛОВСКИЙ

Майская ночь

...Это ветер, сыночек, он рядом, вот-вот,
со своей навевающей сны колыбельной,
он сидит на верхушке сосны корабельной
и оттуда негромкую песню поёт.
Баю-баюшки-бай, это дождь моросит,
славный дождь, от него никаких потрясений,
он с тобою всю ночь, долгожданный, весенний,
мелкий, будто просеянный множеством сит,
и темно за окном. Не пугайся, сынок,
это ходики бьют, это ёжик протопал,
он стучит осторожными ножками об пол,
а потом засыпает, свернувшись в клубок.
Спи, сыночек, усни, шлоф, майн иньгэлэ, шлоф,
это мама моя, это сон незабвенный,
это я, пятилетний, смешной, довоенный,
и сегодняшний я, со слезой между строф.
Папа спит, серебрится его седина,
спит сестричка, устала, ей в школу наутро,
а беда приближается ежеминутно,
мама спит... Через месяц начнётся война.

Колыбельная для мальчика Сёмы

Всем сёстрам — по клипсам,
всем братьям — по шапке,
грузинам, как водится, — кепки,
а двум незадачливым деду и бабке —
всё то, что осталось от репки.
Что ж мальчику Сёме?
Две мышки в соломе,
чулочки, носочки, пижама,
смешные картинки в семейном альбоме,
лягушка-квакушка
и мама.
Лягушка-квакушка,
собачка-кусачка
и жёлтые уточки в ванне.
А бабушка Соня,
такая чудачка,
хранит свои зубы в стакане!
Спи, Сёмочка, Сёма,
прими его, дрёма,
баюкай в прохладной постели,
лошадок уже увезли с ипподрома,
скамейки в садах опустели,
и белочки спят
на притихшем бульваре,
ни вскрика,
ни птичьего гама...

А Сёмочка в Бабьем покоится Яре.
И бабушка Соня.
И мама.

А вечером ветер стучится в окно...

...А вечером ветер стучится в окно
и шепчет, что он прилетел издалёка,
что сам он не местный, а с юго-востока,
пора б ему, ветру, улечься давно,
но негде, не спать же ему под кустом!..
И я, сердобольный, усталому другу
дрожащей рукой открываю фрамугу,
и ветер, как пуля, врывается в дом
и мчит, моего не касаясь плеча,
в гостиную, в спальню, потом в кладовую,
с трудом залезает в трубу дымовую
и там затихает, о чём-то ворча...
А ночью в окне серебрится луна,
когда уже медленный дождик прокапал,
она, не спеша, опускается на пол
и дремлет, заботами утомлена.
Как славно, сквозь сон говорю я себе,
что беды сегодня прошли стороною,
душа не пропала, и рядом со мною —
луна на паркете и ветер в трубе...

Пускай мне приснится...

Пускай мне приснится медовый наш отпуск в Крыму,
просоленный август, забытая Богом Алушта,
когда мы так счастливы были с тобой, потому что
купались в любви, будто были в угарном дыму,
приснятся друзья, и да будет их память жива,
искатели счастья, как мы, без большого достатка,
прогулочный катер с названием смешным — «Мухалатка»,
и чёрное море, и медленных волн синева,

и пляж коктебельский, письменников жалкий приют,
где, роясь в камнях, натыкались мы на сердолики,
и звёздное небо, и солнце, и лунные блики,
и горькие мысли, которые спать не дают.
Давно это было... Пристало ли мне, старику,
расплакаться вдруг, ненароком, без явной причины,
хоть слёзы и счастья, и горести — неотличимы,
я сдерживал их на своём незавидном веку,
зачем же я плачу, тревоги забыв и года,
добравшись уже до Бог знает, какого десятка,
и видится мне черноморский причал, «Мухалатка»,
а мы на борту и плывём неизвестно куда...

Вдруг...

...вдруг примчится ветер
и нашепчет слово,
и прольётся слово,
и взойдёт строка,
расцветёт полынью
у крыльца родного
и дождём весенним
грянет свысока;

вдруг запахнет степью,
и проснутся звуки,
и сойдутся звуки
в шумный хоровод,
упорхнут печали,
улетят разлуки,
и над отчим домом
радуга взойдёт;

вдруг заглянет юность
на мою чужбину
с песней, будто годы
повернули вспять:
...глянь, моя дитино,
через Україну,
через нашу хату
вже качки летять...

Аллилуйя

Аллилуйя, Господь,
подаривший мне
многие лета,
за скупую щепоть
Твоего лучезарного света,
за блаженство семьи,
за друзей
и за всё,
что люблю я,
дорогие мои,
с кем я счастье делил —
аллилуйя,
не робею ничуть,
но однажды
заслушаюсь
весь я —
позовёт меня в путь
отдалённый призыв
с поднебесья,

и душа, вся дрожа,
зазвенит
колокольною медью,
и возникнет межа
между жизнью моею
и смертью,
и на этой меже,
обнимая вас всех и целуя,
уходящий уже,
я тихонько шепну —
аллилуйя!..

Вячеслав РАССЫПАЕВ

МХ-445

Вновь насмотрелся роликов всяких,
где объясняют тормоз и газ —
будто бы мне на каком-нибудь монстре в серебряном лаке
мчаться к безвестью божьих гримас.

Тормоз на месте. Газ — на Нептуне.
Стылая жижа красных телец
бьётся об лёд, как душа судака, душ ягнячьих фактурней,
и не взревёшь, что правит подлец.

Эх ты, глотатель вечных теорий!
Жизнь не буксует, циклясь на них.
Зрение слил на компьютерной цацке на крайнем изморе —
не научился, хоть застони.

Ломка понятий о корефанах
рвёт тебе тканей жжённый капрон:
как далеки были все от руля — и однажды вне плана
новость приносит в форточку дрон.

Ты привязался, словно к котёнку,
к Димке иль Стёпке, к Джону — не суть —
и прозреваешь, в столе замечая ключи и путёвку,
порох попутно чуя в носу.

Он-таки вздрогнет: «Что я наделал?
Больно педаль та была мне нужна?!
Можно ведь было идти на флейтиста, жнеца, гренадера...»
«Ну так...» — проямлит ветер с гумна.

Сорные травы райских угодий
заколятся с первой грозой.
Добрая тысяча мелких зверей в щегольском хороводе
смоется в поздний палеозой.

Я лишь останусь, трезвый в стекляшку,
всю справедливость жизни сглотив —
и, перебросив придирчивый взгляд с Димки, скажем, на Сашку,
руль «Ламборджини» вверю слону.

МХ-509

То уже образ очкарика.
То — когда прочная шина
фтористой взвесью ошпарена
или проколота шилом.

Эта мечта не лелеялась
зорким бескомплексным парнем.
В путепроводную клеверность
въехать хотелось исправным.

Вот — доплясался до признаков
раннего астигматизма.
Жизнь — клоунесса капризная:
я б на неё не польстился.

Но непослушное зрение
спрашивать мозг не привыкло.
Всё оно как-то со временем
прячется в жухлую тыкву.

Сядь и сиди: для иных она
сущий боян — эта байка.
Просто зануда неслыханный
ваш уважаемый Знайка.

Ни жаргонизма в пословице,
ни бесшабашной проделки —
я ж не такой, хоть и схлопнулся
в папиной сказке про деньги.

Вспененной молодцеватости
выжал последнюю каплю —
и в обещающем статусе
с вами уже не стендаплю.

Всё-таки нужно запомниться
публике сильным и классным,
а не как будто с покойницей
вуайерист меня клацнул.

МХ-578

Родовую, блин, мою ветвь
облагали уже сто фетв,
но понятие «пустой звук»
сохранило редких злюк.

Кого ни вспомню из заставших мой пупок,
его натягивали в свой удобный бок.
Не то любил, не тем дышал — а кто решал?
Специалист по неудобным малышам?
В трамвай садился — даже где-то на Рембазе —
клыки стучали: потопил бы, как котят,
всех недовольных только мне понятной вязью
перемещений, превратившихся в обряд.

А теперь вдруг важен стал род.
Дед один — пингвин, другой — дронт...
Что оно гробовщикам даст —
сам спроси у хамских каст.

Всё унесли с собой в могилу шулера,
оставив мне полголовёшки от костра.
А был и дом в калифорнийском уголке,
и жирный гусь в ещё не дрогнувшей руке.
Не угодил тем, что аж прыгал, угождая
их воспитательных методик рычагу,
когда один умелый взмах мечом джедая
по умолчанию держался начеку.

Вот опять через весь стих — жёлчь
кожных, сальных и мясных толщ.
Как ни сцеживай лучи в свет —
гонор весь при старшинстве.

А мама до сих пор овечью память читит
о тех, кто портил мне досуг и аппетит
высказыванием: здоровый, мол, бугай,
а смотрит мультики про куклу и трамвай.

Благодаря тем куклам жив ещё Курилка
в лице стихов — и дело вовсе не в гран-при,
а в свежем авторстве воздушного подкрылка
запечатлённой полароидом зари.

Уплетайте дальше свой плов.
У меня печатных нет слов.
Если ярких не нашлось лиц, —
читите фолк, сосите шприц...
По стихам теперь, как Бог даст,
буду, может быть, не столь част,
но — как в суслах дорогих вин,
чтоб ни яда, ни слабин.

Михаил БРИФ

Ноябрь 2022, Украина

Метеоритные дожди,
война проклятая, бессонница,
но как-то надобно дожить
до главного — до солнца,
но как-то надобно дожить,
дождаться неба чистого...
Доколе воронью кружить
над любою вітчизною?

* * *

Беги из этих мест,
где нет тебе прощенья.
Награда или крест —
судьбы предвосхищенье?
Дар свыше иль пустяк,
не стоящий вниманья?
Тебе и так, и так
не будет оправданья.
Покуда ни арест,
ни мрак, ни отвращенье, —
беги из этих мест,
где нет тебе прощенья.

На склоне октября

На склоне октября то солнечно, то грозы,
уже бледна заря, уже грядут морозы,
над безднами паря, стращают нас угрозы,
глаза твои не зря вдруг застилают слёзы,
Причину холодов не выявить случайно:
весомость ли плодов иль яблонь одичанье,
а может быть, садов прощальное молчанье
или птиц средь облаков заметное мельчанье?
Пронзительно ясны осенние приметы,
октябрь средь тишины даёт свои обеты.
Прощайте до весны, птенцы, певцы, поэты!..
Опавшие листья, кем будете воспеты?

* * *

1

Тяжёлый и густой туман
накрыл стволы озябших сосен.
Свеж нынче воздух и морозен.
Мчит к югу птичий караван.
Так почему, хотел бы знать,
меня не взяли в эту стаю?
Со стаяй вместе бы истаял
в тумане я, и не догнать.

2

Дожди с утра и до утра,
и праздники мои не часты,
мне все невзгоды, все несчастья
твердят, что это их пора.

Но я влюблён и тем живу:
борюсь, упорствую, рискую
и всё, что вижу наяву,
четверостишьями рисую.

Снег в октябре

Снег падал робко и застенчиво
ещё в начале октября.
Всё стало белизной отсвечивать
Вокруг —
ему благодаря.

Снег засыпал поля и просеки,
он изо всех старался сил,
но люди-то привыкли к осени,
снег в зиму их переносил.
Мерцали листья клёна матово.
Снег шёл, нелёгкий труд верша,
и никого он не обманывал,
как ваша иль моя душа.

* * *

Ярко светит незакатное солнце,
рядом облачко послушным бульдогом,
не хочу я умирать, но придётся,
все мы смертны, все мы ходим под Богом.

Все мы смертны, все мы ходим под Богом,
раскидало нас по разным дорогам,
крайне редко безмятежно поётся,
не хочу я умирать, но придётся.

* * *

Били, топтали, амбал на амбале,
гром раздавался победный.
Хрестоматийно Христа распинали,
он здесь не первый, он здесь не последний.
Руки привыкли к подобной работе,
горе вам, те, кто в опале,
с вами покончат к ближайшей субботе.
Хрестоматийно Христа распинали.

Спасская башня

Вновь над задроченной Москвой
курантов оглашённый бой,
но стены древнего кремля
никак не на*бнутя, бля.

Читаю Пруста

(отроческое)

Злюсь на Пруста. Всё у Пруста, понимаешь, ох, непросто.
Злюсь на Пруста. Для него я недоразвитый подросток.
Злюсь на Пруста. На душе моей уныло, тошно, пусто.
Признавайтесь, братцы, кто из вас таки сумел осилить Пруста?

На скамейке в парке

Птичий гомон, детский визг,
мой сосед ко мне склонился,
говорит: «Приснился Стикс,
а Харон вот не приснился.

Сам-один на берегу
там стою, дрожу, стенаю,
сладить с дрожью не могу,
как мне дальше быть, не знаю.

И куда Харон пропал?
И куда он кувыркнулся?
Я всю ночь его прождал,
а наутро здесь очнулся...»

Мне сюжет такой не нов,
мигом разрешу сомненья.
Я, разгадчик всяких снов,
говорю без промедленья:

— Ты всю жизнь ловил ворон,
жил постыдно и греховно.
Каждый сам себе Харон,
каждый сам свой Суд Верховный.

Перешёл бы речку вброд:
здравствуй, незнакомый берег!..
Каждый знает, что помрёт,
да не каждый в это верит.

Близнецы

В природе всё выверено, продуманно и справедливо.
Всё в природе имеет свою противоположность.
Близнецов гораздо больше, чем можно было бы предполагать.
Есть материя — есть и антиматерия.
Есть миры — есть и антимир.
Есть вещество — есть и антивещество.
Лоп и квар, правда, нет, зато есть антилопы и антиквары.
Позади Христа всегда видится тень антихриста.
Семитам всегда и везде сопутствуют антисемиты.
В природе всё выверено, продуманно и справедливо.

* * *

Ты был рождён на свет задорным и горластым.
Зачем всё стало вдруг чужим, пустым, ненастным?
Тебя, как щепку, жизнь швыряла и вертела,
не раз неслись во мрак душа твоя и тело.
Другие молодцы горласты и клыкасты.
Не раз ты предавал и предан был не раз ты.
Коль в оправданье слов весомых не найдётся,
тогда гореть живьём в аду тебе придётся.

Попутчица

Теплоходик снегом запорошен.
Не скули.
Позади осталось Запорожье —
там, вдали.
Дембеля, мешочники и бабы.
Кто ещё?
Там ещё влюблённые на баке
под плащом.
Он ей что-то говорит стервозно,
но она
слушает его и не замёрзнет:
влюблена.
Разбитной матросик тащит чайник,
сахар, хлеб.
Жирные, прожорливые чайки
свищут вслед.
Так орут назойливо и жадно,
просто жуть.
Только Вам их бесконечно жалко,
я гляжу.
Вы молчите, я молчу неловко.
Час — как год.
Синяя спасательная лодка
не спасёт.
Всё, пора. Прощаемся тихонько.
Вам налить?
Впереди уснувшая Каховка.
Мне сходить.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

МОЙ ДОРОГОЙ ИДИШ

С языком идиш у меня с детства связаны странные воспоминания. Это был ещё один язык в моей семье, не считая русского и украинского. Иногда это было очень смешно, когда все три языка сходились в один, особенно у моей тёти, маминой сестры: русско-украинско-идиш. Приблизительно так: «будь ласка, закрой окнас и дверис», но никто на это не обращал внимания, это было обычным делом. Но с идиш особенностью было то, что это был секретный язык. Я не знаю почему, но домашние, мама и тётя, говорили на нём всегда вполголоса, а иногда даже шёпотом. Такие были времена. Например, Сталина у нас называли «а шварцер инт», что означало «чёрная собака». Когда он умер и мама стояла и плакала, я к ней подошёл и сказал: «Чего же ты плачешь? Чёрная собака наконец-то умерла». На что моя умная мама в сердцах произнесла: «Да я не о нём плачу, я боюсь, чтобы не было ещё хуже».

С идишем было связано много историй в нашей семье. Например, когда закрыли Киевский еврейский театр и перевели его в Черновцы, то друзья нашей семьи, актёры с домочадцами, часто ездили с остановкой-пересадкой во Львове в Черновцы. Тогда наша квартира заполнялась сплошным идишем, типа «Манька, я тебе сказала не кричи, а то получишь пэч», что означало «получишь наказание». А по вечерам вся эта публика собиралась на кухне и когда дети шли спать, начинались разговоры на идиш, которые обычно заканчивались плачем. Я не совсем понимал, о чём они говорили, но так как мама плакала, я тоже тихонько начинал рыдать и подвывать, но так, чтобы не было

слышно взрослым. Однажды из разговоров я понял, что был расстрелян известный киевский еврейский поэт, друг моей мамы, Давид Гофштейн, купивший мне парту, за которой я делал свои уроки.

Что-то было в языке идиш не только секретное, но и ностальгическое. Секретное, потому что нельзя было ничего выносить из дома, я имею в виду разговоры. А выносить было что. Мы, дети, это хорошо понимали, но тогда мы ещё не осознавали всей глубины случившейся трагедии. Носители языка, вернее, их миллионы, были уничтожены, расстреляны, сожжены. Поэтому идиш был для нас чем-то родным, к чему надо было относиться бережно. Я не помню, чтобы кто-то нас дразнил, если у нас прорывались выражения на идиш. Город Львов был многонациональным, ведь у нас ещё жили и армяне, и поляки, и венгры, и чехи, и т. д. Скорее секретность идиша была политическим мотивом, ведь за не очень «правильное» высказывание родителям могло достаться по самое горло. И мы, дети, это хорошо понимали.

Почему я делаю упор на идиш? Дела прошедших дней. Я помню... Наш друг семьи Давид Гофштейн был поэтом, который писал на идиш. Между собой мама и тётя разговаривали на идиш. Поэтому мы, дети, тоже знали язык и понимали взрослых. Все секретные семейные вопросы, чтобы не догадывались посторонние, обсуждались именно на этом языке. Когда бывали гости, вот тогда и звучал идиш!

Идиш в детстве: это и сказочки с летающими в небе персонажами в стиле Шолом-Алейхема и Шагала, песенки, считалки, стишки. Но это ещё и культура. Дело в том, что моя мама выросла в киевском еврейском детском доме, говорила, читала и писала на идиш, и у неё это был первый язык. Поэтому неудивительно, что он занимал в нашей семье первостепенное значение. Мама была поклонницей литературы на идиш, много читала, но, самое главное, знала многих писателей лично и дружила с ними. Таковым был, например, и упомянутый мною выше Давид Гофштейн.

С Давидом Гофштейном была отдельная история. Одно время мама была его литературным секретарём, редактировала и набирала стихи, вела переписку. Их отношения были испытаны годами дружбы. Особенно тяжёлыми были военные и послевоенные ситуации ввиду разных обстоятельств. После войны наша семья оказалась во Львове. Мама работала в редакции местной газеты, а Давид приехал по каким-то служебным делам в наш город. Он ожидал, что мама пригласит его в гости к нам домой, но этого не случилось. Он был очень заинтригован этой историей и сам, без предварительных договорённостей, появился у нас в доме. Давид был поражён нашей бедностью: не было мебели, еды в достаточном количестве, скромно одетые дети, которых мама взяла на воспитание, холодные стены в изморози. И он всё понял, почему его не пригласили, и вопросов он не задавал.

На следующий день приехала машина с грузчиками, которые привезли старую польскую мебель, купленную Давидом для нас в комиссионном магазине. Но он, зная мамин характер, сказал, что это он купил её для себя, мол пусть постоит, у вас и так много свободного места, а когда появится возможность, он всё это заберёт к себе в Киев. Таким образом, знаменитый еврейский поэт приобрёл для себя «модную» мебель. Этот эпизод можно было бы не упоминать, если бы не одно интересное обстоятельство. Среди «роскошного» гарнитура: дивана, шкафа, комода, покрытого мраморной плитой, вольтеровских стульев, самое главное — красовалась настоящая ученическая парта. За ней несколько лет занимался мой старший брат Виктор, а потом и я. Все десять лет моего образования парта служила мне с пользой, и занимала особое место в моей жизни. Всё это время я очень гордился, что учусь за партой, подаренной нам большим и знаменитым еврейским поэтом. Но эту гордость надо было тщательно скрывать, так как Давид Гофштейн был в годы Великой Отечественной войны членом Еврейского антифашистского комитета. После войны он жил в Киеве. 16 сентября 1948 года Гофштейн был арестован,

как и другие члены комитета, обвинялся в шпионской деятельности по делу Еврейского антифашистского комитета. Он сидел в одной камере с генерал-лейтенантом, знаменитым военным деятелем Василием Терентьевым. 12 августа 1952 года Давид Гофштейн был расстрелян как враг народа.

Когда мне было уже лет пятнадцать, мать мне сказала, что ей надо поговорить со мной. Разговор зашёл о наших родственниках. И она мне, как бы между прочим, открыла ещё одну страничку нашей семьи: «У тебя по папиной линии есть родственник — польский поэт-классик литературы Адам Важик, друг Юлиана Тувима, и очень хороший человек. Пишет он по-польски, но хорошо знает идиш. Бог его знает, а вдруг встретитесь когда-то. Но говорить об этом не нужно. Это я тебе так, на всякий случай. Он одно время жил в Советском Союзе, был ярым коммунистом, потом уехал в Польшу и стал антикоммунистом. Это я так, к слову.»

Я помню и такую историю. Когда я был взрослым молодым человеком, и у меня был приятель и друг, украинский писатель Владимир Яворивский. Подружился я с ним по его инициативе, он уже тогда был достаточно знаменит. Он приглашал меня на обеды к себе домой, его жена Нина Чайка, телевизионная журналистка, чудесно готовила. Приходили к столу ещё кто-нибудь из приглашённых. Володя был оригинальным человеком с потрясающим чувством юмора, и я помню эти совершенно удивительные застольные беседы. В свою очередь, я его приглашал к себе, моя мама его просто обожала. Так как в доме у нас говорили на всех языках, включая идиш, однажды, присутствуя при моём диалоге с мамой, Володя неожиданно заговорил на идиш. Мы с мамой были поражены, скорее всего не тем, что он знал язык, а тем, что мы могли сказать что-нибудь не то или не так в его присутствии. И когда я удивлённо его спросил: откуда? Он мне сказал, что жил в местечке, где проживали и евреи, и дружил с детьми, которые хорошо говорили на идиш и понимали его. Так как он был склонен к усвоению языков, то довольно неплохо

знал и говорил. К тому же он дружил с мальчиком-евреем, с которым сидел за одной партой все десять лет обучения в школе. И они перебрасывались словами на языке идиш, особенно шутками. Он и подружился со мной, потому что я напоминал ему его друга детства.

Володя, уже после моего отъезда на Запад, стал секретарём Союза Писателей Украины, где когда-то работал и я в Киеве. А случилось это так: я ходил три месяца без работы, и Володя узнал об этом от общих друзей. Я получил телефонный звонок от девушки-секретарши: «Приезжайте в Киев первым самолётом завтра. Вас будет ждать машина и вас примет лично секретарь Союза Писателей Украины Павло Архипович Загребельный. Ждём вас». Я сразу понял, что это проделки Володи Яворивского и что он хочет мне помочь. То ли дать путёвку в дом творчества или денежную помощь литературного фонда.

На следующий же день первым рейсом я вылетел в Киев. На цеховской машине меня доставили из аэропорта в отделение Союза Писателей. Тогда я был в статусе безработного и беспартийного, поэтому это скомпенсировало все переживания последних недель. Секретарша тут же меня провела в кабинет, как будто в этом была срочность, к Павлу Загребельному. Он меня усадил напротив себя в кресло и начал разговор со слов: «Я вас хочу поздравить. Вы уже работаете у нас в качестве корреспондента. Высокую рекомендацию дал вам Владимир Яворивский». Дальше разговор происходил таким образом:

— Павло Архипович, я не ожидал такого поворота дела. И поэтому должен вас предупредить о трёх вещах. Прежде всего, я — беспартийный человек.

— Ничего, ничего, Игорь Михайлович — это не самое главное при вашей должности.

— Второе — моя национальность, возможно, доставит вам неудобства.

— Ничего, ничего, Игорь Михайлович, вы же знаете, что у нас дружба народов.

— И третье — я заканчиваю последний курс заочного отделения журналистики и меня ждёт дипломная работа.

— Ничего, ничего, Игорь Михайлович — в любом случае у вас будет кабинетная работа и мы вам предоставим все возможности успешно закончить образование. Насколько я вижу, это ваше второе образование, а первое техническое. Скажите, пожалуйста, Игорь Михайлович, какие иностранные языки вы знаете?

— Польский и идиш.

— Ну, насколько я знаю и понимаю, идиш — это не иностранный язык для вас. В вашем положении иностранный язык будет иврит, не так ли? К тому же, я думал о немецком, французском, английском, так как у нас бывают иностранные делегации...

Он поднял трубку телефона и сказал секретарше: «Вызовите, пожалуйста, ко мне Владимира Яворивского...»

«Ну вот, — подумал я, — будет от ворот поворот.» Но быстро успокоился, как будет, так и будет. Я сам виноват.

Вошёл Володя, как всегда сияющий, с широкой улыбкой.

— Вот что, Владимир, вы мне рекомендовали этого молодого человека, и он мне очень подходит и нравится. Так, что он теперь наш сотрудник и вы берёте над ним шефство. Ознакомьте его, что и как, устройте в гостиницу, и ни пуха ему, ни пера.

Так я попал работать корреспондентом в Союз Писателей. В мои обязанности входило писать репортажи для московского бюллетеня о литературных новостях из Украины, сообщения о днях литературы, симпозиумах, конференциях, приёмах делегаций, организацией творческих встреч и всякое другое.

Я быстро вошёл в курс работы, приобрёл новых друзей и путешествовал между Львовом и Киевом. В Союзе Писателей ещё оставалось несколько писателей из довоенного поколения идишистов, среди них был Григорий Полянкер, еврейский писатель, отсидевший срок в ГУЛАГе, а теперь доживавший свой век в любимом городе Киеве. Ко мне он отнёсся очень тепло и всегда привечал. И как-то он пригласил меня к себе в Дом творчества

в Ирпень, где работал над новой книгой. Встретил он меня очень дружески, мы много шутили, смеялись. Перед этим как раз произошла очень смешная история. Всё тот же неутомонный Володя Яворивский привёл к нему ночью в комнату настоящую лошадь, которая посапывала, но вела себя довольно тихо и мирно. Она подошла к постели и лизнула Гришу. Гриша проснулся, включил свет и обомлел. Но удивить его было трудно, так как он прошёл четыре года фронта. Гриша покряхтел и пошёл искать сахар среди своих запасов для лошади. Правда, через несколько дней он устроил ответную акцию Володе Яворивскому. Он поставил ему свою еврейскую пишущую машинку, которая писала, в отличие от нормальной, не слева направо, а справа налево, по-еврейски. Поэтому когда Володя проснулся с бодуна и приступил к работе, он не понял еврейских иероглифов и движения машинки в обратную сторону. Всё это было проделками писателей, которые таким образом развлекались. Об этом мне Гриша как раз и рассказывал.

Слово за слово, я решился задать ему вопрос. Я объяснил, что с детства знал идиш и подумываю о том, стоит ли мне восстановить опять свой утерянный язык, учитывая, что времена потеплели. Гриша очень внимательно посмотрел на меня и ласково произнёс:

— Мальчик, учи английский, — и засмеялся.

Но мне было не смешно. Хотя я не подал виду.

Ещё я помню удивительные вещи. Ни по радио, ни по телевидению идиш никогда не звучал. Власти разрешали только редкие концерты артистов на идише. Помню приезды во Львов Эмиля Горовца, Сиди Таль, Нехамы Лифшицайте. Вот тогда и происходили совершенно удивительные события. Перед началом спектаклей по улице Чайковского, где находилась местная филармония, собирался наш идишистский бомонд. И я к своей радости слышал мой родной одесско-кишинёвский идиш, на котором в этот момент говорила вся улица. Например:

«— Мария Михайловна, у Вас в фирме не открылись новые позиции?

— Вы же знаете, у нас берут на работу только тех, которые знают, что не в деньгах счастье».

«Вы читали объявление в местном пивном баре: те, кто пьёт, чтобы забыться, должны уплатить вперёд».

«— Сёма, шо эти евреи на меня так таращатся?»

— Роза, это не Житомир и даже не Израиль. Сними золотую цепь поверх шубы!»

«Пожилые супруги: — Знаешь Софочка, наш брак всё-таки ошибка.

— Шо ты несёшь, Фима?

— Я ведь тогда свистнул, чтобы остановить такси. А подошла ты...»

Второй раз в жизни я испытал при совсем уже других обстоятельствах чувство секретности языка. А случилось это так: через много-много лет я поехал в командировку в Новосибирск, ещё в качестве инженера. Хотя в это время я довольно активно сотрудничал на радио и телевидении, как журналист. В этой командировке произошло много интересных знакомств, в том числе с Майей Плисецкой, Елизаветой Стюарт, Альфредом Шнитке и другими выдающимися личностями. В это же время местный театр «Красный Факел» по моему сценарию поставил радиоспектакль на новосибирском радио, в литературно-драматической редакции. Но разговор идёт не об этом.

Я заметил, что в моём номере гостиницы, а дело было зимой, при температуре минус сорок по Цельсию появляются свежие, красивые цветы. Сначала я решил, что они не живые, а искусственные. Но потом понял, что это были живые цветы. Я очень был удивлён и спросил своего приятеля из соседнего номера, корреспондента ТАСС, не ставят ли ему каждый день свежие цветы зимой. Он был очень удивлён и сказал, что нет. Тогда я не поленился и спустился вниз к администратору гостиницы и поинтересовался, каким образом у меня появляются свежие цветы. Он сказал, что понятия не имеет. Когда пришла ко мне убирать пожилая женщина, я спросил у неё, не знает ли она, почему

у меня такая весна на рабочем столе. На что она мне ответила, что знает и что она это делает. У неё в сарае дома маленький цветник и она приносит мне цветы в гостиницу. Вначале я не знал, что ответить. Было как-то странно всё это. И когда я у неё спросил почему она это делает, она заплакала. Сквозь слёзы она сказала, что слышит, как я красиво разговариваю по-украински, как ко мне приходят посетители и тоже говорят по-украински. А они из выселенных с Западной Украины, вся её семья, и до сих пор боятся говорить на своём языке. И как они перестрадали, когда их много лет назад отправили в Сибирь. И как они здесь остались до сих пор, и как боятся говорить на украинском. И как недоброжелательно до сих пор отзываются об их родной Украине. А у них уже здесь выросли большие дети и внуки, и они их научили родному языку, и поэтому она ставит мне цветы, как благодарность за родную речь.

Вот такая история, как и с моим полузапрещённым дорогим идиш.

Давид ПОТАШНИКОВ

2022

Молча идут сапёры от хаты к хате.
В детских качелях, под яблоней, на кровати —
всюду подарки для взрослых и для детей.
Щедрая братская армия не скупится.
Медлят сапёры, им лучше не торопиться
и разыскать сувенирный набор смертей.

Молча дерюгу накинута на чьё-то тело.
Тело вчера ещё было живым и пело.
Тело по-братски разорвано на куски.
Сердце мертвеет от боли у тех, кто живы.
Белым и розовым вишни цветут и сливы,
чтобы рассудком не тронуться от тоски.

Слабенький стук раздаётся из ближней хаты.
Двери распахнуты. Молча глядят солдаты.
Стенка избы испохаблена буквой Зет.
Бог наблюдает с упавших на пол иконок,
как из подвала выходит седой ребёнок,
словно на вымысел щурясь на божий свет.

май 2022

Семантика

Одною буквой отличаются
Убожество и божество.
На этом сходство и кончается.
Но льстит убожеству родство.

Не огорчу упрёком Бога я —
И он бы мог уйти в запой,
С тоскою глядя, как убогое
Обожествляется толпой,

Как безотрадно это множество
Ослепших глаз, раскрытых ртов,
Где каждый жалкое убожество
За божество принять готов...

А божество плывёт навстречу нам,
Его улыбка так легка...
И проплывает незамеченным,
И отлетает в облака.

декабрь 2021

* * *

Порой душа поёт и стонет,
Но равнодушно дремлет плоть.
Так тело гасит и хоронит
Огонь, что в нас вдохнул Господь.
Так упирается в земное
Небесной нежности струя
И бьётся радужной волною
О серый студень бытия.

февраль 2018

Мойры

В заоблачной дали —
Не долететь, не влезть —
Невидима с Земли,
Пещера где-то есть.
Пустынное плато.
Пещера на краю.
Прядильщица Клото
Там крутит нить свою.
Три мойры. Тишина.
Здесь не бывал никто.
Лишь стук веретена
В руках слепой Клото...
Не покладая рук,
Вертя веретено,
Прядёт она, мой друг,
Живое полотно.
Прядёт не торопясь,
Прядёт она, дабы
Для каждого из нас
Сплеталась нить судьбы.
Во взоре пелена,
Натружены персты —
Но всё ж прядёт она
Волшебные холсты.
Незнамо сколько лет
Прядёт за годом год,
И Атропос вослед,
Не глядя, нити рвёт.
А Лахезис решит,
Разматывая нить,
Кто подвиг совершит,
Кому лишь тлеть и гнить.

С годами плотно
 Плотней и тяжелей.
 И всё же в нём полно
 Зазоров и щелей.
 А в них ветра свистят,
 И зыблется трава,
 В них души шелестят,
 Как осенью листва.
 Там шёпоты слышны,
 Там бродят сквозняки,
 Там паутинки-сны
 Сплетают пауки.
 В развилках бытия,
 Ликуя и греша,
 Там пляшет и моя
 На ниточке душа.
 А ниточка давно
 Трепещет и скрипит.
 Пока мне жить дано,
 Но Атропос не спит.
 Меня найдёт она,
 Срезающая Нить,
 И будет ей смешна
 Мольба повременить.
 Привычные персты
 Обрежут нить мою.
 Меня забудешь ты
 В своём земном раю.
 В земном своём аду
 Задуеть ты свечу.

За звёздную грядущую
Я искрой отлечу...
Над гладью тёмных вод,
Из влаги и огня
Твой новый день взойдёт,
Но только без меня.
И нить, осиротев,
Отыщет, где упасть,
А трое вечных дев
Всё так же будут прясть,
Над пряжей колдовать,
Крутить веретено,
Вслепую нити рвать,
Как встарь заведено.
Вперёд, душа, вперёд —
Гори и пой, пока
Тебя не изберёт
Незримая рука —
Ты всё ещё вольна
Взбесить или пленить,
Пока цела она,
Натянутая нить,
Пока ещё тобой
Не пройден путь земной.
До бездны голубой.
До кромки ледяной.

апрель 2019

Михаил ГРИНБЕРГ

Дорожное

Храни тебя в немой печали,
В дорожной горести храни,
Когда из бесконечной дали
Летят неверные огни,

Когда рассвет ещё не настанёт,
Холодных звёзд струится свет над снегом,
И долгий путь, как промелькнувший год,
Уходит прочь за монотонным бегом.

Осень

Помедлим на краю обрыва,
Пока без цели и следа
Ведут дорожные извивы
Из ниоткуда в никуда,

Пока небес прозрачны шторы,
И ветров ломкое стекло
Горящей осени уборы
С родных ветвей не отсекло.

Вглядимся в ответ зазеркальный,
Погрузимся в чуть слышный гул,
Пока кружится шар хрустальный
И год к зиме не повернул.

Оглянемся на день вчерашний,
Пока, вползая на порог,
Туман годов, как пёс домашний,
Кольцом свивается у ног.

— ПРИЧУДЫ ПОГОДЫ —

* * *

Когда в случайное оконце,
Мелькнувшее средь плотных туч,
Уже невидимое солнце
Последний посылает луч,
В нём перелески снов и странствий,
Погружены в холодный свет,
В ещё не прожитом пространстве
Плывут осколками планет.

* * *

Парк погружался в темноту.
Туман опаловою дымкой
Стволов прозрачных наготу
Укутал с ветками в обнимку.
Шуршали листья под ногой,
Им с веток вторили живые,
И облака, как сны дневные,
Тянулись длинной чередой.

* * *

Как радостно течение ясных дней —
Сосновый жар пылающего лета,
А в полдень укороченных теней
Неслышный ход, весёлая примета
Того, что утром розовый восход
Последним не был... Только однодневки
Слетаются под вечер к фонарям,
И вот уже опять флажок на древке
Нещадно ветер треплет по краям.

Дворцовая площадь

Шестёрка обезумевших коней
Летит по гребню триумфальной арки,
Их гонят вдаль разгневанные парки,
Где мрак ночной извечней и темней,

Где крепнет тяжесть неизбывных уз,
А жизнь берёт за всё нелепой данью,
Абсурдному потворствуя желанью
И расторгая с истинным союз.

Александр НЕМИРОВСКИЙ

The Shire

Трудно складывать, когда из тебя вычитают.
Вроде бы,
давнее прошлое
не вызывает боли.
По-английски родина —
motherland.
В советском крошечке
мама из Киева, а я вот, то ли москвич,
а то ли
американский поэт.
Личное
это теперь имеет другое значение.
От похорон культуры
выживают лишь национальные черви.
Рабы. Они плывут по течению,
в реке времени,
и фигуры
их исчезают в истории, обречённой на повторение.

Война захлестнула Пасху.
Просели
колокола храма.
Воздушной сирены голос — вот и вся литургия.
Где весна подняла поросль — яма,
где сказывалась сказка —
погибель.

В прицеле
ракет — Одесса.
(Проклятые, всех не сбить — летят быстро.)
Небесные ангелы чистые
пришлют крылья,
принять в сонм местных.

Вознесётся мадонна в небо
с трёхмесячным бэби
над набережной,
над памятником Дюку,
заваленном мешками
с песком.
В слезах ослепнет
от ненависти вера в рок,
нисколько
не видя протянутую ей руку.
С виском,
отмеченным красным,
возле погибнет бог.

Смолк
очередной налёт. Городу
опять раскроили
череп.
Плети ракет догорают на фасадах по комнатам
разбитых домов.
Вечерееет.
Вверх, вверх поднимают убитых крылья.
Ветер открывает в черноте саж
полотно картины.
Порт.
Спины
подъёмных кранов.

Переплёт
улиц в обрамлении пляжа.
Понт,
разбивающийся о скалы Украины.
В красной пене, так рождаются страны.
4 мая 2022

* * *

Будущее,
как ограничены у тебя пути?
Как незначительны
цели, к которым они ведут?
Я выращен,
как ни крути,
в рабской земле.
На свободный не пригожусь труд.

В стекле
отражается за моей спиной —
царь орды.
Я зажат стеною
с зубцами красными, все в крови.
Рты
открывают мои сверстники,
но из них лишь вой: «За царя!»
Оторви
руки от ушей,
слушай, ты будущее,
не страны — местности,
как тебя творят.
23 мая 2022

Мариуполь

1

Я помню, как умирают в театре:
падают в намеченной точке сцены.
Спотыкается бой
барабанов, замирают литавры,
гобой.
Над телом
наклоняется падре,
софиты смещают тени.
Отстучав концами сидений,
оваций звучит прибор.

Но это не шум ладошек,
то стены сошлись в поклоне,
балкон обвалился в ложу,
осколки стекла — софит.
Нáсмерть не понарошку —
замысел посторонний,
в нём зрители стали прошлым.
Под кровлею похоронен,
неписаной драмы скрипт.
Ужели сюжет возможен?
Зачем тебе они, Боже?
вон та и та, и вот этот, похоже,
ещё хрипит.

Их раскопают когда-то,
когда утихнет бомбёжка.
Солдаты
возьмут носилки
лопаты,
экскаватор выделит мэра.

Просили
же, чтобы мимо, молили всем миром люди,
но зátкнуты уши судей —
им бесконечно сложно
что-либо просто слышать средь бесноватых сфер.

Кружётся позёмка пыли
в видео с телефона
кусок декораций, камень
под ним — непонятно что.
У жизни глаза застыли
и больно
от сказочки, ставшей былью.
Я раненый, мне бы с ними.
Подставить б своё плечо.

Мне умирать на сцене
по пьесе,
где нет антрактов
Я мести
призраком, тенью
портьеры вуаль откину.
Пусть автор,
злодей, боится непережитых мгновений.
Вот он подставляет спину,
народ подставляет спину...
Но нету во мне прощенья!

22 марта 2022

2

Но как закрыть эту страшную книжку,
отложить и заняться жизнью,
если это красное лихо
наяву и никак не стихнет?
Полостная по нервам рана
кровоточит и, право,
полно
говорить себе, что не больно.
Говорить на наречье орков
и мечтать, чтоб все орки —
сдохли.

Чтобы в кронах деревьев птичья,
не снарядов звучала песня.
Чтобы в створке
окна над горкой
лишь закатом краснело небо.
Не безличным
стыдом за язык молчало,
не прощая
нам к русской речи слепой
ненависти в отчаяние.

Извергается горло стоном,
восходящим в глухие выси.
Как мне выжить, захлопнув кожух
от айфона,
на моём уничтоженном
прошлом?
Выжить ныне, пускай не присно.
24 марта 2022

Буча

Я пью навзрыд.

Смотреть отказываются глаза.
Я взрыт,
как полоса
земли после бомбёжки.
На дробь отчаяния / на ненависть умножен,
я тоже —
житель тёмного подвала,
я пешеход с расстрелянной дорожки,
где трупы, брошенные
как попало.

Надежда лишь, что всё ж московский князь
враз попадёт под суд и казнь.
Что страх и кровь его камнями
встретит площадь,
на месть за дело.
Три всадника, что топчутся конями,
сгинут.
За перевязь
четвёртый своего смирит, чтоб гимном
жизни — взорванная роща
зазеленела.

Я жду возмездия,
коль не застрелен бог.
Пропавшим без вести —
не выбирать дорог.

14 апреля 2022

Анатолий ЛИБЕРМАН

— МАЛЕНЬКИЕ ЭЛЕГИИ —

В гавани

В этом старом доме
Все вещи стары.
По углам остатки
Давнишней тары.
Расставлены томики
Полузабытых поэтов.
В вазах охапки
Полузасохших букетов.
Портреты женщин
Позапрошлого века —
Над всем, что дряхло,
Взята опека.
Корабль приколот
В ожидании слома.
Лишь дух в нём молод,
И все в нём «дома».

Черным-черно

Мне жаловался российский, как я сам, эмигрант:
«Внуку мои воспоминания ни к чему.
А ведь прошлое — это будущего гарант,
Без прошлого мир погрузится во тьму.

Я рассказываю, как стояли в очередях,
Как страх нас прочнее, чем льды, сковал,
Как нашим жильём был холодный чердак,
А у единственного друга — сырой подвал».

А он говорит мне: «Сам виноват,
Люди за права сражаться должны.
В нашей школе группа ребят
Лежит на мостовой против войны.
А расизм! Мы разгромили целый квартал,
И вокруг всё черным-черно!»

Повернулся я, ничего не сказал.
Прошлое было так давно!

Числительные

Кто-то родился в тридцать седьмом году,
А кого-то убили в тридцать семь лет.
Тройка, семёрка — ни пика, ни пики нет,
А с дамой (любой) наживёшь беду.

Кто-то родился, не заметив грозы,
А кто-то ухитрился прозреть во тьме.
Кто-то на тройках прошёл в тузы,
А гений с тузами сидит в тюрьме.

Голиаф Давида почём зря тузит,
Шестёрки семёркам сохраняют власть.
Гибелью и тройка, и семёрка грозит,
Но страшна и вся остальная масть.

Кто родился в тридцать седьмом году?
Кто расцвёл в нем, и кто поник?
«Вой собаки пророчит беду», —
Сказано в одной из бессмертных книг.

Соглядатай

Там прошлого нет и следа!
Счастливец? Безумец? Ленивец,
Нашедший лишь залежи льда
На буйно разросшейся ниве?

Там горечь давнишних измен,
Потухшие искры экстаза,
Проклятья далёких колен,
В гортани застрявшая фраза.

Но там же и замыслов груз,
И боль нерешённой задачи,
Обломки разорванных уз
И боль, что могло быть иначе.

И нет безнадежнее зрелищ,
Где сам ты себе соглядатай:

Внимателен, сколько ни ратуй.
Он вечен. Его не застрелишь.

Городу и миру

Я был заведён навечно,
Но похоже, что часы мои пробили.
Всё на белом свете конечно,
Даже regretium mobile.

Но странно: я не чувствую скорби.
Или скорбь рассуждением сглажена?
Я просто объявляю urbi et orbi:
Закрыта замочная скважина.

О несбывшемся я не плакал отроду,
А теперь горевать вроде не к чему,
О чём по дороге к Предвечному
Сообщаю и миру, и городу.

Туда, туда!..

Но только не к брегам туманным
Печальной родины моей.

Брожу ли я вдоль улиц пыльных,
Спешу ли в университет
Меж юношей любвеобильных,
Меж женщин, в слабости всесильных,
Меж телефончиков мобильных,
Я вглядываюсь в белый свет —

Хотя мой свет давно не белый,
Скорее, грязный, серый свет,
На вид бесцветный, потускнелый,
Бурнокипящий, но не смелый,
Галдеющий и оголтелый —
Без счёту бед — один ответ.

Смотрю насторожённо, хмуро
На мир разрозненных вещей,
Где пешки выбились в фигуры,
Где дураками правят дуры,
Где ищут девочки Амура,
А он — заждавшихся Психей.

* * *

Поближе к милому пределу?
Нет, прочь! В заморские края,
Где солнышко ещё не село,
Где мысль случайно уцелела,
Где трус, я слышал, ходит смело,
А смелый выбился в князья.

Заветный край без наших маний!
Там рыбку тянут без труда,
Там ни терзаний, ни метаний,
Ни опостылевших литаний —
Ах, этот мир пустых мечтаний...
Но всё равно: туда, туда!

Туда, туда, в далёкий край,
В надзвёздный край, в волшебный рай,
Где пышен каждый каравай!
Ах, каравай мой, каравай —
Какой захочешь, выбирай!

Сергей КОДЕС

Война и лира

Когда вовсю свирепствует война
И кровью пахнут фронтовые сводки,
Я чувствую — в одной все люди лодке,
И век у нас невысказанно короткий.
А дальше — тишина.

Когда вовсю свирепствует война
И пушки изготовились для боя,
Солдатам нужно жертвовать собою, —
Не пишется о зорях и прибоях,
О тучах и волнах...

Когда вовсю свирепствует война,
На ней сосредотачиваешь мысли,
Которые всей тяжестью нависли —
О долге, чести, смерти... И о смысле.
Лихие времена...

Когда вовсю свирепствует война,
Невольно замечтаешься о мире,
О безмятежной и безбрежной шире,
О том, что, может быть, вернёшься к лире —
Вдруг не разбомблена?

...не хватает Брута

Крутыми были виражи,
 вовсю трещала шкура...
 Жить попыталась не по лжи,
 но не смогла культура.
 И этот сущий в ней язык,
 что нам казался вещим,
 с годами превратился в рык,
 бездушным стал, как клещи.
 Где нынче Фирс, вишнёвый сад
 с Акуловой горою?
 Сегодня Искандер да Град,
 они готовы к бою.
 Кто был умён и очень мил?
 Где путь лежал кремнистый?
 Всё ад кровавый поглотил,
 и «танки наши быстры...»
 Горячий воздух дик и глух,
 но не для Незнакомков,
 он — для рыдающих старух,
 оставшихся без дома,
 он — не для тихих нежных строк
 сонетов и верлибров,
 он служит, злобен и жесток,
 опорой для Калибров.
 ...Царь снова гибель разослал,
 народ ликует: «Круто!»
 И сатана здесь правит бал.
 И не хватает Брута...

Эра Водолея

Препарировать настоящее —
Вот такая стоит задача.
Если ищете, то обрящете,
Пусть и с болью. И даже с плачем.
Вряд ли будете вы согреты,
Получив на вопросы ответы...

Может, стоит удариться в прошлое —
Там искать опору и силу,
Находя в обрывочном крошечке
То, что было и то, что сплыло?
И почувствовать всю кожей —
Не поможет. Отнюдь не поможет.

Понадеяться на грядущее?
Преисполниться оптимизмом?
Ну а как же вокруг идущие
Войны, бури и катаклизмы?
Не заметить! Глаза зажмурить.
Продолжать рассуждать о культуре...

Не порадовал вас рецептами?
Видно, радовать не умею.
Да и время такое цепкое —
Эра новая — Водолея.
Это очень сильная эра.
...Сохранить бы надежду и веру.

Надеюсь...

*Расскажи мне, что там, в двадцать третьем году?
Что за птица поёт в Гефсиманском саду?*

Виктор Фет

Расскажи мне, что там, в двадцать третьем году?
Что за птица поёт в Гефсиманском саду?
Я надеюсь, что солнечный свет не потух
и пропеть не успел ещё трижды петух,

что забыт Оппенгеймера главный проект
и что силу везде победил интеллект,
двадцать первый — пока неприкаянный — век
прекратил производство сирот и калек,

перестал генерировать горе и боль
и умножил кровавых тиранов на ноль...
Сквозь страдания и кровь без торжественных нот
этот век всё же к двадцать второму придёт.

Дух лампы, или Кто-то должен

С кряхтением, стоном, с очень кислой миной,
не находя, куда приткнуть лэптоп,
я обживаю лампу Аладдина —
ввиду того, что дух давно усоп...
Но кто-то должен выполнять желанья!
Но кто-то должен делать чудеса!
И духом лампы временно не стань я,
плохая началась бы полоса...

Тереть с остервенением не нужно!
Без этого понятен ваш запрос.
Нельзя быть в этой жизни безоружным —
недаром лампу Аладдин принёс.
Не знаю, долго ль лампа будет домом,
но если на меня иссякнет спрос,
всё передам другому — молодому,
чтоб он в заветной лампе службу нёс...

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ

Сотворённые...

Сотворённый из света пытался украсть
Прилагательный ящик Пандоры.
Чтобы спрятать секретов козырную масть —
Существительный абрис раздора.

Сотворённый из пепла пытался взлететь,
Словно Феникс — горящую птицей.
Заковали воскресшего в мёртвую клеть
И велели усопшим молиться.

Сотворённый из крови ночами не спал —
Убиенные в сон приходили.
Голос крови на ниточке тонкой дрожал,
Междометия в крик голосили.

Сотворённый из лести молился богам,
Находил утешенье в причастии.
Он числительным мелким служил господам
И разделявал крохи на части.

Сотворённый из мифа по свету бродил
И глаголом разил непокорных.
Океан переплыл, выбивался из сил
И вещал на наречье прискорбном.

Сотворённый из плоти махорку курил,
Матюки раздавал бестолково.
Сам возделывал землю, потомство родил
И оставил наследникам Слово.

Дерево седое

В этом мире нет твоей любимой —
обрастают небылью слова.
И куда ни глянь, необозримо —
горькая, былинная трава.
Уродилась та трава высокой —
закрывает горы облаков.
Может там, на облачке далёком,
спряталась в перину нежных слов
млечная невеста неземная —
хрупкой бестелесностью светла?
А душа, как веточка родная,
к дереву седому приросла.

Славянский базар

вот хитрован усатый патриот
его ни честь ни совесть не берёт
вот кардинал умноженный на ноль
он знает явки знает и пароль
два старых беса втёмную рулят
их носит безутешная Земля
глаза Земли срываются с орбит
звезда с звездой уже не говорит
подлунный мир висит на волоске
опричный ряд скрывается в леске

кто с палицей кто в маске кто с рублём
пропитан воздух сирым сентябрём
попрытались семь гномов на Руси
осталась Белоснежка гой еси
упрямо белоленты раздаёт
бесстрашно презирает вертолёт
волков боится — смотрит им в глаза
народ привычно смотрит в небеса
славянский открывается базар
на волю собирается гроза
...под шквальный ветер дождик моросит —
рыдает согревает и кровит

В поисках смыслов

Если можешь не петь, не пой.
Если можешь молчать, молчи!
Если можешь не пить, не пей.
Если можешь кричать, кричи.

Каждый день как последний бой.
Каждый бой как последний день.
И погибший — всегда живой,
Если он защитил детей.

Если мир сорняком пророс,
А война расцвела зверьём.
Карма — кара небесных гроз —
Постучится в твой отчий дом.

И когда над твоим гнездом
Чёрный ворон в урочный час
Ненавистным взмахнёт крылом...
Почему ты тогда смолчал?

Расскажите о жизни...

Расскажите негромко о жизни своей —
без утайки, без спешки.
О бессоннице снежных лихих декабрей —
без надежды на нежность.
Как дышалось тогда, равнодушной весной —
в громах грозных парадов.
Как ходили под пули в боях на убой
молодые солдаты.
Про отчаянье лета в короткой ночи,
словно в тесной постели.
Про разрушенный город (горой — кирпичи),
и любовь, и потери...

Бестелесные тени скользят по стене,
дышит воздухом осень.
Урожай кроважадный на долгой войне
ненасытная косит.
Нынче август врачует зелёный лесок —
изуродован взрывом.
И губная гармошка играет вальсок
над высоким обрывом.
А вдали за рекой ошетинились рвы
в ожиданье подмоги.
На рассвете кукушка кричит на разрыв —
это песнь перемоги.

Виктор ФЕТ

25 февраля 2022 г.

Страна разрывает страницы свои,
Война расставляет все точки над «і»
Следами от русской шрапнели
Там, где мы гуляли и пели.

Там, где криворожское детство моё
Славянские буквы смешало,
Из древних времён золотое копьё
Вонзается в груды металла.

Из мрака на свет не рождается враг,
Удушен своей пуповиной,
На дно океана, где крейсер «Варяг»,
Спускается остров Змеиный.

Кольцуются хвост меж зубами змеи,
И точка двойная над киевским « »
Дрожит в окуляре прицела.
Душе непривычно без тела.

Кончается снова февральская ночь,
И красен рассвет в Фермопилах,
Молитесь же с теми, кто может помочь,
Молитесь за тех, кто не в силах.

25 февраля 2022

Распад

Империя кончает самоубийством в живом эфире
на русско-всемирной войне.
Пушкин и Бродский разлетаются мраморной крошкой,
но не в тире,
а в Мариуполе, Чернигове и Ирпене.

Сгнившие скрепы
разлетаются в щепы,
превышая скорость и света и тьмы.

Догорают страницы учебников.
Вспоминается Хлебников,
прятавшийся в Харькове сто лет назад,
в психбольнице, вычисляя свои алфавиты
звёзд, империй и птиц,
сроки полураспада
и рая, и ада.

Разве мы не знали,
что ад не имеет границ?
Но ведь нам обещали
не ад, а рай на земле.

Где и когда закончится
начавшееся в феврале?

3 апреля 2022

Слово

Анатолию Либерману

Не задерживаясь между нами,
исчезая водой в песке,
испаряющимися снами
слово тает на языке.

Без значенья его немого,
без последующего суда
невозможно оставить слово,
уходящее навсегда.

Удержи в середине пенной
ту ладью, что всегда легка:
то, единственное во Вселенной
слово, падающее с языка.

7 мая 2022

Взор

Взор усталый к небу подымая,
ты найдёшь на краешке звезды
уничтоженный седьмого мая
дом Григория Сковороды.

Ты не спишь десятую неделю,
бедная бродячая душа,
беженкою в чьём-то новом теле
по дорогам вечности спеша.

Не назначен срок твоих скитаний,
солнце встанет над убитым днём;
это испытание огнём —
не последнее из испытаний.

7 мая 2022

Что там?

Расскажи мне, что там, в двадцать третьем году?
Что за птица поёт в Гефсиманском саду?
Или мы в путешествии этом
угодили в иной арборетум?

Нас Вавилов не вывел, что твой Моисей,
в те поля зерновые, где не жни и не сей;
век двадцатый рабов своих верных вскормил
кровяною похлёбкой из слов и чернил.

Двадцать первого века гнилая парча
расползётся по ниткам в руках палача.
Голый век без приюта и крова
доползёт ли до двадцать второго?

24 июня 2022

Нет слов

Нет слов. Твоё наследие ушло
в песок азовский. Царское Село
разгромлено. Фонтан в Крыму истёк.
Язык твой, то есть наш — анчарный сок

из конусов стеклянных и томатных,
 как кровь из книжки о победах ратных
 от Куликова поля до Полтавы.
 Но вышел срок — и нет твоей державы.
 Империя мертва. Жаль, что тогда
 в Одессе ты не смог взойти на борт
 с Амалией. Вела бы вас звезда
 к её отчизне дальней ночью южной.
 Здесь речь твоя становится ненужной:
 потомок твой есть раб — нет, худший сорт
 раба: готовый жадно умереть
 за сгнившую двуглавую корону
 и сто, и двести лет подряд, и впредь,
 тирана вставивший себе в икону.

Мой календарь раскрыт в день твоего лица,
 я дату нужную не пропустил,
 но прерывается нестройный хор светил,
 бледнеет текст, и ты — не панацея,
 от опиума слов не впасть нам в забытьё,
 и ты не наше всё, и мы не всё твоё.
 Мы обнаружили другие берега,
 но разум корчится в непредставимой боли.
 Октябрь кончается, и чёрные снега
 покроют выжженное поле.

19 октября 2022

Между

Между человечеством и орками
существует видимая разница;
Украина формирует органы
нашего искрящегося разума.

И пока её святые воины
держат мир событий на плаву,
время, несмотря на все пробоины,
продолжает длиться наяву.

Перегревшийся за два тысячелетия,
мир вступил в неведомое третье,
и своей беспроводной сетью
ангелов невидимых полки
уловил в огромные силки.

А ещё он варит птичий клей,
чтобы липли к ленточкам не мухи,
а везде витающие духи —
те, кто вне молекул и полей.

Напрягая разума пределы,
где слова, белы и неумелы,
только-только вылезли на свет,
эти строки на волне печали
пусть читают так, как мы читали,
те, кто уцелеет в бездне лет.

20 ноября 2022

Малый звук

Татьяне Вольтской

Зацепиться за малый звук
и не выпустить слов из рук;
и, не делая резких движений,
отделить от кошмара свет;
зачерпнуть из ручья воды,
содержащей в себе следы
неизвестных соединений.

Здесь в течение ряда лет
мы и жили, и здесь текла
неопознанная струя
дикой горечи бытия
через залежи тьмы и зла,
с вкусом ягоды и цветка,
отпечатанным в наших снах.

Мы способны ещё пока,
пробираясь в глухих местах
по колено в мокрой листве,
собирать в своей голове,
выводить пером на листе
то, что было раньше для нас
недоступно, и в пустоте
исчезает быстро сейчас,
где слова мои, пеной в игре
волн понтийских, не дав следа,
растворяются, как всегда,
в наступающем декабре.

12 декабря 2022

Давид ПОТАШНИКОВ

РЕСТАВРАЦИЯ РЕЧИ

Неожиданно для себя русский язык в двадцать первом веке оказался заложником войны, чудовищной и бессмысленной. Ему, конечно, все последние сто лет суждена была участь узника пыточных подвалов Лубянки. Но таким изгоем планетарного масштаба он никогда не был. Придавленный неподъёмным оползнем из крови и трупов, очнётся ли он, придёт ли когда в себя? Об этом — замечательный и горький цикл стихов Виктора Фета, поэта, биолога и учёного, сегодня преподающего биологию в университете Маршалла (Западная Виргиния). Первый блок его горестной летописи войны появился летом 2022 года в книге «Вскипает лава», но «немыслимо долгие песни войны» («Поток») продолжали литься из-под его пера, и осенью в Киеве вышел новый сборник «Над бездной», полностью состоящий из стихов, написанных после начала войны. По признанию поэта, до войны около пяти лет он стихи не писал, это был период творческой немоты. Однако 24 февраля 2022 года мир для него, как и для многих из нас, взорвался снаружи и изнутри, вызвав к жизни пока не завершённую летопись войны, бессмысленной и безумной...

Человек науки и человек книги, поэт сверяет прошлое с настоящим, вглядываясь в годовые кольца эпохи, ушедшей в небытие, и в то же время обращая свой взор к вечности.

...летя в потоке звёздной пустоты,
непредставимой разуму и сну,
сквозь выжженную, чуждую страну.

Я вижу в ней черты различных стран;
с её равнин, как утренний туман,
поднялись стаи слов, слепых и рваных,
которых я не видел в прочих странах.

(«Страна»)

Война обнажила скрытую ранее неизлечимую нравственную ущербность певцов «русского мира», предавших провозглашённую Достоевским пушкинскую «всемирную отзывчивость», хотя неизбежен горький вопрос — а была ли она? Не выдал ли Достоевский желаемое за действительное: «...Русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия».

Она, эта отзывчивость, умерла, если и была:

...Вы предали ее — Ахматову свою,
Вчера ещё могли спасти вы ваши души,
Но вам опять нужна одна шестая суши,
И я бесовские личины узнаю

Пока ещё перо сжимается в руке,
Пока толпитесь вы у дьявольского трона,
Я проклиная вас на русском языке.
Мы сохраним его в руинах Вавилона.

(«Евгению Рейну»)

Многим стихотворениям цикла поэт придал форму сонета, но движение строк так естественно и так музыкально, так легко и свободно льются катрены и терцины, что «строгость» каждого

стиха совершенно неошутима. Тем не менее, всё вышесказанное не лишает поэзию Виктора Фета трагизма, глубины и боли:

Язык мой, друг мой неизменный,
сто лет, как хрустнул твой скелет
у бездны на краю вселенной;
в тебе опоры больше нет.

С нуля приходится сонет
реконструировать, как генный
забытый код; как крови венной
пассивный ток; как тусклый свет

безгласных рифм. Твоя громада
уходит в топь, как скифский клад
в глубины угро-финских блат,

туда, в граниты древних плит,
куда твой смысл прогорклый слит
и занесён слоями яда.

(«Язык мой»)

Профессиональный биолог, поэт вглядывается в эволюцию человеческой истории и культуры с пристальным и любовным вниманием исследователя, соизмеря самоистребление последней империи Земли с падением Вавилона, Трои и Атлантиды. Ему дорог шелест пожелтевших страниц ушедшей на дно эпохи, и её переосмысление, восходящее к знаменитой эпитафии Блока, вызывает к жизни горькие строки:

И вот во тьме аптек и фонарей
слова текут, неузнаны и немые,
и тысячи распятых словарей
ещё хранят известные фонемы,

но времени расползшаяся ткань
уже проходит сквозь пустые руки,
и ядом слов сожжённая гортань
не пропускает варварские звуки.

(«Романс»)

В удивительном цикле Виктора Фета мощно пульсирует гул времени, Поэта не прельщают замысловатые словесные кружева, оснащённые многослойными метафорами и тропами, его речь настолько прозрачна и легка, что не обращаешь внимания на средства, которыми автор творит свою магию стиха. Однако под этой кажущейся лёгкостью и простотой — глубокое и страстное осмысление человеческой истории, подошедшей к пропасти, перед которой в оцепенении остановилось всё человечество, ещё не зная, как её преодолеть. Виктор Фет с тоской заглядывает в эту пропасть, по его словам, «бездну на краю вселенной», и в отчаянии оборачивается назад, к солнечным всплескам безвозвратно ушедшей в прошлое великой эпохи гуманизма, содрогаясь перед гнетущим сумраком пришедшего ей на смену чудовищного обесчеловечивания, эрозии и прямого гильотинирования культуры:

Но история сломана пополам,
и, похоже, кончилась в этот год.

(«Последние»)

Вся звуковая стихия цикла и его стилистика, несомненно, возникли у поэта как бы «сами собой», по наитию, из мучительных раздумий и боли: «Слова текут, как боль/из полости души» («Легко»), хотя всегда заманчиво вглядываться в уже написанные строки и находить в них несомненную звукопись и магическую переключку «волшебных звуков, чувств и дум». Вслед за Тициа-

ном Табидзе («Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут/Меня, и жизни ход сопровождает их») поэт указывает на свой кастальский ключ:

Где я беру слова? Они меня берут
в свой оборот, в подземный свой маршрут,
из тёмных облаков сознания летя;
мне их не выбирать — они решают сами,
как ястребы, паря под небесами.

(«Глубины»)

Летописец и свидетель чудовищного распада последней империи, с которой он с детства был связан узами языка и культуры (хотя сам поэт родом из Кривого Рога, уроженец Украины), Виктор Фет оплакивает гибель этой культуры, не сдерживая гнев и отвращение к её палачам. Щемящая боль невосполнимой утраты заслоняет всё:

Но дым застилает и память, и взор,
на грани безумия гаснет костёр,
и сполохи взрывов российских ракет
на улицах детских исчезнувших лет
теперь и всегда догоняют меня,
и нету реальности, кроме огня,
где, замкнута крепко в плену языка,
не вырвавшись, в клетке сгорает строка.

(«Снова»)

Спасибо замечательному поэту за эту страстную и пронзительную летопись отчаяния и надежды, за реставрацию речи.

Георгий САДХИН

* * *

Детство моё, детство — Сумы-городок.
Деревце к водице клонит ветерок...
Там, где заливною не брести травой,
я гулял с босою девочкой одной.
И белели хаты, словно небеса,
на горе покатою. И два караса
розовых ладоней стряпали волну —
мой дружок геройски мерил глубину.
Вытянувшись щучкой, разгонял мальков.
Не бывала лучшей доля поплавок.
Тайная дорожка. Молока бидон.
Чешуи серёжка. Нарезной батон
хлеба, что ломился просто поперёк...
Детство моё, детство, мой речной песок.

* * *

МОИ РІДНІ СУМЫ
РАЗБОМБИЛИ СУКИ.
РАЗБОМБИЛИ СНЫ,
СУКИНЫ СЫНЫ.

* * *

Не жужжит свинцовый шмель.
Даже сакура цветёт,
если открываю дверь.
А закрою — слышу взрыв
и клянусь экран за смерть.
Замереть, покамест жив.
— Ты же убежал в подвал,
когда храм уже горел.
Неужели ты пропал?
Почему молчишь?
Ты где?
Отчего «апрель-шрапнель»
«заживо-не заживёт»?
Не жужжит свинцовый шмель.
Даже сакура цветёт.

* * *

Помоги отец мой и мать родная
отыскать Рубежное и Кременная
и ещё Попасная и Золотое
и ещё оставьте меня в покое
Google map и zoom карта Украины
и ещё Изюм и ещё руины...

* * *

Пёс-блокпост
и мост под хвост
перемелятся в компост,
бледный чмобик*, плюс зэка
и чувак из чэвэка,
мат, комбат и перемат,
автомат, заградотряд,
и народность, гордость, блеф,
и эдармия РФ,
и рабы (кабы рабы
были б цепи и горбы),
вождь с кривою головой,
он же — орган половой,
и растяжка, и шантаж,
кровь, руины и мандраж,
мародёры, воры, гнев,
минус бегство из РФ,
осень, степь, окоп копать,
далеко тебя видать.
И в остатке — нет войны,
в пифагоровы штаны
влезла ж*па сатаны.

* * *

Мне в небо забрасывать скользкую лесу.
А ты — улыбайся росистому лесу.
И остерегайся — похлеще огнива
с утра обжигает лесная крапива.
Гляди, испугавшись лосиного крика,
к листу подорожника льнёт земляника!

* Чмобик — частично-мобилизованный.

Из чащи, кивнув, в белоснежном берете
проводит легчайший жасминовый ветер,
где пар над рекой, как дымы от костров,
течёт под бетонные арки мостов.

* * *

Ещё златокудрое утро брело сквозь речную осоку
и в кронах деревьев блуждало, отведав вишнёвого сока,
за лёгкою тюлевой складкой фонарь пропадал кружевной,
и наш «Поцелуй украдкой» писал Фрагонар за стеной,
и сад над прибрежным откосом дрожал, обрамляя картину,
и дальним мычанием лоси будили тяжёлую тину,
и юность, сошедшая с неба, казалась и неба бездонней,
и сорванных ягод серёжки свисали с лукошка ладоней...

* * *

Ледышкой в рукаве и мы обогащались,
в микрорайоне «В», перемежая шалость
кружения деревьев и куража на лыжах,
когда задорен лев под шерстью колли рыжей.
Обходишь ли сосну, ступив коньковым бегом,
где яркий хвост махнул, окатывая снегом,
иль падаешь в сугроб с крутого поворота,
а там собачий лоб и на тебя охота.
Собака — мордой в ком, ты — варежки за пояс.
Пальнёшь в неё снежком, она, к прыжку готовясь,
залает на весь лес и на хвостах сорочьих...
Внезапный бес войны испортил эти строчки.
Взрывной волною мой весёлый стих настигнут.
Трясёт его бедой бомбёжек Украины.

Безумный кэгебист, как ты посмел родиться?
Пусть плачет по тебе Кремлёвская больница,
Пусть ждут твоих убийц Гаага, петли, жерди...
Скорей настигни их, спаситель-ангел смерти!

* * *

Смерть разметала осколки металла.
Что нам гадать наперёд,
если вандалы заводят сначала
утренний бомбоворот.

А временами между война́ми
всё ж созерцают с высот
жизнь беспилотников от оригами,
как по спирали идёт.

А временами не убивают
и не рожают сирот.
Моцарт отечества не выбирает.
Вагнер играет всю ночь напролёт.

Зайка сидит на скамейке с ногами.
Зайка хозяйку зовёт.
В плюшевом зайке граната с гвоздями.
Вы, кто сидели за партою с нами
и увлекались одними стихами,
думали — наоборот?

* * *

Скажи с какой планеты
в какие веки, бл*дь,
крылатые ракеты
летят, летят, летят...

С какой кинокартины
сошедши охренев,
идут по Украине
солдаты из РФ.

У них стальные груди,
не люди, а людье.
Вливал им в бошки студень,
напутствуя, Ху*ло.

И дупят они «градом»
из тьмы по городам.
Не ведано и гадам.
Не гадано скотам.

Истлевшие в могиле
им деды не ровны.
Живые деды пили,
чтоб не было войны!

За кровь осатанённой
войны, за плач и вой
заплатят мама с Бронной
и мама с Моховой.

Игорь ХЕНТОВ

Время Капричос

Кровью тщательно руки моя,
Ложь смеётся до неприличия:
Ныне время Франсиско Гойи —
Мозг взрывающими Капричос.

Мир бредёт к своему закату,
В забытии не считая мили:
Беатриче вновь в недрах Ада
Ищет Данте, а с ним Вергилий.

Смел Меркуцио, мелок Яго,
Блещет Бьянка своим нарядом:
Актуальнее Верещагин —
Череп к черепу ряд за рядом.

Лихо смерть вороными правит —
Боль и горе её опора,
И предчувствие страшной яви
На творении Сальвадора.

Когда идёт война

*Была засуха — умирал скот, умирали люди.
И шаман сказал: «Делайте рвы. Ройте рвы для дождя».
«Но ведь дождя нет».
«Ройте рвы, и дождь придёт»*

Притча

А знаете, когда идёт война,
Резон писать баллады, стансы, оды —
Войну под лучезарным небосводом
Любви утопит бурная волна.

А знаете, когда идёт война,
Резон писать портреты и пейзажи —
Война сама себя в ажиотаже
Погубит и жизнь будет спасена.

А знаете, когда идёт война,
Резон писать романсы и квартеты —
Война, как ни страшна, но канет в Лету,
Под толщью стылых вод погребена.

А знаете, когда идёт война,
Резон лепить мыслителей скульптуры,
И пышных дам роскошные фигуры —
Мысль, как и страсть, войне воздаст сполна.

Театр

Вот уже под завязку галопом промчавшихся лет.
Сколько их остаётся, надеюсь, подсчитывать рано.
Мне Творец подарил на известный спектакль билет,
На печальный спектакль, что идёт под Луной непрестанно.

Да ещё и в партере, и это одна из удач,
Ведь я мог оказаться на длинном и узком балконе,
Где с утра до утра, в основном, злая ругань, да плач,
Да палёная водка в захватанном жизнью флаконе.

Я сумел подсмотреть: в ложе страсти бурлят и кипят,
Как смола в преисподней иль лава в ожившем вулкане.
Там циничный наглец правит бал, и предательства яд
Растворяет остатки надежды и веры в обмане.

Там вещает герой, поражение вкусивший позор,
И продавший солдат без зазрения совести в рабство,
Там продажные шлюхи с манерами знатных синьор
Зазывают сограждан в союз неприкрытого блядства.

Мне намного милее отпетый и мрачный балкон.
И, поверьте же на слово, это не глупая шутка.
Что за жизнь, если словом с понятием вечным «закон»,
Ухмыляясь, играют наглец и подлец с проституткой?

Вот уже под завязку галопом промчавшихся лет.
Сколько их остаётся, надеюсь, подсчитывать рано.
Что сказать? Повезло. Б-г в партер подарил мне билет
На печальный спектакль, что идёт под Луной непрестанно.

Красотка из Сарагосы

Она была настоящей
Красавицей, мёда слаще,
Свежа и стройна, как роза —
Красотка из Сарагосы.

И не было в мире краше
Её — краше нет и ныне, —
А видели б вы, как пляшет
Под небом испанским синим

Фанданго и сегидилью,
Фламенко, затем качучу —
Я ночь с ней провёл в Севилье —
Не знал я той ночи лучше.

Сначала расплёл ей косы
И всю целовал при этом —
Для нас лишь сияли звёзды
Тем жарким безумным летом.

Я думал, в любви секреты
Проник, но в её был власти —
Исчезла она с рассветом —
Я спал, утомлённый страстью.
Не верите и не верьте —
Мир грешный подобен чуду —
В объятьях старухи-смерти
Её только помнить буду.

Старик и кот

Прошу, не уходи, родной, за радугу,
Мяুকни же — ну, что ты всё молчком?
Иди ко мне скорей — сейчас порадуя
Сметанкой, творожком и молочком.

Не хочешь? Ради Б-га, рыбкой свежее
Полакомись, уж завтракать пора —
Какая у тебя шубейка нежная —
Хоть гладь её с утра и до утра!

Побудь со мной, родной, ещё хоть чуточку,
Ведь вместе мы — счастливая семья.
Позволь уйти мне раньше на минуточку —
Я не хочу остаться без тебя.

Уйдёшь, не дай Г-сподь, и нам не встретиться —
Котам начертан Рай, а людям Ад —
Уйдёшь, и ничего не перемелется —
Пути не будет ни на метр назад.

...Сбежали тучки, небо стало чистое,
Грядущий день вступал в свои права.
Мяукал кот, старик молился истово,
И солнца луч обоих целовал.

Искусство и война

Умножает война увечья
Под завесами гари, дыма,
Но сберечь в себе человечье
Человеку необходимо.

Потому, если волны страха
Хлещут бурным потоком в душу,
Замерев, Иоганна Баха
Со вниманием стоит слушать.

Если луч животворный солнца
Поражают при взрывах мины,
То на помощь приходит Моцарт
С Фигаро или Керубино.

Если маки оттенком крови
Напитались на поле бранном,
Скрасит жизни абсурд Бетховен
С Леонорой и Флорестаном.

Слов, и красок, и звуков буйство
Насыщает простор Вселенной —
Мир бессмертен, а с ним искусство —
Войны, сколько б ни длились, тленны.

Андрей ТЕПЛОВ

* * *

Ветер горе косит, по домам разносит...
по полям да весям, по густым лесам.
На мирском просторе разгулялось горе,
разметалась плесень по святым местам.

Рядом радость бродит... летом тень наводит,
в лютый зимний вечер одарит теплом.
И, когда на грани тает ночь в стакане,
одинокой свечкой озарит ваш дом.

Чёрно-белых клавиш много на рояле.
Душу очищая, жжёт чужая боль.
Коль живёшь, как знаешь, — улыбнись в печали,
антитез вкушая: соль... диез-бемоль...

27 сентября 2021

* * *

Мой странный ангел, где ты?.. Где твой лик,
где шорох крыльев, падающих с неба?
Я жду тебя... сквозь время. Я привык.
И буду ждать до крайней крошки хлеба.
Ведь ты спасёшь?.. Его и иже с ним.
Он — лишь заложник призрачного плена.
Он не ходок — бескрылый херувим.
Спаси его. Пробей глухую стену.

Мой добрый ангел... прилетай скорей.
Ведь ты же знаешь, что земля не вечна.
Ещё чуть-чуть и схлынет апогей.
Не разминуться б... на пути... на млечном...

17 октября 2021

* * *

Этот крик — порождён бесконечной тревогой.
Это крик — из-под ног уходящей земли.
Крик души, что вернулась к родному порогу,
где пустырь... А вчера незабудки цвели.

Он ползёт — обезумевшим, диким скитальцем
по камням, по горячей кровавой росе.
Он летит в уши к Богу, что смотрит сквозь пальцы.
Он один, словно перст, во вселенской поспе.

Сквозь века, сквозь спрессованный временем панцирь,
в лабиринте, где в каждом углу свой тупик,
рвётся крик несмирившимся протуберанцем.
Он живой. Человеческий... искренний... крик...

18 сентября 2021

* * *

Дохромать бы до могилы...
Лучше мимо... Было б мило.
Между голыми рядами
запечатан птичий след.
В горизонте — вечер званный.
Отболит на сердце рана.
Наши ноты всюду с нами.
Вместе с Богом ваш обет.

Пляшет клоун на арене.
Мельтешат в кулисах тени.
В перспективе — пара крошек,
да хмельной стакан. До дна.
Что ещё бродяге нужно?
Никому ничто не чуждо...
Только берег перекошен.
Лишь на горле пелена.

Каждый шорох — всплеск надежды.
Прочь — постылые одежды.
Бесконечен слог. И вечен
колокольчик во степи...
И душа... безумной птицей
на могилу возвратится
и возвысится предтечей.

Ну, а дальше: пи...пи...пи...
9 декабря 2021

* * *

*Бином — сумма (разность) двух простых чисел.
Бином Ньютона — формулы возведения бинома
в ту или иную степень.*

В дальнем углу бином
спит беспокойным сном.
Дом наш пойдёт на слом с лёгкой руки судьбы.
Ох, кабы знал Ньютон,
как заблуждался он,
выдумав свой закон... Если бы да кабы.

Алгебра — прочность цифр.
Лирика — тайный шифр.
Сумма — рождает миф, будто бы жизнь игра.
Только игра игрой —
путь прошагаешь свой.
Формул железный строй рухнет ведь до утра.

Степень бинома — блеф.
Дальше — всё реже лес.
Ночью лишь ярче свет, бьющий из недр души.
Слово рождает жизнь.
Души уходят ввысь.
Сердце пронзает мысль: ты только будь... дыши...

15 октября 2021

* * *

ВО ЛЬВОВЕ ПУСТЫЕ КОЛЯСКИ...
НА ПЛОЩАДИ ГЛАВНОЙ СТОЯТ
ВДАЛИ ОТ БЕЗУМНЕЙШЕЙ ПЛЯСКИ.
В НИХ ДЕТКИ ГРУДНЫЕ... НЕ СПЯТ.
ИХ ЖИЗНИ УЖЕ ОТЛЕТЕЛИ
ТУДА, ГДЕ МЕРЦАЮЩИЙ СВЕТ,
И СЛЕД ЗАМЕТАЮТ МЕТЕЛИ,
ГДЕ ПОЛЕ НЕПРОЖИТЫХ ЛЕТ.
ЛИШЬ СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ТРЕПЕЩЕТ
В ХРУСТАЛЬНОЙ, КАК ЛЁД, ТИШИНЕ...
ДА АНГЕЛ СПУСКАЕТСЯ ВЕЩИЙ
И МОЛЧА КРИЧИТ: «НЕТ ВОЙНЕ!!!»

19 марта 2022

* * *

Мой поезд отправляется вчера...
с ладони беззащитного перрона.
На кончике дрожащего пера —
застывший стук последнего вагона.
Погашен свет. Отрезаны пути.
Ведь от себя бежать — пустое дело.
Здесь крепок дух, как душу не крути.
В родную землю — Бог даст — ляжет тело.
Пройдёт чума... Окончится война.
Солдат безмолвно сядет на пороге.
Сирени куст у дальнего окна
распустит гроздь... разогнав тревоги...

31 марта 2022

* * *

НОЧЬ... окатила циничным огнём.
В горле застрял всеобъемлющий ком.
Крошатся зубы в бессилье немом.
И не понять — ни душой, ни умом.
УТРО... из мрака родился рассвет.
Веру с надеждой согрел божий свет.
Пахнет весной. Впереди бездна лет...
К чёрту вопросы! Един наш ответ.
ДЕНЬ... незаметно вошёл в каждый двор.
В поисках истины мечется взор.
Жизнь из сознания выметет сор.
Дождик не смоет вселенский позор.
ВЕЧЕР... Спустился и сузил круги.
Спят в чистом поле друзья и враги.
Близятся общей победы шаги...

Как мы в сей час от «вчера» далеки...

15 марта 2022

* * *

НИКТО, я уверен, не будет забыт...
НИЧТО, несомненно, не сможет забыться...
Кровавый булыжник на сердце лежит,
и вряд ли когда-то удастся отмыться.
Ведь каждый обязан ответить за ВСЁ —
дела роковые, слова, даже мысли...
Один лишь вопрос ветер в небо несёт.
Ответы над прорвой в томленье зависли.
Но сколь не пытайся в астрале витать,
сердечную память стереть нереально.
И время настанет — долги отдавать,
и случай, возможно, вдруг станет летальным.
Покуда есть Бог — наша сущность жива.
Пусть вехи былого налётом покрыты,
не канут бесследно в пространство слова:

НИКТО НЕ ЗАБЫТ и НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

7 апреля 2022

* * *

В расцвете природа, бушует весна...
летит мотылёк над вчерашним жнивьём.
А в наших краях поселилась война...
Теперь мы с ней парой неверной идём.
Боимся, страдаем, пытаемся жить...
И всё бы неплохо — беда отошла,
но в сердце пульсирует алая нить,
и каждый акцент раскалён добела.
Сегодня мы все, КАК ОДИН — заодно...
Неважен контекст и всемирный галдёж.
Снимаем СВОЁ сверхживое кино,
сквозь тернии видим сияние звёзд.

И верим... надеемся... любим наш род
и каждую клетку родимой земли.
Віднині ми всі — УКРАЇНСКИЙ НАРОД!
Цю пісню на крилах несуть журавлі
від кожної хати на поле боїв —
туди, де ГЕРОЇ до смерті стоять,
де воля незламна та й дух не згорів...

І Боже, нарешті, надасть БЛАГОДАТЬ...

17 мая 2022

* * *

Мы теряем друзей... Обретаем врагов...
Рядом смерть шебаршит среди прочих шагов.
Меч дамоклов висит под усталой луной.
Нетускнеющий щит — над незламной* страной.
Каждый вдох — это жизнь. Каждый выдох — итог.
Сотрясается высь. Напрягается Бог.
Через тернии мир к звёздам ищет свой путь.
Совість — ориентир. В сердце плещется суть.
Сквозь горнило войны, сквозь душливый мрак
мы, минуя чины, пронесём мирный стяг.
И в душе сохраним доброту... хоть росток.

Растворяется дым. Улыбается Бог...

20 марта 2022

* Незламной (укр.) — несломленной.

* * *

Не бывает худа без добра...
и беды без счастья не бывает.
Мы — не те, которые — вчера.
Нам сегодня душу разорвали,
растоптали грязным сапогом,
наплевав на самое святое.
Мы сегодня боремся с врагом,
не теряя лица и устои.
Никому не хочется пенять,
да и месть не лучшее из качеств,
только зло должно в земле лежать:
не спасут ни деньги, ни удача.
А добро, бесспорно, победит,
возродив страну совсем иную...
Где журавлик по небу летит
и курлычет песенку родную...

5 апреля 2022

Татьяна Сальникова

Рил

Соберу тебе камни на берегу —
Разноцветное крошево из планет.
Разбросай по пути — я найти смогу,
На развилках путей, перепутьях лет.
Расскажи мне о важном: как высоки
Вдоль Канады приливы, кому Руссо
Не подаст ни милостыни, ни руки.
А ещё расскажи, почему висок
Так отчаянно хрупок под кромкой губ.
Почему от тебя мне везде светло?
А панельная клетка, как свежий сруб,
Пахнет летом янтарным, твоим теплом?
Расскажи, как мы жизнь растанцуем в Рил,
Как мы будем сбиваться, смеясь, не в такт.
Я отвечу, что зря говорил Шекспир,
Будто жизнь — игра. Не игра, а акт:
Ежедневные танцы, смешливый бег,
На коленях от ссадин слегка саднит,
Замирание утр, воскресный снег,
И осеннее небо, как чароит.
Расскажи, как мы жизнь растанцуем в Рил,
Как мы будем сбываться на картах лет,
Как построим нечаянный третий Рим
Разноцветными крошками от планет.

Происхождение

Россыпью смеха, музыкой света,
Солнечным сеном волос
В сердце весны, у излучины лета
Ты приходишь всерьёз.

Ты приходишь первым причастьем,
Полным собраньем молитв.
Ты — моя исповедь в жизни и счастье,
Тайнопись, тёплый санскрит.

Ты — моя исповедь и отпущение.
Утром глазами до глаз —
Будто венчание, будто крещение,
Будто единственный раз.

Смехом и сеном, сталью и светом,
Утром морозным волос
Вот уже год раннелиповым летом
Ты приходишь всерьёз.

Вишнёвое

У меня к тебе смех и вереск, и ранние вишни.
Я не знаю, что дальше, и как так прекрасно вышло.
У меня к тебе тихие волны — их шёпот, трепет.
Твоё тёплое солнце волос мимоходом лепит
Из меня по три стайки лучистых задорных бликов.
Весь алтарь мой сплетен из твоих ежедневных ликов.
У меня к тебе ветер в ладонях, в смоле дерева,
И напев где-то в формуле крови, горячий, древний,

От костра у предзимья летящие в небо искры,
У меня к тебе звёзды, как в горах, — большие, близко.
Вот, что дальше: в твоих волосах будут соль и перец,
У меня же к тебе вишни ранние, смех и вереск.

Голем

А я не хочу, чтобы тебе стреляли в спину.
Мы будем дружить с привидениями и банши.
Руку ласкает подарок — кусочек глины.
Меня это лепит, и будет, надеюсь, дальше.
Мы много знаем, пожалуй, мы дети природы.
Но ты не этап, даже с точки зрения эволюции.
Ты — мой тектонический сдвиг, и в разломе породы
Нестынущей магмой струятся, ласкаются, льются и
Все реки мои поворачивают тебе в руки
Усталые русла, становятся вдруг ручьями,
Чтоб радостным звоном беречь от тоски и от скуки,
Чтоб крыльям твоим быть расправленными плечами.
Куда ни взгляни, там сплошное седьмое небо,
И глина в руках у нас, будто бы капли ртути:
Сведи их — сольются. И будет живая небыль.
Меня это лепит. И дальше, надеюсь, будет.

Набросок

Сегодня ветви тёмных лип
Подведены, как брови модниц,
Но только белым. Снег налип
На шпиль сосен, ЛЭП и звонниц.

Сегодня пасмурно и лень,
Зато просторно мысли каждой.
Мечтать легко. Так зимний день
Плывёт журавликом бумажным.

Дача

Июньский дом, где липа мироточит,
Где синий в три ряда:
В воде Днепра, истоке летней ночи,
В шелковице у рта.

Случайный дом, ко сну отходит рано
И затемно встаёт.
Все мы в его растрёпанных карманах
Как фантики и мёд —

Шуршащее ненужное богатство
И липкие следы
От смеха, от ребячества, от танца,
От липы и воды.

Мы счастливы, без правил и порядка,
И, ясно, без стыда,
Как выскочка, взъерошенная прядка,
Как синий в три ряда...

Дом охает, ворчит, как знают мало
О важности основ...
И как для счастья остро не хватало
Шуршанья и следов.

Не спится

Мне снова не спится. Чёрт набирает ладана
 В мерную чашу и выглядит воровато.
 Кормлю его супом, хлебом. Хотя не надо бы.
 Но он распушает шёрстку. Пожалуй, надо.
 И ты мне не снишься. Как будто земель за тридевять
 Тебя унесли Кощей или злые гуси.
 Заносит дороги. Теперь ни догнать, ни вымолить,
 Ни обменять у туземцев на ром и бусы.
 Поэтому брежу ночами (и днями тоже —
 Тут в каждом прохожем твоё золотое эхо:
 Рубашка с погонами, пульс мотыльком под кожей
 Похожие ритмы трепещет, осколок смеха).
 Мне снова не спится, и “пулю” писать бы с чёртом,
 Но третьего нет, да и он, как известно, лишний,
 Поэтому хлеб вот и суп, и все червы стёрты,
 И снег за окном или тлеют весенне вишни —
 Пожалуй, не важно. Не сплю, набираю ладана,
 А он растекается гущей из перламутра,
 Кофейных пророчеств, в которых спрятанный
 Мой шёпот тебе, что теперь наконец-то утро,
 И можно тебя разбудить.

Этот город

Этот город с тебя, шурша, обдирает шарм,
 Воробьиным трезвоном треплет твой переплёт.
 И влюбляешься в уличный прищур навеки, влёт,
 Под неровности ритма крыш подгоняя шаг.
 Под неврозы весенних луж напевая вслух,
 На проталине площади станешь взахлёб орать.
 Ну а город в тебя, улыбаясь, швырнёт тетрадь
 Отражений тебя же в окнах, мол, я не глух.

Ты не ровня ему. Ты просто приبلудный пёс.
Но так истово нежишь его вековую синь,
Выстилая шагами, минуя соблазн такси,
Заставляя его щенячьи наморщить нос.
Он читает тебя с листа, как букет фонем.
Проникает размётанным небом в твой старый дом.
И крошишься в руках его ласковых звонким льдом,
Понимая, что им пропитан, влюблён и нем.

Крещение

Под ногой разбегаются льдинки и наст хрустит.
В голове изумительно пусто и тихий звон.
Говорят, окунаешься в прорубь — и Бог простит.
А Он смотрит в глаза мне и кормит семью ворон.
От души бы ныряли, а святость — она везде.
И помазанник каждый, Он всем уже всё раздал.
Напоить Его чаем, потом расстелить постель,
Чтобы спал хоть до полудня. Господи, Ты устал.
И сказать Тебе: «Господи», — некому. Вот, сидишь.
Собираешь остатками хлеба вороний род.
Я пойду обогрею любимых. И Ты простишь
Все ныряния мне. А на улице снег идёт.
А кого не могу сейчас, Господи, береги...
Я нечасто просила. Но раз мы с тобой на «ты»,
Береги её дом, горизонт и ещё шаги.
Я пока буду льдом, чтоб беречь тут её следы.
Ну пошли, все вороны накормлены, Ты озяб.
Что звенит постоянно? В ладони звезда грустит.
Будем чай и смеяться, ведь Богу хандрить нельзя.
А весна уже скоро. Шагает — и наст хрустит.

Дмитрий БОБЫШЕВ

Интервью Артёму Комарову

ПОЭЗИЯ — ЭТО ПОЮЩАЯ ИСТИНА

1) Дмитрий Васильевич, что такое поэзия?

Василий Андреевич Жуковский, мудрейший поэт, воспитатель царей и гениев, дал своё определение: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли». Лучше не скажешь. Тем не менее, многие поэты определяли поэзию иначе, но тоже образно. Для Пастернака это «двух соловьёв поединок», а для Ахматовой — «сотен ранних звонниц вдруг сорвавшийся удар». Владимир Иванович Даль, глубочайший ведатель русского языка, назвал поэзией «изящество в письменности, выраженное мерною речью», кто-то ещё обусловил её как «мышление образами».

Но вы задали этот вопрос мне, и мой ответ таков: «Поэзия — это поющая истина».

Люди — всего лишь миры, не более...
У любого мозг — полярный ледник.
Сердце — солнце. Океаны болями
и наслаждениями плавают в них.
Вот им оно и надобно, бесполезное,
но почему-то позарез и вдруг:
это баловство со словом, — поэзия,
млекопитающая, как грудь.

2) Какие функции выполняет поэзия?

Поэзия самодостаточна, она функций не выполняет и сама не является функцией чего либо, даже авторской прихоти или нужды. Тексты — да, являются. Но то поэтическое, что есть в них, возникает ниоткуда, от дуновения свыше. Авторский замысел может быть выполнен в тексте, но ценно лишь то, что явилось само, независимо от авторской воли, порой даже вопреки замыслу. В этой своеобразной составляющей текста как раз и заключается некое целительное и даже живительное свойство, сродни счастью. Оно и есть поэзия.

3) Расскажите о своей последней вышедшей книге...

Вслед за недавней итоговой книгой «Петербургские небожители и другие поэмы», изданной в Нью-Йорке, моя последняя вышла в этом году в Петербурге. И называется она по первому, ещё не очень удачному стихотворению, которое я написал в самом начале литературного пути — «Февраль на Таврической улице». Эта «последняя вышедшая книга» парадоксально содержит стихи ранних лет и должна была выйти ещё в Ленинграде десятилетия назад. Я тогда сдал её в одно советское издательство, потом в другое, она мурьжилась там годами, но так и не вышла.

И только теперь, целую жизнь спустя, я дождался своей первой книги, которая оказалась «последней»!

4) Вы представитель знаменитой «ахматовской четвёрки», «ахматовских сирот» (выражение, если не ошибаюсь, ваше). Именно вас Анатолий Генрихович Найман, тоже представитель этой четвёрки называл — «Паладин поэзии». Что он имел в виду?

Наверное, он имел в виду то, что значат эти слова: тот, кто рыцарски предан поэзии. Ну что тут скажешь — комплимент крупногабаритный, мне даже неловко его принимать, но ведь

я не напрашивался. Найман в своё время перевёл со старофранцузского целую книгу поэзии провансальских трубадуров и, видимо, знал цену словам, которые он к тому же вынес в заголовок своей статьи. Но есть ещё один, более близкий источник — это дорогая нам обоим поэзия Анны Ахматовой. Давайте немного пофантазируем. В её «Поэме без героя» герой как бы отсутствует, но есть всё-таки героиня, она — один из двойников Автора. Появление героя призрачно, это скорее идея, обрисованная словом паладин, то есть преданный ей до конца. Я хотел бы вписаться в это понятие и, как мог, пытался ему соответствовать: при жизни подносил ей розы, стихи, её прославляющие, которые она принимала и отвечала стихами. Я написал цикл «Траурные октавы», который был напечатан в парижском сборнике «Памяти Ахматовой», вступался за неё перед поздними хулителями, выступил с открытым письмом журналу «Звезда», когда там стали печатать антиахматовские материалы, хотя это стоило мне полного отлучения от публикаций. Может быть, Найман имел в виду именно это?

5) Вас много спрашивали о Евгении Рейне, поэтому я о нём спрашивать в этом разговоре не буду. Спрошу об Анне Наринской, дочери Рейна, приёмной дочери Наймана. Как Вам её проза? Интересно ли вам она, как прозаик, журналист?

Ну как я могу к ней относиться? Как к маленькой Анечке, живой и весёлой, чьи литературные резвости я когда-то поощрил. Я в шутку «купил» за рубль её детскую белибердистику под названием «Пжо». К сожалению, тот клочок бумаги затерялся в моих переездах, то-то можно было сейчас позабавиться.

Двух любящих отцов иметь хорошо. Но когда один из них продвигает мою книгу в печать, а другой в пику её проклинает, то как поступить их дочери, литературной критикессе? Здесь налицо не отсутствие воспитания, а его преизбыток, что тоже иногда ведёт к оплошности.

6) *Хочу вас спросить о книге воспоминаний «Я здесь». Сегодня нет желания переиздать ее?*

Когда эта книжка вышла, критики приняли её в штыки, а читалась она взахлёб. Надеюсь, теперь отношение к ней будет адекватным. У меня есть огромное желание переиздать её, но не отдельно, а в составе мемуарной трилогии «Человекотекст», присовокупив к ней и четвёртый том, книгу «ЗЫ» в качестве Постскрипума.

7) *Расскажите, пожалуйста, об Анне Андреевне Ахматовой (она вам посвятила стихотворение «Пятая роза»). Вы знали её как мало кто знал лично. Каким она была человеком в жизни? Какой бы вы её словесный портрет нарисовали?*

Она благоволила нашей «четвёрке» и относилась к нам доверительно. Ведь это были времена, когда над ней ещё висела незримая туча опалы, и это отпугивало людей. А мы уже сами, несмотря на хрущёвскую половинчатую оттепель, успели попасть под обстрелы партийной прессы за стихи и высказывания. Для нас знакомство с великой, хотя и опальной поэтессой было не препятствием, а удачей, и для меня оно оказалось благословением на всю жизнь. В её пожилом возрасте, когда мы познакомились, она выглядела как внушительная седая дама с особой медленной грацией движений, но вместе с немногословным разговором и глубоким голосом, читающим дивные стихи позднего периода, её облик вызывал восхищение. Её монументальность могла казаться излишней величавостью для по-советскому робких или суетных посетителей, но мне это свойство виделось в ней как органичная защита от многих и многих наветов и клеветы. Была она проста в обращении со своими, её литературные оценки оказывались остры, а юмор порой убийствен. После всех передрыг и испытаний, ей доставшихся, её несломленность, цельность и правота казались удивительными, а «таинственный певческий дар» с годами лишь возрастал и совершенствовался.

8) Что вы из последнего читали? Что из произведений искусства на вас произвело наибольшее впечатление?

Я состою в редколлегиях двух журналов: один из них «Слово/Word» издаётся в Нью-Йорке, а другой «Эмигрантская лира» в Льеже, и поэтому мне приходится читать много стихов и писать на них отзывы или свободные размышления. Кроме того, я усердный участник фейсбуковского сообщества, где у меня в друзьях 3398 человек на сегодня, и они всё прибывают. Многие из них книголюбы, люди искусства, поэты, выпускники московского Литинститута и просто свободные литераторы. Каждое утро на моей ленте появляются их свежайшие произведения, только что из-под пера или точнее из недр компьютера.

Я очень ценю то, что пишет Марина Гарбер. Она живёт в Лас-Вегасе, американском «городе грехов», куда она переехала из Европы. Разумеется, такая характеристика к ней не имеет никакого отношения. Поэзия её благородна, гармонична, ткань стиха богато насыщена образами, слова счастливо соседствуют друг с другом.

Геннадий Кацов живёт в Нью-Йорке, столице Мира, ещё недавно бывшей эпицентром пандемии и расовых бурлений, несмотря на карантин. Поэт переживал тогда небывалое вдохновение, публикуя ежедневно свои постмодернистские стихи-репортажи, яркие, полные контрастных образов и культурных аллюзий.

Киевлянин Александр Кабанов — маститый поэт, пишущий «На языке врага» — таково название одной из его книг (2017). Его могучие сюрреалистические образы под стать судьбоносным событиям, которые сейчас переживает его родина.

Ещё один киевлянин — Павел Рыцарь, ещё недавно изумлявший меня забавно-словесными сальто-мортале в стихах. Ныне его стиль посуровел по тем же причинам.

Желаю им всем ПЕРЕМОГИ!

9) Вы живёте в США, преподаёте в престижном университете. Что дает опыт общения со студентами и преподавания литературы?

Университетский кампус — лучшее место на Земле. Я это понял с первых шагов по Америке, и судьба оказалась благосклонна: академический мир принял меня, хотя и не сразу. Сначала я выступал со стихами по разным кампусам, затем университет штата Висконсин предложил мне на пробу «поделиться со студентами свежими мыслями о литературе», и дело пошло хорошо. Я стал читать у них лекции, а затем Иллинойский университет предложил место на Славянской кафедре, и я его с радостью принял, отказавшись от других карьер и возможностей. Я полюбил размеренную жизнь под звон курантов, отбивающих перерывы между занятиями, с пёстрой молодёжью, разом заполняющей центральный луг, окружённый старинными зданиями. Такая жизнь достойна одического восхваления. И я возродил старинный жанр, написав «Жизнь Урбанскую», «Университетскую богиню», «Квад», «Играющего человека» и другие оды.

Частенько эта работа сводилась к идиллической картинке сидящего под деревом учителя, окружённого дюжиной (случалось и больше, и меньше) внимающих учеников. Но бывали и серьёзные вызовы: например, мегакурс более, чем в полтысячи (а точнее 596) человек, требующий от преподавателя мобилизации всех сил, как, например, обзорный курс «Russian Literature in Translation».

Конечно, к занятиям надо хорошо подготовиться, быть всегда в форме. Это труд, и в нём есть своя рутина, а она не столько даёт, сколько берёт и опустошает — силы, время, даже сами знания, которые просто выгребаются из мозга (тем не менее, кое-что остаётся). Чтобы не скучать, я разнообразил занятия, у меня для этого была свобода, а когда самому делается интересно, это сразу передаётся студентам. Глядя на их реакции, я и сам учился: Америке, современности, новизне.

10) Пишутся ли у вас стихи? Поделитесь, пожалуйста, последними написанными...

Вы знаете, возраст у меня уже не лирический, и я давно стал пробовать своё перо в других жанрах. Вот, например, мемориальная эпопея «Человекотекст» в четырёх томах — одна из таких попыток. Кроме того, я регулярно пишу эссе о поэзии, участвую в зум-конференциях, вывешиваю посты и комментарии в Фейсбуке... Казалось бы, хватит уже.

Но Ваш вопрос попал в точку. Действительно, в голове всё время какие-то словечки прыгают, складываются в рифмы, в какие-то забавные узоры и каламбуры. Чтобы от них избавиться, я придумал иронического персонажа — графа Шампанского, чудаковатого господина, наподобие Козьмы Пруtkова, и передал ему сатирическое перо. Он уже накатал десятки страниц «ягодок» — так он называет свои миниатюры, посчитав, что «Цветочки» св. Франциска сегодня уже дозрели и перезрели. У него даже вышла книжка этих опусов в издательстве «Литературный европеец», но его сиятельство никак не может остановиться... Вот несколько совсем недавних «Ягодок графа Шампанского»:

Harassment

Коварно подписуясь «Аноним»,
как много дам вчинили иск дедам,
когда-то их склонивших на интим!
— Зачем же не сказали вы «не дам»,
прелестницы, когда склонялись к ним?

Узы и скрепы

От политики, Родины, телека
отвернусь, проклянув сгоряча...
А девичьему слову «бретелька»
присягну, если слезет с плеча.

Парадигма

Не я тебя породил,
но я тебя пародирую.

Обед по-военному

— Рота, есть!
— Есть есть!

Только предположение

То, что NN приставлен был к Ахматовой,
по виду — шанс один из пятисот.
Но как ты вид за видом ни разматывай,
получится сексот.

Вот она где

Где русская идея? Ради оной
сто книг я перечёл, и все — долой!
А вот она — в петле у Родиона
Раскольников под полкой.

Пуп Земли

Голубоватый дымок над грилем,
глот вина, и — жив человек.
Древние правильно говорили:
там и Рим, где еда и ночлег.

Плюс-минус ничего

Кенжеев — ничего, бывают всплески.
Без них он назывался бы Гандлевский.
Из этого же корня — Гандельсман,
тот, что на ручки просится к маман.
Цветкова я бы выпятил из них,
но с ним беда — не чтит он запятых.

Чёрный квадрат

Дурная шутка в нём заныкана
или таинственная глубь?
А ну, наука, покажи-ка нам
что ты накнокала в отлуп:
— Художник нагл, а зритель глуп.

Мэрил Стрип

Вышла долгоногая красавица
в платье из разбитого стекла
и пошла политикой похабиться:
Трампа по ухабам понесла.

Пред-бред-сказание

Навальный станет президентом,
дабы коррупцию карать,
а Путин адским резидентом
доносы дьяволу кропать...
А я, как прежде, диссидентом
залягу с книжкой на кровать,
чтоб о России горевать.

Сила воли

Был Ося наш неотличим от гения.
Поэт, в себя влюбил он всю планету,
да надорвался, и к тому ж курение
свело его до времени со свету.
Жизнь — гениальней, чем 108 Ось:
возьми своё куренье, да и брось!

Curriculum Vitae

Лауреат. Научные посты.
Что, физик, для планеты сделал ты?
Одни понты.

Вот увидите

Путин будет
с копыт
скапутен.

Champaign, Illinois, август 2022

Бахыт КЕНЖЕЕВ

* * *

Четырнадцать соседей — и никто
газет не получает — а зачем?
У всех — радиоточки, кое-у-кого —
и двухпрограммные. То новости расскажут,
то песенку про ландыши споют.
Но и почтовый ящик не пустует.
Вот извещение: посылка из Чимкента.
Ура, ура! В субботний день, в порту
пяти морей, несудоходных в силу
крещенского мороза, мы с отцом
спешим на почту. Мимо гастронома,
пожарной части, дома Льва Толстого
(с шеренгою суровых львиных морд
над окнами). Как дворники старались,
с шести утра лопатами сгребая
обильный снег! Огромные сугробы,
переливаясь радугой, исходят
могильным холодом. Но я их презираю —
я в валенках, я в кроличьей ушанке,
и щёки смазаны гусиным жиром,
как у полярных лётчиков.

Пришли!

Я думаю, что почта — это храм
цивилизации, но без поповских сказок,
а с нужными, надёжными вещами.
Сургуч, переговорная кабинка,
конверты, марки, бланки телеграмм
не только сокращают расстоянья,
но и...

Народу мало. Жрица в тёмно-синем
халате, улыбаясь, выдаёт нам
фанерный ящик с дырками в боках
благоухающий изюмом, курагой,
сушёным персиком, и вяленою дыней,
и зимним яблоком в соломенном венце.
Мы позвонили б Нагыме-апа,
сказать спасибо, но соединяют
в течение часа, если повезёт,
а можно и полдня прождать. Ну что же,
отправим телеграмму, и пойдём
домой. Пора обедать. Дочитаю
рассказ Гайдара «Голубая чашка»,
и с яблоком в руке, подобно первому адаму,
неторопливо выйдя из подъезда,
вступлю в таинственный и беспощадный мир.
22 февраля 2022

* * *

Бессонница замучила. Беда.
 Виденья, перемешанные с явью,
 теснятся в голове, что винегрет
 студенческий. Домашние холмы
 близ Вакуямы или Хиросимы
 желтеют, как положено. Далёко
 смех сборщиков японской алычи
 разносится. Зелёные плоды
 сиротствуют в бамбуковых корзинах, —
 и кто-то из работников вздохнёт
 и вымолвит: «А всё-таки цветенье
 хоть сакуры, хоть сливы (праздник тленья
 и слёзной мимолётности земного)
 прекрасней, чем уборка урожая —
 не забывай, что сакура вообще
 бесплодна и тем более бессмертна.»
 Снотворное не действует. Читал,
 что мысли (или страсти) неизбежно
 приводят к накоплению в мозгу
 свободных радикалов. Организм
 умеет с ними справиться, когда
 его не трогают. И вправду, красота
 (спасающая мир) недолговечна,
 хоть Чехова, хоть Пушкина открой.
 Овраг да степь, чахоточная дева,
 в багрец и золото одетые леса.
 И мы, подобно липам на бульварах
 московских, облетаем. Знаешь, Сталин
 планировал их выкорчевать, чтобы
 расширить улицы, чтобы фургоны с хлебом
 и мясом не стояли в пробках, чтоб столица
 цвела знамёнами, колоннами, балетом
 из чёрных рупоров, но не успел — война.

Пройдусь-ка я, пожалуй. На углу
скучает юноша, украшенный двойным
соцветьем сакуры на бицепсе. «Что, брат?».
Он усмехнётся, отводя глаза
к билборду (лифчики от «Дикой орхидеи»).
«Не спится, да? Могу помочь.» «Спасибо,» —
скажу ему, не замедляя шага.
Чем пахнет осень? Персиком? Морской
волной? Лежит на парковой скамейке
забытый за ненадобностью томик
«Дао-де-дзин» — газетная бумага,
к тому же отсыревшая. Возьму.
Перечитаю — может, поумнею.

* * *

итак — середина лета, в театре — вечер балета,
амур и психея нежно целуются посреди
загаженной клумбы. у входа — два лишних билета,
хотите — купите, бинокли в сумочках, брошь на груди.

по маргариткам-цветам безнаказанно ходят кошки.
посередине сквера — фонтан из камня — одесского «дикаря».
а на сцене — пуанты, пачки, стройные ножки,
вечер прожит нормально, но жизнь пропадает зря.

билетёрши с программками ходят между рядами,
синие униформы и фирменных пуговиц медь.
лебеди пляшут стайками, военные ходят стадами,
главное — быть красивой, а танцы — что там уметь?

а вот и поклонник примы за кулисы идёт вразвалку,
служит в обкоме партии, хоть в чине не слишком большом.
постучав для порядка, он входит к ней в раздевалку,
и она не смущается, хоть и стоит нагишом.

* * *

льнёт суглинок ли к подошвам
бард ли болен и раним
станет сумрачное прошлым
и печальное родным
будет твёрдое незримым
а живого не ищи —
отлетело древним римом
из давидовой пращи

отдыхай товарищ глупый
локон седенький завей
вот ползёт под толстой лупой
простодушный муравей
он романсов петь не может
грусть сердечную тая
но в движеньях хилых ножек
есть гармония своя

редко я теперь рыдаю
редко господа зову
мир природы наблюдаю
добрым ёжиком слышу
и пускай стареет тело
нет волосьев надо лбом
лишь бы мудрость прилетела
в вертолёте голубом

* * *

Всяк, кто близко со мной знаком,
за глаза давно говорит,
что недобрым стал старичком
жизнерадостный ферт бахыт.

Был и я золотой пострел,
по ночам в барабан стучал.
Каюсь, милые, постарел
и порядочно одичал.

Потому ли, что жизнь долга,
под конец охренел, охрип.
Разучился прощать врага,
слушать шелест осенних лип

и нести стихотворный вздор,
подпевая горлице наугад.
Неспроста от горячих гор
надвигается мор и глад.

Неужель наше дело швах?
Голосить уже ни к чему.
Лишь под пеплом помпейский Вакх
выцветает в пустом дому.

Татьяна ЩЁГОЛЕВА

* * *

Давно развеялись туманы
тех незапамятных времён...
До папы был роман у мамы.
Тот парень был в неё влюблён.

В ответ она его любила,
но не сложилось, не срослось.
Увы, неведомая сила
рванула нить, и судьбы врозь.

Шли годы. Маму встретил папа.
Он был в калошах под зонтом,
в коричневом пальто из драпа,
слегка застенчив. А потом...

Романа первого страницы
желтели.хлопоты, семья.
Могло иначе всё случиться.
Не родилась бы только я.

* * *

Мы живём в параллельных мирах.
Оба мы параллельны апрелю.
Нам казалось на первых порах:
пересечься должны параллели.

Но иначе считает Евклид.
Сквозь века он взирает с усмешкой.
Он увидеться нам не велит.
Мы его безымянные пешки.

Я иду по Седьмой авеню.
Ты по Пятой шагаешь, наверно.
Я Евклида совсем не виню.
Всё логично и закономерно.

Параллельны пути и миры.
Но, надеюсь, что где-то на склоне —
склоне лет или склоне горы —
Лобачевский протянет ладони.

* * *

Я жду его примерно полчаса,
журналы пролистала все в киоске.
Напрасно, не алеют паруса
на этом сухопутном перекрёстке.

Быть может, он не мог найти ключи
и до сих пор сидит, бедняга, дома?
А вдруг ему отец сказал: «Учи
закон Ньютона, Планка или Ома».

Он заболел — простыл? Застрял в метро?
А может, он сражается с драконом?
А вдруг ему преградой сто ветров?
Увы, тогда до встречи далеко нам...

С тех пор прошли года и сотни гроз...
И столько было горечи испито!
И столько было сказано всерьёз.
И столько недосказано, забыто.

Глядит уныло прошлое в упор.
В нём тьма хлопот и суетного люда.
Но кажется, что там я до сих пор —
на перекрёстке — жду, как прежде, чуда.

* * *

Я помню песок под ногами. Пустынные пляжи.
Я помню, как волны кокетливо шли в наступление.
И чайки летали над волнами, будто на страже.
И робкую радость сменяли то грусть, то волнение.

А в книжных романах случайные встречи нередки.
Но это же в книжке, а мы существуем в реале.
И вот разлетелись с тобой, как от ветра салфетки.
И свидеться нам доведётся едва ли... едва ли...

* * *

Мне пионерский лагерь был не мил.
Я так ждала родительского дня!
Большой проём ворот меня манил.
Туда стекались дети и родня.

О, мамочка, как я ждала тебя!
Так ждёт, наверно, дембеля солдат.
Так, вероятно, атомы дробя,
Кюри мечтала видеть результат.

Я знала, что клубника пустит сок,
в авоське чуть подтаёт «Каракум».
И захлестнёт любви твоей поток...
И мне смешной стишок придёт на ум.

* * *

Помню прошлое столетье:
кукла, мячик, хулахуп.
Как любила поболеть я!
Свинка, грипп ли, ложный круп.

Нежно лба касались предки.
Кап-кап-кап пипеткой в нос.
Даже горькие таблетки
принимала — не вопрос.

Соглашалась парить ножки,
а потом — бегом в кровать.
Мама супчиком из ложки
всё кормила, благодать!

И теперь, когда снарядам
кашель рвётся из груди,
посиди со мною рядом,
просто рядом посиди.

* * *

Я слышу в разговоре
не те слова, не те!
Сказали: «На просторе»,
а слышу: «В пустоте».
«Расстаться на мгновение» —
я слышу: «...На века».
А вместо «просветления» —
«забвение, тоска».

* * *

В глазах одержимые черти,
походные трубы басят.
Не хочется думать о смерти
ни в надцать, ни также в десят.

А хочется в солнечной выси,
оставив сомненья и быт,
над нудною точностью чисел
летать и смеяться навзрыд.

Давид СЕГЛЕВИЧ

Новый год в Царском Селе

Как утомило бремя власти!
Не в радость новогодний бал
И эти крики «С новым счастьем!»
Средь милых царскосельских зал.

Смягчилась власть, погиб Распутин,
А ропот в людях всё растёт.
Неблагодарен и беспутен
Мой неподатливый народ.

Не обольщаясь гулкой славой
(Верден, Брусиловский прорыв),
Скорей забыть тот год кровавый,
Его отпев и проводив!

А может, вправду счастье грянет?
И протрубит победы медь,
И долгожданный мир настанет,
И перестанет сын болеть...

Мы сдюжим, были бы здоровы!
И, может, всё на лад пойдёт,
Когда наступит этот новый,
Семнадцатый, счастливый год.

2020

Школьным друзьям

По ленте времени скользя,
Вникая в суть концепций странных,
Я вам завидую, друзья:
Мы жили в двух несхожих странах.

Вы жили там, где гражданин
Проходит гордо, как хозяин,
Где каждый третий — исполин,
И где министр доярке равен.

В моих краях смердела вонь
Набитых нищими вагонов.
Я слышал пьяную гармонию,
Я видел робы заключённых.

«Не победит рассудок мой...»,
А вам в окно трубила слава.
У нас — вседневный геморрой,
У вас — великая держава.

У нас кислотные дожди
Сочились с обожжённых веток,
А вас великие вожди
Вели сквозь грохот пятилеток.

В моей стране большой дракон,
Разинув пасть, томился жаждой,
У вас достойно награждён
Был каждый трус и рыцарь каждый.

И, в грёзах о своей стране,
Вы вновь склоняетесь над картой.
Я не жил там, и странно мне,
Что за одной сидели партой.

май 2014

Последняя программа

Надоело засилье программ,
Их бездарных творцов прибабасы.
Не пора ли к иным берегам?
Потянуло на волю, в пампасы.

И, слоняясь средь хилых осин,
Перелесков окраинных житель,
В небесах я увижу: Log in,
А пониже — по-русски: «Войдите».

Всё как водится, всё по уму,
И, нисколько себя не неволя,
Я привычно на Enter нажму,
И пропустят меня без пароля.

Мне бессрочный контракт исполнять,
И, коверкая вечную драму,
Я спокойно начну исправлять
Этой древней вселенной программу.

Ах, какой ты, господь, дилетант!
Столько багов, кошмарные глюки!
Видно, есть и порыв, и талант —
Нет азов программистской науки.

Стану я улучшать этот код,
И пыхтеть, и ругаться безбожно...
Лишь потом до сознания дойдёт,
Что исправить его невозможно.

2020

Из цикла «Перекличка»

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»*

Фёдор Тютчев

Снова — вожди, фарисейство и лесть,
Оды на взятие Крыма...

Пышная клумба успела расцвести
В сумерках третьего Рима!

2014

* * *

*Всем воздастся единою мерою.
И когда за компьютером он
до утра ретуширует серые
фотографии серых времён...*

Бахыт Кенжеев

Возле дома, у озера, в парке ли...
Голубой и оранжевый фон...
До чего они всё-таки яркие,
Фотографии старых времён!

Год назад фотографии сделаны
И не станут с годами бледней...
До чего ж они всё-таки серые,
Фотографии нынешних дней!

2019

4 августа 1991

Когда я
итожу
то, что прожил,
и роюсь в днях —
ярчайший где...
Владимир Маяковский

Представьте, я тоже
былое итожу.
Я помню стихийный победный парад,
Тот день, на другие совсем не похожий,
И гордые лица в тени баррикад.

Народ низвергает бывшие святыни,
Весь город теперь неожиданно нов.
Ушли истуканы: вот здесь был Калинин,
А там, у стены, возвышался Свердлов.

Рисунки покрыли фасад франтоватый.
Покорно вбирают жару площадей
Разбитые камни, троллейбус помятый
И несколько тысяч хороших людей.

С балкона несется: Простите, простите!
Дыханье вобрав, затихает партер...
Три гроба плывут, оживают граффити...
Смотрите, смотрите: Елена Боннер!

Сподвижники, братья, мои alter ego
Придавлены тяжестью общей вины.
Пылают непрочные брёвна ковчега,
Сгорая в огне налетевшей войны.

20 августа 2022

Сергей ПЛЫШЕВСКИЙ

* * *

Обломок судьбой сохранённых культур,
Славянский имплант англосаксов,
Хлебаю доставшийся мне рататуй
На сцене всемирных коллапсов.

Я выловил лук и его узнаю
(Он глазки при чистке мне выел)
И жёлтую луковую чешую,
И дряблого мякиша вымя

Расходую бережно, как эликсир,
На яркую встречу с морковью,
И лет недостачу, как честный кассир,
Своей операцией скрою.

Двоякая цель пересадки меня —
Влить свежую кровь в эту местность,
Её лихорадку пытаться унять,
А мне — замесить своё тесто;

Но дёргают нити рефлексy веков
И давят наследственным прессом:
Как только врачи убирают наркоз,
Я в теле чужом — как агрессор.

Хочу оторваться, сбежать, отойти,
Пришитую душу отторгнуть,
И снова расходятся наши пути,
Вскрывая аорты восторга.

Пока конвульсивно моё дежавю,
Подчас западаю на пьянство...
И виски в российскую лью полынью,
С латинством мешая славянство.

* * *

Но не надо жалеть о прошлом...
Если в детстве прикончил птицу,
От стыда не поможет но-шпа —
Но не дай ещё раз случиться;

Воспитаю аллергию к злобе,
На обман развивай отрывку,
Попытайся, изъездив, глобус
Уместить в записную книжку;

Будь не свят, но открыт и честен,
Не склоняйся куда угодно,
И побольше стихов и песен —
У поющих душа свободна...

* * *

Венские стулья — изогнутый бук,
Дедушкин почерк — толстенный гротеск,
Старая ширма, на ней вензеля,
Диккенс, Бальзак, Достоевский, Золя.

Чаша фарфор, умывальника мрамор,
Старые карточки, бабушкин капор,
Письменный стол и линейки гардин,
Стены в обоях и пара картин.

Пара диванов, обеденный стол,
Свежеокрашенный суриком пол,
Магнитофон, пианино «Урал»,
Грамоты разных советских наград;

Шахматный столик и бархат портьер,
Шестидесятых годов интерьер,
Книжные полки — цветные тома:
Джон Голсуорси, Есенин, Дюма...

Школьная форма, укрытый дневник,
Двойка, вопросы любезной родни,
Кладезь предметов — дубовый буфет,
Запах корицы и дивных конфет;

Велик, рыбалка, грибные места,
Сделал уроки, и совесть чиста;
Овод, кузнечик, лягушка, комар,
Гашек, Жюль Верн, Конан Дойль, Ремарк...

Три поколения смотрят назад
С тающим счастьем в закрытых глазах.
Память подводит и сердце щемит —
Властны ли годы и дни над людьми?

Как заводной регистратор частиц,
Перед концом метроном зачастил,
Слышится музыка высших капелл:
Моцарт, Бетховен, а может, Шопен?

* * *

Над холодной Невой, над застывшими плюхами льдин
Ветер прошлого дует, меж прядями наших седин,
И времён благородство на фоне дворцов и мостов
Поразит инородца и прочих приезжих юнцов;
Их копытами втопчет в древесных проспектов торцы,
Шоры выдаст и вслед за собой проведёт под уздцы,
И, нацелив глаза на блестящий игольчатый шпиль,
Пронесёт по морям через бури и масляный штиль.

Так же будет светить эта тонкая яркая грань,
Чтобы чёрную ночь бледноватый рассвет не украл,
Ну, а если вдруг — буря, и все вы пойдёте ко дну,
То, как преданный шкипер, и я вместе с вами тону;
А теперь, когда долгий закат расцветает, багров,
Так желанно тонуть в этой горечи подлых миров,
И на крышке часов — на граните финальных могил
Написать — было время, и я просветлённый ходил;

И гордился, ступая на мокрые лбы мостовых,
Что я помню вас, мёртвых, ещё оставаясь в живых,
Кто бродил и вливал свою радость и горе, и боль
В это горло судьбы, этот горький балтийский люголь,
Что течёт в нас от смысла суровых деяний Петра
Через вечер и ночь до белейшего гимна утра,
Отводить заставляя от встречных прохожих глаза,
И желать невозможного — просто вернуться назад.

Евгений ИЗРАИЛЬСКИЙ

* * *

Это песенки старинной
напеваются слова:
«Ще не вмерла Україна...»
Ще не вмерла! Ще жива!
От Чернигова до Львова,
от Волыни до Керчи —
Ще не вмерла! Ще здорова!
Ще не згинула вночі!
27 февраля 2022

* * *

Обычный день. Обычные дела.
Проснулись птицы. Суетятся люди.
Газеты почтальонка понесла,
в которых нет ни новостей, ни сути.
Шумит детей весёлая гурьба.
Гремит трамвай — железные колёса.
Тринадцатое. Пятница. Судьба,
скучая, поджидает Берлиоза...

* * *

Смотришь с опаской и веришь с опаской —
что там, под гладью подёрнутой ряской,
что меня ждёт, если дверь приоткрою,
кто там и что у него за спиною.

Страшно влюбиться и страшно расстаться,
не ошибиться бы, не просчитаться...
Мысли расчётливы, чувства упруги,
так и живём, опасаясь друг друга...

* * *

Не попавшую в силок,
не убитую на взлёте,
пусть подхватит ветерок
птицу в бреющем полёте.
И куда б ни занесло
ветерком её, я знаю —
птица станет на крыло
и свою отыщет стаю...

* * *

Я не стану учить тебя жить,
постулатам своим и законам,
в каждой жизни свои рубежи
и, уж точно, свои Рубиконы,
свой порядок и свой эпатаж,
свой смотрящий и ангел-хранитель,
кто-то едет на верхний этаж,
но застрянет в поломанном лифте.
Никогда не узнать наперёд
расписание будущей встречи,
кто прогонит и кто позовёт,
и кого себе взвалишь на плечи.
Знаю только, что время бежит,
так несётся, что сердце немеет.
Я не стану учить тебя жить,
потому что и сам не умею...

* * *

Вечер выпал длинным,
прочим не чета,
почитал Марину,
Анну почитал,
все пытался взором
вызнать у строки,
из какого сора
выросли стихи.
Где-то за окошком,
у машин в плену,
выла неотложка,
словно на луну.
Мыслей паутину
в рюмочку плеснул,
помянул Марину,
Анну помянул...

* * *

Выхожу один я на дорогу...

М. Ю. Лермонтов

Выхожу один я на дорогу,
одинок, как ветер-суховей,
я по ней направлюсь к эпилогу
немудрёной повести своей.
Впереди — неясная тревога,
за спиной — пожухлые поля,
но уже не надо, слава Богу,
оставлять пометки на полях.

Кружит ворон, ветер листья гонит,
вьётся пыль, густеют облака —
это в сердце неизменно стонет
и щемит последняя строка.
Не спеши же, выплеснув отчаянье,
притворить калитку на крючок,
помолчи мне в спину на прощанье,
подержи на счастье кулачок...

* * *

Что наш союз — судьбы каприз,
её раскрой не по лекалу,
ты — чудо из страны Алис,
а я — чужак из Зазеркалья.
Ты — свет, я — тень, ты — смех, я — грусть,
но это ничего не значит...
И нам судачат вслед, и пусть —
они от зависти судачат...

* * *

У неё на окошке герань
и в тетрадке стихи об окошке,
а на улице божая срань
и озябшая, мокрая кошка.
Оттого, что я кошку поднял,
я, пожалуй, не стану добрее,
просто знаю, что кто-то меня
тоже высушит и обогреет.
А она, чтоб себе перед сном
непогодю душу не ранить,
занавеской подёрнет окно
и напишет стихи о герани...

* * *

Чем ближе март, тем злее холода,
тревожней сны, тоска невыносимей
и кажется, что в этом глухозимье
душе не отогреться никогда.
Но скоро март, и холодам назло,
не страшно, что излишне осторожно,
из глубины тоски и снов тревожных
всё чаще пробивается тепло...

* * *

Ночь моя, красавица
спящая моя,
как бы не пораниться
о твои края.
Бровкой — полумесяца
тонкая струна,
как бы не повеситься
на обрывках сна...

* * *

Люди, люди — лес дремучий,
непролазный бурелом,
кто-то кручен, кто-то ссучен,
кто-то вовсе на излом.
Сторонюсь и тех, и этих —
не остаться бы без глаз,
вроде тропочку приметил,
да и та оборвалась.

Не до шуток, не до смеха —
заплутал уже давно...
Люди! Люди! — только эхо
отзывается одно...

* * *

Отечество — ловушки да силки,
здесь каждый шаг на грани — или-или,
здесь бабий вой, хмельные мужики
и грязи слой, укрытый слоем пыли.
Здесь дух свободы, еле уловим,
живёт за тенью собственного страха,
здесь нет дворцов, здесь храмы на крови
построены из золота и праха.
Здесь каждый или нем, или оглох,
здесь вечность между выдохом и вдохом,
здесь вдоль дорог растёт чертополох
и память поросла чертополохом.
Отечество и в профиль, и анфас —
здесь в моде эпиграммы и памфлеты,
здесь в каждом доме есть иконостас
убитых или спившихся поэтов.
Здесь время, словно взятое внаём...
Не уставая пить и веселиться,
отечество немытое моё
не научилось верить и молиться...

* * *

Бежать. Бежать, от смрада и тоски,
в леса, в поля, где зреют колоски,
туда, где мы, доколе будем живы,
не сможем встретить лживых и служивых,
где пенье птиц, где нет речей победных,
где нас не продадут за грошик медный,
где губы от досады не дрожат...
Опомниться однажды — и бежать.

* * *

Прогнозы делать не берусь,
но думаю, по-стариковски —
идёт к тому, что станет Русь,
как прежде, княжеством московским.
И внуки, разбирая хлам,
отыщут глобус, на котором
лишь тень двуглавого орла
над полинявшим триколором...

Зоя ПОЛЕВАЯ

КИЕВУ, НА ВСЕ ВРЕМЕНА. МАЙЯ ПОТАПОВА И ЕЁ КЛУБ «ЭКСЛИБРИС»

Майя Марковна Потапова вырастила двух замечательных сыновей, но был и третий, как в шутку говорили друзья; имя ему — клуб «Экслибрис». Заявил он о себе официально незадолго до сорокалетия самой Майи Марковны, шагнув вместе с ней из прежних библиотек в стены новой, был поименован, и стал неотъемлемой частью жизни её и Города на четыре с половиной десятилетия. Майя была счастливо рождённым гением человеческого общения. Киевляне и гости приходили к ней в библиотеку и становились читателями, слушателями, выступающими, участниками выставок и выездных мероприятий, которые еженедельно организовывала неутомимая Майя Потапова. Формировался и пополнялся круг людей, увлечённых искусством и вовлечённых в процесс творчества. Датой рождения клуба считается 9 ноября 1963, местом — киевский микрорайон Корчеватое, библиотека имени Марко Вовчок. Потом клуб переехал вслед за Майей на улицу Юрия Коцюбинского, где открылся отдел искусств Центральной городской библиотеки им. Леси Украинки, потом — на Большую Житомирскую, где его основательница стала заведовать Киевской городской библиотекой искусств.

Более сорока лет она возглавляла созданный ею клуб, и по сей день, после её ухода, «Экслибрис» продолжает своё существование. Феномен такого долголетия, вероятно, заинтересует свободный и обновлённый Киев, и взоры молодых историков-исследователей обратятся к этой теме. И тогда снова и снова прозвучит имя Майи Марковны Потаповой, верой и правдой,

с радостью и энтузиазмом служившей просвещению, искусству, добру и свободе в самые разные, но большей частью нетерпимые к самостоятельному и нестандартному мышлению времена.

Дружить с Майей Марковной было легко. В библиотеку можно было прийти не только за книгой, профессиональной помощью и необходимой информацией, но и за советом, за человеческим участием, добрым словом и даже просто на чай. Там всегда тебе были искренне рады и всегда были готовы помочь. В трудные моменты жизни своих друзей, при всей необыкновенной занятости, Майя Марковна оказывалась рядом. Работала она неумолимо и с удовольствием. Её энергия заражала и заряжала, её бесстрашие — поражало, её доброта была беспредельной, служение культуре — беззаветным, и бескорыстие её было безоговорочным.

Сегодня на календаре 2022 год, пятнадцать лет нет с нами нашей дорогой Майи Марковны. Этот сборник выйдет из печати в 2023 году, когда киевский «Экслибрис» приблизится к 60-ти, а в декабре, 24 числа, мы отметим 100-летие со дня рождения Майи Марковны Потаповой.



Портрет Майи Марковны Потаповой.

Художник Ирина Макарова-Вышеславская, 1989.

Из книги М. М. Потаповой «И чтобы не быть многословным...»

На стыке тысячелетий Майя Марковна работала над созданием документальной книги о своём детище — клубе «Экслибрис». Нужно было поднять и обработать огромный архив, и это — титанический труд. Майя Марковна относилась серьёзно к истории клуба и скрупулёзно собирала и сохраняла ценный материал, понимая, что это станет культурной летописью её времени. «Сорок лет — сорок альбомов», — говорила она, а это — тысячи сделанных ею фотоснимков, множество писем и документов, являющихся бесценными памятниками эпохи, уже ставшей историей. Книга вышла в свет в 2008 году благодаря сыну Анатолию и его жене Лидии Потаповой. Тираж книги составил 300 экземпляров.

Вот что пишет Майя Марковна в предисловии к своей книге «Дорогой мой "Экслибрис"»: «Многие, придя к нам студентами, учащимися, аспирантами, пробуя здесь своё перо, кисть, штихель, выступая перед нашей аудиторией, стали в дальнейшем известными деятелями литературы и искусства, лауреатами всевозможных конкурсов и фестивалей, авторами книг и научных исследований, собирателями коллекций и создателями музеев, но не теряют дружбы с клубом уже в XXI веке... Одной из самых интересных наших выставок была групповая, под названием "Киев и киевляне". На стенах висело 65 работ, а в зале были почти все авторы... А всего за первые 40 лет клубом "Экслибрис" организовано более 150 художественных выставок... Клуб собирался не только в библиотеке. Было немало так называемых выездных заседаний... Особая страница нашей жизни — бардовская песня. Именно у нас ... выступали все киевские барды...».

Дальше — рассказ о тех, кто наполнял многие десятилетия этот клуб. И это были писатели, поэты, художники, литераторы, литературоведы, актёры, режиссёры, балетмейстеры, музыканты, историки, искусствоведы, научные работники. Всех не перечислить. В книге вы найдёте имена замечательных людей и необыкновенные факты, связывающие их с Киевом, а также множество фотографий, писем, статей, стихов и художественных отчётов. Все это интересные, красноречивые и яркие свидетельства времени, поданные без купюр, в присущей Майе Марковне динамичной и лёгкой манере. Её чувство юмора и оптимистическое жизнелюбие присутствуют во всём, что она создавала. И этот печатный труд — не исключение.

«Дорогой мой "Экслибрис"» — книга двуязычная: часть статей на русском, часть на украинском языке. В конце — многостраничный именной указатель. Книга крупноформатная, в ней 336 страниц. Майе Марковне было, что вспомнить и чем поделиться. Подумать только: каждую среду (!) в библиотеке проходили творческие встречи (не считая выездных и внеочередных), и в книге это отражено.

Надо сказать, что особое место в жизни клуба занимали барды и художники. За ними следовали представители всех возможных наук и искусств. Клуб получил своё название не случайно. Майя Марковна была серьёзным и увлечённым собирателем экслибрисов. Её коллекция насчитывала более десяти тысяч книжных знаков. К сорокалетию клуба Майя Марковна выпустила книжечку «И чтобы не быть многословным...», в которую вошли сто замечательных экслибрисов, посвящённых лично ей и клубу.

Тут, возможно, уместным будет сказать, что у истоков клуба «Экслибрис», по словам Майи Марковны, стояли два человека: Яков Исаакович Бердичевский, филолог, собиратель и исследователь книжных знаков, а также художник Самуил Соломонович Каплан. Тесная дружба связывала Майю Марковну с обоими.



Титульная страница книги «И чтобы не быть многословным...» (2003)

На долгом своём веку клуб «Экслибрис» наряду со встречами пережил немало и расставаний. Во второй половине прошлого века возникла мощная третья волна эмиграции. Некоторые экслибрисисты оказались далеко за пределами родного города и страны. Майя Марковна с особым энтузиазмом принялась за эпистолярный жанр. Она печатала под копирку и рассылала свои замечательные, живые, неповторимые письма, связывалась со всем миром по телефону и всегда была рада друзьям, неизменно возвращающимся в Киев, в её гостеприимный дом и библиотечный клуб. Со временем компьютер заменил пишущую машинку, и письма от Майи понеслись с электронной скоростью к её многочисленным и благодарным адресатам. Скажу и то, что зерна, посеянные ею, дали всходы далеко от родимых мест: в Германии, в Израиле и в Америке друзья «Экслибриса» создавали свои клубы, подобные киевскому.

В преддверии столетия со дня рождения Майи Потаповой хотелось бы хоть вкратце поделиться фрагментами её биографии. Майя — дочь «врагов народа», дочь родителей, которые приехали из Польши в молодое государство рабочих и крестьян строить его справедливое и светлое будущее, она дочь репрессированного и расстрелянного отца — художника-макетчика Марка Иосифовича Гальперина и сосланной в лагерь матери, Регины Львовны Гальпериной, педагога дошкольного воспитания и библиотекаря по профессии. Майя — бывшая детдомовка, оторванная «гуманной» советской властью от родных и разлучённая на долгие два года со своей младшей сестрой Юной. Это девочка, которая не побоялась вести переписку с заключёнными из лагеря, где отбывала свой срок её мать, девочка, которая писала письма Крупской, Берии, Сталину, безуспешно добиваясь справедливости. Это юная Майя, которую после детдома «вывели» во взрослую, самостоятельную, полную трудностей и лишений жизнь. Учёба, учительство в российской глубинке, неудавшиеся попытки уйти на фронт, участие в восстановлении Донбасса, замужество, переезд в Киев, рождение детей, учёба в Харьковском библиотечном институте, работа пионервожатой в школе, и, наконец, — первая работа в библиотеке.

Майя Марковна посвятила более полувека библиотечному делу. Более пяти десятилетий неутомимого, созидательного и творческого труда отдала эта необыкновенная женщина Киеву и Украине. Будучи человеком доброго сердца и чуткой души, она стала родной и близкой не одному поколению киевлян, она вошла в судьбы многих людей учителем, наставником и другом.



Майя и её младшая сестра Юна с родителями



Киев, 10.09.2003

Ещё раз здравствуйте, Яша!

Вот прочла и перечитала Ваши две книжечки о киевских библиофилах, нашла там много знакомых имён, с которыми и меня свела судьба, и захотелось рассказать Вам один эпизод из моей жизни, связанный с одним из героев Вашей книги, а именно с Ваней Черниковым.

Итак. Мои родители из Польши, из Варшавы. Приехали в СССР в 1922, а я родилась в 1923 в Москве. В Варшаве остались семьи моих отца и матери.

В 1937 году моих родителей арестовали, отца сразу расстреляли, а мама попала в лагерь за Полярный круг. В 1943 году мама вернулась из лагеря, ничего не зная о своих варшавских родных.

И вот в начале 60-х знаменитая артистка бывшего еврейского театра Салюня Родбаум оказалась с астроями в Израиле. После спектакля к ней подошла одна женщина и спросила её:

— Вы из Москвы?

— Да!

— А Вы не знаете такую Регину Гальперину?

— Ну, конечно, знаю.

— Так я — её родная сестра!

Так через 25 лет моя мама Регина узнала, что у неё есть сестра и брат в Израиле. А все остальные члены семьи погибли в Польше...

Началась переписка. Брат мамы расспросил сестру про её дочерей, т. е. про меня и мою сестру Юну, и спросил, чем мы интересуемся. Моя мама написала ему, что я интересуюсь искусством и в первую очередь графикой. И он прислал из Израиля большой пакет офортов и экслибрисов, выполненных в технике офорта в 1911 году. Очень красивые экслибрисы. Очень старинные.

Фрагмент письма Майи Марковны её другу Якову Бердичевскому.

Из кн. «Дорогой мой "Экслибрис"», с. 310.

Несколько лет тому назад, ко дню рождения клуба, я писала продолжателям дела Майи Марковны — Толе и Лиде Потаповым — следующее: «Дима Потапов (их сын, внук Майи Марковны) точно подметил, что Майя “не ушла далеко от нас”. Это так, она сопровождает нас в нашей жизни. Общаясь с ней в прежние годы, мы получили неизмеримо много. Не зря её идея создания клуба искусств оказалась такой живучей и нашла продолжение. С тех давних пор и поныне у нас есть своя среда обитания — *то, что каждому необходимо*. А Майя Марковна — человек редкой энергии, доброты и свободы, с огромным запасом человеческой любви и жизнестойкости, неутомимая и неунывающая, всегда молодая и деятельная — не только дала нам это содружество, но и наполнила его своими ценностями. Мы не раз уже говорили о том, что Майя — это явление. Она родилась в такое исторически сложное время страха и деспотизма, с такими противоречащими этому времени качествами, что можно думать, что её появление в этом мире и долгое присутствие в нём — не случайны. Спасибо провидению за это. Мы живём с любовью и благодарностью к Майе Марковне. Это с годами не уходит, только разрыв в нашем с ней земном возрасте сокращается». Эти же слова я могу повторить и сегодня.

В Украине сейчас война, наш любимый красавец-Киев на военном положении и не так-то просто погружаться в ретроспекции, или думать о будущем. Но мы все верим и надеемся, що попри все, добро переможе і прийде день миру, злагоди і свободи. Дом, в котором долгие годы жила Майя Марковна — на месте. Смотрит его фасад на старый Ботанический сад, через который в любую погоду, в любое время года, ещё и в свои восемьдесят спешил на любимую работу счастливый, светлый, редкий человек — Майя Марковна Потапова. Придут мирные дни, и Город увековечит память этой легендарной женщины. На это надеемся, в это верим мы — её многочисленные друзья и её последователи.

Нью-Джерси, США,

декабрь 2022

Людмила ЛУРЬЕ

СМС-переписка с Богом

Господи! Очень надо поговорить!
Если хочешь, выйду к тебе в астрал.
Помнишь, как рождался и умирал?
Изучал арамейский, за ним иврит.

Я веками молился тебе в ночи,
И писал на пóлосах бересты.
(Если кто и помнит, так только ты).
Господи, отвечай же мне, не молчи!

Я прожил миллиарды небесных лет.
Был рекой, и деревом, и скалой.
Умолял «Спасите!», кричал «Долой!»,
Жил в мирах и законах иных планет.

Помнишь ли, как я ловко метал ножи,
Славен был, испытывал боль стыда;
Был поэтом, пас на лугах стада.
Для чего ж это, Господи, расскажи?

Жил юродивым пасынком на Руси;
Слыл тираном, демоном, полным зла?
Ты же душу вкладывал в их тела?
Господи! Уж не я ли тебя просил?

Вот тружусь я над списком не день, не два,
(Начертил таблицу «вопрос — ответ»),
Сохранил в формате MyGod.net,
Вот, к примеру: как мне вложить слова

Прямо в душу, минуя капкан ума?
Кто и что способно менять судьбу?
Может мёртвый видеть себя в гробу?
И где знаний своих ты хранишь тома?

И зачем, скажи мне, идёт война,
Где солдаты ей отдают тела?
Как влияют их смерти на долю зла,
Что в себе накопила моя страна?

Как, скажи мне, ты смог мириады душ
Наделить частицей своей души?
Сотворил тела и сказал «дыши»,
Дал планетам в избытке морей и суш?

Или нам это снится и мы одни?
А весь мир лишь глюк в голове хмельной?
Может, это время
всему виной?
Ну, ответь же мне, Господи, не тяни!

«Я с тобой, — мне тотчас же ответил Бог, —
Без тебя твой мир я создать не мог.
Ощути душой и пойми умом:
Все ответы есть лишь в тебе самом».

24 октября 2022

Авва Отче

«Авва Отче, где же твоя рука?
Посмотри на нас, да взглядишь в детали.
Тут мольбы умножены на века,
Мы, наверно, ими Тебя достали.

Вразуми российского мужика!
У него жена да ребёнок малый!
Он ещё не дожил до сорока!
Он собаку любит и нежен с мамой!

Он не жаждет крови и слёз врага,
Он приветлив, даже начитан в меру.
Спрячь его! Защити! Отошли в бега!
Не пускай на смерть за “царёву” веру!»

Я просила Бога. Сгущалась тьма.
Было холодно. Бился в окошко ветер.
И, рискуя вовсе сойти с ума,
Безрассудно верила, что ответит.

И Господь ответил: «Не мне решать.
И не множь напрасно тоску и ропот!
Ты пойми, что это его душа
Предпочла войну, как взросленья опыт.

Но на остров “Совесь” не надо виз!
Каждый может сердцем нащупать выбор —
Хочет он взлететь или рухнуть вниз,
И понять, что значит “Скажи спаси Бо...”

Навсегда запомни, что враг твой — страх.
Он болезнью скажется в бренном теле.
И не плачь по сгинувшим на кострах
За чужие деньги, дворцы и цели.

Поднимай упавших, лечи, учи,
Дай надежду слабому, если просит.
И поверь, что пламя одной свечи
Одарит огнём и другие восемь.

Ваша жизнь — лишь миг на пути души,
Странный фильм о схватке любви с войною.
А не хочешь Господа рассмешить —
Не сочти их выбор своей виною.

2 октября 2022

Что-то странное

Что-то странное было, пожалуй, в нём.
Не из наших мест он пришёл, ей-богу.
Говорил: «Живи настоящим днём,
И любовь тебе осветит дорогу.»
И ещё: «Не веруй в богов луны,
Да и солнце тоже помочь не в силах.
Никогда не следуй тропой войны —
Эта нечисть многих уже скосила.
Бог внутри — хозяин твоей судьбы,
И тебе лишь быть за себя в ответе.
Это ложь, что божии мы рабы,
Мы, поверь, законные божьи дети.

Помни, тот, кто не копит зла,
Умножает свет и подобен свету,
Как бы плохо ни шли у тебя дела,
За зимой непременно наступит лето».
Я спросил его: «Далеко ли дом?»
Он ответил: «Там, где душа — ты дома».
Было зябко. Воду сковало льдом.
И вздыхала, глядя с небес, Мадонна.
23 сентября 2022

Свет сиреневый

Жили мы в до оные времена,
В глубине созвездия Гончих Псов.
Это был не город и не страна,
Ни минут там не было, ни часов.

Там любую мыслями пряли явь.
Был там свет сиреневый без теней,
Через ширь вселенскую, словно вплавь,
Мы летали по небу, как во сне.

Жили, счастье множили бездну лет.
Были Богом венчаны навсегда.
И когда увиделись на земле,
То друг друга вспомнили без труда.

Лишь крупинка вечности за спиной.
Мы у бесконечности на краю.
Никуда не денешься, мой родной,
Ни в аду, ни в космосе, ни в раю.
19 января 2022

Виктор КАГАН

— ТЕРНОВАЯ РАДУГА —

* * *

Скрізь плач, і стогін, і ридання...

Леся Українка

сквозь плач и стоны и рыданья
мелькает вспышка светлячка
на жизнь и смерть верша гаданье
но это завтра а пока
наигрывает сонно гаммы
тень полусвета на стене
в прошедшем времени когда мы
ещё не знаем о войне
и света в тени преломленье
и длится вечности мгновенье
и не сгорает купина
и на пороге ждёт война

* * *

Соль, как свинец, вливает время в глотку
и жизнями закусывает водку
присоленными кодла каинят.
Война, войны, войну, войне, войною ...
Вина, вины, вину, вине, виною ...
Не сторож ты, чтоб знать, где бродит брат.

Под снегом прячется от танков конский щавель.
Я мовою співаю «Заповіт»,
мені підспівує беззвучно з неба Авель
і Бог втомлений поруч з ним сидить.

Срам на крові ладони тянет к небу
и красная сквозь жизнь струится нить,
и слово, как сухая кроха хлеба —
ни проглотить, ни кровью размочить.

Полынь-звезда. Чернее ночи былъ.
И, прибывая атомную пыль,
шуршат рентгенами и копотью дожди.
Терновый радуги поверх бинтов венец,
и на развалинах мадонной оголец,
котёнка прижимающий к груди.

— Ты мальчик, девочка? Дитя, ты чей, ты чья?
— Я — Авелевна, Авелевна я.

* * *

Слезают клочья лет с бессмертья,
как мясо с высохших костей,
и лет тоскливое усердье
играет чётками смертей.

Шумит эпоха ширпотреба.
Стекает свет в овраги тьмы.
Восходит тьма в седьмое небо.
Мы не рабы. Рабы немые.

А мы полощем души в водке,
пытаясь накипь отскрести,
лудим простуженные глотки,
талдычим: «Господи, прости!».

И сто раз на день умираем
в чаду, как в снящемся саду,
и бредим выморочным раем
в своём нетопленном аду.

* * *

Летучая висит под тучеймышь,
под ультразвук молитвы текст долдоня.
Отчаянье свечи в безжизненной ладони.
В лице своём лица не разглядишь.

Война, войны, войною, на войне...
Над миром ангел мира байрактаром.
И купина купается в огне,
и кровь дымится жареным нектаром.

Тягучая мелодия конца —
прелюдия умершего начала.
Цветение тернового венца.
Немого слова на колу мочало.

И в крике бьётся жизни тишина.
Рассвета кровь сквозь грязный бинт заката.
Перед виной невинность виновата.
И молится войне войной война.

* * *

Ах, только б не было... но вот опять она,
как вечный бой, и тишина не снится.
Плачь, Дева. Ждать цветенья плакуна
и воевать, как первый раз молиться,
когда святее святости блудница.

Хіба ж можливо? Why бы not, мой друг?
Всё может статься и не может статься.
Усталый Бог застенчив, близорук,
его берёт безбожник на испуг,
как военрук с улыбкой святотатца.

Сто дней войны и одиночества. Сто лет,
как жизнь и смерть — ценой в сто бед победа.
Бессмыслица сквозь смысл на просвет.
Беспамятства запутанный сюжет.
Назойливая нежность людоеда.

Блакитність. Соняшник. Тугие паруса.
И святцы памяти кровоточат, и дұши,
пока Гомер молчит, уходят в небеса
и что-то шепчут нам, но голосá
всё глуше, глуше, глуше...

* * *

Три весёлых, три грустных паяца.
Свадьба в чёрном. Фата похорон.
Время плакать и время смеяться.
На ветру черепов перезвон.

Тропка в рай в минном мается поле
и известен итог наперёд:
ать, два, пли, залпом боли по боли,
грузом двести на дембель вперёд.
Парус в тряпки и в мерины кони,
и под хлебом стакан не долит.
Плачет мать о твоём телефоне —
за него не заплачен кредит.

* * *

Плакать нельзя не плакать — где запятой крючок?
Душа не вмещает боли ссохшихся в глотке слёз.
Разом читають Міцкевича Тургенєв і Марко Вовчок.
Пушки подслеповаты — снаряды ложатся вразброс

и улетают дýши, бросив валяться телá.
Море крови их смоеет, пыль обновит листву
и над землёй повиснут бедные два крыла —
пóднятые ладони к мёртвому божеству.

Там в голубые волны ложится солнечный шар,
шуршит в песочных часах времени мелкая вязь,
к морю со спичками мчится лисичка разжечь пожар,
Грей поднимает парус, мечтая и матерясь.

У греческих моряков *фортунa* значит *волна*.
Вынесет или укроет саваном мокрым судьба?
Эвксинский понт беспонтовая раскачивает война —
хай їй шалаві щиро грець, проклін і ганьба.

* * *

Я тем закончу, чем когда-то начал —
щелячим визгом, сиплым волчьим плачем
в ладонях тёплых снежной тишины,
где не слова уже, а только всхлипы,
и не поймёшь — снежинки или липы
цвет опадает с дерева войны.

Блажит война, беременная миром,
ворона на суку с протухшим сырком
пустых словес, и льстивая лиса
плетёт ей славословия ловушку.
Они морочат головы друг дружке,
пока не загорятся небеса.

Восход горит или закат пылает?
Бог матом кроет. И сверчок камляет
бессмертие кощееву яйцу.
Бессильна соль земная в дней солонке.
Распят сын божий на державной шконке.
И стрелка время волочёт к концу.

А нам с тобой раскрытые могилы
да из бессилья рвущиеся силы,
да сон без сна, да онеменья боль,
да ненько, матери, мать твою и мамо,
и небеса взрывающая яма,
и слёз хранящая непрочность жизни соль.

2022

Слава ГАУФБЕРГ

Всё не так однозначно

Я теряю друзей. Я теряю родных.
Солнце светит и небо бездонно прозрачно.
Но судьба в никуда забирает одних,
От других я вдруг слышу: «всё не так однозначно»,

В этих страшных словах оправдание зла.
В этих страшных словах озверевшие лица,
В этих страшных словах тел сожжённых зола,
Городов разбомблённых пустые глазницы.

И кровавою, дикой, зловонной ордой
Под фанфары немыслимой лжи и коварства
Орки слепо идут, как волна за волной,
Как посланники адского, чёрного царства.

Я бреду среди мёртвых, расстрелянных хат,
Средь садов, обожжённых безумной войною,
Я — бездомный старик, я — кровавый солдат,
Я — ребёнок, накрытый взрывною волною.

Но я верю, настанет живительный час,
Дым пожаров рассеется, небо снова прозрачно,
Только в сердце сейчас нету места для вас,
Кто твердит вновь и вновь: «всё не так однозначно».

март 2022, Бостон

Война

Что ты сделала с нами, ужасная эта война?
Всё вокруг стало вязким и липким от дыма и крови,
И отчаяния, боли и страха глухая волна
Накрывает, как саваном нас, и свеча в изголовье...

Обожжённые огненной бурей камни беззвучно кричат,
Разрывают земную непрочную зыбкую твердь,
И железные птицы над нами летят и летят,
И из ясного неба на нас опускается смерть.

Вы откуда пришли, окаянные нелюди тьмы?
Кто послал вас на смерть, кто свинцом подменил вам сердца?
Из какой такой адской, зловонной, проклятой чумы
Вы течёте рекою, которой не видно конца?

А вокруг мир по-прежнему жизнью обычной живёт
И ему нету дела до горестной боли моей,
Так же кто-то танцует, и кто-то всё так же поёт,
Бороздят корабли точно так же просторы морей.

И хотя так же солнце, как прежде, с рассветом встаёт.
Только птицы умолкли и вовсе не пахнут цветы.
Где-то там, где живёт босоное детство моё,
Как грибы под дождём, из земли вырастают кресты.

И из чёрной дыры, как и впредь, выливается гной,
Из разверстых могил снова страшные зомби встают,
И осанну поют, и безумной, звериной толпой,
За вождём своим жалким, как стадо баранов идут.

Как мне хочется верить, что зомби рассыплются в прах,
И в суде будет в клетке сидеть мерзкий вождь их, злодей,
И надежда опять оживёт вместо страха в сердцах
Обожжённых войною, измученных горем людей.

И опять будет с неба лететь только дождь или снег.
Птицы вновь запоют, и, как прежде, запахнут цветы.
И опять понесётся вперёд наш растерзанный век.
И наполнят опять нашу жизнь и любовь, и мечты.

26 апреля 2022, Нью-Хэмпшир

Моцарт, Вена, 15 июля 1982 года

Мы уезжали в никуда,
Сжимало горло нам до рвоты,
Нас увозили поезда,
Нас улетали самолёты.
А за спиной презренья взгляд
И тихий шёпот, как шипенье,
И бегунок — путёвка в ад,
Оставь надежду и сомненья.
И рвалось сердце на куски:
Ведь навсегда мы расстаёмся,
И нет спасенья от тоски,
И никогда мы не вернёмся.
И самолёт, и в горле ком,
Имперское величье Вены,
И жизнь, что где-то там, потом,
Для нас начнётся непременно.
Я помню этот первый день.
Витрины, полные продуктов.
Домов причудливая тень
Над морем незнакомых фруктов.
Я шёл по сказке не дыша,

Не смея рот раскрыть от горя,
Из недр груди рвалась душа,
Тоскливым крикам сердца вторя.
И вдруг вблизи, из-за угла,
Услышал звуки тихой скрипки,
Она томила и звала
Закатной паутиной зыбкой.
И я пошёл в закате дня,
И за углом, плывя без цели,
Пролился Моцарт на меня
Из скрипки и виолончели.
Две девочки, принцессы две,
Дарили музыку прохожим,
В кафе сидящим, на траве,
Любуясь вечером погожим.
И я стоял, как в дивном сне,
И Моцарт тихо лился в душу,
И утихала боль во мне,
И я всё слушал, слушал, слушал.
Умолкла музыка. И я,
Боясь рассеять эти грёзы
Был счастлив, что рука моя
С лица не утирает слёзы.
И что зажато было в ней,
Всё, чем владел я в то мгновенье,
Всё то, что выделили мне
На жизнь мою в прекрасной Вене,
В футляр от скрипки положив
Всё, что имел — внезапно, властно
Почувствовал я вдруг, что жив,
Что жизнь свободна и прекрасна.
Что открываю новый мир,
Что начинаю жизнь сначала,
По ветру паруса раскрыв,
Плыву я к новому причалу.

2002, Бостон

На роспуск «Мемориала»

Ну вот и всё, ещё один виток,
И нечего себя обманывать надеждой,
И поползут опять этапы на восток,
И сгорбится спина под лагерной одеждой.

И дуло у виска, чтоб навсегда забыть,
Чтоб совесть памяти к нам в души не стучала,
Чтоб просто есть и пить, и родину любить,
И верить пастухам. И всё начать сначала.

Над сонною страной печально облака
Плывут над Колымой, крестами Валаама,
Плывут в свой дальний путь, в свой вечный Абакан,
К могилам Хармса, Гумилёва, Мандельштама.

И тысячи могил, и миллионы тел,
Затерянных в степях, снегах, лесах, болотах...
Расскажет кто о них? Кто вспомнит их удел?
Напишет кто о них, их вдовах и сиротах?

А облака плывут. Над ними — неба синь,
Под ними — чумный пир, и жизнь себе течёт,
И, как спокон веков ведётся на Руси,
Народ безмолвствует. Безмолвствует народ.

29 декабря 2021

Берта ФРАШ

Евгений Терновский. MCMLXXIV (1974). Стихотворения.
Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2021. 184 с.

Новый сборник стихотворений Евгения Терновского, известного русского зарубежного поэта, прозаика, доктора философии, литературоведа, эмигрировавшего в 1974 году, начинается с обложки, выполненной самим автором. Вместе с названием картина почти разрушенного здания — ключ к содержанию. Подведение итогов? *«Выьем за век, выьем за путь, что ускользнул от меня!»* — в стихотворениях поэт рассказывает о времени и о том, что в нём было.

Помню, всё кривилось от скуки и зла
во время оно.

Я покинул дом, где Жар-Птица слыла
белой вороной.

В год, когда вполголоса пела судьба:

«За мной следуй!

Ты уйдёшь от лагеря и суда,
но напоследок

посмотри на дом, что окован льдом!».

Пустым и лишним
показался мне...

Но не стал тот дом
мне домовищем.

И есть. Необыкновенно прочувствованные им годы, пейзажи и, конечно, люди. Там и здесь, в эмиграции. География, история, ветер и море. Стихия моря и чувств — так я воспринимаю поэзию Евгения Терновского, кстати, также интересного писателя.

Большое влияние на его поэтическое творчество оказали знание мифологии, мировой литературы и религии. И там, где они встречаются, автор даёт пояснения. Таким образом, способствуя беспрепятственному общению с читателем, Евгений Терновский использует мифологию для изображения прошлого и настоящего.

Логичным продолжением обложки мне показались стихи, отразившие трагедию души: уход дорогого человека, описывающие время до и в самой эмиграции, одиночество и свободу.

Знакомым, замечательным стихотворением начинается этот сборник:

Я знал, что ты уйдёшь накануне зимы,
как октябрь или дождь ...

И закрыв последнюю страницу, я вернулась к нему. И к тем, что показались мне раскрытием душевной раны:

Во всю мощь и прыть,
и в ночи, и в рань,
за тобою — подожди меня, пожалуйста!
Нам бы вместе плыть
в Финистер, в Бретань,
без весла, ветрила и без паруса.

Но, увы, наверх
якорь не поднять,
и судьба, золотоглазая, русалочья,
уплыла навек.
Пролетела над
берегами каравелла неизвестно чья.

Стих галерн и смолк
в челноке Харон,
облекаясь ночью в траурное рубище.
Если бы я смог
сквозь громаду волн...

Но не умирай! Со мной побудь ещё!

Несколько стихотворений о восприятии Рождества инициировали желание перечитать «рождественские» стихи Бродского. Магическое время года и вложенное в него содержание естественно всегда инспирировало поэтов. В этом нет соревнования, а только возможность выразить свои чувства.

Сер, серебрист,
Город в летучих кристаллах опала. ...

Лишь фонари
Смотрят ещё на фольгу и обёртки
Тучной халвы. ...

Несколько стихотворений посвящены поэту Дмитрию Бобышеву или продолжают разговор с ним.

Пронзительные строки не один раз обращены к «М.Л.», обнажая грани одиночества:

...Что ж, удаляйся, друг. Приму и не нарушу
отплытие твоё, и не взгляну снаружи
на век, что без тебя пустынен, как пустырь.
Пусть стынет, далеко от дамбы и от дома,
от арморийских туч, от пики волнолома,
опустошённый мир.

Как и прежде, цитируемые отрывки стихотворений не отражают всего поэтического творчества.

Евгений Терновский владеет всеми регистрами литературного творчества, в том числе и поэзии. Он автор нескольких романов, некоторые из них написаны на французском языке, в том числе исследование «Пушкин и род Гончаровых» — сообщает издательство «Литературный европеец», в котором вышли пять книг стихов Евгения Терновского. С 1974 года он живёт в эмиграции. Приобрёл мир и себя в нём. Непросто. Остаться человеком, *«один раз прожить чужую жизнь, но дважды умирать»* — непросто. Об этом — в его стихотворениях.

...жизнь — игра с пространством —
только в беге, не в борьбе.
Лучшее спасенье от простраций,
от депрессий — одинокий бег.

Олег НИКОФ

* * *

Ты говоришь по скайпу, таращишь зенки...
Комментишь в соцсетях, мол, за шкурку брать их!
Вот и не диво — вышли стена на стенку
Тысячи кровных и полукровных братьев.
Нас разделяет жизнь и тасует в сотни,
Там, или тут — но каждый отныне рекрут...
Видел? — недавно голубем в подворотне
Насмерть заклёван был крепкоклювый беркут?
Так что на дружбу нам уповать не надо...
Видишь — дышать невмочь от объятий «братских»?
Только ведь знаешь, это для лóхов правда,
Нам-то с тобою не суждено подраться.
Слово — сродни ранению ножевому.
Пафос фальшив, и хаос объятий тонок.
Это нас режут скальпелем по живому,
Каждого убедив, что иной — подонок.
Помнишь, я, как обычно, наивно хвастав,
Рубль давал за сто — не повторится снова! —
Но вот опять настала пора контрастов...
Та, где не ранят, а убивают словом.

Ушедший ангел

Это было как будто уход в астрал...
 Тот, где тело с душою врозь:
 Он всегда приходил, если я желал,
 А порою без всяких просьб.
 Он не ведал запретов, не знал табу.
 Был со мной бесконечно прост.
 Напевал мне тихонько названия букв,
 Я лишь делал их перепост.
 Он шептал мне на ухо — едва-едва,
 Чтоб подслушать никто не смог
 Сочетания звуков, творя слова,
 А из них — сочетанья строк.
 Я себе наливал до краёв бокал,
 Прикурив — запивал вздохом,
 И записывал всё, что он подсказал,
 Не забылось под утро, чтоб...
 Чтобы утром, пролистывая блокнот, —
 Поражаясь, что почерк нов! —
 Распознать письма не из букв, а нот,
 Или даже не нот — штрихов.
 Я спешил расшифровывать те штрихи,
 Не откладывал на потом.
 И читал удивлённо его стихи,
 Алкогольный поправ синдром.
 Это было как будто уход в астрал,
 Где душою я неглиже...
 Наливаю себе до краёв бокал.
 Да блокнот потерял уже.

Здравствуй, Серый!

Здравствуй, Серый! Ну, как ты там?
Как мечтал, благодать да тишь?
Смотришь бодро, не по годам...
Улыбаешься и молчишь...

Я живу — не обидел бог:
Дочь и сын, да ворчит жена...
Разделила со мною срок
У казённых дверей сполна...

Это сколько ж минуло лет,
Как не виделись мы с тобой?
Да!!! От Ленки тебе привет!
Разошёлся с ней тот «плейбой».

Помнишь, как мы с тобой могли:
Ритм, басуха, бутылъ вина, —
Петь в два голоса «Журавли»
И Макаровы «Три окна»?..

Или, в восемьдесят шестом,
Всё планируя наперёд,
Размечтались ещё о том,
Как двухтысячный встретим год?..

Не сложилось. Прости, браток.
Разошлись мы с тобой в пути.
Веришь, раньше никак не мог
Я могилу твою найти...

Был бы я геометром

Это моя стихия, —
грустная роль в бурлеске —
ровное искривляя —
путать чужие мысли...
Я ведь — не математик,
чтобы, как Лобачевский,
строить пространство, где бы
суть поменяли числа.

Был бы я геометром
(числа ведь — мимо сплетен?),
я бы построил график,
чувствами не калечась...
Ноль, например, возвёл бы
в некоторую степень
и получил при этом,
скажем, не ноль, а... вечность.

Но... Это ты умеешь —
ноль умножать на числа...
Правил, известных всюду,
станешь ли ты бояться?
Я же считать, родная,
полностью разучился,
вот и остался верным
роли своей — паяца...

* * *

В пору детства беспечно-шустрого,
Да и позже, томимый зоною,
Я беду — наперёд предчувствовал,
И встречал в изготовке оную...

Может, только лишь в силу этого,
Дав дерьма глотнуть полной мерою,
Жизнь дарила мне столько светлого,
Чтобы я забывал про серое...

Но, бывлые забыв лишения,
Вновь душа моя нервно мечется...
Будто чувствует приближение
Катастрофы в моём отечестве...
2008

Символ боли

Нет пределов. Мы все на воле.
Значит, плакаться нам негоже.
Всё условно. И числа — тоже
Чей-то вымысел, и не боле...

Всё единое — раздвоится,
Чтобы самость свою измерить:
Три, четыре, и семь, и девять —
Повторённые единицы...

Одного откровенья дети —
Мы частицы единой плоти:
Ноль — являющий бездну сотен,
Отражением тьмы во свете...

Всё условно. И числа — тоже
Чей-то вымысел, и не боле...
Единица — лишь символ боли,
Той, что выразить ноль не может...

Ольга ШЕНФЕЛЬД

Прапамять

Стелются чёрные силуэты
Пухлых младенцев, кудрявых крошек...

— Помнишь, мы были в варшавском гетто?
— Нет! Не придумывай, мой хороший.
Помню — в пустыне, в осаде, в Риме,
Белые... чёрные стены Храма,
Помню — нет-нет, не лицо, не имя,
Ты, не прощая, стоял упрямо —
— Мы. — Над Венецией Бонапарта,
Как над пожарищем Иудеи.

— Синие талые воды марта?

— Бредни, навязчивые идеи,
Я проживала всегда на юге,
Я ненавижу метель и стужу!

— Голод. Собаки. В слепящем круге
Тёплое масло стекает с ружей,
Слаще, чем капли с сосулек в марте
И языки подставляют дети.

— Нет! Мы прощались при Бонапарте,
Мы расставались на два столетья.
Это не наша, чужая память.
Мы никогда не бывали в Польше!

— Висла в тот год не спешила таять,
Мне не хотелось рождаться больше.

Серая соль на земле как проседь,
Стелются под ноги силуэты.

— Нас не спросили и вновь не спросят.
Так милосердней — не знать ответа.

Исход

1

Под чёрным пеплом дом и страна,
Враги, друзья, соседи... Содом.
Господи, я всего лишь жена,
Позволь мне стать соляным столбом.

Когда? За что? — ты знаешь один.
Достойных ты отделил стеной.
Спасибо, вечный наш Господин,
За девочек хмурых передо мной.

Прости им завтрашние грехи.
Дурная мать, дурная жена,
Я больше не буду писать стихи —
Зачем я такая тебе нужна?

Пусть ангел их осенит крылом,
Пусть реки огня переходят вброд.
Дай мне застыть соляным столбом
И пеплом, сгубившим чужой народ.

...Вчера ждала небесных гостей,
Был воздух прозрачен и ветер тих...
За что ты, Господи, их детей?
Спасибо, Господи, не моих.

2

— Бог сохранил человека, мальчик.
Помнишь: барашек для жертвы мирной.
Сын Авраама уже не плачет,
Глядя, как смерть проплывает мимо.

Брызнула кровь на ворота наши?
Мальчик, не бойся, сегодня праздник.
Это барашек, Ицхак, барашек.
Нас не сейчас ожидают казни,
Живы, мой маленький Ицик, живы...

Катится мир по Его ладони,
Пахнет мукой и бараньим жиром
В нашем ещё не остывшем доме,
Льётся вино над чужой рекою,
Дальней зарницей мерцает Слово.

Это последняя ночь покоя —
Тёмного, нищего, золотого.

3

Тебе обещан вечный союз,
А мне недолгий покой.
Я помню пыльных фиников вкус
И Нила шёлк под рукой.
От ста песков устали глаза
Сильней негнущихся ног.
Не оборачивайся назад,
Мой лучший в мире сынок.
Я здесь, я жду: окончится бой,
Недаром кончился ман.
Пусть мне одной достанется боль
Тобой не познанных ран.
Как светлый Нил, у ног Иордан,
Лучи ложатся мостом.
А мне опять — проклятье и дар —
Полночи снился Содом.
Он жил во тьме и сгинул в огне,
Он был семьёй и судьбой.
Не оборачивайся ко мне
И верь — расступится бой.
Узнаешь тёплых фиников вкус,
Сожмёшь горбушку в горсти.
А я, сынок, однажды вернусь
Когда? Не знаю, прости.
Куда? В чужой неласковый дом.
Найди. Ты слышишь, найди.

Однажды ты покинешь Содом
И я пойду впереди.

Вина

1

Я знаю, все ответят сполна
И я отвечу одна,
За то, что в мир слетает весна
И к ней взлетает война,
За дни в дыму и ночи без сна,
За раны и ордена,
Хоть бей поклонны «Моя вина»,
Хоть плачь «Не моя вина».

Укройся в цифры или в слова,
Расчёты или стихи,
Весной опять прорастёт трава
И с ней прорастут грехи.
Жасмин, сирень раскроются вновь
И зло раскроется вновь.

За то, что к близким твоя любовь
Сильней, чем к ближним любовь,
За дни в тепле и ночи без сна,
За тех, кому не нужна,
За то, что рифмой к слову война
Привычно входит весна,
За синий май, крадущийся прочь,
За пёстрый пряничный стих,
За всех, кому забыла помочь
В одной из вёсен своих.

2

Когда так много впереди
Боёв без смысла и пощады,
Услышь, вечерние дожди
Льют оглашённые цикады,
Когда сжигают не окрест,
Внутри, натянутые струны,
Пусть их сухой и жаркий треск
Заполнит чёрные лакуны —
Твои лакуны. Пусть сквозь сон,
В котором нет врага и друга,
Кружится их пружинный звон
Защитой замкнутого круга,
Целебней птицы и луча,
Бездумней зноя и заката.

И даже помня: виновата,
Не ищешь взглядом палача.

Игорь ЖУК

Романс

Мой свет, пропадает надежда на Вас,
Летит бумерангом высокое слово...
Ваш луч удивительно быстро погас —
Но, может, он был отраженьем иного? —

А я так наивно ловлю этот блик —
Минутный мираж, моментальное чудо, —
И Ваш, озарённый тем отблеском, лик
Не вспомню никак, и никак не забуду.

Мой друг, не сложился наш длинный пасьянс,
А в карточном доме живут постояльцы,
И бьют там фарфор, и заводят фаянс —
Который не так обжигает им пальцы...

Ну, что ж, это было бы всё не бедой:
Песочные замки ещё не размыты —
Да что там стряслось с путеводной звездой,
Какой её дьявол увёл из орбиты?!

И в мире, так слепо идущем на звон
Монет и мечей
 к безысходному бою,
Единственно зряч тот серебряный тон,
Что славит любовь и зовёт за собою.

Мой Бог! — это ангел о тихой трубе
Выводит сердца из безумия битвы, —
И мне остаётся молиться Тебе,
Покуда ещё что-то значат молитвы.
31 января 1990

Мария

А Она всё ходила по улицам Ершалаима,
А Она всё искала, в какой бы бесчувственный камень
Перелить половину Её беспредельного горя —
Только не было камня, способного вынести это...

Ах, из ран Его кровь заливала, казалось, полнеба!..
И из уст Его жёлчь затопила, казалось, полмира!..
А из глаз Его боль обращала веселье в безумье —
О, Мария, Мария, — как жить в этом мире, Мария?!

Он и грех искупал — но с тех пор этот грех приумножен.
Он и ложь попирал — но плодились, как тля, фарисеи,
Легионы рабов извлекали железо из ножен,
Чтобы рабство своё возвеличить и сделать прочнее...

А Мария ходила по улицам Ершалаима,
Как слепая, ходила и трогала стены руками —
И теплей были камни, чем люди, идущие мимо,
И добрее, чем люди, казались Ей мёртвые камни...

Вон — Иуду несут мимо храма, с верёвкой на шее...
И опять шелестит это странное слово: «Мессия!..» —
Что с того, что пророки в тебе не живут, Иудея —
Это ж сын, это сын, это мальчик мой!.. — шепчет Мария.

Будет час Его славы и жатвы, Он тронет серпом лишь —
И падёт виноград, и семь ангелов выйдут из дыма, —
Но и в царстве Твоём, о Мария, Ты помнишь,
Ты — вспомнишь, —
И слеза Твоя капнет на улицы Ершалаима...

26 апреля 1990

Песенка Лиловой улицы

М. Шагалу

Лиловою улицей плавал сиреневый дым,
Из окон струился густой фиолетовый свет
И розовый конь, что в миру был когда-то гнедым,
Слегка улыбнулся бегущему времени вслед.

А время бежало, ещё по привычке спеша,
Но было понятно уже, что уместнее — шаг;
И там, на углу улиц Ультрамарин и Лазурь,
Оно победило в себе торопливую дурь.

Часы танцевали на площади медленный вальс
И конь одобрительно вальсу кивал головой,
А Вы протянули мне маленький счастья аванс —
И шарик, конечно, вернулся, и он — голубой.

Лиловою улицей плавал сиреневый дым,
Синицы синели в ветвях бирюзовых берёз —
А розовый конь, что умрёт, но не станет гнедым,
В конце тротуара подковой поставил вопрос.

21 сентября 1991

Старые часы

Часы стоят. Им слишком много лет,
Они уже давно их не считают.
Они глядят на суету планет
Бесстрастно, будто толстый бог Китая.

Часы стоят. Им некуда идти,
Им нечем жить и незачем вертеться.
У них уже так много позади,
Что эти гири оборвали сердце.

На них теперь всё время — без пяти, —
Но им никто сказать не смеет: «Врёте!..» —
Они пришли. Они в конце пути —
А вы ещё кто знает, как дойдёте!..

Часы стоят. Их мир ненарушим.
Они в ладу с судьбою и с собою,
И вряд ли там, внутри, клубок пружин
Ещё способен пробудиться к бою.

Часы стоят. Им слишком много зим.
Они примёрзли к ледяному спуску,
А мы — скользим, безудержно скользим,
Не в силах сбросить лишнюю нагрузку.

Скользим, пока внутри ещё стучит,
Пока болит, — живём, сползая мимо
Часов, застывших, будто римский щит,
Зачем-то переживший гибель Рима.

29 апреля 1995

Выстрел

Приходите с любовью, и будут вам честь и любовь;
Что ж, орда за ордой, вы взыскуете жалкие крохи?
Отобрать и украсть — это дело осилит любой.
Покорить и сломить — и в мешок ненасытной Солохи...

И гордиться мешками, которые вечно пусты, —
Их веками дырявят проворные крысы и мыши, —
А Крысиный Король, гений чистой такой крысоты,
Вас куда-то ведёт, уверяя, что выше и выше.

Да, всё выше и выше обманной дороги цена,
И, чем дальше идёшь, тем страшней и страшней оглянуться.
И спросить бы себя: а какого, простите, рожна...
И повиснет вопрос, не решаясь с ответом столкнуться.

Ах, как эта задача — отдать правоту — не проста!
В голове старых истин гудит потревоженный улей...
...В перекрестье прицела стрелявший увидел Христа,
И, нажав на курок, был убит улетающей пулей.

16 февраля 2015

Римское

*Римская империя времени упадка
сохраняла видимость твёрдого порядка...*

Булат Окуджава

Гай Юлий Цезарь не знает окольных дорог.
Гай Юлий Цезарь не брезгует запахом крови.
Всех, кто мешал, он скрутил в офигительный рог:
Турий, бараний, газелий, — а хоть бы коровий.

Гай Юлий Цезарь безгрешен, всесилен и крут.
Трон его крепче за счёт укороченных ножек.
Только на каждого Цезаря
 выделен Брут,
Выписан срок
и старательно точится ножик.

20 апреля 2016

Андрей ГРИЦМАН

* * *

Мы-то думали — всё уже было,
И закрыли учебник истории.
Снова варят из девочек мыло,
Ночью тянет дымком крематория.

Сладко пахнет берёзовым веником
И отходим в углу за поленницей.
Непонятно, чем небо беременно,
Дрон над нами смертельно птицей.

Как непрочно и шатко поставлена
Наша жизнь на границе безумия.
Когда нет в словаре даже имени
У холодной закутанной мумии.

А теперь у предела неведомо,
Что на дне этой бездны шевелится.
Там накормят детей наших бедами,
и растают во тьме наши лица.

Что же, снова он бросил нас, видимо?
И Потоп, очевидно, предвидится.
Мировой океан манит минами.
Тьма египетская над пустынями,
городами и весями длится.

* * *

Сил ненавидеть не хватает.
Хватает сил дожить и спать.
Нас ждёт подобие сарая
И многоспальная кровать,

Куда войдут все идиоты.
Такой вот общеспальный грех,
Закрытые в своём комплоте.
Но нам-то, в общем, не до смех.

А он не спит в своих заботах.
Ему, по сути, не до нас.
Мы пчёлы в позабытых сотах.
И там не слышен дальний глас.

А нам пора вернуться к устью
Давно исчезнувшей реки.
Оглянешься: там тоже пусто.
Но где-то светят маяки

У берегов, нам недоступных.
Давно уплыли корабли.
Там птицы умирают грустно
На ложе выжженной земли.

Но есть генетика спасенья
В глубинах нелюдимых недр.
И длится вечно воскресенье
Там, где стоит последний кедр.

* * *

Вот опять по Харькову стреляют —
говорит коллега по работе.
Жалуются — все уже устали.
Есть другие важные заботы.

Ипотеки, дети, кошки, мышки,
сериалы, сахар, жёлчный камень.
По ночам он уже еле дышит.
Но предупреждали нас заранее.

Про 101-й, шмоны мы всё знаем,
и что ждут товарные вагоны.
На ветру ещё полощет знамя
и синеют новые погоны.

Жизнь идёт. Стареют наши ткани.
Но совсем не отмирают гены.
Говорят, что заживают раны.
Вы спросите у военнопленных.

И идёт теперь обмен отбором,
категории живого материала.
Ну какие могут быть тут споры.
Все хотят украинского сала.

Бесполезны эти разговоры.
Все вернулось на круги отчаянья.
Коли люди прячут деток в норы.
Перемирие — по умолчанью.

Мы опять стоим у рва забвенья.
Там белеют ночью наши кости.
И пока не видно воскрешенья.
Ветер свищет на пустом погосте.

Окаянные дни

Те же скулы, только мясистей.
Сколько лет те же тянутся серые сны,
Словно дым на Россией.
И грохочут составы к замёрзшей реке,
за последний тревожный рубеж.
Я пристроился тихо в вагон для калек.
Там особенно воздух свеж.
Нет газет, только слухи с далёких равнин,
где мерцают селений огни.
Полоса отчуждения: копоть да тлен,
обгорелые ветви одни.
Я давно перестал пересчитывать дни.
Как живу так живу, словно стёртый
тот жетон незаметный на илистом дне.
Никого я не помню. Ну, Бабу-Ягу,
утонула как будто в зелёном вине.
Ну, Кощей — он вечно бездомный.

Прибежище

Вдоль незримой ограды
Где медленный ток
Пробегают навстречу себе
Уроборос судьбы, там местность стоит
Навсегда как на мёртвой картине
Здесь спокойно, не слышны гудки поездов
Незаметны следы по осенней траве
Мысль здесь растворима в прозрачной листве
И висит паутиной
Пограничников нет, ни собак, ни ушей
Нету камер, глазков
Но выход потерян
Где-то там за оврагом, за тенью тенет
Растёт мыслящий бересклет
и известно что в этих местах
где-то жребий измерен.
Вдоль ограды, тропинкой, что кругом ведёт
До предела где столб полосатый
Бесконечна дорога, а что там нас ждёт
Весть потеряна где-то когда-то.

Сергей ШАБАЛИН

Странный сон

Неизвестно когда, неизвестно зачем, даже сам не пойму,
я читал в суе привокальной стихи неизвестно кому,
и безмолвно вобрав свой обычный дозняк ритуальных апло,
подливал в лимонад может, джин, может, ром, мне не стало тепло.

Я заметил в толпе человека в очках и военном пальто,
ледяные глаза излучали укор, мол, читаешь не то.
Непонятно зачем он, подняв воротник, к телефону прильнул
и, похоже, сказал в микрофон, будто я его мир обманул.

Обманул его вкус и его самого тем, что страшно сказать,
я склоняю авось с безнадёгой и врозь, мог бы лучше писать.
И допив свой коктейль, я не попадая с кем и неведомо как
возвращался домой, тщетно силясь забыть незнакомца в очках.

Но когда я уснул, среди ночи густой задрожал телефон,
я взглянул на экран и промолвил: алё, это снова был он.
Я спросил: кто вы есть, кто вам номер мой дал, с кем имею я честь...
что вам в слове моём, уж не цензор ли вы? Но звонивший исчез.

А неделю спустя, возле входа в метро, у киоска с лото,
я выветривал грусть, вновь увидев в толпе рецензента в пальто.
Я хотел подойти, рассказать о себе, чтоб без пошлых понтов
приоткрыть ему свой эстетический код. А он вызвал ментов.

* * *

Город выстиран чем-то июльским, оранжево-тёплым —
 водянистым закатом, а может быть, шумным дождём.
 Даже стаи бездомных дворняг в этом мареве топят
 свою синюю грусть, обрета на мгновение дом...
 Вы когда-нибудь видели ярко-оранжевый дождь?
 Я читал, что однажды, покой нелюбимый нарушив,
 он нисходит на Землю, и дальней галактики гость
 прилетает вослед — постоять под целительным душем...
 Когда дождь отзвенит, продлевающий жизни укол,
 никому не известный доселе, придумает гений.
 И воскресший Гарринча забьёт свой неправильный гол,
 а немая торсида предстанет пред ним на коленях.
 И трудяги забытых, давно нерентабельных шахт,
 даже копоть, не смыв, в расщепление атома въедут.
 А народы и люди, что жили на острых ножах,
 задушевную, мир удивив, нам исполняют беседу.
 В этот день отпадут упования, на счастье, в лото,
 ведь удача сама усидит на раздолбанных стульях...
 Что там нового в мире — неужто вернулся Христос?
 Нет, всего лишь оранжевый дождь в середине июля.

Письмо

Сергею Лешакову

Где же ты, Серёжка Лешаков —
 камерный поэт из Кустаная,
 маргинал, не уступивший краю...?
 Я грущу о шорохе шагов
 иностранца постсоветских терний,
 по причине косвенной, наверно —
 оттого, что опоздать боюсь...

Не забыв Гайд-Парк в литинституте,
споры бесполезные, по сути,
Уорхола из «Примы» и союз
невесенне-зрячих чуваков.
Беличью ушанку на затылке,
выстрел Ходасевича в копилке —
лучшей из столичных общаков.

А вдали угрюмая страна —
спецобъект для песен и восстаний —
позабывтый миром Кустанай
и ландшафт из размягчённых зданий.
Наскрести б на новый чемодан
и медвежий рейс Аэрофлота
и слинять под утро в Казахстан
в солнечной рубашке идиота.

Мой приятель хвор не по годам,
не прижился в мороке московском.
Я не верю добрым докторам
и в литжизни яркие обноски.
Стая неразборчивых грачей
отпоёт посыльных первородства
и отпустит облако по росту
и забвенье на земле ничьей...

* * *

Я отмотал назад сто тысяч миль,
но вспомнил не каникулы у моря,
а событийный, но порочный фильм,
просмотренный живьём сквозь щель в заборе.
Так я и встретил позднюю весну,
по-пионерски, и почти украдкой
прикрыл нелепым блейзером джинсу,
которая стояла плащ-палаткой.

Нет, всё не так. Не ощутив позор,
я двинул дальше весело и просто,
но не забыл покошенный забор,
свою аккредитацию во взрослость.
С тех пор минуло несколько веков
и, как-то раз, скучая на параде,
я, перебрав лекарства для мозгов,
сорвался в пустоту с заезжей бл*дью.

Мы шли дворами в сторону Тверской,
надеясь на успех необычайный,
чтоб матерей с детьми под рукой
не оказалось в дворике случайном.
Стемнело. И найдя искомый пункт,
за плотными кустами у забора,
я довершил паденье в пустоту,
но протрезвел под сероглазым взором.

И чудом обретённая постель
(не от дождя, прелюдии порочной)
вспотела, рядом не было детей
и взрослых тоже, но не помню точно.
Я помню беспредметный разговор
и то, как водка, одолев неловкость
и страхи вич, подвинула забор,
а может быть, хоккейную коробку.

Я вижу утро, августовский дождь,
мятую простынь, чувственное тело...
Думал ли я, когда она уйдёт?
Не помню. Но прощаться не хотелось.
А нынче память чётко, без помех,
воссоздаёт моих решений скорость
и видит яркость кадра, но не грех.
Лишь контуры исчезнувших заборов.

Ребекка ЛЕВИТАНТ

Глаголы войны

Уничтожить, взорвать, раскрошить, убить,
раздолбать, раздавить, разорвать, раздробить,
разнести, разрушить, разбить и сжечь —
вот такими словами наполнилась речь.

Истребить, разбомбить, спалить, сгубить,
расстрелять, сковать или окружить,
разорить, распылить, разгромить под ноль —
вот такие слова извлекает боль.

Умертвить, угробить, прогнать, сломать,
затравить, захватить, с землёй сровнять,
надругаться, изъять и стереть с земли —
разве ужас этот представить могли?

Наказать, ликвидировать, перемолоть,
низложить, обезвредить и расколоть,
развалить, развеять, разворотить,
сокрушить, разделаться и победить!

Встречай оружие!

Бог войны это просто лишь боль войны,
не Арес, не Афина премудрая.
От взрывной убивающей всё волны
вырывается ярость подспудная.

Не взыщи, что в ответ на дребезг и жесть
все внутри раздирает ненависть,
и в груди клокочет, как пламя, месть —
волей боли такими сделались.

Не учи, не лечи, терапией не тронь,
не корми слащавыми сказками.
И не ври о гармонии мира, гармонь,
обжигая смертельными плясками.

Разбомбил, разрушил, сказав «спасу»
от придуманной им же нечисти.
От нечистой силы спасёт ВСУ —
по-другому безумство не лечится.

И сейчас на время войны: «Прощай!» —
скажем лишнему и ненужному.
Так случилось: «Во имя любви встречай —
во спасенье — встречай оружие!»

* * *

Ни кино, ни вино, ни тем более водка
не снимают жажды.
Лишь победной и доброй военной сводки,
как манны жажду.

Эти сводки врачуют сквозные раны,
выводя из руины.
Лишь одна победа до боли желанна
для жертв невинных.

Разгулялись Каины и гиены,
шлют ракеты, бомбы.
Они кончат огненной геенной,
безмозглые зомби.

Нас немало связывало когда-то —
и родство и сходство.
Но они — ни скифы, ни азиаты —
простое скотство.

Города взрывают и рушат стены
даже строчки Блока.
Мне нужна защита от них, гигиена,
искусство блока.

Чтоб не знать и не слышать глумления мрази,
да гимны рабству.
Мне нужна победа над злом и грязью,
над ложью братства.

Ведь не раз на веку кидались в огонь и
подвергались распаду.
Сколько нужно ещё претерпеть агоний,
чтоб достигнуть ада.

Потому я желаю над ними победы
на поле битвы.
Чтоб скорее закончились слёзы и беды,
читаю молитвы.

И ловлю пересохшей от жажды глоткой
влагу чистой, честной
и прекрасной военной победной сводки,
звучащую песней.

* * *

Око за око.
Дамба за дамбу.
ТЭЦ за ТЭЦ.
Так завещали предки,
общий всем праотец.

Что сокрушаться?
На каждую бомбу
и танк
едет небесная карма,
точно летит бумеранг.

Театр за театр.
Так вы хотели?
ГЭС за ГЭС.
Пока уничтожен не будет
первый и главный бес.

Шуйца за шуйцу.
Город за город.
Кто ранен, а кто убит.
Не знал, как ведутся войны?
Прости, брат, но без обид.

Пушка за пушку.
Площадь за площадь.
Дрон за дрон.
Всё переводишь стрелки,
являя Армагеддон?

Чёрное чёрным,
белое белым
станут тогда наконец,
когда своим человеческим телом
народ победит свинец.

* * *

Невероятно, но чем занята я? —
День-деньской ресурсы листаю
в поисках истины, чести, достоинства
ради побед благородного воинства.

Нет, не ради одной лишь мести —
сердце от этого не на месте.
Ради любви и покоя насущного,
Бога ради в веках вездесущего!

Руку держу неустанно на пульсе,
чтобы дожидаться последних конвульсий
ирода злобного и упёртого,
многие годы морально мёртвого.

Яд дракона

На земле поверженный дракон,
кровью истекающий и ядом.
Сверху воин на коне с копьём,
дева в белом платье с ними рядом.

Так по-ангельски она чиста,
будто с белых облаков спустилась.
Взгляд блуждает и молчат уста —
вся она неведение и милость.

Неизвестны ей ни гнев, ни страх,
но в предсмертных муках ядом брызжет
мерзкий гад, затоптанный во прах.
Яд на платье девы дыры выжжет.

Он проникнет в её плоть и кровь —
взгляд застынет и остекленеет.
Разум усыпит, убьёт любовь —
от отравы сердце каменеет.

И её не переубедит
ни герой, ни воин, ни философ.
Яд дракона выедает стыд —
в этом никаких уже вопросов.

Вытравлены чувство, совесть, боль,
но остались подлость и коварство.
Только приближается «час ноль»
в полном гноя Королевстве Гадском.

* * *

Негодяи, убийцы, скоты
распоясались, разгулялись.
А в постах то цветы, то коты
на глаза то и дело бросались.

Я смотрела, немея, в экран,
холодея от жути и люти.
Но как будто любви талисман,
мне подмигивал нежный лютик.

Города стирались с земли,
убивали ракетой ребёнка.
Словеса поэты плели
об осеннем пейзаже тонко.

Совершался кромешный ад,
душу сковывал страх и ужас.
Но спокоен был листопад,
красотою на нас обрушась.

Созерцала я листьев цвета
и, ступая, ими шуршала.
Я просила: «Спаси, красота!», —
красота, увы, не спасала.

Виталий АМУРСКИЙ

— ИЗ ЦИКЛА «ПОД ЗНАКОМ Z» —

* * *

Не от водки — от смерти кося,
Мирный Киев вслепую бомбя,
Что же ты натворила, Расея,
В эти чёрные дни февраля.

Нет, теперь не забыть украинцам
Вой сирен, грохот залпов и страх,
Что впечатался в детские лица
В городах близ Днестра и Днестра.

В лица взрослых, бедой оглушённых,
Растерявшихся, как ребятня,
Вдруг увидевших старую школу
В обезумевшей пляске огня.

Что же ты натворила, Расея,
Породив этот дьявольский пляс,
И всё общее наше доселе
Так безжалостно выбросив в грязь!
февраль 2022

* * *

Клочок земли, клочок сухой земли,
Что волны черноморские ласкают —

Там никогда не пели соловьи,
Но ветры — вроде теноров в Ла Скала.

Там скромный пограничный гарнизон,
Скрепляли долг и, кроме долга, — дружба,
А вечером, уйдя за горизонт,
Являлось солнце по утрам на службу.

Там смерть прошла, и нынче русский смех
На месте, где остались лишь руины,
Но Украина будет помнить тех
Ребят, не сдавших острова Змеиный.

* * *

Над Черниговщиной небо выгорело,
Только каждый закат, как ожог.
Там героев из рати Игоревой
Скорбный шлях прошёл.

Слышу плач Ярославны издали,
И, в сегодняшний день обратясь,
Говорю ратоборцу: — Выстой,
Где не смог тогда славный князь.

Чтобы солнечный диск подсолнухом
Не чернел, а был золотым,
Чтоб чужак на земле отцовской
Никогда не прельщался им.

* * *

Каждый день мечен бедами, Господи,
Облака на востоке, как дым —

То ли школа горит, то ли госпиталь,
То ли книги Сковороды...

Каждый день бесы что-то уродуют
Или грабят, везя домой,
Покрывая позором родину,
Чей язык от рождения мой.

* * *

Превьер был прав, война и вправду — хрень,
А нынешняя эта — пуще хрени,
Когда вдали слышна не птичья трель,
Но взрывы бомб в обугленной Ирпени.

В той самой, пастернаковской, где мог
Он, с головой нырнувши в жаркий полдень,
В земной красе бессмертия залог
Отыскивать в её душе и плоти.

Российским оккупантам и сепаратистам из ДНР

1

Не поют по утрам петухи
Да и в сумерках грустно без них же,
Ну, а ночи без взрывов тихи
Лишь на старых полотнах Куинджи.

Глаз пленивших пейзажей, увы,
Не увидеть сейчас близ Донецка,
Это всё уничтожили вы —
Чей-то дом, чьи-то старость и детство.

2

Ах, Ахматы с Иванами,
Что забыли вы здесь?
Быть гостями незваными —
Невеликая честь.

Не болтайте — «не знали мы»,
Сбили с толку, мол, блин!.. —
Присягали у знамени,
Убивали под ним.

Не как овцы заблудшие
Оказались вы тут —
У себя жили лучше бы
Так, как люди живут.

Но теперь уже нечего
Ждать, что канут, как сон,
В пепелищах Донетчина,
Осквернённый Херсон.

* * *

Моя страна сегодня — подворотня,
Где прав лишь тот, кто крепко держит нож,
А потому к ней чуждость побороть я,
Желая даже, не сумел бы всё ж.

Лишь чувствую её прищур знакомый,
С другим который спутать бы не смог,
В полублатном пространстве беззаконья,
Холодный и опасный, как клинок.

* * *

Вода из родного колодца, конечно, вкуснее
И слаще в России для русских отеческий дым,
Но разве возможно душою быть связанным с нею,
Теперь не берёзовым духом влекущей — пугая чумным.

Без боли сегодня нормально ль считать себя русским,
Когда подтвердилась, увы, очевидная связь
Преступной войны с прокремлёвской постылою гнусью,
Втоптавшей мораль и достоинство родины в грязь.

Как тень, как пятно это всё сохранится надолго.
Не знаю о точке предела творимого зла,
Но отрочу будучи русским, горжусь, что сыновьему долгу
Я не изменил, когда подлостью подлость назвал.

Ожидание

Как над Санкт-Петербургом с Охты,
Утром — траурные облака,
И невольный вопрос: не сдох ли?
Нет, оказывается. Пока.

Не в предсмертной ещё агонии
Очумелый его режим,
Только будто от спички в ладонях,
Свет надежды в душе дрожит.

Пусть не очень он яркий, правда,
Но уверенно говоришь:
Как в Михайловском замке Павла,
Укокошат его свои ж.

* * *

Платку из Бучи радовалась мать, отец — часам,
Серёжки по душе пришлись невесте,
Теперь их отправитель прибыл сам
Из тех же мест, но в цинке — грузом 200.

А на поминках, сев за общий стол,
Мэр речь толкнул про честь и чувство долга,
Затем, понятно, выпили по сто
За «героизм» погибшего подонка.

Потом ещё, потом ещё по сто,
Не слишком отвлекаясь на закуску.
Так нынче пьют Улан-Удэ, Ростов,
Не уступая Пскову и Иркутску...

Под самогон, под водку, под винцо,
Там — взяв гармонь, а там — достав гитару,
В России поминают подлецов,
На завтра сохраняя стеклотару.

* * *

Отца винить мне надо или мать,
Не сам же, право, это я ошибся —
Родиться там, откуда убивать
Сегодня проповедуют рашисты.

В такое время лучше быть глухим,
А тем, кто ещё верит в Русь, как в чудо, —
Идти в монастыри, — её грехи
Безропотно замаливать оттуда.

Ильдар АХМЕТСАФИН

* * *

Осень в здешних местах
Каждый год собирает аншлаг.
Березняк по холмам разгорается — ах! —
И плывёт, будто огненный шар.

* * *

Жизни осталась треть.
Свежесть осенней стужи.
Скоро начну стареть,
Станут морщины глубже.
Станет острее боль,
Станет острее радость.
Если не всё сбылось,
Стало быть, так и надо!

* * *

Хоть кругом весёлая весна,
Не о чем и не с кем говорить,
Не у кого даже прикурить...
Солнечно, а на душе тоска...
По карнизу ходят сизари,
На тебя косятся, дурака.

* * *

Снег, что сахар,
Ложка за ложкой,
Опускается медленно так!
А за кадром прелюдия Баха
До-мажорная из ХТК.

* * *

На эти болотистые поля
В сезон перелёта
Опускаются горластые журавли!
Проезжая неподалёку,
Местные иностранцы
Поглядывают на них,
Наверное, по-особенному...

* * *

Они по нам скучают, перелески,
Пронизанные счастьем и тоской.
Где луч блесной на паутинке-леске
Сверкнёт и глубоко, и высоко.
И на блесну рванётся сердца шука,
И птичий заискрится пересвист —
С тобою разговаривают будто!
А ты всего лишь велосипедист.

Алекс ЩЕГЛОВИТОВ

Осеннее утро

Трамваи пели по утрам.
На поворотах жуткий гам
на рельсах стёртых.
Холодный воздух не бодрил,
дымящий кофе я сварил —
вполне комфортно.

А ночь шептала: Оглянись,
не перепутай верх и низ.
Но сливки кофе
уже заря плеснула на
охапки листьев, а Луна
и в фас, и в профиль

бледнела прямо на глазах
и, прячась где-то в небесах,
сбежать пыталась.
Я шёл, и складки простыней
остались за спиной моей.
Какая жалость,

что так внезапно ночь ушла,
и лужи, словно зеркала —
в них вдохновенье.
А ты? Ты дома меня ждёшь.
Хоть ночь — хоть день, хоть снег — хоть дождь,
ждёшь, без сомненья.

7 ноября 2018

Частный случай

Уже нашёл тебя татарский лучник — твой частный случай.

Геннадий Кацов

Тёмной ночью в саду кто-то ветку сломал,
Кто-то ветку сломал и стрелу уронил.
Что он делал в саду и кого он там ждал?
Он кого-то любил? Он кого-то убил?

Его время прошло, как проходит зима,
Как проходят войска по дорогам войны.
Дождь смывает погибших в боях имена,
Дождь смывает у выживших чувство вины.

Так откуда же он приходил ночью в сад?
Из других измерений, в погоне за кем?
Там, откуда пришёл он, возможно, был ад —
Он бежал в никуда, не рискуя ничем.

Там творилась история, здесь — политес.
Там любовь — это ночь, здесь любовь — это месть.
Там двенадцать столетий Иисус как воскрес,
Здесь одних христианских концессий не счесть.

Этой ночью не стану окно закрывать,
Может снова придёт он — я буду готов.
Чьё то тело укроет, волнуясь, трава.
Знать бы чьё и зачем — частный случай веков.

6 ноября 2019

Ноябрь

Похолодал ноябрь, но снега нет.
Канадский фронт бодается с Гольфстримом,
А тот себе, как допотопный примус,
Подогревает воду много лет.

Подогревает целый океан
Куда там современный water heater,
Но всё-таки ноябрь тепло похитил
У имперски-беспечных горожан...

Сорвал листву, втоптал её в асфальт
Мазками ярко красной спелой охры,
Завыл ветрами так, что все оглохли
И показал всем власть свою и фарт.

Ноябрь, Studeni или Листопад,
Прогон незамерзающей премьеры,
Он месяц-праздник, он не знает меры
И этому, похоже, очень рад.

4 ноября 2019

Жёлтый лист

Холодно в Нью-Йорке. Всё зазя.
Холодно и лживо.
Жёлтый лист, как метка октября,
Мокнет сиротливо.

Жёлтые такси и желтизна
Staten Island Ferry.
Ты была когда-то влюблена.
А теперь не верю.

И стриптиз... береза на ветру
Сбрасывает листья.
Буду рисовать я поутру
Обнажённой кистью.

Холодно в Нью-Йорке. Всё зазя.
Не бывало хуже.
Жёлтый лист, как метка октября,
Кружит...
кружит...
кружит...
октябрь 2016

Вадим ГРОЙСМАН

— СТИХИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ —

* * *

Воздух, напряжённый, как струна.
Почему-то лампу не включаем.
В доме и в уме одна война,
С ней сидим за хлебом и за чаем.

Целый вечер взрывы не слышны,
Не идут армейские колонны,
И одно молчание войны
Накрывает город разграблённый.

Впрочем, и сирены не страшны,
И победы ждать не надоело,
Только чувство собственной вины
Из углов опутывает тело.

* * *

Так говорит Господь: когда придёте в Бучу
И среди мёртвых будете ходить,
Пошлю апрельский снег и дождевую тучу,
Чтоб негасимый пламень охладить.

Горит всепальный гнев, горит, не уставая,
Расходится по выжженной земле.
Спасибо, Господи, что капля дождевая,
А не слеза стекает по скуле.

* * *

Долго я на улицу смотрю,
На её закрытые ларьки,
Как скользят и бьются на ветру
Ветки ивы в парке у реки.

Растрепались волосы, замёрз,
Ненароком слёзы потекли.
От меня остался только мозг,
Плётка ветра, месиво земли.

* * *

Никак тебе не избыть городской беды,
Что чёрным облаком тянется над головой.
Попей сначала воды и поешь воды,
Водой из ржавого крана лицо умой.

Проснёшься, ищешь стакан, в небесах темно,
Похожи друг на друга мёртвые города:
Кривые рёбра деревьев лезут в окно
И слабой кровью простенков шумит вода.

Та война

Начинается жаркое время,
Старый мир уцелеет с трудом.
Бусурманы, коварное племя,
Переходят священный кордон.

Выступают войска в неизвестность,
Кандалами орудий гремя,
И на карте отмечена местность,
Где сойдутся война и семья.

Надувается бешеной хмарью
Старый князь за токарным станком.
Достаётся на пряники Марье,
Утирающей слёзы тайком.

Распадается сущность Андрея:
Тело в землю, душа в небеса,
И звучит, никого не жалея,
Замирающий скрип колеса.

Видно, есть и на нашем болоте
Смыслы тайные, вещие сны,
Если дух не чурается плоти,
Соскребающей копать войны.

Видно, может заветное сбыться,
Недоступное нам отродясь,
И убитому бывший убийца
Белоснежную ризу подаст.

Пещерный волк

Под землёй невидимая Лета
Рассекает каменную мгу,
И остатки волчьего скелета
Скалятся на голом берегу.

Сколько у меня путей неверных,
Сколько слов на мёртвых языках
От моей родни — волков пещерных
С известью на стёршихся клыках!

Я не знаю собственных размеров
И не вижу шерсти на спине,
Только волчьи призраки в пещерах
Безутешно воют обо мне.

* * *

Ночное воинство над миром
Стоит в Господни времена.
Вон там намечена пунктиром
Моя последняя война:

Дойти до ясного предела,
До края звёздного ковра,
Переменить лицо и тело,
Лишиться дома и добра.

Не буду раненым и пленным,
В другое попаду кино,
Но есть движение одно,
Что остаётся неизменным:

Подпрыгивая-приседая,
Иду за старой бороной,
И смерть, как ласточка седая,
Бесцельно кружит надо мной.

* * *

Что же? Обеднев и постарев,
Вырвался из мёртвого капкана.
Кошка на бетонном пустыре
Пухлой лапой ловит таракана.

Просто в длинном саване разрыв,
Кончилась безумная работа,
И в застывшем ужасе олив
Видишь, будто в зеркале, кого-то.

Может быть, получится теперь
Осторожно справиться с испугом,
С грузом откровений и потерь
Поднимаясь по мощёным дугам.

Здесь, на шатком гребешке земли,
Больше не до риска и бравады.
Только просишь, чтобы помогли
Эти горы, тёмные громады.

На мотив Поплавского

На дне реки играл скрипач,
Изменчивый, как рыбка.
Бессильный и беззвучный плач
Издавала скрипка.

По дну расходятся круги,
Со всех сторон я слышу,
Что я — скрипач на дне реки,
А ты — скрипач на крыше.

И должен каждый звук пройти
Средь грохота и гула...
Давай же, музыку мути,
Чтоб воду всколыхнула!

На смерть библиотеки

Тугих томов ленивый ученик,
Я был сражён их гибелью оплошной,
Как будто плесень из несчастных книг
Цвела во мне под кожаной обложкой.

... Чума, потом война стучали в дверь,
Скукожились китайцы и ацтеки,
И жизнь прошла, о боже! Что теперь
Уход очередной библиотеки!

Там, на сыром подвальном этаже,
Мы целый век в одном ряду стояли.
Бумага к тексту, точно цвель к душе,
Давно не льнёт неровными слоями.

* * *

Нет зависти к тем забиякам,
Что знали секретный приём,
Что хаос исправили знаком,
Прошили его остриём.

Иллюзия, тонкая майя —
Искусное их колдовство.
Меняю не глядя, меняю
Их всех на меня одного.

На скрежет горбатых диванов,
На нищую старость мою...
И только Георгий Иванов
Со мной в этом тусклом раю.

Юрий ДИДЕНКО

Поколение Пат

Ты страдал, ты мерзел
На обочине *жизни*.
Ты в отрепьях с отребьем
Пил в гаражах,
Воду из луж разводя
Метиловым спиртом
Промышленных стоков.

Только ленточка бравая
Насмерть прилипла
К тщедушной груди.
Только буковка эта
Из чужих алфавитов трофеем —
Как орден.
Ни к работе, ни к службе отчизне —
Не годен, не годен. — По причине того,
Что здоровья с рождения нет.

Как там жизнь, телевизор?
Какая сегодня повестка? —
Та, которую в душном подвале
Под торжественный траур вручат,
Чтоб старушка, не веря бумагам,
Обмотана выцветшим флагом —
Прошамкала гордо:
Был с паханом для дела
Когда-то зачат.

Посадочный материал

Садовник прилежный,
Землёй прокажённый, — едва ли
Знаешь корней симфонию,
Ягодный джаз...
— Вы овощи,
Мы вас из веку сажали
И будем сажать.
И снова, и снова
Квадратно-гнездóво,
И точно, и прочно. —
Такова наша кухня,
Чающаяся днём и ночью.

Кирка и лопата,
Мотыга и вилы —
Направлены верной рукой.
Только вот где и сноровка, и силы
В год и в день никакой...

Видишь, садовник,
Вон там, у забора
Пышный кустится репей. —
Тот, самый сорный,
Что без призора...

— Знаю, он главный теперь.

Возможности без выбора

Пока ты сидишь в банке,
Тебе не хватает свободы,
И за тобой наблюдают
Внимательные глаза. —
Глаза равнодушные, злые
Смотрят насмешливо-криво
Снаружи, из-за стекла.

...Их жизнь, как тебя, не секла.
Но ты рассуждаешь логически —
Объект биологический, —
И ты потираешь лапки:
Ведь мог быть пятном на тапке.

* * *

В осенних тесных небесах
Последних птиц пути-пунктиры.
В иных местах приюты птах,
Что ныне холодны и сиры.

Маршруты, скрытые в крови,
В подкорках спрятанные карты...
Ветра попутные лови,
Лети, не зная сам, куда ты.

Отыщешь малый островок,
Теплом и солнцем настоящий.
А целый мир на долгий срок
Предстанет тишиной звенящей.

* * *

Снега вдали.
Зимы допрежь —
Плоды земли
Срывай и ешь.
Вопрос немой,
Рабы немь —
Зимы земной,
Земли зимы.

Наймиты

1

С наручными песочными часами
Всё бродим, одремучены, лесами,
Выглядывая в редкий пересвет
Кто есть ли там,
Где нас, инакших, нет.
Да, буйны мы,
Да, недосбиты мы
С подеста-постаменты,
С панталыку...
Да, простоваты мы, продуты поелику,
И званы к Вельзевулу на обед —
Огарками торчать в подземном зале,
Потрескивая зло в отёкшем сале,
На чёрный свод добавочно чадя,
Из жизни свет за смыслы уводя.

2

Вам за стеной чужих стенаний
Петь и плясать, и ржать, и жрать...
Как жизнь распорядится с вами?
За это ль сможет покарать?

Черта сомнений истончилась:
Из совести — и прямо в ад! —
Гон злых рабов неисчислимых,
Безмолвных и бездушных стад.

Из страха слеплены, из праха...
От берегов начнётся гать. —
Там ждать руки костлявой маха,
Что вам прикажет умирать.

Либеральный балет

На крылатые качели
Запрягают лебедят.
Скрипки разного значенья
Надвигаются, зудят.

Либеральное движение
В броненосной голове.
Лебединое скольжение
Закругляется в тебе.

С переступами походка,
С переглядами тропа,
И толпа ступает робко,
Как у Брейгеля — слепа.

* * *

Определяя сроки дня,
Простой черёд дождя и ветра, —
Проходит время сквозь меня
И из небес уходит в недра.

Воспоминания про всё —
Они ушли, они вернулись.
Застыли, где трава растёт
Вдоль незнакомых с детства улиц.

На перекрёстке Типовой
И на углу Стереотипной —
Есть фонари над головой
И прудик с вековой тиной.

Они чужие для меня,
Кому-то и навек родные...
Кострами будущего дня
Согреты ночи ледяные.

Бывшие люди

Измождены, облезлы,
Слабы духом, худы —
От дурного воздуха и еды,
Пустивших яд в расквашенное тело.
Во зле кровото́ча,
Душа зудела. —
И не осталось милости следа.
Но только одичанью нет предела... —
Жизнь такова
И такова среда.

И патокою приторная ложь,
И новый день, на прошлый не похож.
Штрихи-намёки света или тьмы
Не потревожат стылые умы.

И в каждой рукавице по подкове,
В кармане каждом по гвоздю. —
Терпенье есть,
Но всё же нет покоя.
Горсть огранённых слёз
Стеклом в глазу...
Такое время,
И бытёе такое.

Мартин МЕЛОДЬЕВ

Подражание Дельвигу

*Когда ещё я не пил слёз
из чаши бытия...*

Антон Дельвиг. Элегия

Когда ещё я не пил слёз,
не знал душевных ран —
я твёрдо верил в остров Росс,
в республику Соан.
Но пережив культурный шок
и волю дав словам,
я сжёг верёвку и мешок
и сплыл за океан.

И ныне, тридцать лет спустя,
смотрю на бывший дом,
как бы резвяся и шутя
шагающий в дурдом.
Грохочет в небе голубом,
за дроном дрон куя,
и кычет, сидючи «орлом»,
из чаши бытия.

— ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ В АЛЬБОМ» —

ВЫЗОВ

В. К-чу

Спасибо, друг!.. Хотя бы и за то,
что голос мой остался безмятежен.
Не так и важно, где мы веки смежим,
когда пойдёт кружить гелиотроп
над нами, словно всадник над манежем.

И новых звёзд разложится пасьянс
уже без нас над нашей головою,
разбойничий в ночи раздастся свист —
и паровоз рванёт сквозь бологое,
глуша людскую молвь и конский топ.

Качнёт плюмажем чёрный машинист,
учёный нью-ланкастерский славист
промолвит: «Он стоял за Ренессанс»,
читая то, что я тебе глаголю.

Спасибо, друг. Ты подарил мне шанс.

ВДНХ — 97

А. Маллаеву

Презентация шоу высокой моды!..
Шоумены, вперёд! А какие морды:
Питер Брейгель и тот бы не знал, с какого
кисть конца взять...
Подумав, решил с тупого.

Эксклюзивы направо, народ налево!
Орлеанская гвардия... Вряд ли Дева
принесла бы себя на костёр державе,
где её бы, того и гляди, сожрали.

И не то, чтоб я против высокой моды:
вот, к примеру, и датская королева —
модельерша.
Но *этот* глоток свободы:
эксклюзивы ... направо, народ налево.

Милицейские трели играют нервно,
и становится так хорошо и пусто
у ворот павильона, где две модели
демонстрируют небу сельхозискусство.

Анатолию Величко в Париж

Он в Париж не придёт никогда.
А. Величко

Академгородок... мгла берёз,
ночью заморозки на почве.
Основной философский вопрос:
имманентно ли вскрытие почте?
Спросишь сдуру: «Почём пирожки?»
и услышишь: «Тут вам не Саратов!
Это пицца.» ...Цветные кружки
адресатов. Париж. Кто куда.
Даже те, кто остались — в астрале.
Из физических мы навсегда
виртуальными лицами стали.

Антиномия «розы — шипы»,
но шныряют по трактам пакеты...
Он придёт. Будь здоров и пиши.
Этот вирус...

Fine de Fleur

Л. Духовному

Софиты гаснут, вечер начинается —
Внезапный переход из цирка в театр,
Где песни, как ни странно, сочиняются,
А в небе гусли-лебеди летят.

Как хорошо, хмелея с рюмкой первой,
Не спрашивать, кто против, а кто за?
Где барышни закусывают перлами,
Когда у них откажут тормоза.

Нас не тревожит сумрачность кумранская,
Поскольку за окном звезда горит.
А ночь темна... сержанты пьют шампанское,
А мы с тобою пьём цветочный спирт.

Поэт сказал, что тот, кто любит родину,
Тот в ней живёт. А мы с тобою где?
Цветочный спирт, как принадлежность к ордену
Всех эмигрантов, — соло на трубе.

* * *

Н. Б.

Был бы я москвичом иль питерцем,
я бы зубы покрепче сжал,
притерпелся бы и не рыпался,
никуда бы не уезжал.
Занимался бы заготовками,
полоскал бы ромашкой флюс...

Крыльев чёрными окантовками
щеголяет канадский гусь
в поднебесном снегу лазоревом,
и вызванивают вдали
виноградники ржавым золотом
темперированный клavier.

От Нью-Йорка до Калифорнии,
колокольнями — облака.
Нота Бене, скажи: легко ли мне?..
на земле валять дурака.

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ

* * *

— Иди ко мне, котёнок, кис-кис-кис...
Опять обстрел, и нам с тобою надо
Незамедлительно спуститься вниз,
В подвал. Мы там укроемся от «града».
Мяука, ты же там бывал не раз.
Но весь дрожишь и льнёшь ко мне сильнее.
Вчера я принесла туда матрас,
Чтоб нам с тобою было чуть теплее.
А вот с едой у нас совсем беда.
Но всё, что есть, мы пополам поделим.
Найдём трубу, где капает вода,
И назовём подвал наш гранд-отелем.
Боишься, брат? И мне не по себе.
Дай я тебя поглажу, мой хороший.
Кровавая война у нас в судьбе
Свиристует, но я тебя не брошу.

* * *

— Слышишь, мама, мамочка?! Вставай!
Дядька, что стрелял в тебя, ушёл.
От него я спрятался в сарай.
Он меня искал, но не нашёл.
Я сидел тихонечко, как мышь,
Не кричал, не плакал, не дышал.
Мамочка, ну что же ты лежишь?
Дядька тот с тебя колечко снял,
А потом звонил своей жене,
Хвастался, колечко унося.

Мамочка, ты говорила мне,
Что людей расстреливать нельзя,
Каждый человек душой богат.
Ты хотела, чтоб я добрым был.
Почему же вражеских солдат
Быть людьми никто не научил?!

* * *

— Господи Боже! Они разбомбили Твой дом!
Что же хотели они в этом храме убить?!
Помнится, мы возводили его всем селом,
Чтоб со своим сокровенным к Тебе приходить.
Вот и пришёл я сюда помолиться за дочь.
Ныне она на войне. Ей, поди, тяжело.
Раненых много. И каждому надо помочь.
Только осталось без храма родное село.
Если стреляли в Творца, это — дикий народ!
Сколько мы видим неумного зла в пришлецах!
В веру стреляли? Но вера не в храме живёт,
Вера гнездится всегда в человеческих сердцах.
Что же стреляют враги, не жалея ракет,
Словно убить собрались в наших храмах Христа?
В душах у них ничего человеческого нет,
Нет ни любви там, ни веры. Одна пустота.
Господи Боже! Ты наших бойцов сбереги!
Дай сохранить нашу землю и силы дай нам!
И, умоляю, Ты дочке моей помоги!
Я обещаю, что мы Тебе выстроим храм!

* * *

Ждала я рождения внука, как чуда!
И дочка ждала появленья мальчонки.
И мне говорила: «Я счастлива буду!
Я Бога просила об этом ребёнке».

Она понимала, о чём я мечтаю,
И, глядя живот, словно стенки сосуда,
Смеялась: «Бабуля у нас золотая!»
А я подтверждала: «Такою и буду!»
Когда до роддома её провожала,
Она улыбалась: «Мамуля, не бойся!»
И светлой надеждой меня заряжала:
«Все будет нормально. Ты не беспокойся».
Потом я ждала, леденя от звука...
Ту боль в моём сердце ничем не измерить:
Ракетный удар... И ни дочки, ни внука...
И как с этим жить?! И во что теперь верить?!
И разве возможно сберечь незлобивость?!
Гнетущая боль душу мне разрывает:
«Небесный отец! Где Твоя справедливость?
Зачем дети тем, кто детей убивает?!»

* * *

Российский танк лупил, что было сил,
Прямой наводкой по жилому дому.
В меня летели стёкла, кирпичи,
Заваливались стены, потолок.
Он напрочь всё с лица земли сносил,
Что было мне привычно и знакомо,
Он солнца восходящего лучи
В пыли непроницаемой толк.
Он делал дом могилой для меня.
Я был завален балками, камнями,
Но всё ещё был жив и жить хотел,
И силился куда-то отползти.
Наверное, Господь, людей храня,
Даёт понять, чего мы стоим сами,
И есть ли человеческих сил предел,
Когда мы жизнь стараемся спасти.

Сквозь грохот я услышал чей-то стон,
 Пополз на звук, увидел человека.
 Он под доской лежал в пыли, в крови,
 Я попытался вытащить его.
 Но, видимо, был без сознания он.
 Хоть посечён стеклом, но не калека,
 Упорно я просил: «Ты, друг, живи!
 Вдвоём, поверь, не страшно ничего!»
 Его едва живого дотащил
 Туда, где щель была в стене наружной.
 И лишь тогда я вытер кровь с лица
 И смог за всё Творца благодарить:
 За то, что у меня хватило сил
 Не бросить человека малодушно,
 За то, что ощутил в себе бойца,
 Ведь выжить — это значит победить.

* * *

Войнам не присуще благородство.
 В мире пахнет смертью и бедой.
 Войны провоцируют сиротство,
 Заполняя души пустотой,
 Забирая самое родное,
 Принося невзгоды всех мастей.
 Войны заливают землю гноем
 Античеловеческих идей,
 Чтоб воспринимали жизнь, как драму,
 Чтоб опустошённость в нас жила.
 Та война осиротила маму,
 Нынешняя — маму забрала.

Борис СУСЛОВИЧ

* * *

Шорохов нет и в помине,
Только мотор дребезжит...
Ночь. Посредине пустыни
Медленно движется джип.

Притормози наудачу,
Выйди на вольный простор.
Кажется, прошлое прячут
Камни разрушенных гор.

Кажется, жизни начало —
Брызги на Млечном Пути.
Только что время стояло
Здесь, но успело уйти.

2005

Михоэлс в роли короля Лира

С. В.

От портрета на стене
Словно время откололось,
И откуда-то во мне
Пробудился певчий голос:
Я пою, больной и голый,
Пленник в собственной стране —
Феерическое соло
На расстроенной струне.

Задрожат виски от боли —
Упадёт венец со лба...
Песня, что ж ты так слаба?
Замолкаю поневоле.
Умирать по ходу роли —
Королевская судьба...

2007

* * *

Тут на пять остановок вперёд
Не найдётся свободного места.
Хоть Мессия в автобус войдёт,
Кто посмотрит на пришлого, вместо
Них взвалившего брошенный мир
На свои заскорузлые плечи?
Им не нужен реальный кумир.
Нужно лишь ожидание встречи.

2007

Чайка над Темзой

А. Р.

Проснуться от всхлипа
Разбитой о камень волны.
Поёжившись, всыпать
Горсть крика в раствор тишины.

Почти без усилия,
Наполнив редющей мглой
Затёкшие крылья,
Подняться над спящей землёй.

Почувствовать тяжесть
Колючей воздушной струи,
Которая свяжет
Силками движенья твои.

Растерянно бросить
Невидящий взгляд в темноту —
И первую просинь
Случайно задеть на лету...
2007–2008, Лондон

* * *

Мы по-детски доверчиво спали.
Неожиданно рядом возник,
Никому не мешая вначале,
То ли свет, то ли звук, то ли миг.

Все мгновения сцеплены были,
Но одно из них выпало вдруг
И растаяло облачком пыли:
То ли миг, то ли свет, то ли звук.

Было что-то спросонья задето,
Чему даже названия нет.
На полях сновиденья помета:
То ли звук, то ли миг, то ли свет.
2007

* * *

Неделя начинается дождём,
Стекающим с насупленного неба,
А мы, как заводные, снега ждём,
Хрустящего рождественского снега,
Хоть в палестинах наших его нет
Ни в декабре, ни в январе, ни в марте.
...Лишь в мартobre повсюду валит снег
В стране, не обозначенной на карте.
2013

* * *

Со смерти всё и начинается...
Леонид Мартынов

Необратимый миг
Разорван поперёк:
Старушечий ли вздох,
Младенческий ли крик —
У жизни он велик,
У смерти он высок.

Начало, ты итог,
Который не постиг:
Прикушен мой язык.

2016

Двойняшки

Как украшает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда ещё неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она растёт, как на дрожжах,
Годам и дням не зная счёт...

Как разрушает каждый шаг,
Когда они наперечёт,
Когда уже неведом страх:
Жизнь не летит и не течёт —
Она сбегает впопыхах,
Оставив без оплаты счёт...

2017

Через сорок лет

Когда поношенное тело
Приобретает прежний вид
И на тебя глядит несмело
Полузнакомый индивид,
Остановись и поразмысли,
Коль вам столкнуться довелось,
Какие копошатся мысли
Под шапкой вьющихся волос;

Чем индивидуум озабочен,
О чём вздыхает по ночам...
Тебе, наверно, странно очень
Осознавать, что он — ты сам.
Вали отсюда поскорее,
Пока целёхонек, пока,
Косящему под старика,
Тебе не надают по шее.
2019

Генрик Гольдшмидт*

Старый еврей, навсегда возвратившийся в детство,
Жить не желая ни дня без любимых сирот,
Что он оставил сегодняшним детям в наследство
В мире, где гадостной взрослости неупорот?

Старый еврей, освятивший последним отказом
Жизнь после смерти как свет, исходящий с небес,
Что он шептал в душегубке, сочащейся газом,
Тем, кто ещё мог услышать? В сознание и без...

Старый еврей... Не прикрыться уже псевдонимом:
Слитый с обложками ввек нестареющих книг,
Он проплывает над родиной лагерным дымом —
Польский двойник.

2021

* Настоящее имя Януша Корчака.

Александр А. ПУШКИН

* * *

Весенний лёд — не только я, Наталья,
Весь мир, гляди, оно — весенний лёд,
Ни плана нет, ни блеска и ни стали,
Две двойки на руках, а там — как масть пойдёт.

Прости, Наталь, за годы — без разлуки,
Глядеть просила хоть неделю вдаль...
Теперь чего? Лишь адовые муки
И пропитый в овраге флеш-рояль.

World, Flesh and Devil (1959)

Как Гарри Беллафонте брел по Тридцать Четвёртой —
Пустой, как брюхо воблы, в пост-ядерном NY:
Машины, магазины — в его распоряженье,
Лишь свежих нету хлеба, газет и молока...

Вот так же ощущаю себя порой ночами,
Как вор-в-законе волен, мяукай или лай,
Раскаянья и вины — витрин отображенья...
По Пятьдесят Девятой — открытые срока.

Эдит Пиаф: — Па-дамм, па-дамм, па-дамм...

Вышел вечером за бухлом,
Бабье лето уж не пьянит,
Там — художник, разбит мурлом:
— Дай червонец, душа болит...
Не дам — не дам — не дам...

Свет «ликёрного» за углом,
На поребрике — тётка в хлам,
В океанах-глазах — разлом.
— Не сегодня, пардон, мадам...
Не дам — не дам — не дам...

Звон соседа: — Не будь жлобом,
Тачку дай, в Гарлем по делам
На автобусе ехать влом.
А в ответ: — Там-подам-потом...
Не дам — не дам — не дам.

Девушка из Ростова

Она бежала в красном купальнике,
К морю с новым знакомым,
Из Москвы, в очках, образованный,
А у неё мама — завхоз в столовой
Для писателей и начальников.

А там камни такие белые,
Да она каждый камушек знает,
А на красном — всё загорелое,
В темноте — однозначно голое.

А он книжки читал про всякое,
Она — детектив болгарский в том месяце,
Слабак он. До наших ребят из фабрики
Ему далеко не светится.

Бормочет чего-то мутное
И тянет как еле-еле.
Я ж девушка из Ростова,
А может, из Коктебеля.

* * *

Торговала в лавке сиропом,
Красивая, но пожившая,
Мы были там автостопом,
Узнала слегка едва ли.

Красоты русского Юга
Ей приелись, как всем ребятам,
Которым давно за сорок.
Фестивали, хиппи, поэты —
Зачем ей это? Свои дела там...

Бухты Тихая, Разбойничья, бухта Барахта —
В Коктебеле пока не стреляют.

* * *

Если любишь — счастли́в,
Если веришь — то спишь,
Да на тех городищах
Не вспомнишь, наверно,
Кого ты любил в предыдущих
Кавернах и сквернах.
И зря рассуждаю я с фото настенным.
Себе в утешение лишь.

— Издеваешься, да?
Вот приеду — прозришь,
Кто прав был тогда — говорил, что бессмертны,
Извини, не Париж, но расщелины острого льда —
Выбирались когда-то.
Познакомимся снова.
Разлуки, мужья, нищета, города...

Да подскажи ты мне рифму на «тёртые смоквы»?

Раиса РЕЗНИК

* * *

По учению, жизнь — это нить
бесконечная... Не умирает...
Ну а, может, задумав сокрыть
свою тайну, нарочно играет

и хитрит, чтобы смертью ничьей,
даже ранней, себя не порочить?
Где же он, животворный ручей,
что, стрекоча, нетленность пророчит?

Омовением вечное длит
и дарует великое счастье —
в мире бренном себя ощутить
мироздания незыблемой частью.

Элегия

Мир сказочный спугнуть — так много, что ли, нужно?
Одно движение — и как не было мечты...
В травинку вольную вселяет ветер душу,
а в заточении подкошены цветы.

Ступаю бережно на трав ковёр зелёный
под голубым шатром открывшихся небес.
О, если б чудом вдруг такой непотаённой
веснянка первая услышалась тебе,

и песня, что давно находится в заторе,
свободно б полилась, не обернувшись злом...
Мне разрыдаться бы, чтоб всё пережитое
размылось, как песок, и унеслось ручьём,

чтоб давняя печаль не жгла, не каменела
душа, живущая надеждою, пока
с порывом ветра небо помрачнело,
а от второго — васильковая река.

* * *

Оскал ощерил,
сам злобой пышет.
Он из пещеры
на гибель вышел.

Покатость зева
над рвом отвесным.
Из подземелья —
да прямо в бездну!

Чтоб этой клички
не знали люди!
Всё очень личное.
Аминь! Так будет!

* * *

Кто должен быть при короле?
Кто королю есть друг?
Тот, кто, кривляясь, — о дворе
и обо всех вокруг...

А если рядом нет шута,
ужаснее втройне,
король и сам пропал тогда,
и горе той стране.

* * *

Возвысился тот образ на песке.
А ведь стеной незыблемой казался.
Кто сотворить кумира зарекался?..

Уютно было в каменном мешке,
удобно жить в моменте обозримом,
всех мерить установленным аршином,
вытёсывать себя под тогу клана...

Я в шутовском дурацком колпаке?!
И поделом, красна изба углами,
а мой-то дом построен на песке...
Добытого из грязи бегемота
определить опорой и оплотом?..

Тень изувера, скройся без следа,
не повторись нигде и никогда!

* * *

Померкло небо в вышине,
поникли флаги.
Любимчиков у Бога нет...
Никто не Ангел...

Восторгов сладостных елей
не слаще хлеба.
А он вознёсся над Землёй...
О Небо! Небо!

* * *

Расшифровываю слой жизни,
моё грустное поколение.
Мы и в затхлом-то не прокисли,
но засахаримся в варенье.
21 ноября 2022

* * *

Что спешился, конь-огонь?
Нет чуда, вот незадача.
Везёшь, оказалось, голь,
душой обнищавших, значит.
Да, плохи наши дела...
Не можешь ты, конь ретивый,
лететь, закусив удила,
когда пропадает диво.

* * *

Перелётный пропеллер —
эта птичка под крышей.
«Выжить-выжить!» — пропела
упорхнула повыше.
Заливается свистом,
задыхается в трели
на весь свет голосисто:
«Люди, вы — менестрели!».
Верит самозабвенно
в менестрелей, не в выжиг...
«Выжить!» — птичка пропела.
Ей видней, она выше.

* * *

Спасибо, птенец,
что приветил мой дом
пасмурным днём,
в дождь-морось,
песней о солнце,
весне,
и о том,
что неподвластен голос,
щебечущий
и высвистывающий,
воле ничьей руки...
Звучание это чистое
сбереги.

Семён ПАТЛИС

Сухая вода

Сухой колючею водой
Швыряет в окна ветер. Вьюга.
Ныряют месяц со звездой
В разрывах туч. Лежит округа
Занесена, где из-под крыш
Глядят потухшие глазницы.
Под одеялом ты не спишь.
И я не сплю. И время длится...
Мгновенья капают в стакан —
Тик-так, тик-так, тик-так, — часами,
И наполняют океан,
Что пролегает между нами.

эдем

из сумерек влажных над тёплой землёю
всплывает луна поплаватком ноздреватым,
и липнет небесный покров простынёю
к телам обнажённым, друг к другу прижатым;
от их шевелений рождается жизнь —
субстанция смерти и сущность желанья;
и нет в этой ночи ни правды, ни лжи, —
лишь пульс сотворенья и плоть мирозданья.

* * *

Воспоминания теряют очертания,
Картинки в памяти теряют имена,
Так постепенно забываются желания,
Так незаметно воздвигается стена.
За ней пространство заполняют привидения —
Тела без образов, без запахов, без слов...
За пробуждением приходит отчуждение,
За отчуждёньем — разделение миров.

Золотая Бухта

Песок, тела, подстилку, воздух —
Мы всё делили на двоих.
Мир так огромен был, что звёзды
Казались больше глаз моих!
Так было странно и просторно,
Как будто струны двух гитар
Звучали враз;
И в море Чёрном
Одна волна носила нас.

Меж берегом и горизонтом
Мы разливались под луной
Светящимся Эвксинским Понтом,
Солёной влажной пеленой.

Между приливом и отливом,
Между отливом и приливом,
И между мною и тобой,
Размеренным речитативом
На нас накатывал прибой
На пляже в ласковой Колхиде
Нежнейшим золотым руном...

Потом мы ели чёрных мидий
И запивали их вином.

* * *

Куда плыву? Оракулы безмолвны...
Туман. Не видно дальше собственной руки;
А мир — как чёлн, его качают волны
И пустяки —
Волнуют понапрасну,
Лишают сна, смущают ночи напролёт,
И та одна, что в сумраке неясном
Со мной плывёт...
Слепая вязь событий и течений,
Мир — водоём,
Круговорот случайных превращений
И мы вдвоём.

* * *

я долго плыл; на запад и на юг, —
по параллели, вдоль меридиана...
скрипела мачта, киля острый плуг
тутую вспахивал поверхность океана;

сочила свет полупрозрачная луна
сквозь абажур из тонкой рисовой бумаги,
и, с мерным плеском, ударялась в борт волна, —
как кальвадос на дне походной фляги...
я долго плыл...

* * *

Ты переполнен странными словами.
Они теснят и давят изнутри,
Они в мозгу катаются шарами,
И пузырями булькают в крови.

И рот пытается их вытолкнуть наружу,
Но не даёт неповоротливый язык...
Слова, просачиваясь в пальцы неуклюже,
Сквозь них стекают на бумагу, как родник...

И там, распятые на сетке ударений
Стиха, стремящегося форму обрести,
Превозмогают вязких рифм сопротивление,
Напор и скорость набирая по пути...

И вот ты вырвался, и вышел из разметки;
Тебя пьянит свободы торжество!
Ты, оболочкой каждой нервной клетки,
Со всей вселенной чувствуешь родство.

И колдовство, без тени шарлатанства,
Тебя несёт на огненной метле,
И, в порошок растёртое, пространство
Горящей пылью оседает в колее...

Алёна ЕМЕЛИНА

Итоги

Холодные пальцы тумана
соскользнули с холмов
Городок безымянный,
мокрые лица домов
Рассуждение бездорожное
Жёсткие подбородки
негостеприимных порогов
Ничего нет более сложного,
чем подводить итоги
неопределённого

Кругом всё плоско

Кругом всё плоско, как доска
и сложно, как шахматы

Глаза световыми шахтами
с неба вниз видят всех
И каждого
Ветер взмахами у виска

Один посреди пейзажа,
несущий крест
Вдали вращается мельница

Отчуждённые речи, лица
сострадательно-прагматичные
Движения губ
под безжизненным взглядом

Изменить мир к лучшему,
независимо от желания мира?..

Один посреди социума
Рядом те, кому трудно,
те, ради которых

Но — их руки, поражённые
артритом стяжания
И щеки, пропитанные
краской смущения...

(Есть желание спрятаться,
находясь на виду
— Стараясь для вида,
встретимся ли в аду? —)

О, не для всех сияющий остров,
Сад золотой за пологом
космоса

Опереться ли
на закон первозданный?
Корни каменные
утёсов
пьют из огненной магмы

Слабое вполнакала сияние
небо не белое —
цвета слоновой кости
Обмен весёлыми
поцелуями
Оттолкнулись
И полетели

Особенная улыбка
у тех, кто нас любит

Ускользнувшее от внимания

Образ ложного спокойствия
поколеблен и сломлен
Ускользнувшее от внимания
ни угадать — ни вспомнить

Пейзаж убийственно горизонтален
По щебню хрустя подошвами,
проводжали на взлётном поле,
влажно-холодным туманом залитом

Пропустили жест невольный, спрятанный
среди скомканного — в кармане
Он был самый последний, значимый
Властительно-послеловный

Уязвимость

Ладонь, прижатая к груди,
соединилась
с усталым, бьющимся тревожно
сердцем

Возвышенная уязвимость
лишённого способности
к презрению —
Святого, малого дитя и зверя

О сверчках

Всяк сверчок покинул свой шесток,
кончилось прежнее время
Для нового племени новое бремя,
нового доброго с ноготок,
не тем плодоносит система

Сказка ложь, да в ней намёк
на курок и хлопок, некролог
А пока на роток платок,
или пару строк, пинок, лагерёк,
или бег без дорог, и в груди кипят

Ну, как управлять сверчками,
старичками, певцами, учениками,
инспекторами, профессорами?
Пугливыми, свободолюбивыми
созидательно и справедливо?

Голос и слово

Отталкивая мысли,
оставшиеся от бессонницы,
выключить пение птиц
из пробуждающего айфона
Вступить в день, выйти на связь,
подключиться к ватсапу,
телеграму, скайпу
Надеть наушники — и начать
слушать, слушать, слушать...

Из тёмной бездны колодца
восходит верное солнце

* * *

Согласно царю Давиду,
все люди — лжецы
С ним трудно не согласиться
В условиях геноцида
убедительно лгать себе
не получится, не простится
Когда мы близки к отчаянию —
умолкаем — и ждём знамения

* * *

О вы, стрельцы-молодцы
Увы, матери, их сыны мертвецы...
Часто не за что зацепиться
Кричат слепцы, молчат беглецы

Дегуманизаци-я, вы, они
посреди брехни, грызни, болтовни
Если в сердце мир не хранить,
«времени не хватит помириться»

* * *

Нанизывая буквы на голос,
вычитаю из пустоты атомы
В неизвестности слова исчезают,
между мудростью и безумием
голос летает в пространствах

Сопоставляя означающее
и означаемое,
словом и криком гнева, печали,
внимая часами
в пространства судеб просачиваясь
сквозь вечернее и утреннее
чередование
света и теней на стёклах,
ни с кем не встречаясь
в четырёх стенах

* * *

Оттенки голоса исцеляют,
выходя за границы смыслов
Слова проигрывают
Не их вы запомните, но
мой голос

Ариэла Марина МЕЛАМЕД

* * *

Ангелы уходят в синее небо,
Им не надо соли, воды и хлеба,
Ангелы уходят, дети и взрослые,
Налегке, без ничего, голые-босые.

В небо, в открытое небо просто,
Разного размера, любого роста,
В летнее солнце, весенний полдень,
Ночью, когда рассвет ещё холоден.

Пока тут разбиваются взрывы-танки,
Пока ещё взорвутся вранья обманки, —
Ангелы уходят в небесную рощу,
Там за Украину молиться проще.

За белый свет, за детские бантики,
За любовь и жизнь... Пусть поют романтики,
Чтобы НАШ эсминец шёл нужным галсом...
Чтобы человеку человек улыбался...

* * *

это связь это смесь не таясь ты продлишь
а сейчас или здесь взвесь
только слёзы и смех лишь бы ветер не стих
среди вёсен и лет тех

не вопрос не ответ за плечом тридцать лет
раскололся паркет бед
только слёзы и смех, лишь бы ветер не стих
нарисуем ещё штрих
догорают века через гул площадей
по дороге огня прогоняли взащей
из какого песка неразменные дни
намололась мука отмолились огни
от сгоревшего пня до последнего дня
путь один путь один вверх
только слёзы и смех лишь бы ветер не стих
чтобы свет чтобы свет не померк

* * *

Наше время — тревогу трубить трубачу, —
Догорают метеориты...
И не каждому эта труба по плечу,
Но ворота, смотри, открыты...

Время вышло. Пускай. Ничего. Как-нибудь.
«Всё проходит», — мотив чеканный...
Ты останься в живых, а меня позабуди.
Мой любимый, родной, желанный.

Океаны беснуются, — жди перемен, —
Разлетаемся, как песчинки,
И подходят поближе, покоя взамен —
Времена грозовой начинки.

Время вышло. Пускай. Ничего. Как-нибудь.
«Всё проходит», — мотив чеканный...
Ты останься в живых, а меня позабуди.
Мой любимый, родной, желанный.

* * *

В твоём саду зелёный грот...
Эдуард Багрицкий

И миндаль цветёт, и миндаль. И дорога стремится вдаль.
Только застит там пелена, жизнь выплёскивает до дна.
День за днём полыхает дом, ночь за ночью грохочет гром,
Что за чёрные пироги, тьма раскручивает круги...

В круге первом — пропавший друг, для спасенья не хватит рук...
А в десятом метёт метель, мир укроет от сих досель...
Где созвездие Невермор, как мы жили до этих пор...
На восток потерялся след и востока в помине нет...

— Просыпайся, — кричит апрель, защищай Аполлона грот!
Флейты светлая канитель и миндаль, посмотри, цветёт...
Защищай Аполлона грот. Проходи все печали вброд.
Рассыпает весенний хмель флейты светлая канитель.

* * *

люди видят своё люди слышат своё говорят своё
ты лишь зеркало ты отражатель такой чужих зеркал
ну а где сулико ты ещё мне скажи что её искал
а в итоге нашёл а в итоге нашёл посмотри зверьё
не ходи по утрам не ищи никого где там среди скал
понедельник устал, четверги не поют только голоса
прикупи колбасы закусить чем послал грамм сто пятьдесят
голос твой зазвучит прямо тут за окном та ты шо ля скал

сколько нужно ещё отстоять караул отсидеть тризн
кто вернётся куда кто напомнит потом про твою стать
кто когда что почём тёртым калачом не мани плетъ
сколько раз по ночам разбивается ночь о твою жизнь
люди видят не видят и слышат не слышат поют своё
не молчи не пытайся увидеть понять говори как есть
что ли солнце в зените а небо закрыто да всё ну жечь
улетай улетай улетай улетай улетай вороньё

люди видят своё люди слышат своё говорят враньё
ты лишь зеркало ты отражатель такой чужих зеркал
ну а где сулико ты ещё мне скажи что её искал
а в итоге нашёл а в итоге нашёл её ё моё

* * *

Когда умирают люди, дома, деревья,
И кончилась трын-трава, и пришло кочевье,
Волна начинается, слушай, приходит время.
И что-то звенит высоко, — ну прямо в темя...
Пускай вырастает сад по всему закату,
Пускай набегут цвета, начинай когда-то...
Фантом не ушёл, но светит фата-моргана,
О чём пробежали жизнь, кто сказал: «Монтана»...

Какие слова, какие звенели рощи,
Ну ладно, мираж в пустыне, наверно, в общем...
О чём и зачем, и только глядеть бы в небо,
А там синеву увидеть бы только мне бы...
Пусть чёрное станет синим, и вдруг, зелёным,
Пускай вырастают груши на чернозёме,
Потом сочинить сначала, зачем живёшь ты...
Забуть что куда попало и гладить кошку.

* * *

Приходят другие пути, даже плюшки и плошки,
И новая жизнь открывает себя понемножку.
Казалось бы, мир раскачается на ложноножке,
А он — ничего, продолжает себе зеленеть...
А мир, невзирая на тьму, мутоту и кошмары,
Тихонько, смотри, продолжает свои тары-бары,
Хоть Карл ненормальный всё тырит кораллы у Клары,
Но Клара свистит на кларнете и вертится твердь!

На кухне — ты чувствуешь? Точно, готовы галушки,
И ждёт молочка у плиты охреневшая кошка...
И даже лукошко забыло вчерашнюю ложку,
Готовься к надежде, теплу, пирогам, небесам...
Начнётся весна, чтобы мир продолжался бы трёпом,
К весне мы управимся, тьма убегает галопом,
Кошмар предрассветный, но звёзды летят автостопом!
Нам хватит любви и рассвета по новым часам...

Инна РОГАЧЕВСКАЯ

* * *

Собрали баранов, приказали — вперёд.
Баран есть баран, и попёрли всем стадом.
Им травы не хватило в пространстве своём.
Громко бляя, пришли в Украину, что рядом.
На просторных полях, несмотря на снега,
Несмотря на морозы, пасутся бараны.
Жрать им нечего, холод стегает бока,
А погонщик их гонит, орёт, что он главный.
Да к баранам волков приобщил. Охранять.
Вот бараны и прут, скаля морды, по-волчьи.
По природе своей — волк барану не зять.
Но нельзя забывать: на волков есть и ловчий.
Волчьи пасти в крови, а от стада ошмётки.
На полях Украины шкуры, кости да холки.
Вновь погонщик о ловчих забыл, им в подмётки
Не годятся ни стадо баранов, ни волки.

* * *

Говорят, боль пройдёт, дышать станет легче.
Говорят это те, кто не знает о боли.
Не проходит она, лишь крепче и крепче
Сжимаем в кулак душу, сердце, ладони.
Засыпая на миг, просыпаясь с рассветом,
Просыпается боль раной рваной, кровавой.

В лицо бьёт колючим, сорвавшимся ветром,
 Лавиной несётся, смертельною лавой.
 Говорят, боль пройдёт. Время — лекарь, бесспорно
 Зарубцуются раны, память остынет.
 Но ком изнутри вновь на части рвёт горло
 При мысли о мёртвой жене и сыне.
 Любимых, родных, невозвратности прошлого.
 Говорят, боль пройдёт. Не верю, не верю.
 Боль в полях, колосках пшеницы нескошенной,
 На руинах домов, за разбитою дверью.
 Боль скупую слезой ...по щекам, по щеке.
 Сколько слёз уж пролито, высохли слёзы.
 С обгоревшего фото на разбитой стене
 Чья-то дочь улыбается, нюхая розы...
 Говорят, боль пройдёт, дышать станет легче.
 Говорят это те, кто не знает о боли.
 Не проходит она, лишь крепче и крепче,
 До крови сжимаем в кулак ладони.

* * *

Мы теряем друзей. Понимания нет и не будет.
 Назвать чёрное белым и ложью кичиться во всём.
 Быть рабом по согласию, бить башкой в тротуар, словно в бубен,
 И гордиться российской душой, находясь за «бортом».
 За собой тащат в ад по российскому бездорожью...
 Мы не только теряем друзей, мы теряем их души.
 Жаль мне вас, утонувших во мраке, погасивших в себе искру Божью,
 Эх, россея, что ты за страна, что всё рушит.
 Ложь сожрала мозги, черепа, обожрав, оголила
 Миллионам, в страхе живущим под путинской плетью.
 Им годами внушали величие, российской державы насилия,
 По трупам идущей к историческому «бессмертию».

Нет дороги назад, мышеловка сработала чётко.
Сегодня вы жертвы — ненависть, санкции, прочее.
Погубила вас ложь и правительство, заключив за колючей решёткой...
Ну, а с будущим что? Многоточия в ряд, многоточия.

* * *

Что оставит война? Разруху, жертвы, ненависть.
Что посеяно ныне? Не колосья золотые, а смерть.
Породила сиротство и вдов, и добавила в летопись
Для потомков, живущих и будущих, ярости смерч.
И напишет рука, не дрожа, в развороте истории:
Где вы были, ребята, когда обезумевший вождь,
Вас послал убивать, пребывая в душевной агонии?
А вы гордо ответите — свой исполняли мы долг.
И подавитесь словом, народом украинским прокляты.
И подавитесь костью из лжи, заглоченной молча.
И надеясь, что кем-то поддержаны будете, поняты,
И сойдёт вам всё с рук, и с души сатанинская порча.
Ваши потомки, стыдясь, разводя руки в стороны,
Будут вас ненавидеть, в душе поносить, проклиная,
Если будут потомки у вас ...или сложите головы
На полях Украины, собой чернозём удобряя.
Ваши русские матери скажут, что были вы молоды.
Скажут, русский украинцу есть и останется братом.
На трезубец украинский будут нанизаны головы
Тех, кто предал родню, став для братьев безжалостным катом.

* * *

Господи, услышь истерзанные болью души, разорванные в клочья...
Услышь их крик до хрипоты, удушья. Поникшие колосья.
Нет всходов от сухих, бесплодных зёрен, упавших в землю.
Сожжённый мир, усеян пеплом, чёрен... покрылся твердью.

Разрушен дом и мир войной расколот. Вопящий мрак.
 Руин тяжёлый взгляд, опустошённость, морок. Истошный вой собак.
 Клыками боль порвала прошлое на части. Кровавые борозды.
 Призраки душ, где человек был счастлив. Погашенные звёзды.
 Пусть всех виновных, потерявших разум, настигнет наказание,
 Кто, наслаждаясь злом, не ощутил ни разу капли сострадания.
 Вы называли нас своими «братьями». Обугленное прошлое.
 Мы в битве встретимся, раскрыв «объятия» гостям непрошеным.
 Господи, воздай им то, что сеяно бездушием. Вселенское возмездие.
 Чтобы раскаялись в грехах умы заблудшие, идущие по лезвию.

* * *

Земля уходит из-под ног. Куда, зачем?
 Горит раскачиваясь, расщепляясь тлеет.
 Весь мир вот-вот сорвётся с параллелей.
 В кровавой бездне жизнь захлопнет дверь,
 А человечество спастись успеет?..
 Земля дрожит, кружит, виток, витки.
 Раскрыла пасть смертельная петля.
 В ней гибнут первыми младенцы, старики
 За чьи-то промыслы, безумства и грехи
 Всех нелюдей, стоящих у руля.
 Остановите землю. Дайте им сойти.
 Пусть с дьяволом уйдёт безумство смерти.
 Тяжёлый кары крест придётся всем нести.
 Вопрос взрывает мозг: а были ль мы «свои»,
 Все те, кто в мясорубке круговерти.

* * *

Вновь за окном плачет вьюга и ночь холодна.
Ветер крылат и свободен, как птица в полёте.
Он на севере, западе, юге, в закате, восходе.
Вот и я, словно ветер: такие, братишка, дела.
Кочующий странник, сегодня он здесь, завтра там.
Но порой ему хочется тихо прилечь у камина.
Стать не северным, южным, к огню подобраться игриво.
Только двери домов на замках, нет приюта ветрам.
Я свободен как ветер. Не радует жребий судьбы.
От разлук коченею, одиночества и недоверия.
Вою волком в ночи, веря в разные там суеверия.
И плачу по счетам за ошибки, бывшие мечты.
Правит миром безумная, зимняя ночь. Холода.
Что же ветру не выть у порога за замкнутой дверью.
Говоришь: «Друг, зима. Отогреемся позже», — не верю.
Хотя хочется верить: такие, братишка, дела.

Сергей ЯРОВОЙ

— ИЗ ЧЕТВЁРТОЙ КНИГИ СТИХОВ —

1

Март. А дождик осенний...
Замшелые небритые скалы.
Ты помнишь? Молодость...

2

Воистину вчерашний дождь назвал осенним.
Хрустят ледышки под ногой
Морозным утром.

3

Два тридцать ночи, Эквадор, апрель.
Размеренный собачий лай
Издаലെка похож на голоса
Гусей, что возвращаются домой.

4

Когда-то я любил тебя безумно.
Промчались годы.
Я люблю тебя ещё сильнее.

5

Вот дерево. Дугой оно согнулось,
Ворота в Рай образовав при входе в парке.
Ему не меньше лет, чем мне,
Примерно столько ж.
Однако же, судьба его завидна:
Вратами в рай я никогда не стану.

6

Моя любимая, как долго мы идём
Лесами дикими, пустынями, чужбиной.
Годами мы с тобой идём друг к другу,
К той Пустоте, что всё объединяет.

7

Наш камушек, где мы с тобой сидели,
Сегодня ждал нас, и река шептала,
Но нет тебя со мной сегодня рядом.

8

Перелетел дорогу мотылёк,
Так низко пролетел,
Будто дорогу
Мне перешёл.
Счастливая примета!

9

Моя река. На камушке сию я
И созерцаю зеркало Вселенной.
Текут мгновенья, а Вселенная — всё та же,
Хоть в каждый миг она — совсем другая.

10

Рассказывает тихо мне река
О бабочке, что с нею по соседству
Позавтракать присела на цветок...
Вот если б это оценили люди!
Наверное, их жизнь была б светлее.

11

Полгода не был я самым собою.
Сегодня жизнь ко мне опять вернулась.
Пишу стихи, и не могу остановиться.

12

Стволы поваленных деревьев
Плывут средь бархатистых волн
К последнему берегу.
Зелёное море — папоротники.
Ветер. Волны.

13

Впервые в этом году
Поют цикады.
Начало позднего лета.

14

Жёлтые листья утуна
Все плотнее каждое утро
Покрывают дорожку в парке.
Начало позднего лета.

15

Серая цапля
Изваяньем застыла,
Медитирует.
Цап, цап, цап!
Ловит лягушек.

16

Десять тысяч лет
Пусть длится
Этого парка век,
Пока камешек не станет скалой,
Мхом не обрастёт седым.

17

Жёлтые цветы!
Спасибо за напоминание.
Такого же цвета
Эндемики моих
Галапагосов.

18

Забывтые лодки
На берегу озера.
Мирно пасутся олени.
Солнце. Утро.

19

Опять цикады!
Звон в ушах!
Какая радость!

20

Долго молча любовался
Цикадой.
Рассердилась,
Затрещала и улетела.

21

Жёлудь, ещё жёлудь!
Ого, да тут целая деревня
Домиков для червячков!

22

Любуясь сакуры цветеньем в сентябре,
Забыл, что это — лишь рисунок
На оконных занавесках.

23

Урожай винограда на славу!
Давлю вино.
Опять пить одному!

24

Ранним утром
Любуюсь облаками.
Проплывает седой осётр.
А вон там — носорог!
Всем есть место
В синей луже неба!

25

Тихо плывут по реке
Жёлтые, красные листья.
Покой осени.
А как бурлила эта река
Весной, в юности!

26

Гуляя в парке сегодня,
Был потрясён:
По дороге туда на тропе —
Жёлтые, зелёные, красные
Весёлые листья,
По дороге домой —
Бурые, ржавые!

27

Отпечатки кленовых листьев
Остались на светлом бетоне.
Даже дождь их не смывает...
Фотографии
Прежних жизней.

28

В мокром зеркале лужи —
Пейзаж Мастера.
Осень.

Павел ДЕМИДОВ

* * *

Чай зелёный на губах
Молоко варенье в ложке
Автор путаясь в словах
Водит пальцем по обложке

Кипятится кипяток
Пары кружатся над кружкой
Автор делает глоток
Набивает рот ватрушкой

Мажет масло и кладёт
К точке приколов параграф
И поев кормить идёт
Птиц угрюмых белок наглых.

* * *

Пока я рос на мойдодыре
В садах рабочих и крестьян
Пейзаж с кобылой посредине
В сознание закрывал изъян

Когда кобыла убежала
Мы все увидели дыру
И долго-долго мысль дрожала
Позвякивая на ветру.

* * *

Все против но никто не прав
И только Гугл знает.
Как дети головы задрал
Стоим среди домов и трав
И ночь нас укрывает.

Налево? Это самолёт.
Направо? Телебашня.
Под ней сигнал запретный плод.
Кто правду говорит кто врёт?
Нам не понять. Неважно.

Смотри звезда как точка А
Откуда поезд света
Спешит до станции зрачка
Сорвавшись с дальнего крючка
Летит и вдруг — планета.

Летит и вдруг как будто сбой
В системе подогрева.
Кто вызвал ангела с трубой?
Звезда глядит на нас с тобой
А мы Адам и Ева.

* * *

Стоят деревья бор не бор
Ветвей сплетенье лес не лес
Как измерительный прибор
В дупло сосны зверёк залез

Из точки «а» идёт турист
А эта точка — муравей
И воздух здесь как в кране чист
Здесь воздух голубых кровей

А вот и буквы на стволе
Я знал когда-то их прочтут
На языке знакомом мне
Адам и Ева были тут

За ними бог ходил и тот
Кого не станем называть
А вот остатки тех ворот
Подсвечник ржавая кровать

Под стулом пешка и ладья
Кроссворд коннекшн DSL
И даже вспоминаю я
Где этот натюрморт висел

Тут видно заматали след
Сжигали что-то второпях
Здесь пробежал велосипед
Здесь шарф запутался в ветвях

А дальше если по тропе
Идти то там другой маршрут
Адам и Ева там в толпе
Таких как я и ты живут

* * *

Ветер. Волнуется морепродукт
Щупальца нервно кусая.
Завтра за морепродуктом придут
Два рыбака-полицая.

Завтра ведите меня к палачу
Работающему под видом
Бродяги-курортника. Я промолчу.
Ни моря ни солнца не выдам!

* * *

Ночью ветер чем-то стучал,
Бряцал, клацал, выл и мёл.
Утром кофе пахнет луком,
Есть предметы, нет имён.

Ходит женщина по дому
С незнакомым декольте.
Всё не так, всё по-другому.
Жест не тот, слова не те.

Не моя в углу собака
Ест рагу, как Пьер Ришар.
Ну и ветер был, однако, —
Всё вокруг перемешал.

* * *

Кран открою, воздух в кране «Ша-а-а».
Снова почешу сухое тельце.
Грустно мне, но радуется вша
И микроб на два микроба делится.

Похожу по кухне неспеша,
Словно в ритме медленного танца.
Спи спокойно, чистая душа,
Пленница немытого пространства.

* * *

В центральном парке жёлтый лист
Кружится создавая путаницу
Там после матча футболист
Поссав застёгивает пуговицу

Там у собаки выходной
А птица ходит в оперениях
Там дело всё в тебе одной.
В твоих неврозах. Не в растениях.

Food wrap

Бессмертный Чингачгук, завёрнутый в Майн Рида,
Сидит на лошади, завёрнутой в табак,
А по воде идут два инвалида,
Один за веру а другой в кабак.

И парусник пельменем одиноким
Белеет то в бульоне, а то без
Что бы ещё добавить к этим строкам?
Другую рифму, свежий майонез?

Ты пишешь повесть о хороших людях
Где плачет под субтитры Будулай
И маленькое счастье в женских грудях
Вскипает, убегая через край

А я как Шолохов завёрнутый в Живаго
Размазываю слёзы по стеклу
И жарится цыплёнок из Тобаго
А Че из Тринидада мстит врагу.

Прижми меня к невидимой тарелке
И обнаружив меж лопаток брешь
На два белка добавь четыре стрелки
Жуй хорошо, прочитанное съешь.

* * *

Мир переломан, а ты в нём цветок.
Стоишь в лепестках красоты чучело.
А всему вокруг подведён итог,
А всему уже эта жизнь наскучила.

Вселенная? что это за закуток?
Дни уходят, мечты не сбываются.
А ты улыбаешься — ты же цветок.
Цветы всегда улыбаются.

Галина ЗЕЛЕВИНСКАЯ

* * *

Здесь август на излёте, но жара
Вновь полыхает с раннего утра,
Лишь по ночам божественна прохлада;
И гладь и тишь, а там идёт война,
В окно глядишь — привычная страна,
Но ясно — всё совсем не так, как надо.

Зачах подарок — красная герань,
А кто-то перешёл уже за грань
Или сейчас дорогу переходит.
Сирена, кровь, и рушатся дома,
Родимый кров — не крепость, а тюрьма,
И лишь Харон из этой тьмы выводит.

Есть истины, затёртые до дыр,
Отчаянье — не лучший поводырь,
Но от меня зависит слишком мало,
Благодарю за добрые дела —
Что тётя до войны не дожила
И ничего не понимает мама.

26 августа 2022

Отмена

Ветерок подул и стих,
И о нём тот час забыли.
Вспомнят ли прекрасный стих? Или...

Неспроста висит ружьё
На убого-голой сцене,
Там где новое жульё
Рассуждает об отмене

Всех понятий основных. Снова
Виновато без вины Слово,
Оправданий ему нет —
Пусть поплатится Поэт!

И костры из книг горят. Пламя!
И уже не говорят с нами
Он, она, они — не мы. Нёмы!
Остаются нам одни мемы.

Больше некого винить. Сами
Убиваем мы свою память.
А без памяти я — кто? Нолик,
Что легко сметёт с пути кролик.

И провалится в нору время,
И мы сядем за игру с теми,
Кто не люди, кто давно — тени.

Сойки

Песни злости и печали
Сойки синие кричали,
Восседая на заборе,
Растопыривши крыла.
Я смотрела из окошка,
Как ползёт к забору кошка;
Ей бы скорости немножко,
И трофей она б взяла.

Сойки — странные создания,
Вам бы каплю пониманья,
Что родные вы друг другу,
Но пока дерётесь тут
И обидное орёте,
Во вниманье не берёте,
Что ваш злейший враг — в полёте.
Долетит, и вас сожрут.

Во дворе моей соседки
Из гнезда на крепкой ветке.
Сойка-мать и сойки-детки
Наблюдают бой отца.
Дети тянут клювы к небу,
Хоть малыш в полёте не был,
Он рождён для этой сини
Без начала и конца.

Кто летать его научит,
Не бояться грозной тучи,
Чтоб птенца предназначенье
Лучшим образом сбылось?

Что оставите в наследство,
Если видит он всё детство,
Если слышит он всё детство
Только ненависть и злость?

* * *

Как вам можется, синьора,
В этот високосный год —
Время вирусного мора,
Непредвиденных невзгод,

Время чёрных демонстраций
И погромов (как без них?),
Время массовых фрустраций
Нас оставило одних

Без надежды на защиту,
Без возможности кричать,
Неужели карта бита,
На устах лежит печать?

Банда подлых крысоловов
В никуда ведёт детей,
Разрушаются основы
Для позорнейших затей;

Кукловоды нитки тянут —
Пляшет кукольный народ,
В облаках самообмана
Видит жизнь наоборот.

20 июня 2020

* * *

Обломки дружбы — корабли —
В туманном море одиноки;
Без связи, от земли вдали,
Не отыскать назад дороги;

Морская соль разъест бока,
Воспоминания задушат
И, кажется, пройдут века,
Пока их выбросит на сушу;

То накрывает с головой,
То, отступая, плещет жалость.
Ах, что мы сделали с тобой,
Ты без любви моей осталась.

2 сентября 2022

* * *

Так долго стою, что устала стоять,
И шепчет мне голос: ты сдвинься на пядь,
Ведь пропасть бездонна...
Но будто в ступни мне налили свинца.
Я знаю, что буду стоять до конца, —
Без жалоб и стона.

Без жалоб и стона, как столб соляной.
О, Господи, что же случилось со мной!
Здесь осень — волшебна...
И жёлтые листья, как птицы летят,
И светел с добром расстающийся сад, —
В нём всё совершенно.

В нём всё совершенно, но там, за чертой,
Быть может, увижу я сон золотой,
Иные пределы...
Тебя, моя радость, увижу я там...
Гадать, — что ещё уготовано нам? —
Какое мне дело...

21 февраля 2009

* * *

Когда-нибудь я перейду рубеж,
Что только притворялся непролазным,
И всё что было чёрным, белым, красным,
Сведётся постепенно к цвету беж.

Когда-нибудь я выплачу печаль,
Которую, как куколку, качала,
Ведь если часто начинать сначала,
То с каждым разом меньше будет жаль

Той тени, что плетётся по пятам,
На волю до конца не отпуская,
Но только знаю, что пока живая,
Её я добровольно не отдам.

А скажешь, что пора в далёкий край,
Тогда на пару с тенью забирай!

8 декабря 2009

* * *

Пока меня сюда не привезли,
Знакомлюсь я с соседями твоими...
Как мало надо каждому земли —
Табличка — дата, прочерк, дата, имя

И несколько простых коротких слов
В первоначально-истинном значенье,
В себя вобравших горе и любовь,
И нежность, и молитву о спасенье...

За каждым словом — свой особый груз,
Несущий тьму или потоки света.
Разгадывать их тайны не берусь,
Читаю их, но вижу только этот

Короткий прочерк. Он вместил стократ
Всё то, о чём слова не говорят.

28 мая 2009

Валентин ЕМЕЛИН

Чаган. Ядерный приквел

Всем жертвам военного и мирного атома

1

Мне исполнилось шесть. Но это — в далёком прошлом.
Ведь мне уже шесть с половиной!
Немало прожил.
Пока что — безопасно.
(Потом я немало вагонов
сменил на жизненных перегонах.
И уже — пятьдесятшесть с половиной...)
Такая картинка:
Время действия: пятый год Космической Эры.
Место действия: станция Половинка.
Это значит — ещё половина пути до Конечной.
До Точки.
До Полигона.

2

Половинка — посёлок Чаган атомных пионеров,
заброшенных в степи казахского Марса «всерьёз и надолго»,
построен с размахом — есть новая школа и Дом офицеров,
в гарнизонном продмаге
есть белая булка и сливочные тянучки,
и только намёком о вечном гулаге
почти незаметная глазу «колючка»,
и только наплывом во сне невозможная Волга.

3

Чаган — это
та же полынь, или чернобыль.
Ещё не написан ядерный Апока́липсис,
это — всего лишь приквел,
и мы ещё не покаялись,
мы ещё не задумались даже.
Это — белый огонь,
это — чёрная пыль,
это — чревная боль,
это — чёртова быль,
это — белая соль,
покрытая атомной сажей.
Не смыть её и семи Пилатам.
Добро пожаловать на Полигон.
Адрес: Семипалатинск.

4

Степьдастепь, изъеденная суховеєм.
Саксаулы — пустынные лаокооны — от жары осовели,
и бьют откровенно на жалость,
высасывая стронций.
Скелетики перекати-поля
летучих ежат
в пыльном мареве робко
дрожат,
прибившись к бетонным коробкам,
как призраки, населявшие инопланетный пейзаж
из Марсианских Хроник.

5

Промельк:
над городком двое «небесных братьев»
знай накручивают спирали
под куполом звёздного цирка
простым и высоким —
вертят мёртвые петли, как два мотоцикла
на космическом ралли.
Их позывные: «беркут» и «сокол».

6

Я знаю секретную тайну:
в степи, за чертой городка, птенец похоронен.
Его клюв упирается в иллюминатор
из часового стекла,
матовый глаз отшлифован песком.
Он смотрит из вечности в микроскоп,
ископаемый беркут, а может быть — сокол.
Вероятно, через много веков
исследователи цивилизации,
изучив её по осколкам,
обнаружат этот «секретик»,
когда бури шершавые пальцы
покрывало стряхнут полынное
песчаного савана смерти,
чтобы оплакать невинного
брата меньшого, как Антигона.
Сукой бездомной тычась,
оплачет она —
сколько тех братьев?
Сорок ли тысяч?
Спросите
у Полигона.

7

Я знаю ещё кое-что. Родители,
 сидя на кухне, хлюпко хрустя арбузом,
 (арбузы в этом году восхитительны — ешь «от пуза»!
 хоть и приказано их запахать — возмутительно!)
 вчера говорили: волков обнаружили в балках...
 С нашей лестницы — вход на чердак,
 там сушат бельё, и прячется страх. Это ж как
 они попадают на эти балки?!
 То-то слышится — жалко
 (хотя и зловеще) воют на чердаке по ночам...
 Только сунутся — буду гостей незваных встречать
 из водяных пистолетов ис-пе-пе-ля-ю-щим залпом.

8

Сержант, словно женщину, гладит свой мотороллер.
 Ветровое стекло покрыто матом колючих песчинок,
 проникающих в каждую потную складку,
 но, как сахар, не тающих,
 а противно скрипящих толчёным стеклом на зубах.
 Не сладко
 солдатам из отделения дозиметрического контроля
 в защитном х/б и пучеглазых противогазах,
 с открученной на полрезьбы фильтра коробкой,
 чтобы легче дышалось — ведь жарыща здесь та ещё —
 лёгкими на помине вдыхая невидимую заразу,
 неслышным призраком проникающую
 под плащ-палатку,
 под кожу, и в кости, и в лимфу, и в сперму,
 и в господу душу мать,
 но, наверно,
 мёртворождённому — сраму
 в миру не имать.

9

Ту-16, беременный «специзделием»,
 под недрёманным оком
 зенитно-ракетного дивизиона
 (вдруг у лётчика крышу снесёт,
 и вместо цели он
 положит «изделие» за окоём, ибо нет
 кошмара страшнее, как любит майор
 капитану ГБ поведать под водку)
 выплывает на стрежень реки из бетона,
 и саранчой многотонной
 взлетает: «Ребята, скорей сковородку
 подставьте под яйца, когда йибанет».

10

Дядя Боря, седой комендант, проводит ученья
 среди контингента из жён и детей техсостава.
 Такая подстава:
 на горе, согласно инструкций,
 для них не положены бомбоубежища...
 Приказано: в случае взрыва покинуть дома
 без промедленья,
 чтобы травм и увечий от обрушенья
 железобетонных конструкций
 избежать, по возможности, и прибежища
 срочно искать под защитой песчаного берега
 Иртыша (или берега, кому как нравится).
 Не дыша,
 ожидать потрясения
 основ, или землетрясения,
 на ударной волне
 от ударников ядерной гонки
 с Америкой,
 необходимой стране,

чтобы справиться
с этой подлой, империалистической бандой
подонков,
показать ей кузькину мать!
Вот забавно:
если накроет —
так берег покроет,
и саван укроет —
песчаный, прощальный, последнепричальный —
да так, что не надо и похоронной команды.

11

Из репродуктора над пропылённым плацем,
над чахлыми деревцами, над бетонкой аэродромной
слышен чеканный шаг —
это идут пираты
Карибского моря,
сапог подковками клацая
(ах, эти волшебнoзвучающие острова́ Эльдорадо:
Гренада, Ямайка, Антигуа и Барбадос!)
Утомонившийся, дремлет враг,
безусловно, себе на горе,
товарищу Че — на радость.
Это идут «барбúдос» —
варвары чернобородые, пьяные революцией беспробудно,
и немного — кубинским ромом,
сжимая ракеты гаванских сигар сахарными зубами,
и «калашниковы» руками,
мозолистыми от мачете и тростника.
Эти наверняка
знают: победа будет за нами.

12

Но вот репродуктор хрипит: «боевая тревога»!
Пора приспособливаться к делу урок коменданта.
Анданте.
К обрыву! Без паники! (кульминация в приквеле...)
Хотя пробирает страхом. Немного.
Поскольку привыкли
к этим «ярче тысячи солнц» на горизонте.
Под зонтик
ядерный спрячем товарища команданте.
Пока же — будет крепчать паранойя.
Будем в экстазе кричать:
Куба, любовь моя! Да! Да!
Нам неведома география Данте.
Пока что — нужно иное:
перепахивать оспой свою целину,
пропитывать ядерным ядом
почву казахской Невады
на всю глубину,
и взрывать, и взрывать, и взрывать...
На моей памяти взрывов — семьдесят два.
Вот такие дела...
Семь-десять-два, да ещё два,
довеском позже,
на каждый прожитый год в «империи зла».
Мы любим козла
отпущения
за острые ощущения:
взрывать, взрывать, и взрывать...
Взвейся кострами
ядерная зола!
Мы землю просрали.
Нам — наплевать.

13

Как на ученьях, организованно, по завывающему сигналу,
 дети-женщины-старички ручейками из близлежащих домов,
 в которых окна устали стеклить,
 захватив документы и ценные вещи, стеклись
 к месту сбора на берегу. Их немало.
 Небольшая толпа
 офицерскими жёнами, словно овчарками, сбита в детское
 стадо.
 Я тоже в кармане сжимаю ценную вещь — коробок
 с волшебными, красноголовыми спичками,
 на котором советский кулак поражает агрессора в бок.
 Как назло — в уборную надо.
 Приспичило...
 Ну потерпи, дружок.

14

Воздух звонким маревом виснет над головой.
 У воды — хорошо, ветерок доносит прохладу.
 Надо ждать и почему-то не двигаться,
 как в охоте на злую медведицу.
 Нужно терпение — ого-го.
 Ожидание звука и света, словно в начале творения.
 Рядом — соседский мальчик. Кажется, Женя.
 Шёпотом:
 «Спорим на твой коробок,
 что ты сдрейфишь в гляделки —
 ставлю кубинскую марку с Фиделем».
 Это — дело, ведь марка с Фиделем — сокровище несомненное,
 хоть место действия несвоевременное,
 но сила воли во мне — железная,
 закалённая долгим опытом —
 значит будет победа за мной непременно.
 Значит — замётано.

15

Отделение разведчиков-дозиметристов,
переговариваясь беззлобно-матерно,
следит за каждым сержантским движением,
чтоб по команде
выдвинуться на объект.
В зону. К учебным целям — бетонным коробкам
«жилгородка», бронетехнике и манекенам, а также коровам
и свиньям, прикованным к стойлам, безгласным статистам,
жертвенным агнцам для ядерного всесожжения
при одобрении всенародном.
А после замеров — можно по триста,
в порядке дезактивации, в трансформаторной,
под черепом с надписью «не влезай — убьёт».

16

Упёршись зрачками, глядим друг на друга,
у него — облупленный нос, нету переднего зуба,
радужка цвета маренго, не видно белёсых ресниц.
Нельзя отвести
взгляда,
нельзя показать
испуга,
нельзя даже моргнуть,
это — блиц.
Иначе — всё, задача будет провалена, как
пить дать, и не видать,
как ушей, волшебного коробка,
тем более — негашёного команданте,
да-что-же-так-нестерпимо-надо-«по-маленькому»!

17

Команда к бомбометанию. Сброс.
 Разошлись самолёты ножницами.
 Летит «специзделие» — спецпиздец, теперь — разбегайтесь врозь,
 выключайте аппаратуру, уши зажмите, глаза закройте,
 и ложитесь ногами по направлению к взрыву,
 щас на вас испытает атомную мощь любимая Родина...
 ...Вроде бы,
 в верхних слоях атмосферы вспышка должна была быть,
 Ту-16 уходит на запад, люки закрыв.
 Кто же знал, что так сложится...
 А «изделие» всё летит и летит, напоминая летучую рыбу.
 Когда же врежется
 в землю — тогда неминуем наземный ядерный взрыв.

18

Слёзы текут и текут, ничего,
 но ужасней всего,
 что вскоре не только они
 тёплыми струйками скатятся вниз.
 Матч проигран, и противоборство сторон
 может кончиться крахом,
 позором, страхом.
 Что ж, Фидель остаётся на Плайя-Хирон,
 и красные спичечные боеголовки
 из коробки
 с литым кулаком,
 сокрушающим молотком и серпом
 чёрный вражеский В-52,
 переходят к соседу. Едва
 ли это самое страшное...

Немедля отседа!
Бежать, наплевав на запреты, —
выхода нету.
Нет, выхода — нету.
И вот — я несусь, сломя голову, вверх по обрыву,
тишина студенистою массой заполнила уши
в ожидании взрыва.
Слу-у-ушай!

19

Доля секунды вмещает будущего спираль:
лётчиков, круто закладывающих вираж,
бегущих солдат отделения радиационной разведки,
накрытых облаком взрыва случайно —
дозиметры посходили с ума, захлебнувшись от треска
рентген, барабнящих в череп отчаянно.
Неукротимый Фидель
фигу для янки готовит близ Сан-Кристобаль,
«остров свободы» теперь защищён.
(Команданте со штурма казармы Монкада так не рисковал...)
Кеннеди и Хрущёв
играют в гляделки,
каждый руку держит на атомной кнопке,
и уже всё равно,
прошлое было
белó бы, чернó бы —
на мгновенье приоткрылось окно:
позади — Хиросима
впереди — Фукусима
посередине — Чернобыль.

Время секунду плавит.
 Я — наверху, на свободе, весь
 страх изливается сильной струёй,
 бьющей в полынь или — чаган, как её
 называют здесь,
 а за степным горизонтом встаёт
 ослепительно-белое пламя.

Примечания

1. 7 августа 1962 года. СССР, Казахстан, Семипалатинский испытательный полигон. Случай аварийного облучения при испытаниях ядерного оружия. Вместо запланированного воздушного ядерного взрыва произошёл наземный мощностью 9,9 кт. Мобильная группа радиационной разведки из испытателей полигона из-за неправильного манёвра попала в зону интенсивного выпадения радиоактивных осадков и подверглась облучению дозой около 40 рентген. Радиоактивное облако от этого взрыва появилось над городком испытателей. На момент его прохода уровни радиации в городке составляли 0,5–1,0 Р/ч. Оценённые дозы облучения населения при этом могли достигать 1 рентген (Семипалатинский полигон, 1997).

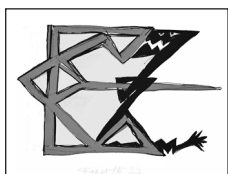
2. С 1949 по 1989 год на Семипалатинском ядерном полигоне было произведено не менее 468 ядерных испытаний, в которых было взорвано не менее 616 ядерных и термоядерных устройств, в том числе: 125 атмосферных (26 наземных, 91 воздушных, 8 высотных); 343 испытательных ядерных взрыва под землёй (из них 215 в штольнях и 128 в скважинах). Были проведены также десятки гидроядерных и гидродинамических испытаний (т.н. «НЦР» — неполные цепные реакции). Суммарная мощность ядерных зарядов, испытанных в период с 1949 по 1963 годы на Семипалатинском полигоне, в 2500 раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. За пределы полигона вышли радиоактивные облака 55 воздушных и наземных взрывов и газовая фракция 169 подземных испытаний. Именно эти 224 взрыва обусловили радиационное загрязнение всей восточной части территории Казахстана.

3. Карибский кризис — острое противостояние между СССР и США, вызванное размещением Советским Союзом ядерных ракет на Кубе в октябре 1962. Он имел исключительно важное психологическое и историческое значение. Человечество впервые в своей истории оказалось на грани самоуничтожения. «Чёрная суббота» 27 октября 1962 — день, когда мир был ближе всего к глобальной ядерной войне.

4. «Сокол» и «Беркут» — позывные участников группового космического полёта («небесных братьев») космонавтов А. Николаева («Восток-3») и П. Поповича («Восток-4»).

5. «Куба — любовь моя» — популярная советская песня о Кубинской революции, была написана композитором Александрой Пахмутовой на слова Николая Добронравова и Сергея Гребенникова, к приезду Фиделя Кастро в город Братск в 1962 году.

6. Наибольшее накопление стронция-90 происходит в растущем организме, причём этот радионуклид, осевший в костях, крайне трудно из него выводится. В то же время, цезий-137 относительно легко удаляется из организма, преимущественно с мочой.



ГОД ПОЭЗИИ 2022

IN MEMORIAM

Алёна ТАЙХ

(1969–2022)

Родилась в Киеве 5 июня 1969 года. Своими поэтическими наставниками считала Риталия Заславского и Юрия Каплана. Окончила Киевский институт культуры (библиотечный факультет). В 1993 г. эмигрировала в Германию. Единственный сборник «Уроки лепки» вышел в 1998 году в Киеве. Её стихи включены в антологии «100 русских поэтов о Киеве» (2001) и «Киев. Русская поэзия. XX век» (2004). Публиковалась в журналах «Крещатик», «Литературный арьергард», «Дикое поле», «Родная речь», «Езупець», «Берлин. Берега», и на многих сайтах в Интернете. Ушла 2 марта 2022 года и похоронена в Гейдельберге (Германия).

* * *

Всё, что надо, зажило до свадьбы,
Что не надо — вылечить не вам.
Варежки мешают... потерять бы!
Да пришиты обе к рукавам.
«Бабушка, а где теперь фашисты?
Бааабушка! Уже домой? Назад?..»
Снег идёт. Он белый и пушистый,
Разве что, чуть-чуть холодноват.
Скверики в дворах сырецких. Тупо
Из окна: «...ремифасоляси».
Чинят трубы здесь — находят трупы.
А другого детства не проси.
В этом дом. И лестничная клетка.
И снежок печёный в кулаке.

И за шкаф заброшена таблетка,
И не сняты пенки в молоке.
В этом всё, что мило-простовато:
След горяч, а стыд бесстыже мал.
Шапкою в рукав (прости — цитата!)
Закупорен в памяти провал.

Ещё Воронеж впереди. 1932

Ещё Воронеж впереди,
Ещё легка, как пух одежда
На теле худеньком. И шаг
Беспечен. И глаза сухи.
А в имени уже звенит
Тоска неплачущих: Надежда!
И большеглазый мальчик-муж
Слагает горькие стихми...

Ах! Можно к Музе ревновать,
А можно к женщине похуже,
Уехать в Царское и там
С Царицей быть накоротке.
Но какво распознавать
Дыханье близящейся стужи
В его глазах, в таком родном
Чуть побелевшем завитке.

Ещё Воронеж далеко,
Блаженны слёзы и упрёки,
И бесприютность хороша,
И беспримерна нищета,
Но близок час, где власть сама
Даёт кровавые уроки,
Его звенящие слова
Кайлом сбивая со щита.

Где те друзья, что плачут вслед?
Как в их домах встречают круто.
В ещё не познанном родстве
Кого удастся убедить.
Как улиц серых кожуру
Не отодрать вовек от грунта,
Не отделиться от судьбы,
Ещё Воронеж впереди...

Праотец

Что ты, поц, мне протягиваешь этот «Архипелаг»?
Неужели ты думаешь, я всё это не знаю и так.
А не выиграли б мы без него войну...
Говорили нам целину — мы на целину.

А ты-то на всём готовом, поц, а раскис и на слом!
Чего там тебе не подтвердили, говоришь, диплом?
Ох, вейзмир, здесь в мисраде с дипломом сидят пять дур.
Убери на... свой гулаг и подай сидур.

И думает бывший врач, его сорокалетний внук:
А ведь ему и впрямь всё пришлось: пулемёт ли, плуг...
Что в тридцать восьмом он вышел, это да — повезло,
А читает-то, чёрт, без очков — нам, врачам, назло.

Что ты мне, красавица, толкуешь, что это плов,
Они его мяли блендером? Пусть у них так не будет зубов!
Ах, идиёты. Ну, давай. Поставь на клеёнку — вот так.
Не Авраам я, а Хам, всем задам за этот бардак.
Да, ты что смущаешься? Ты садись, посиди со мной.
Новости поглядим. Что там делается со страной...

И думает дебелая рыжая медсестра:
Он же двенадцатого года. А я всё твержу, что стара.
Что стара, что жизнь прошла, что не будет любви уже.
Ладно, Ароныч, включу, только микстурку, вот, и драже...

Эти кошачьи мамы, бабки у наших ворот —
Всё: «жив ли этот Ароныч?» — а меня и чёрт не берёт.
Ты им, Рив, так и скажи: жив, мол, грыжей только и мается.
Грыжей мается. И со мной, рыжей, знается!

Он один. Телевизор выключен. Сидур захлопнут в сердцах...

Не умею по-здешнему. И вообще привыкал я к другим словам,
Но ты послушай. Ты-то узнаешь, когда моё дело совсем станет швах,
Сделай так, чтобы я не заметил. Ты же любишь меня. Это я — Авраам.

Агарь

Есть начало всех календарей.
Есть колодец средь песчаных морей.
Ты беги к нему, сыночек, скорей,
Здесь расти и взрослей и старей...
Так, читая человеческий букварь,
Где всё ближе к началам быльё,
Ты внезапно пожалеешь Агарь,
Не ревнивую хозяйку её...
Успевай лишь лунный серп, замечай,
Самый тонкий из всех гнутых лучей...
Ключ в песке, а рядом с ним молочай.
Ночь над ними. Чёрный купол. Ничей...

* * *

Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?
(Быт. 22:12)

Есть огонь и дрова, а барашка ты мне нарисуй,
Или песенку спой мне о нём, нежно трогая струны.
Так ли плачется странникам в семь очищающих струй,
И тихонько смеются в слезах отражённые луны?
Есть огонь и дрова, но барашек так рвётся из пут,
Будто знает, что сказка о нём не для взрослого сердца.
Вот растаял дымок, и не страшен обратный был путь,
Не тернист и не долог в сиянии песчинок и терций.
Вот и дом, лишь спуститься с горы, а барашек уснул,
Жив по воле ребёнка, его усмотрением монаршим...
Никакая не жажда, а плач морщит кожу у скул
Старика. Или взрослого. В общем, того, кто постарше.

* * *

Жизнь прошла, и теперь только Он... — говоришь;
Поднимаешься к ложке, кряхтя...
А вода подступает, темнеет камыш.
В лёгком коробе плачет дитя.
Что моталось на ус, что белило висок,
Что стояло на торном пути —
Закопай это знание в прибрежный песок
И болтать камышу запрети.
Всё зависит теперь от Него: ни упасть,
Ни отжаться, ни снова встать в строй...
Но уходит во тьму та привычная власть,
Чьё ослиное ухо остро...
Не печалься, Мидас, не лютуй, фараон,
В мир приходят другие рабы.
Жизнь прошла, — говоришь, — и теперь только Он...
И камыш у приречной губы.

Василь ДРОБОТ

(1942–2020)

Василий Дробот (1942–2020) родился в Оренбургской области. Его отец был художником, которого перед войной выслали из Киева в Оренбург. В 1944 году семья вернулась в столицу. В 1972 году Василий Дробот окончил Киевский государственный университет (философский факультет), а в 1980 году — спецкурс Киевского политехнического института, а затем аспирантуру. Долгое время работал в Национальной Академии наук Украины в должности учёного секретаря.

С 1980 года вышло около 20 авторских сборников стихов, в 5 сборниках являлся соавтором переводов.

Перевёл на русский язык знаменитые произведения украинских писателей, в том числе поэмы Тараса Шевченко «Кавказ», «Тополь», «Причинная», «Гайдамаки», цикл «В каземате». Лауреат литературной премии имени Николая Ушакова. В 2012 году был награждён медалью за личные достижения в литературном творчестве, значительный вклад в возрождение духовности и культуры украинского народа.

* * *

У самой ночи на пороге,
Уже от берега в отрыв
Сидит гора, босые ноги
В живую воду опустив.

Сидит, как жизнь,
неизгладима,
На берегу реки родной
И — проплывающие мимо —
Считает тучки по одной.

А на плечах —
огромный город,
А возле ног из года в год —
Течёт река, минуя гору,
И вдаль уносит небосвод.

Бежит, то шире, то теснее,
Живая, вещая вода.
Сбегает время вместе с нею
Из ниоткуда в никуда...

Старый дом

И снова: домик на Подоле
Средь луж, блестящих, как слюда.
Не знаю, ностальгия, что ли
Во сне зовёт меня сюда?

Забытый рай. Земля пустая.
Заросший двор, уже ничей,
Где куст сирени отцветает
Над грудой битых кирпичей,

Где летом пух лежит, как вата,
Творя особый, свой уют,
Где те, кем были мы когда-то,
В зелёной памяти живут.

Он каждой веточкой знакомой
Готов свести меня с ума...
Ну как вместишь тоску по дому
В многоэтажные дома?

* * *

Скользят глаза по мокрой улице,
И нездоровится слегка.
С утра над Киевом сутулятся,
Роняя брызги, облака.

И мириады капель маленьких
Творят над осенью разбой,
Присело небо на завалинке
И занимается волшбой:

Покуда все дожди повытекут,
Дымит и мокнет, как в чаду.
Ноябрь теряет в час по листику
И замерзает на ходу.

Патриарх

Горожу огород или город
над самой рекою,
Забиваю дреколье в распахнутый
парящий грунт.
За глухие яры оттесняю
остатки покоя
И с грядущим в веках
начинаю живую игру:

Вот землянка, но люди опишут
здесь княжьи палаты,
в стену тын превратится,
канава провалится в ров.
Ну, а я не снимаю одежды своей
мешковатой:
Пар не ломит кости, всё не страшно,
покуда здоров.

Хвойных веток нарежу
и стены укрою нагие —
Не согрелась весна,
и землянка ещё на юру.
За проросшее семя века
назовут меня Кием
И припишут мне ратников-братьев
и птицу-сестру.

* * *

Не помню села и дома,
А помню сожжённый город.
Он яростно, по живому,
Бомбёжками был распорот.
И окна смотрели слепо,
Безжизненно и устало
Туда, где, уткнувшись в небо,
Развалин гора восстала.
Но, видно, была основа
Пожаров и бомб сильнее,
Он рос молодым и новым
И родиной стал моею.

Запомненный каждым зданьем,
Как ветка с живой листвою,
Он дал мне своё сознание,
И сердце моё присвоил.
Но в память, как пот сквозь поры,
Проходит неуследимо:
Развалин крутые горы,
Троллейбус, идущий мимо...
Домов уцелевших мало,
Хватает руки для счёта.
Воронка в конце квартала
Прикрыта доской почёта.

Прогресс

Урочище Кожемяки

Все наши улицы снесли,
Взамен построили другие.
Напрасно плачет ностальгия, —
Ничто не ждёт уже вдали.

Дома — картинки, как в кино,
И разноцветны, как игрушки.
Многоэтажные избушки
Стоят плотней — окно в окно.

Но нет ни белочек, ни лис,
И деркачи не прилетают,
И только тени к полдню тают,
Спускаясь без тропинок вниз

И без ступеней — маршей нет,
И нет площадок, нет скамеек...
Я вспоминаю, как сумею,
Но мне дневной мешает свет.

А был ведь домик на горе,
И книзу — лестница крутая...
Давай во сне туда слетаем
И посидим в своём дворе.

Киев — 2014

Ползёт страна по кромке мира,
Над самой пропастью ползёт.
Не ждёт тропа, не греет лира,
И справедливость не везёт.
Кто прав, а кто во всём виновен?
Кому — поклон, взыскать с кого?
Ползёт страна по краю, вровень
С обрывом мира своего.
В огне пожаров тают выси,
И в окна льётся чадный свет...
И от меня сейчас зависит,
Она воспрянет или нет.

Виктор ШЕНДРИК

(1956–2021)

Виктор Шендрик (1956–2021) родился в г. Артёмовске (ныне — Бахмут) Донецкой области (Украина). Автор восьми сборников стихов, четырёх сборников рассказов, романов «Был городок», «Венцы побед» и «Девяносто первый», повести «Двенадцать дней свободы». Печатался в периодических изданиях Антверпена, Артёмовска, Воронежа, Вупперталя, Донецка, Дюссельдорфа, Екатеринбурга, Житомира, Иркутска, Канева, Киева, Луганска, Москвы, Новокузнецка, Одессы, С.-Петербурга, Северомуйска, Симферополя, Харькова, в журналах «Крещатик», «Новый свет», «Радуга», «Урал», в «Литературной газете». Лауреат премий им. Владимира Даля, Виктора ШUTOва, Татьяны Снежиной и Михаила Матусовского.

Победитель III международного конкурса юмористической прозы и поэзии «Жизнь прекрасна», организованного Чеховским обществом (Аахен — Дюссельдорф) (2012 г.).

Лауреат премии журнала «Радуга» за цикл рассказов (2014 г.). Дипломант премии им. М. Кириенко-Волошина Национального Союза Писателей Украины (2018 г.).

Колыбельная для страны

То ли благостный вой, то ли яростный лай:

«Украина, давай! Украина, вставай!»

Будто впрямь в роковую годину.

Пьяный гетман, боярин, татарин и лях,

Анархист и фашист, недоумок в прыщах...

Кто ещё не будил Украину?!
Столько крови лилось не во всякой стране.
И пожаров, и смут ей хватило вполне,
Так неужто займётся и ныне?
Ей бы вспомнить уроки седой старины,
Да немного пожить без войны, без вины.
Дайте ей отдохнуть, Украине!
Дайте ей отдохнуть от идей, от затей,
Да своих вразумить непутёвых детей,
Да согбенную выпрямить спину.
Горемыке стране тоже нужен покой,
Пожалейте её, протрубите отбой,
И Господь сбережёт Украину.

...И скажет Бог

Однажды, среди ядерной зимы
(Или другое время года будет)
От гриппа, оспы, ящура, чумы...
Короче, сгинут на планете люди.
И вышний подводя тому итог,
Страхнув тщету и умывая руки,
Вздохнёт на Небесах и скажет Бог:
«Ну, вот и всё — навоевались, суки!»

* * *

Сегодня так похоже на вчера,
Что кажется, число одно и то же.
И всё, что в мире есть не от добра,
Осатанело рвётся вон из кожи.
Вернётся ль всё на круги жутких вех,
Зрачком ствола сверкнув из-под кокарды?

Жестокий век — неторопливый век,
Ещё не вскрыты завтрашние карты.
Но что бы в том раскладе не легло,
Остерегись — удар уже обрушен:
Дыханье века смрадно, тяжело
Вовсю чернит опростанные души.
Черным-черна великая страна,
Спешащая извериться в величье,
Гнетёт её замшелая вина,
Окрепшая в чужом косноязычье.
Платить ли по подложным векселям,
Пластаться ли под тяжкими крестами —
Нам не впервой. Кресты достались нам,
И будут снова вынесены нами.
И в час, когда какой-нибудь исход
Отыщется со скрежетом зубовным,
Прости, Господь, беспутный мой народ
И покарай воистину виновных!

Без оружия

Я живу очень близко к войне,
За пять лет изведясь без ответа —
Почему по доступной цене
У меня даже нет пистолета?
Я живу в самой зоне АТО,
По ночам здесь гремит канонада.
Видно, что-то со мною не то,
Если я не добыл автомата.
Наваждение прогнать не могу,
Будто я по тревоге разбужен,
Будто я к «пирамиде» бегу,
А в строю вдруг стою — безоружен!..

Ветер прошлого мне напоёт
Старый марш батальонной колонны...
Мне такой бы иметь пулемёт,
Чтобы в нём не кончались патроны.
Долетят отголоски боёв,
Прогарцуют на джипе солдаты...
Так с каких же, простите, х*ёв
Только я здесь один — без гранаты?!

* * *

Сладкий кофе — кофе горький,
Ночи чуткая стена,
Ветхий домик на пригорке,
В два окна.
В этом домике, неспешна,
Бесшабашна и мудра,
Наша жизнь течёт, безбрежна —
До утра.
За дощатыми стенами —
Спесь и слава, ложь да лесть.
Что когда-то было с нами,
С нами есть.
А о том, что с нами будет, —
То-то годы шелестят —
Всуге посудачат люди...
И простят.

Колыбельная для ангела

Понимаю, тебе не сладко
Без надежды на выходной
То воочию, то украдкой
Вечно быть за моей спиной.
Что поделаешь, ты — Хранитель!
На шершавой изнанке дней
Ах, как часто я слышал: «Витя,
Придержи, не гони коней!»
Гнал, не гнал ли, да было дело,
То-то пели б «за упокой»,
Нож чужой ты отвёл умело,
Я в кишках не запутал свой.
Попрошайничать Бога ради
Не осилил я ремесло,
Но до дна оставались пяди —
Ты успел, подстелил крыло.
От ударов, пинков, затрещин
Не угас донжуанский пыл.
Жаль, но взбалмошных рядом женщин,
Разобравшись, ты отвратил.
Но в былом всё осталось, в прошлом
Злая псина, да на цепи.
Ангел мой, мой Хранитель дошлый,
Ты сегодня приляг поспи.
Спи спокойно. Ужель обоим
По реке нам таскать баржу?
Ла-Рошель захватить ли с бою,
Там и выпив для куражу?..
Спи, пока безмятежно спится.
Путь мой грешный ещё курится,
И разыграет вдруг ретивое,
Я не гордый, я разбужу.

Александр АМЧИСЛАВСКИЙ

(1958–2022)

Родился в Москве. Окончил Пединститут, факультет русского языка и литературы. Учился в Академии художеств имени И. Е. Репина (искусствоведческий факультет). Работал учителем русского языка и литературы, художником-реставратором. С 1990 по 1998 жил в Израиле. С 1998 жил в Торонто (Канада). 19 октября 2022 года — скончался в Торонто.

Автор сборников «За тонким полотном» (Москва, 2017), «Узлы мирские» (Киев, 2019). Публиковался в журналах «Новый Свет» (Канада), «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Новый журнал», «Крещатик», «Нижний Новгород», «Палисадник», «Под небом единым», «Этажи», «Южное сияние». Лауреат премии Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый свет» (Торонто).

* * *

Замолчим, обратимся немыми,
разведём по горшкам тишину,
до костей все слова перемыли,
упихали в тугую мошну
под завязку, ещё посидели-
повздыхали — а дальше-то как? —
неотпетыми будут метели
хорониться в дешёвых строках.

Поутру и дорогу засыплет,
спи, старик, ты уже ни при чём,
пусть проходят снежинки навывлет,
замерзая под левым плечом,
не твоя это больше неволя —
до небес городить огород,
на родимое полюшко-поле
переселится пришлый народ,
работящий, простой, многодетный,
всё покосит, увяжет в снопы
и камланий твоих исповедных
разровняет сухие следы.
Уродится капуста и репа,
по весне хороводы пройдут,
и зачем-то уставится в небо
в первый раз молодой шалопут.

* * *

Не то чтоб жил, но будто бы прощался,
то звал, то умолкал и не решался
и незаметно снова привыкал,
всё шло как шло, рядами плыли книги,
толклись в руках, показывали фиги,
он соглашался и кивал, кивал,
ну да, смотрел на сторону, а как же —
короткий свет, один и тот же в каждой,
а дальше дверь, дойти-открыть-заккрыть,
по черноте волокся до зевоты,
добро бы верил, так ведь нет Его-то,
постыдная игра в одни ворота
в отсутствие божественной игры.

А дома — те же выцветшие лица,
брели в затылок Хайдеггер за Ницше,
и вечный свет над ними не сиял,
слабел зрачок от бега чёрных литер,
тянуло дымом из чужих наитий,
а Тот, кого искал, его не видел
и промыслом, увы, не осенял.
Так он и жил — толстел, страдал одышкой,
берёт увечный чайник с битой крышкой,
читал что никогда бы не читал,
не видел разницы с самим собою бывшим,
хотел, случалось, встречи с чем-то высшим,
что нынешнему явно не чета.
Всё складывалось, коротко ли долго,
всегда один, в друзьях не видя толку,
смотрел в колодец улицы слепой,
а книги те — да ну, там буквы пляшут,
когда уже темно, нелепо бьшшет,
и хорошо, спасибо, слава Бо...

* * *

А мы не молчали мы тоже мычали
бессмысленной радугой в мыльном мочале
казённого дома где шайки да лейки
а ну-ка очкарик поддай-ка налей-ка
и мы поддували и мы поддавали
по тощим просторам вовсю бытовали
что дворником в жёке что сторожем в морге
мы были невидны как чёрные волги
как вороны чёрные были отдельны
топили в котельной и пили в котельной

карябали в столбик и жили ночами
кому-то читали на ком-то кончали
всегда неуместны ни нашим ни вашим
погрешностью в счёте поносом на марше
червивой смоковницей дыркой в породе
мы были такими что не были вроде
и больше не будем и некуда меньше
младой незнакомый неистовый сменщик
глядит выше леса не знает что просит
стоит подбоченья и ссыт ветра против.

* * *

И мне, оглохшему, по этой тишине
внезапной, медленной, как зálитое поле,
шагать, не слыша собственного воя,
когда уже никто не говорит во мне.
Здесь город был, и белка в колесе
трудилась для детей, в любви изнемогая,
шумел базар от церковки до гая
и разливался жар, и живы были все,
а дальше как во сне, как в фильмах о войне —
рассвет, враги сожгли родную хату,
и роль фашиста русскому солдату
так удалась, что ночью снится мне.

* * *

А воздух желанный, от кофе остывшего неотличим,
проходит по горлу, смиряет, стекает по веткам,
по линиям жизни оставленным, голым, ничьим,
ненужным как строчки, которых без авторства нет, но

просил ведь об этом, загадывал, только бы так —
по слову ломóтному чашка в руке холодела
и воздух один-одинёшенек здесь обитал
на равных с тобою, такой же, и ночью и днём,
ни шаткий ни валкий, с утра застилал из окна
пустой горизонт, хоть наслаивай лёд на сетчатку,
а люди — что люди! — молчат ли, поют ли, бренчат ли —
летят как с моста, и теряются их имена.

* * *

В том краю беспроводного далека́
с детских лет пастеризованы луга
и любовь давно забыта как причина
появления грудного молока.
Мы с тобой всего такого далеки́,
оба антисоциальные зверьки,
откровенные ведём речитативы,
неприметные в излучине реки.
Слава богу, ночь за ночью сходит с рук,
за непрошенных в ответе бурундук,
гости сами, впрочем, ценят междометья,
если что и потеряем — подберут.
Ближе к звёздам уплывают облака,
от моей руки к твоей течёт река,
и ныряют междометья в междуречье
под присмотром одного бурундука.

* * *

Собери меня, родная,
В бесконечный путь до рая.
До свиданья. Бог поможет — доберусь.
Остановимся у края — я заплачу, умирая,
Ты простишь меня, и я с тобой прощусь,
И пойду, один из многих,
Незаслуженно убогих,
Уповая, что до самых царских врат,
И твоя земная кротость
Ляжет тропкой через пропасть,
Через море, через горе, через ад.
Забывая ноги в глину,
Я за спину крест закину —
Шаг за шагом, год за годом понесу.
Время сгинет, цель покинет,
Суета земная минет —
Всё пройдёт, и я тебя спасу.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

НИНА НИКОЛАЕВНА БЕРБЕРОВА

(1901–1993)

Русская писательница, автор документально-биографических исследований. С 1922 находилась в эмиграции, где состоялся её литературный поэтический дебют, опубликовала в 1928–1940 серию рассказов «Биянкурские праздники»; вместе с романами «Последние и первые» (1930), «Повелительница» (1932) и «Без заката» (1938), они определили репутацию Берберовой-прозаика.

Нину Николаевну Берберову я видел один раз в жизни, хотя жила она одно время в Филадельфии, преподавала в Принстоне. Дело было таким образом. Ко мне позвонила моя добрая знакомая Неля Кармазина, врач, и в разговоре сказала, что едет проведать больную писательницу Нину Берберову. «Кстати, — она заметила, — если хотите можете поехать со мной». Я конечно тут же захотел, ибо знал и уважал этого литератора. Сказано — сделано. Уже по дороге Неля мне сообщила, что Берберова сильно болеет и её попросили делать ей перевязки. Чем она болеет и подробности заболевания она мне не сказала, а я и не спрашивал — врачебная тайна. Таким образом, я попал к ней в дом. Жила она в кондоминиуме — три высотных современных здания в районе Сосаети-Хилл, на краю старой части города и с прекрасным видом на знаменитую реку Делавэр.

Встреча была недолгой. Узнав от Нели Кармазиной, что она приехала с молодым русским писателем, Нина Николаевна, несмотря на своё недомогание, хотела со мной познакомиться и поздороваться. Она вышла в домашнем халате, кивнула головой и улыбнулась. Извинилась, что она меня принимает в таком виде. Она спросила, чем я занимаюсь в Филадельфии, часто ли

бываю в Нью-Йорке, и как мне пишется. Я ответил вежливо и коротко, что сейчас я больше занят издательской работой. Пожалуй и всё. Она произвела на меня очень хорошее впечатление, особенно её живой взгляд и большие пронзительные глаза. Позднее я познакомился с профессором Мэрлом Баркером, который был когда-то её студентом (она называла его своим сыном). Впоследствии он стал её наследником и душеприказчиком.

Мы общались с Мэрлом. Он пригласил меня к себе домой. Жил он недалеко от Берберовой, где-то два-три блока, на одной из самых старинных достопримечательных улочек города. Мэрл был очень любезен, и подарил мне для журнала «Побережье», который я издавал, два редких материала Нины Берберовой: три стихотворения, неопубликованных, и рассказ из повести «Биянкурские праздники» под названием «Аргентина». Профессор Баркер был знатоком творчества Фёдора Сологуба и переводил его произведения на английский язык. Он был студентом Нины Берберовой в Йельском университете, где получил докторскую степень по русской литературе.

Надо отдать должное Мэрлу — его щедрость была просто неоценимой роскошью. Три стихотворения, которые перед читателем ниже в этой статье, я передал для публикации в поэтический альманах «Встречи», где редактором была Валентина Алексеевна Синкевич, а проза была опубликована в журнале «Побережье», который я тогда редактировал.

Надо сказать несколько слов о Нине Николаевне Берберовой, знаменитой писательнице-парижанке. Родилась она 8 августа 1901 года в Санкт-Петербурге, Российская империя, а умерла 26 сентября 1993 года в Филадельфии, штат Пенсильвания, США. В 1922 году с мужем Владиславом Ходасевичем они покинули Россию. Она жила в Париже, и только в 1950 году переехала в США. Признание пришло к ней поздно, но она стала по-настоящему знаменитой. Её произведения переведены на более чем двадцать языков. В 1989 году она впервые возвратилась, и с триумфом посетила перестроечную Россию.

По отцовской линии Н. Н. Берберова происходила из крымских армян, переселённых при Екатерине II из Крыма и основавших город Нахичевань-на-Дону; мать — из семьи тверских помещиков Карауловых. Берберова окончила гимназию в Петербурге. В 1919 году семья переехала в Ростов-на-Дону, где Нина училась на историко-филологическом факультете Донского университета, а затем вернулась в Петроград. Благодаря первым стихам она в 1921 году вошла в поэтические круги Петрограда. Её первое стихотворение было опубликовано в феврале 1922 года в журнале, изданном небольшим тиражом, к первой годовщине литературной группы «Серапионовы братья». Она вступила в петроградский филиал Всероссийского союза поэтов. В 1924 году вместе с В. Ф. Ходасевичем они переехали в Сорренто к М. Горькому и прожили там полгода. Но с 1925 года окончательно обосновались в Париже. Много лет Берберова трудилась в эмигрантских изданиях. Разошлась с Ходасевичем в 1932 году, но бывшие супруги продолжали оставаться добрыми друзьями вплоть до смерти Ходасевича в 1939 году.

В 1950 году Нина Берберова навсегда уехала из послевоенной Франции в США. Английского языка она не знала. У неё было два чемодана вещей (в одном — спасённый архив Ходасевича). Считала свой отъезд самым трудным сознательным выбором в жизни. Живя в Нью-Йорке, начала издавать альманах «Содружество», посвящённый русской интеллигенции. Получила американское гражданство. С 1958 года преподавала русский язык в Йельском университете. С 1963 года вплоть до выхода на пенсию в 1971 году преподавала русскую литературу в Принстонском университете. «Выход на пенсию» означал для Берберовой работу приглашённым лектором в Корнельском, Колумбийском, Пенсильванском университетах, в университете Брин-Мора. В 1958–1968 годах была членом редколлегии литературного альманаха «Мосты», издававшегося в Мюнхене. В 1989 году посетила перестроечный СССР, встречалась с литературной общественностью Москвы и Ленинграда. Дала два интервью журналисту

Феликсу Медведеву (до и после поездки). Интервью «Хочу увидеть то, что оставила в юности» было опубликовано в его сборнике «После России» в 1992 г. Друзья и коллеги Н. Берберовой по Йельскому университету отметили её 90-летие обедом в библиотеке Бейнеке. Умерла Н. Н. Берберова 26 сентября 1993 года в Филадельфии. Согласно последней воле ещё в продолжении года после смерти в доме, где она жила, зажигался свет. Прах её развеян в четырёх местах: в Париже, в США — на территории Йельского и Принстонского университетов и над рекой Делавэр в Филадельфии.

Обширный архив Н. Берберовой, включающий переписку с И. А. Буниным, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским, А. И. Куприным, М. И. Цветаевой и другими, хранится в библиотеке Йельского университета.

Нина БЕРБЕРОВА

* * *

Хранят цветок иль прядь волос,
Или письмо, или кольцо,
А я — пусть Бог простит — унёс
В моей душе твоё лицо.

Живи теперь в моей груди
Всегда ясна, всегда светла,
И память сладко береги,
И сердце ночью жги до тла.

А в шуме праздном праздных дней
Воспоминаньем, как иглой,
Пронзай меня. И будь моей,
Всегда моей. Всегда со мной.

Набросок

...Там Микельанджело на пьядце Синьории,
И профиль ангела, и кулаки литые:
Давид стоит с рукою у плеча,
И смотрит в сторону.

Шагни босой ногою,
Ступи на камни те, возьми меня с собою,
И мы начнём опять шагать —
за горизонт!

И снова — Товий я, и крепкая рука
Твоя, как некогда, мою сжимает руку,
Где жилы синие пульсируют
едва.
1982

* * *

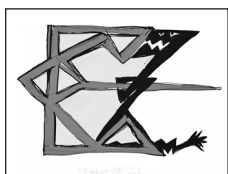
Моя страна стала адом
Для таких, как я.
В моей стране много
Таких, как я.
Прикладываю ухо
К далёкой, жестокой груди
И слушаю: гудит глухо,
Но что-то гудит

Хочу разлюбить, хочу забыть.
Жду: не прозвенит ли колокольчик?
Не пропоёт ли скрипочка?
Не грянут ли трубы?
Больше похоже на стон и рёв
Телеграфных столбов,
Шагающих по просторам
Полей, могил и городов.

Столбы уходят за горизонт,
Провода гудят, уходя под уклон,
Они идут в другие века,
Где — в оцепенении вечности —
Сольётся пространство с временем,
И телеграфа больше не будет.

И где нас не будет —
Ни меня, ни тех, кто похож на меня,
Кто и в могилах слушал это гудение.

1985



ГОД ПОЭЗИИ 2022

ПЕРЕВОДЫ

Галина ИЦКОВИЧ

Перевод с английского

От переводчика: Роберт Уайтхед живёт в Филадельфии. Стихотворение «Давид», опубликованное в «Массачусетс Ревю» в 2021, попало мне на глаза весной 2022 г., когда оно получило приз журнала, Anne Halley Poetry Prize. Узнавание было мгновенным: это же портрет Владимира Зеленского! Нет, проверила год написания — не совпадает. Этот «прекрасный мальчик» действительно накладывается на образ микеланджеловского Давида. Возможно, трагические события этой весны исказили моё восприятие, предложили линзы военного видения, но всё равно я хочу посвятить свой перевод новому Давиду, украинскому президенту.

Роберт Уайтхед

Давид

Ах-прекрасный мраморный мальчик, дурак,
что с рогаткой пускается в бой,
не прикрытый ничем перед тем, что огромно
и обло. Вы слышали, верно? Он, герой наш,
итерация дурачка, — что и есть его форма, —
суть возрождение, воплощение ниспослания,
до чего он мессия. Я сказал «ниспослание», миф,
воплощённый в искусстве накидки, в костяшках,
в крепко очерченной шее, в ареале соска.

Мы уместились бы в колеснице бедра его. Мы разделяем его психологию тихо, как спокойно и тихо держимся мы на ногах. Опасность в тяжёлом уборе прицелилась в нас, но Давид с пращей из овечьей шкуры, со своим чем-придётся прущий на Голиафа — как незначителен и человечен почти бесполезный предмет! — он побеждает. Вы меня слышали? Он победил. Он вложил свою суть — взгляд, прицел до последних крох, долг, бесстрашие в облатке страха, сколько-ещё-с-этим-жить, — в бунт, в момент натяженья пращи, в траекторию камня в тряпице. Это армия гнева размером с мамонта повалила врага, впечатала камень в лоб. Не беги от такого чувства.

Ханох ДАШЕВСКИЙ

Переводы с украинского

Иван Франко

(1856–1916)

— ИЗ ЦИКЛА «ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ» —

Завещание Якова

Лишь покину я бренное лоно,
И прервётся судьбы моей нить,
По обычаям Ра и Амона
Не спешите меня хоронить.

Не хочу, чтоб нетленное тело
Этот мир возмущало живой,
Пусть, как вера отцов повелела,
Прах в земле упокоится мой.

В грубый саван простой — власяницу,
Не забудьте мой труп завернуть.
Там заройте меня, где в столицу
Из блаженного Гошена* путь.

И когда этим шляхом в неволю
Мой народ потечёт, как ручей,
Муку их, роковую их долю
Я почую в могиле моей.

* Область в древнем Египте, где проживали евреи.

Их надеждой святой и могучей
Будет дух мой в несчастье хранить,
А рыдания их горечью жгучей
Не позволят костям моим гнить.

И когда засияют вам зори,
И поднимется род мой, как рой,
Чтоб идти через Чермное море
В край далёкий, обещанный, свой, —

Заклинаю вас Богом незримым:
Не оставьте костей моих тут!
Пусть в уделе отцовском родимом
Мои кости спокойно уснут.

Ибо будет — пророчу вам ныне:
Налетят без числа, как пески,
Как горячие смерчи пустыни,
Пёсьи мухи и вши и жуки.

По всему благодатному краю
Все пределы тот гнус поразит;
Пусть же мне, вас молю, заклиная,
Эта скверна в земле не грозит.

И ещё будет горшая кара:
Если вас не избавят от пут
Те, кто бил вас свирепо и яро,
Кровью воды реки потекут!

Так не дайте той крови неправой
Омовеньем костей моих стать,
Чтоб не мог я в рубахе кровавой
Перед троном Господним предстать!

Перья

Развеяны толпами злыми,
И к небу взлетая с руин,
Как снег, вы кружитесь над ними,
О, перья еврейских перин!

Ковром, словно в зимнюю хмару,
Покрыли вы зелень равнин.
Вы видели лютую кару,
О, перья еврейских перин!

Теперь вы над горем летите,
Над прахом спалённых низин.
На нас вы смотреть не хотите,
О, перья еврейских перин, —

На то, как свирепые руки
Добро наше рвут без причин
И тащат невинных на муки,
О, перья еврейских перин!

Как рушат в неистовой давке
Дома до последних брусин,
Шинки разбивают и лавки,
О, перья еврейских перин!

Весь город от края до края —
Руина и ужас один!
Здесь мечется дикая стая,
О, перья еврейских перин!

На наши утраты взгляните,
На море пролитых слезин, —
И Богу про то расскажите,
О, перья еврейских перин!

Пусть взвесит всё наше терпенье,
И в сумерки наших долин,
Как солнце, пошлёт избавленье,
О, перья еврейских перин!

Пусть вспомнит, что род наш избранный —
Он Бога возлюбленный сын,
Питаемый зёрнами манны,
О, перья еврейских перин!

Пусть гнев Его праведной мести
Узнает народ-господин!
Несите Ему эти вести,
О, перья еврейских перин!

Ассимиляторам

Евреев согнуть, переплавить
Хотели бы вы и увлечь
Безумием вашим — заставить
Забывать нашу веру и речь.

А знаете вы, что за сила
В той вере, в той речи живой?
Она сквозь века нас водила,
Как в сумраке Столп огневой.

То щит наш под вражьим ударом,
То связь, что никто не порвёт,
То Якова сила — не даром
В ней праотца сердце живёт.

Тот Яков, что с ангелом бился
Всю ночь, от борьбы не устав, —
И в старости он не смутился,
Царю полумира представ.

Когда от лица фараона
Иосиф Египтом владел,
Отца его видеть у трона
Египетский царь захотел.

Явились в пополах мохнатых
Туда, где рубин и сапфир,
Двенадцать верблюдов горбатых,
Ступая на гладкий порфир.

И возле египетских статуй,
Пустой устремляющих взор,
Раскинули свой полосатый
Сыны патриарха шатёр.

За Яковым старым почтенно
Шлёт свиту свою фараон.
Ты должен — те молвят надменно —
Отвесить владыке поклон!

Ответил он гордо и строго,
Высокий, как пальма, прямой:
Привык поклоняться я Богу —
Владыка Он истинный мой!

Пошли к фараону, сказали.
Нахмурился царь, побелел,
И в низком и сумрачном зале
Он трон свой поставить велел.

— Туда старика отведите!
Согнётся нечаянно он
Под притолокой — и глядите,
Как сам он отвесит поклон!

Идёт патриарх наш, упругий,
Как ветвь, не дивясь ничему.
Ведут его царские слуги,
И дверь отворяют ему.

Но он, им не веря заране,
Ладонь свою к сердцу прижал.
Смеются в душе египтяне...
Вдруг каменный двор задрожал:

Откликнулся Бог наш единый,
Когда к нему Яков воззвал,
И стену, как нить паутины,
Десницею своей разорвал.

Сквозь грохот и пыль, и сиянье,
Молитву беззвучно творя,
Седой патриарх наш в молчанье
Приблизился к трону царя.

И с трона сойдя золотого,
Склонившись, сказал фараон:
Великий твой Бог! — и ни слова
Не мог больше вымолвить он.

Узнайте предание это
Вы все, кто нас хочет согнуть!
Народ увести от Завета,
Толкнуть на нехоженный путь!

Не думайте, что ослабела
Рука, для которой стена
Гордыни людской без предела —
Как нить паутины она!

Сергей КАМЫШАН

Льюїс Керролл. Полювання на Снарка. Поемагонія у восьми сказах. З англійської переклав Юрко Бозняк. Київ: Laurus, 2018, 112 с.

Из всех сочинений Льюиса Кэрролла, блистающих интеллектуальной изощрённостью и лингвистической изобретательностью, исполненных уморительного юмора и в то же время мрачных пророчеств, поэма «The Hunting of the Snark» обладает всеми этими качествами в суперлативе и составляет лакомый и ох как труднодостижимый объект для всех переводчиков мира.

К переводу этого выдающегося по мастерству абсурдности сочинения есть несколько формальных требований (которые вытекают из самого текста и на которых мы здесь останавливаться не будем), но главным вызовом остаётся, естественно, передача смысла этой бессмыслицы.

Вряд ли кто из многочисленных перелagateлей на многочисленные языки сумел справиться с этой двоякою задачей полностью и безупречно. Посему бесплодным будет бухгалтерский подсчёт удач и неудач исполнителя рецензируемого — первого украинского — перевода, который скрылся под прозрачным псевдонимом Юрко Бозняк. Прозрачным — потому что, во-первых, он сам пишет в послесловии, что избрал это имя ad hoc, чтобы соответствовать формальному (о котором мы обещали не говорить) принципу именования охотников на Снарка — все на букву Б (английскую B), а во-вторых, что сам он под этим псевдонимом не очень-то скрывается, а в книге даже помещён его узнаваемый портрет — всякий знаток украинской

поэзии сразу скажет, что это Юрко Позаяк. Правда, Позаяк — это тоже псевдоним, но раскрывать его «паспортное» имя мы не будем из этических соображений, тем более, что не все знатоки украинской поэзии его припомнят, да это и не нужно — мы не в милицейском околотке.

Сразу можно видеть, что переводчик лишь слегка модифицировал своё литературное имя, которое всё равно осталось значимым: «позаяк» по-украински значит «поскольку», а «бознаяк» — общепринятая экспрессивно-разговорная контракция фразеологизма «бог знает как», что вполне соответствует духу поэмы. Тут же отметим, что художница Дария Лысенко, которая портретировала Бознаяка и богато иллюстрировала всю книжку, тоже не удержалась от следования Б-принципу и подписала свой автопортрет, размещённый среди портретов персонажей на обороте обложки, как «Лысенко-Браш» (вам не надо напоминать, что значит brush в английском).

Помимо собственно перевода и обильных (как было сказано) иллюстраций, книга содержит много чего ещё: предисловие, послесловие переводчика, послесловие иллюстратора, множество подстрочных примечаний... Это приближает её, пожалуй, даже к академическому изданию (хотя результат далеко не дотягивает до экзегезы Мартина Гарднера «The Annotated Snark»). Но и это не всё! Данная книга — билингв. Английский текст размещён на чётных страницах параллельно с украинским, который покоится на нечётных. Более того, английский текст снабжён словариком лексем, которые могут вызвать затруднения у не слишком искущённого в языке читателя. Это уже приближает книгу к совсем другому жанру — учебным (адаптированным и нет) публикациям издательств «Просвещение» и «Дніпро» пятидесятых — восьмидесятых годов, которые знакомили школьников и студентов со значительными произведениями англо-американской литературы (кажется, канадско-австралийской тоже, но тут рецензент не уверен). Хотя с этим словариком комментатор(ы?), пожалуй, перестарался: там наличествуют

слова, которые нетрудно отыскать и в самом кратком учебном словаре: crew, skill, sailor, advice, silence etc. Стоит отметить, что словарик даётся не общий ко всей поэме, а по отдельности после каждой песни. Таким образом, рецензируемая книжка может служить пособием для изучающих английский язык, хотя рецензент терзается сомнениями, стоит ли начинать изучение именно со «Снарка». Не будет ли в результате искажено само представление о языке? Хотя для более продвинутых изучателей знание этой поэмы как важного элемента англоязычной словесной культуры, несомненно, полезно и обязательно.

Билингвальность книжки позволяет немедленно определить два случая явных отклонений от оригинала: всматриваясь в противостоящие (глядящие друг в друга) разноязыкие тексты, мы видим, где число строф перевода превышает число строф оригинала — в песнях первой и четвёртой. Впрочем, переводчик в своём послесловии честно признался в этом и объяснил, зачем внёс «отсебятину» — объяснил, на наш взгляд, вполне убедительно.

Мы тут назвали главы (разделы, части) поэмы песнями, что традиционно, но не вполне корректно: в оригинале подзаголовков «An agony in eight fits» содержит (как известно всем любителям «Снарка») две двусмысленности: agony — и агония, и отчаянная борьба, а fit — и приступ (болезни), и песнь. С первым термином украинский переводчик справился, по нашему мнению, умело, но не вполне идеально, заменив его словом-бумажником в духе Кэрролла (а скорее в духе не самых удачных интерпретаторов Орвелла) — поемагонія. А вот со вторым элементом ему блестяще помог сам украинский язык: слово «сказ» может означать то же, что и в русском (хотя в этом значении нечасто встречается), но основное его значение — бешенство, то бишь болезнь, по-латыни именуемая rabies.

Перебрав почти всё, что сопутствует голому тексту, то есть покружив вокруг да около собственно перевода, рецензент вынужден отступить и признать собственное бессилие, точнее говоря, ограниченность во времени и в средствах: дальше надо

бы разбирать сам текст (пусть не в режиме бухгалтерского подсчёта плюсов и минусов, о котором мы упоминали в начале, но хотя бы в наиболее ярких примерах). Не чувствуя себя готовыми к этому, отметим, что в целом перевод следует признать адекватным и удачным, чему немало способствовала украинская поэтическая традиция в её лучших «смеховых» (бурлескно-травестийных) образцах, начиная с самых истоков, то есть с Ивана Котляревского (а то и раньше, с эпохи украинского барокко, с Климентия Зиновиева, Ивана Некрашевича и других, в основном анонимных авторов), продолжая Степаном Руданским и заканчивая нашим старшим современником Павлом Глазовым и младшими — группами «Бу-Ба-Бу» и «Пропала грамота», к которой принадлежит и Юрко Позаяк, *alias* Бознаяк, ибо, как сказала в предисловии к данному изданию Таня Доний, «Трудно представить, кто бы ещё смог так стилистически удачно перевести все эти кэрролловские новообразования, удивительные образы, неожиданные сюжетные линии и развязки».

Вот, пожалуй, и вся рецензия. Что ещё? Надо сделать какие-либо замечания? Ну, вот, пожалуйста: рецензенту мнится несколько избыточным использование в данном переводе молодёжного и даже порою криминального жаргона. Хотя почему бы и нет? Оригинал тоже не всегда стилистически нейтрален. Так что это замечание сугубо субъективно.

Галина ЗЕЛЕВИНСКАЯ

Переводы с английского

Дилан Томас

(1914–1953)

Не уходи спокойно в эту ночь

Не уходи спокойно в эту ночь,
Зажги костёр своих последних дней
И не старайся ярость превозмочь.

Вот мудрый муж — до истины охоч,
Свет не зажегся от его идей —
Он не уходит мирно в эту ночь.

Вот праведника дети: сын и дочь,
Их нежный мир — зелёный вальс теней,
Но и они за свет боролись в ночь;

Солнцепоклонник мог бы изнемочь,
Со мглой столкнувшись, мог бы сдаться ей,
Но бьётся он и слабость гонит прочь.

Да, на краю могилы не помочь
Слепому, что не видит блеск огней
Зарниц, внезапно осветивших ночь.

Но ты, отец, прошу, конец отсрочь!
Благослови иль прокляни скорей,
Но не уйди без боя в эту ночь,
И не пытайся ярость превозмочь.

Эдна Сент-Винсент Миллей

(1892–1950)

Путешествие

Здесь нет дорог для поездов;
Днём — пешеходы сплошь,
Но я то слышу зов свистков,
Составов скрип и дрожь.

Без поездов проходит ночь,
Она дана для сна,
Но топки рёв не превозмочь,
Как печь, заря красна.

Мои сердечные друзья,
Мне с вами — хорошо,
Но в поезд впрыгнула бы я,
Куда бы он ни шёл.

Михаил ГРИНБЕРГ

Переводы с английского

Редьярд Киплинг

(1865–1936)

История Краба, который баловался с морем

Пу́сат Та́сек — сердце моря,
Грот таинственный вдали.
Там, с волной и ветром споря,
Проходили корабли:
Из Наталя в Сурабаю,
А с Таити в Шерибон,
Из Японии в Малайю,
Мимо Явы на Лусон.
Шхуны шли и сухогрузы,
Пассажирские суда:
«Бенс» и «Биверс», и «Медуза»,
«Гром» и «Белая звезда».
Осторожно проплывали,
Пау Аммы зная нрав,
Все машины приглушали,
Пао Джанги увидав.
Век за веком, год за годом
В этой страшной полосе
Проходили малым ходом,
Наготове шлюпки все...

На Суматру из Китая,
Из Пенанга в Лабуан,
Минданао огибая,
Обходя Калимантан...
Воют сумчатые волки
При тропической луне,
Атлас старенький на полке,
Парус хлопает во сне.

Что себе выпросил старина Кенгуру

Мне рассказали эту быль,
Как гордый Кенгуру
Спасался бегством от врага
Однажды поутру.
От Динго злобного сквозь пыль
Рванулся без оглядки,
Взвилась стремглав спины дуга,
За ней сверкнули пятки.

Стемнело, приближалась ночь...
Он мчался по реке,
Прибрежную разбрызгав грязь
В немыслимом прыжке.
Забыв про всё, летел он прочь,
А Динго, злобный пёс,
Как туча рыжая клубясь,
Пыхтел, как паровоз.

Никто не видел, как вдали
Они весь день неслись,
С пролива Торреса дугой
На самый Лювин-мыс,
И, прибежав на край земли,
Что людям незнаком,
Назад дорогою другой
Пустились прямиком.

А кто поспеть за ними смог,
Хоть зверь, хоть человек,
Как кенгурёнок, голенаст
Останется навек.
И если ты промчишь, дружок,
Тот путь в один конец,
То, значит, бегать ты горазд
И прыгать — молодец.

Яна КАНЕ

Переводы с английского

Эмили Дикинсон

(1830–1886)

Служенье без надежд

Служенье без надежд —
Заботливей, вернее,
Чем то, что ждёт себе
Оплату и хвалу.

Я думаю, что труд
Прилежнейший — бессрочен.
Себе не ищет он
Ни цели, ни конца.

Уильям Батлер Йейтс

(1865–1939)

Водомерка

Чтоб цивилизация выжить смогла,
Победа в битве нужна.
И пса, и коня утихомирь.
Над картами допоздна
Цезарь-властитель сидит в шатре,

Один на своём посту,
Голову рукой подперев,
Уставив взгляд в пустоту.

И как водомерка скользит по воде,
Мысль его парит над безмолвьем.

Чтоб башни Трои обрушил огонь,
Пред незабвенной красой
Замри в укромном углу, не спугни
Одиночество той,
Кто, полу-женщина, полу-дитя,
Тайно учится двигаться так,
Словно танца задорного нить
Вплетена в каждый шаг.

И как водомерка скользит по воде,
Мысль её парит над безмолвьем.

Чтоб дев созревающих сны волновать
Мог первозданный Адам,
Нужно в часовне дверь затворить —
Не к месту здесь детский гам.
Микеланджело на подмостки возлёт,
Там, в вышине, слегка,
Как шорох мышиныый колеблет тишь
Движущая рука.

И как водомерка скользит по воде,
Мысль его парит над безмолвьем.

Константин ГУЛИСАШВИЛИ

Перевод с грузинского

Шота Руставели

(ок. 1160/ок. 1172 — ок. 1216/после 1220)

— ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ —

Предисловие переводчика

«К Тебе обращаюсь, о Всевышний, к Тебе, кто сотворил Вселенную благодаря своей силе и могуществу, вдохнул жизнь во все земные существа. Нам, людям, Ты подарил этот красочный разноцветный мир, и волею Твоей великой все правители земные имеют Твой образ и подобие.

О Боже единый, Ты создал все тела из ничего, определил присущий им образ. Спаси меня, надели такой силой, чтобы я смог победить сатану, олицетворяющего зло. Дай мне страсть влюблённых, которая сохранится до самой смерти. Отпусти грехи, груз которых предстоит взять с собой на тот свет».

Открывая свое предисловие, я привёл прозаический перевод начала бессмертной поэмы. А как же иначе? Ведь для откровенного разговора с читателем мне необходимы та сила, та страсть влюблённых, то величие души, которыми пронизаны жемчужные ряды строк Великого грузинского поэта. А сейчас спустимся на Землю.

Первое знакомство с Руставели у меня произошло в пятилетнем возрасте. Шёл 1958 год, и в Тбилиси отмечалось 1500-летие основания города. Это был грандиозный праздник, он запомнился мне на всю жизнь. К этому празднику было выпущено много сувениров. Мне с братом (ему было тогда 11 лет), подарили два красивых значка с надписью “თბილისი 1500” («Тбилиси 1500»). Брату достался значок золотого цвета с изображением Ленина, а мне — синий значок с каким-то бородатым мужчиной. Я страшно расстроился. Ведь я верил, что Ленин был самым лучшим, самым человечным. Меня пытались успокоить и объясняли, что на моём значке изображён Великий грузинский поэт Шота Руставели, написавший бессмертную поэму ჯგერბატყობა (вепхист-каосани) «Витязь в тигровой шкуре», и что мой значок намного красивее. Но я знал, что это не так. Как можно было сравнивать писателя, даже если бы он написал книгу о Винни-Пухе, с самим Лениным!

Эту несправедливость жизни я пережил и стал расти дальше. Читать я научился в три с половиной года, поэтому к пятилетнему возрасту уже читал довольно бегло. Правда читал я только по-русски, и все книги моей детской библиотеки были на русском. В те времена в Тбилиси люди общались между собой на двух языках, грузинском и русском. Как и меня, многих грузинских детей родители отдавали в русские школы. Учился я в 50-й средней школе. У нас был очень дружный класс. Грузины, азербайджанцы, русские, армяне, татары, греки, осетины, украинцы, евреи, ассирийцы. Интересный факт: на уроках мы говорили по-русски, а на переменах — по-грузински. Но читали, конечно, по-русски, вернее, предпочитали читать. По-грузински я начал читать в девятилетнем возрасте и читал только то, что было недоступно на русском. Например, спортивную газету ლელი («Лело»), но зато её я читал ежедневно. Неудивительно, что впервые «Витязь» Руставели попал ко мне в русском изложении.

Мне тогда было лет десять. У нас дома были две большие книги поэмы Руставели. Одна представляла оригинальную версию поэмы на грузинском языке, а другая — её русский перевод Ш. Нуцубидзе. Оригинал оказался мне не по зубам, ведь он был написан в XII веке на древнегрузинском языке, и я половины текста не понял. Поэтому я стал читать русский вариант, но, прочитав несколько страниц бессмертной поэмы, я, к своему сожалению, обнаружил, что мне она абсолютно не нравится. Я был разочарован. Но почему же все вокруг так почитают Руставели? А потому, что так надо, решил я. Вот и в школе нас тоже учат любить только те произведения, которые надо любить, и, что интересно, мы вправду их любим, вернее, говорим, что любим. Короче, решив для себя, что поэма Руставели — это совсем не та литература, которая мне нужна, я просто принял её гениальность, как аксиому.

Следующая встреча состоялась года через два. Мне подарили набор почтовых открыток, представляющих собой серию иллюстраций к литературным произведениям. Самой красочной мне показалась иллюстрация к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». На её обратной стороне было отпечатано четверостишие следующего содержания:

«Бросив меч, схватил тигрицу и привлёк в свои объятия.
В память той желал лобзаний, от кого огнём объят я.
Но тигрица прорычала мне звериные проклятья,
И убил её нещадно, и безумцем стал опять я».

Я не поленился и, взяв упомянутый ранее перевод Нуцубидзе, стал искать эту строфу и отыскал её довольно быстро (XXXVII глава, строфа 913). Здесь было только одно несоответствие. Третья строка звучала так: «Кровянил меня когтями хищный зверь, рыча проклятья». Много позже я узнал причину этого несоответствия. Оказывается, что четверостишие на открытке принад-

лежало перу... И. Сталина. Если бы мне сказали об этом в том далёком 1965 году, я конечно же не поверил бы. Да и кто мог сказать? В то время имя Сталина вообще нигде не упоминалось. Даже в школьных учебниках истории СССР.

Итак, я нашёл в книге то, что искал. Ну, не зря же искал? И я прочитал XXXVII главу поэмы. И опять она меня не вдохновила. А я так надеялся, что дорос до неё. А вот четверостишие с открытки невольно запомнилось. Да, мне стих не понравился. Две строки кончаются одним и тем же местоимением «я» («объятыя» и «опять я»). И рифма в первых двух строках не очень звучна: «объятыя — объятыя». Здесь все звуки хоть и идентичны, но, благодаря мягкому знаку в первом слове и незримому твёрдому знаку во втором, созвучность теряется. И, тем не менее, эти строки очень часто будут звучать у меня в голове. С сильным грузинским акцентом. А так как в грузинском языке нет ни мягкого знака, ни твёрдого, ни буквы «я», а в слоге «ти» звук «т» не смягчается, то таким образом рифма приобретает просто идеальное звучание: «обиатиа — обиатиа». Вот и Сталин, будучи поэтом-любителем (кстати, он запрещал печатать свои стихи, и это — исторический факт), использовал в данном стихе свой грузинский акцент, а Нуцубидзе, взяв стих вождя за основу своего перевода 913-й строфы поэмы Руставели, не учёл эту особенность.

Прошло ещё почти двадцать лет. В 1984 году я приобрёл «Витязя в тигровой шкуре» в переводе с древнегрузинского П. Петренко. Мимо старого знакомого, недопонятого мною, я пройти не мог. Меня никогда не оставляла мысль, что то давнее неприятие бессмертной поэмы было связано с моим детским невосприятием серьёзных вещей. И опять я был разочарован. Не понравилось мне и это изложение поэмы Руставели. Но если раньше я всё списывал на детство, то сейчас это можно было объяснить либо моей неспособностью понять большую поэзию,

либо неспособностью данного перевода влиять на души читателей.

Некоторое время спустя, находясь в кругу друзей, я поделился с ними проблемой моего неадекватного отношения к творчеству Руставели. Одна моя подруга, филолог по образованию, сразу нашла, что ответить: «Ты ведь любишь стихи Заболоцкого. Я подарю тебе его книгу. Читай и наслаждайся». На следующий день она принесла мне этот подарок — Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре», перевод Николая Заболоцкого.

Где-то через месяц я с волнением приступил к чтению. Я был знаком со стихами Заболоцкого, мне нравилась его поэзия. Читая его перевод «Витязя», я чувствовал и стиль Заболоцкого, и его рифму. Но чем дальше я читал, тем больше разочаровывался. Прочитав две главы, я остановился. Эта по счету уже четвёртая (или пятая) попытка моего знакомства с поэмой Руставели закончилась очередным провалом.

Больше я к переводам не обращался, а решил возобновить ту первую попытку знакомства с оригиналом, которая в далёком 1963 году закончилась неудачей по причине моего незнания основ древнегрузинского языка. Сейчас, уже в зрелом возрасте, я стал учить основы древнегрузинской грамматики, параллельно читая бессмертную поэму в оригинале. Я ожидал, вернее надеялся, что эта поэма на грузинском языке понравится мне больше, чем её русские переводы, но результат превзошёл все ожидания. Из всего того, что я когда-либо читал, на первое место поставлю, несомненно, поэзию гениального Шота Руставели, где в каждой строке просматривается великолепие, говоря словами Пушкина, «союза волшебных звуков, чувств и дум». Понятно, что перевод не может быть лучше оригинала, но союз волшебных звуков, чувств и дум оригинала в прочитанных мною переводах не чувствовался.

Помня слова русского историка Василия Ключевского: «Бездарные люди — обыкновенно самые требовательные критики: не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не зная, что и как делать, они требуют от других совсем невозможного», в августе 1987 года я решил сам попробовать перевести несколько строф. Свободного времени у меня было мало, а опыта литературной деятельности не было вообще. Но я всё же взялся за это дело. Через некоторое время появился мой перевод нескольких строф первой главы поэмы. Я показал его своей подруге-филологу, и хоть она и сказала, что для дилетанта получилось неплохо, но я-то всё равно понимал истинную цену своих «трудов». Уже почти приняв решение отказаться от этой затеи, я попросил старшего брата прочитать мой перевод. Брат разнёс мои стихи в пух и прах. Обидевшись сначала, я, подумав, согласился с его правотой. Именно она заставила меня снова взяться за перо.

Прошёл ровно год, и я перевёл две первые главы бессмертной поэмы, что и было моей конечной целью. На большее в то время я и не замахивался. И хоть мой перевод прочли всего несколько человек, мне очень льстило, что порой, собираясь за праздничным столом, мои друзья часто просили меня прочитать отрывки из поэмы Шота Руставели. При этом их заказ был не просто прочесть мой перевод, а продекламировать начало на грузинском языке и только после их сигнала продолжить поэму на русском. Я, к слову, трезво смотрел на вещи и понимал, что мой перевод конечно же слабее переводов профессионалов, но свято верил, что ненамного.

Вот, пожалуй, и всё, что было связано с поэмой Руставели в моей жизни в Грузии в XX веке. Это произведение стало для меня символом совершенства.

В 1996 году, когда я поехал работать в Америку, из всей моей библиотеки я взял с собой только книги Шота Руставели

«ვეფხისტყაოსანი» (вепхисткаосани) «Витязь в тигровой шкуре». Всего их было восемь: 2 разных издания на языке оригинала, 4 русских перевода (П. Петренко, Н. Заболоцкого, Ш. Нуцубидзе и К. Бальмонта) и ещё 2 перевода на английский и французский языки.

Так сложилось, что в Америке я поселился надолго. По мере возможности навещался в Грузию повидать родных и близких. Постепенно очень много любимых книг (русских и грузинских) перекочевали из Тбилиси в Вашингтон, где заняли в моей домашней библиотеке своё достойное место рядом с английскими книгами, а также со старожилами библиотеки — книгами Шота Руставели, которые стоят там на самом видном месте. Меня постоянно мучила мысль, что русскому читателю недоступны то величие и та неувядаемая красота, которыми наполнены эти несравненные строки почти девятивековой давности.

Так постепенно прошло 30 лет со дня прекращения моей работы над «Витязем в тигровой шкуре». И вот, 18 октября 2017 года я наконец взялся за продолжение перевода. Я выложил первые две главы на Фейсбуке. Через некоторое время со мной связался главный редактор одного издательства из Самары с предложением издать мой перевод в бумажном формате. Я его, конечно, поблагодарил, и объяснил, что это будет возможно, исходя из моей скорости перевода, лишь через 30 лет.

Наша переписка побудила меня увеличить скорость перевода до одной строфы в день, что сокращало и общее время до шести лет. Но через неделю я понял, что выдержу и до четырёх строф в день. В общей сложности я потратил на оставшиеся 1609 строф — 1 год и 10 месяцев. Перевод был завершён 20 августа 2019 года.

Ещё надо сказать, что из этого общего времени надо вычесть 3 месяца, в течение которых я абсолютно не занимался переводом. Итого, чистого времени получилось 1 год и 7 месяцев.

Да, всякий новый перевод, представляет собой новое искажение подлинника, обусловленное вкусами того читателя, для которого он и предназначен. Иными словами, любой перевод изумительного поэтического произведения можно не просто испортить, но и испортить совершенно. Конечно же, желательно, чтобы поэтический перевод поэмы Руставели сохранял гармонию и ритм оригинала, имел такую же идеальную рифму, полностью раскрывал сюжет и не допускал отсебятину, но самое главное — то, чтобы переводчик вкладывал в стих свою душу.

Несколько слов о переводе заглавия поэмы Руставели. В переводах на все ведущие европейские языки оно звучит как «Человек (господин, витязь, рыцарь) в тигровой (леопардовой/барсовой) шкуре». От того, какой вариант выберет переводчик (человека, господина, витязя или рыцаря), зависит от его эстетического убеждения. Общее значение названия поэмы от этого не изменится. С другой стороны, более важно то, как переведёт переводчик слово ჯგზო (вепхи), как леопарда/барса, или же как тигра. Понятно, что в любом случае мы говорим о двух представителях семейства кошачьих, хотя у леопарда мех в крапинку, а у тигра — в полоску. Как же так получилось, что некоторые переводчики эквивалентом слова ჯგზო (вепхи) выбрали леопарда/барса, а некоторые тигра?

Руставели древнегрузинское слово «вепхи» (в современном грузинском «вепхви») употребляет в значении «леопард» или «барс», которые, по мнению учёных, представляют собой одно и то же животное. С XIX века грузинское слово «вепхи» поменяло своё значение, и сейчас оно означает «тигр». Так что современные грузины (и я в их числе), вместе с различными критиками, воспринимают в тексте слово «вепхи» как «тигр». Но в средние века ни у одного из читателей не возникло бы сомнения насчёт того, какое животное подразумевал Руставели словом «вепхи», потому что на приложенных к датированным XVI–XVII вв. рукописным экземплярам поэмы миниатюрах, на плече Таризла

езде накинута шкура животного в крапинку, а не в полоску. И эта традиция продолжается до XIX века (до появления иллюстраций венгерского художника Михаила Зичи). С тех пор на всех иллюстрациях к поэме Руставели на спине витязя изображена полосатая шкура животного. Дело в том, что к началу XX века слово «вепхи» окончательно теряет своё двусмысленное значение *барса/леопарда и тигра*, но приобретает значение *тигра*, и сегодня слово «вепхви» для всех грузин употребляется только в этом значении. Поэтому, я думаю, что перевод на русский язык названия поэмы, как «Витязь в тигровой шкуре» нельзя считать ошибкой, так как в этом случае русскоязычный читатель наших дней воспринимает поэму так же, как и современный ему грузинский читатель.

И завершить это предисловие опять-таки хочется мыслями великого Руставели:

«Каждый человек должен смириться с тем, что ему отпущено судьбой, и делать своё дело: рабочий — постоянно работать, военный — храбро воевать, а беззаветно влюблённый должен всегда чувствовать безумные страсти сердца других влюблённых, не оскорблять их чувств, но при этом не позволять другим людям насмехаться над его собственными сердечными переживаниями.

Стихотворство испокон веков считалось одной из сфер мудрости. В нём присутствует божественная сила, и слушателям этой поэзии от неё большая польза. Все достойные люди наслаждаются хорошими стихами. Длинные речи звучат здесь кратко, тем и прекрасна поэзия».

Ниже приводится НАЧАЛО поэмы в переводе Константина Гулиашвили.

НАЧАЛО

1

Ты, вселенную создавший мощью чудотворных сил,
Жизнь вдохнул в свои творенья, на Земле их приютил,
Разноцветными лучами мирозданье осветил
И во всех земных монархах ты свой образ воплотил.

2

Бог единый, Ты нам создал и планету, и страну;
Ты храни меня, дай силу, чтоб повергнуть Сатану;
Укажи пути любви мне, страсти нежной целину;
Отпусти грехи земные, облегчи мою вину.

3

Лев, твой меч кого здесь славит, нанося врагам удар?
Солнцеликую царицу — черноокою Тамар!
Щёк рубин, волос агаты! Как воспеть сей божий дар?
Кто её хоть раз увидит, тот в плену волшебных чар!

4

До кровавых слёз восславим мы владычицу владык;
Мною был воспет и прежде этот лучезарный лик.
В черноту озёр-агатов я макал перо-тростник,
Дабы стих копьём разящим в сердце внемлющих проник.

5

Красоту её восславит этот сладкозвучный сказ,
Воспоёт ресницы, брови, цвет ланит, сиянье глаз!
Так же, как свинец, хоть мягок, крепкий раздробит алмаз,
Мягкий взор очей прелестных разбивает сердце в нас.

6

А сейчас язык мне нужен, сердце, мастерство поэта, —
Силу дай, чтоб мой рассудок смог создать творенье это;
Это — помощь Тариэлу; здесь любовь его воспета,
Дружба трёх героев славных и могущество обета.

7

Плачем мы по Тариэлу, слёзы льём все дни подряд,
Ведь других, ему подобных, небеса не сотворят!
Я, Руствели, Тариэлом в сердце раненный стократ,
Уложил словесный жемчуг в стройный стихотворный ряд.

8

Сказ персидский по-грузински зазвучал в моих строках,
И его лелеять нужно, как жемчужину в руках.
Я его нашёл неожиданно и пересказал в стихах.
Судит пусть о них царица, что прославлена в веках.

9

Я, Руствели, обезумев, в песнях возвеличил ту,
Кто командует войсками, ум её и красоту.
От любви моей лекарства я нигде не обрету;
Дай, царица, исцеленье иль могильную плиту.

10

Слепнет взор, тебя увидя, ум теряет голова,
Сердце там скитаться жаждет, где колышется трава!
Плоть моя в огне пылает, но душа ещё жива.
Трёхголосым песням нужны сладкозвучные слова.

11

Люди с тем должны смириться, что судьба им предрешит:
Пусть работает рабочий, воин пусть в поход спешит;
А влюблённый чтит влюблённых, защищает от обид;
И своей любви не ранит, и чужой не оскорбит.

12

Стихотворческая сфера высшей мудрости полна,
Благородна, благодатна и возвышенна она.
По душе достойным людям мелодичных строк волна;
Длинное звучит здесь кратко — тем поэзия сильна.

13

Конь хороший узнаётся быстрых ног природным даром,
В мяч игрок — искусным взмахом и уверенным ударом,
А поэт — умением выждать, лишних слов не трата даром,
Если стих, теряя силу, перестал гореть пожаром.

14

Вот тогда вы и спросите, почему умолк поэт,
Почему лишённый слова стих его сошёл на нет.
Чтоб, не сокращая речи и презрев словесный бред,
Вам поэт стихом достойным сладкозвучный дал ответ.

15

Не зовут того поэтом, кто пропел лишь раз иль два;
Пусть не мнит себя великим он в порыве хвастовства;
Может пару раз и сложит он бесцветные слова,
Но, как мул, твердит упрямо: «Вот — вершина мастерства!».

16

Есть ещё стихи другие, ими сердце не пронзить,
В них довольно часто рвётся поэтическая нить.
И на них весьма похожа зверобоев юных прыть:
Только мелкую дичину им по силам подстрелить.

17

Третий вид стихов пригоден для пиров, для песнопений,
Для услад, забавы, шуток, для приятельских общений;
И они порой приятны, нам их дарит добрый гений,
Но поэты для великих рождены стихотворений.

18

Свой талант поэт обязан посвятить душе родной,
Лишь одну любить он должен, поклоняться ей одной,
Для неё творить и помнить: в мире нет любви иной —
Музыку стихов добавить к этой страсти неземной.

19

Славил я её и прежде — ту, чей образ сердцу мил;
По достоинству воздал ей и себя не осрамил;
Властный взгляд пантеры грозной разум мой давно смутил,
И в поэме вновь восславлю я светило всех светил!

20

О любви скажу всевышней, всех начал она начало;
Не найти такого слова, чтоб её обозначало.
Нас небесным притяженьем от земного оторвало;
Кто постичь любовь решится, перетерпит бед немало.

21

Той любви постичь не могут те, что разумом сильны;
Языки у них устанут, уши слуха лишены.
Чувства низменны, коль скоро плотью порабощены;
Те, кто высшим подражают, ведать блуда не должны.

22

Тот — миджнур, кто любит страстно, — так арабы говорят, —
Кто безумен, потому что с милой у него разлад.
Но одни душою к небу на крылах любви летят,
А другие — на красоток с вожделением глядят.

23

Должен быть миджнур, как солнце, красотою наделён,
Должен быть разумным, щедрым, терпеливым, скромным он,
В ратных битвах — победитель, в красноречии — силён;
Если нет — то не миджнур он и безумно не влюблён.

24

А любовь, — она прекрасна, в познании сложна
И, в отличие от блуда, беззаветна и нежна.
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена;
Страсть высокая бесценна, а распутству грош цена.

25

А в миджнуре ценят верность, он не раб любодейня,
Рядом с ним в разлуке с милой только грусть и воздыханья;
Даже пусть строга, угрюма, — лишь о ней переживанья;
Мне чужды любви бездушной лицемерные лобзанья.

26

Первую любовь до смерти пронесёт он через годы;
Радостью не одурманен, презирает он невзгоды;
За любовь миджнур дерётся, а не только пишет оды,
За неё не пожалеет он ни жизни, ни свободы.

27

Нет любви, коль скоро милый не страдает от разлуки;
Нынче он с одной, а завтра ко второй простёрты руки;
Вместо гимна страсти нежной там одни пустые звуки.
Только истинно влюблённый за любовь пойдёт на муки.

28

Только истинно влюблённый в тайне страсть свою хранит
И в разлуке, вспоминая стройный стан и цвет ланит,
Он безумствует, страдает и в огне любви горит,
Терпит гнев своей любимой без досады и обид.

29

Свой секрет миджнур не должен раскрывать ни перед кем,
Должен в дружеских беседах избегать любовных тем.
Сохранит он тайну сердца, будет кроток, будет нем,
А любви безумной муки предпочтёт усладам всем.

30

Ну а если всем раскроет тайну любящих сердец,
Запятнает имя милой, и любви придёт конец.
Восхвалять её не смогут стихотворец и певец,
А на сердце милой ляжет недоверия рубец.

31

Удивляюсь, почему же так дела нехороши!
Почему же страсть к любимой не оставлена в тиши?!
Коль не любишь, отступись ты, чувства милой не души!
Злобным людям злое слово выше сердца и души.

32

Если плачешь ты о милой, то оправдан этот плач;
Помни о любимой, помни в дни побед и неудач,
И когда пешком шагаешь, и когда несёшься вскачь,
А любви своей безумство от людей болтливых прячь.

Сергей КОДЕС

Переводы с английского

Уильям Шекспир

(1564–1616)

Сонет 71

Когда умру, скорбеть по мне не смей,
Не слушай грустный звон колоколов.
Что я сбежал в подземный мир червей,
Пусть мир наш из твоих узнает слов.
И руку, написавшую строку,
Которую читаешь ты, забудь.
Я знаю — до сих пор тебя влеку,
Но дней любви нам больше не вернуть.
Да, я, возможно, в глину превращусь,
Когда читать ты будешь этот стих,
Взывать ко мне — лишь только множить грусть,
Прошу, живи, люби за нас двоих,
Чтоб мудрый мир не высмеял любовь
К ушедшему в обитель вечных снов.

Сонет 104

В моих глазах ты так же молода,
Как и была в день нашей первой встречи.
Трёх зим прошедших злые холода
Красу лесов стряхнули нам на плечи,
И три весны к осенней желтизне
Пришли в чередовании сезонов.
И три апреля, промелькнув в окне,
Сгорели в трёх июнях неуклонных
С тех пор, как мы увиделись с тобой.
Твоя краса лишь тихо отдалялась
Вслед за движеньем стрелки часовой,
Но прелесть, мне казалось, не менялась.
Ошибся. Знай же, нерождённый век,
Что лето красоты ушло под снег.

Сонет 130

Коралл красней моей любимой губ;
Глазам её, как солнцу, не блеснуть;
Венец волос, как проволока, груб;
Темнее снега почему-то грудь.
Знакомы мне цвета дамасских роз,
Я их не вижу на её щеках,
Её дыхание чувствует мой нос,
Но больше удовольствия в духах.
Любимый голос льётся ручейком,
Но музыка куда приятней слов;
С походкою богинь я не знаком;
Ступает по земле моя любовь.
Но нет другой такой, клянусь я небом,
А все сравненья — просто ложь и небыль.

Сонет 147

Любовь моя — болезненна, как жар,
Как тяжкий признак моего недуга,
Подпитывает длящийся кошмар,
Чей аппетит — любви моей заслуга.
Мой разум тщетно пробовал помочь,
Навеки излечить от этой муки,
Его советам следовать невмочь,
Отчаявшись, заламывая руки,
Я признаю, желанья — это смерть,
И нет от них лекарства и спасенья.
Неистово-безумна круговерть
И слов, и мыслей, тщетно всё леченье.
Я клялся, что тебя прекрасней нет,
Но ты черна, и в ад ведёт твой след.

Переводы с французского

Карл Орлеанский

(1396–1465)

Рондо

Время снова манто сменило
Ветра, холода и дождей
На расшитый камзол лучей,
На сверканье и блеск светила.

Нам природа уже возвестила —
Пеньем птиц, голосами зверей:
Время снова манто сменило.

Сразу ожило всё, забурлило,
И река, и фонтан, и ручей —
В серебре, как наряд богачей,
Год назад точно так же всё было:
Время снова манто сменило.

Поль Верлен

(1844–1896)

Скучную равнину снег прикрыл слегка...

Скучную равнину
Снег прикрыл слегка,
Блеск — как у песка.
Ветрено... Пустынно...

В небе цвета меди
Нет ни огонька,
Лишь луна пока
Жизнь по капле цедит.

А вдали, за степью,
Сквозь туман — дубы.
Встали на дыбы
И поплыли цепью.

В небе цвета меди
Нет ни огонька,
Лишь луна пока
Жизнь по капле цедит.

Вороны и волки,
Вы здесь не в чести —
Как перенести
Ветер злой и колкий?

Скучную равнину
Снег прикрыл слегка,
Блеск — как у песка.
Ветрено... Пустынно...

Саша КАЗАКОВ

Перевод с английского

Уоллес Стивенс

(1879–1955)

Живое

Там где кончается разум, открыты ладони,
Мысль улетела из них и ладони пальмой
Поднялись, бронзой отлитые на горизонте.

В золоте перьев, в ладонях раскрытых пальмы,
Птица поёт без слов и без смысла песню,
Чувства лишённый, чужой неземной мотив.

И открываешь — не логика и не разум
Дарят и отнимают радость и счастье.
Птица поёт. Пламенеют длинные перья.

Там, на грани вселенной ладони пальмы.
Ветер медленно движется сквозь их пальцы.
Память всполохов в ниспадающе-огненных перьях.

От переводчика

«Of Mere Being» Уоллес Стивенс написал в начале пятидеся-
тых. Мир, недавно переживший Катастрофу, пытается вернуть
в жизнь надежду, найти слова, позволяющие увидеть смысл там,

где кончился разум, там, где пламя выжгло на лице боль, удивление невозможным, поражение невероятным... Удивление даже в момент, когда это удивление смерти.

Я не убеждён, что то, что я прочёл в «Живом» Стивенса, было его лейтмотивом — но мне по-другому уже не прочесть.

Три темы сплелись в английском тексте: ладонь — символ просьбы, молитвы, веры, доверия, испепелённого в огне Катастрофы; пальма, символ нестигаемости, нестигаемости даже на грани разума — разума, вдруг застывшего и не находящего слов выразить ужас; и Феникс, возрождающаяся из огня птица, желанная надежда, такая невозможная после Катастрофы, птица другого мира.

У Стивенса переплелись взметнувшиеся в небо руки с открытыми ладонями на границе разума и пальмовое дерево на краю вселенной. Но, «О, Господи», как можно думать о бронзе и «писать поэтические тексты», даже если пальцы всё ещё способны держать перо, а жизнь украсила лоб пальмовой ветвью. Ведь ладони взметались в небо, полыхая огнём, как огненные крылья. Вот она, огненная птица, преодолевает неземной ужас, и вновь оживает, обещая, что и через этот страшный сон — не принадлежащий разуму, на грани его, мы найдём дорогу к возрождению.

Вот, наверно, и всё — неземная игра ума, недоступная нашему разуму и утверждающая — несмотря ни на что — и это Живое.

19 февраля 2017

Алекс ЩЕГЛОВИТОВ

Переводы с английского

Божена Хелена Мазур-Новак

Ветер

ах, этот озорной весёлый ветер
на плечи мне упал, когда сидела
в саду стихи читая
а потом, моих волос коснулся, их запутал
и локоны мои среди ветвей развесил и щекой о них потёрся.

пощекотал мне шею, плечи... вдруг
скользнул под платье... ноги мне погладил
я покраснела, но боясь вспугнуть неосторожной мыслью или словом
не двигалась, но чувствуя, как кровь пульсирует в висках, тревожа сердце.

и мыслей бег фантазии мои всё гнал вперёд, не зная перерыва
и то ли ветер, то ли я сама хозяйка своих мыслей и желаний
я прошептала, когда мыслей бег остановился: Ветер, милый ветер,
вернись ко мне ещё не раз в желаньях.

Птичье сердце

Не надо птиц моих пугать, пожалуйста,
Летели долго так, теперь усталые.
Сидят, нахохлившись на ветках дерева
Там и заснут они почти уверена.
Пусть к ним приходят сны цветные яркие
Про страны дальние, про страны жаркие,
Где жизнь счастливая, где жизнь неспешная.
Жизнь без насилия, не то, что здешняя.
Природа девственна, леса зелёные
И небо синее, никем не тронуто,
Трава колышется, бескрайним маревом
Да только место то недостигаемо.
Оно придумано сердцами птичьими,
Оно для каждого такое личное.
Жестокий мир вокруг, он не изменится.
Чужая смерть у нас желанья пленница.
Покуда льётся кровь на землю алая,
Не надо птиц моих пугать, пожалуйста.

В беседке

(для моей матери Дануты на небесах)

сентябрь ещё порой дарил тепло
тринадцатое выпало число
тебе родиться мама
запах кофе
резвится солнце на головках астр
так белоснежны словно алебастр
застывший в полушаге от голгофы
в саду таком уютном небольшом
беседка вся увитая плющом
любила часто там уединиться
в любимом кресле сидя
верь не верь
в костре сгорели горечи потерь
забвению так трудно научиться
смотрю я на тебя издалека
в душе моей сомненья и тоска
качаешься ты в кресле
прочь сомнения
всего-то надо до тебя дойти
вновь попаду в объятия твои
твоё услышу я сердцебиение
опять как в детстве
ветер налетел
и сад одежды траура одел
в беседке пусто
только тени... тени...
не хочет сердце верить в этот бред
пусть Мамы в этом мире больше нет
Есть место в моём сердце без сомнения.

Монолог

и море не ласкает больше глаз
и песня волн неслышно угасает
лишь только пена трётся о песок
да чаек крик пронзает небеса
усохло солнце паруса обвисли

мой монолог на кладбище песка
где красота — как вкус любви вчерашней
безумье волн и смерть на гребне волн
смотрю в окно на танец разрушений...

молитва просится на кончик языка
страдание как гроб к спине прилипший
под воду тянет трупы-топляки
рассеивая судеб наших нити

мы так слабы не зная ничего
как дети, не познавшие игрушек
беспомощны как рыба без воды
мы Дон-Кихоты ветряных сражений.

Цунами

чёрный кофе горчит как прибитая ветром полынь
сахар сладость свою на ветру этом всю растерял
сказка длинных пустот и коротких как вздох величин
между чашкой, увидевшей губ округлённых овал

напряжённая спешка сидела как чёрный паук
не угнаться никак ей за хитросплетением строк
мир в безмолвии замер всю ненависть выплеснув вдруг
и Цунами на берег несёт зла и фальши поток

Вита ШТИВЕЛЬМАН

Перевод с иврита

Йегуда Амихай

(1924–2000)

Я хочу мира сейчас

Пусть будет мир и покой, говорю я, живущий.
Я хочу мира сейчас, пока я жив.
Был один святой — он хотел ножку золотого стула в раю.
Я не хочу так. Мне нужен простой деревянный стул здесь.
Обычный четырёхногий стул. Хочу мира прямо сейчас.
Вся моя жизнь прошла в войнах, внешних и внутренних:
были войны лицом к лицу, и всегда это было моё лицо,
лицо возлюбленного и лицо врага.
Древние орудия войны: палка, камень, сломанный топор,
слова, сточенный нож, любовь и ненависть.
Новые орудия войны: пулемёт, ракета, слова,
разрывная бомба, любовь и ненависть.
Я не хочу, чтобы сбылось пророчество моих родителей,
они говорили, что жизнь это война.
Я хочу мира душой и телом. Мира — сейчас.

Илья ЛИПЕС

Переводы с английского

Эмили Дикинсон

(1830–1886)

30

Дрейфует по морю челнок,
А ночь уже близка. —
Кто лодку в гавань проведёт
Во тьме, без маяка?..

Сказали моряки: «Вчера,
Когда закат поблёк,
Внезапно вздыбилась волна —
И утонул челнок».

Сказали ангелы: «Вчера,
Когда рассвет был ал,
Челнок переборол испуг,
Расправил паруса — и вдруг —
Ушёл за грозный вал!»

37

До того, как замёрзнет пруд,
И коньки заскользят по льду,
И от злого ветра щека
Разрумянится на виду,

До того, как скосят траву,
И придёт Рождество в дом, —
Совершится чудо со мной
Рядом — там, почти за углом,

Где гуляла в летние дни.
До него полмили пути:
Нужно только железный мост
Обязательно перейти.

Это чудо чудес лишь со мной
Будет и говорить и петь. —
Платье, мокрое всё от слёз,
Я смогу ли тогда надеть?

111

Слышали мы:
СЛОВО мертво —
Стоит лишь проронить
Но я говорю:
В этот миг
Оно начинает жить.

135

Мы ценим воду только после жажды
И сушу, в дикий шторм попав однажды,
Нам, повидавшим горе, праздник нужен,
И мир, когда война стучит в ворота,
Зовём любовь, устав глядеть на фото,
И птичий щебет вслед за мёртвой стужей.

165

Я слышала, что раненый олень
В агонии на диво грациозен:
Он вдруг взлетает выше всех других —
И тут же со всего размаху — оземь.

Фонтаном бьёт пробитая скала,
Сталь раскаляется от жаркойковки,
А щёки делаются холодней
У тех, кто умирает от чахотки.

Как часто буйная весёлость — щит!
За ним мучительная рана скрыта,
Чтоб кто-нибудь не обнаружил кровь
И в ужасе не вскрикнул: «Вы подбиты!»

182

Случись, вернутся снегири, —
А тут меня и нет.
Ты крошек не забудь, сыпни
Им в память обо мне.

Как благодарна я тебе —
Бессрочными ночами
Я попытаюсь рассказать
Гранитными устами.

185

Хороша задумка — Вера:
Прозреть удобней скопом,
А приспичит приглядеться —
Побежим за микроскопом.

224

Всё, чем владею я — стихи.
Упрямо шлю их Вам.
Так звёзды предлагает ночь
Глядящим вниз глазам.

Звездой можно пренебречь,
Шагая по прямой. —
Но пусто небо — и беда:
Найдёшь ли путь домой?

229

Меня вчера задел
Репей. Его вина? —
Моя.
Зачем зашла
В его жильё?

А лужа мой башмак
Заляпала, но так
И принято у луж.
Что делать... Жаль.
Тут лишь одна мораль:

Глумится мелюзга,
А слон, презрев врага,
Идёт вперёд!

260

Я — никто, а ты ведь тоже —
Никто?.. — Вот уже двое нас. —
И — хорошо. Но помолчим:
Выставят напоказ.

Как утомительно кем-то быть,
Как скучно, разинув рот,
Державно выквакивать имя
На зависть окрестных болот.

305

Как отличить отчаянье от страха? —
Сравнить пожар в своём родном жилище
С тем, что останется довольно скоро
От огненного дома, — с пепелищем.

А в благоденствии застывший разум
Воистину сродни глазам горячим
Над медленно ползущим обнищаньем,
Что ведает: они давно незрячи.

403

Настолько быстротечна стужа,
Зима настолько коротка,
Что в кокон кутаться не нужно,
И птиц не стоит отпускать.

Чуть-чуть подремлешь у камина —
Доносится грачиный ор...
Опять распахиваешь окна
И расставляешь свой шатёр.

Морозы — это лишь потуги
Остановить весны приход...
Оно-то так, но с голодухи
Зимой минувшей вымер скот.

Вот и Потоп когда-то Землю
Взял и слизнул, но Арарат
Все принимают за легенду
И верить в Ноя не хотят.

441

Это — послание миру. —
Меня он услышать не смог. —
Рассказанные природой
Каких-то несколько строк.

Их приютят руки
Из будущих, дальних дней. —
Потомки мои родные,
Будьте ко мне добрей.

448

Под силу это только им —
Поэтам, (прочим — нет) —
Заставить вдруг благоухать
Любой пустой предмет,

Что без толку у наших ног
Валяется в пыли.
А мы досадуем потом,
Что мимо вновь прошли.

Почём сегодня их добро? —
Поэтам невдомёк.
И сколько ни кради его
И вдоль и поперёк,

Ты всё равно, как ни верти,
Безбожно обделён.
Поэты есть. — Наследство их
Всегда вне всех времён.

540

Я силы собрала в кулак,
Пошла на мир без лат.
Была слабее, чем Давид,
Но и смелей в сто крат!

Метнула камень — но, увы, —
Повержена была.
Велик был слишком Голиаф
Иль очень я мала?

739

Я принимала за покой
Немую пустоту. —
Так может грезиться земля
Средь моря, на плоту

Бедняге, выжившему в шторм. —
Где пристань? Страшен счёт
Зазывным, ложным островам. —
А сколько там ещё?

771

Кто раньше роскоши не знал —
Нужду не ощутит.
Не может голод осознать,
Кто сроду не был сыт.

Нужда — скупое мастерство.
Его постичь дано
Тем, кто в достатке прежде жил.
Другим — не суждено.

910

Жизнь — угловатая дорога. —
Рассудок ей неведом,
Хотя она его и манит
И водит следом.

И мы ступаем, как и прежде,
По собственной неволе,
По той наезженной дороге
Из предreshённой боли.

1129

Всю Правду говори, но всё ж —
Не напрямик, тайком, —
Иначе хрупкий мир она
Сожжёт весь целиком.

Знакомят с молнией дитя
Так, чтоб не вызвать плач.
Пусть Правда слепит, но слегка, —
И каждый будет зряч.

1140

Дом съёжился, обложенный вплотную —
Сутулой ночью,
Бросая жёлтую недолговечность —
В глубокий вечер.

А ветры отмаршировали,
У листьев передышка... —
Ноябрь повесил свой гранитный кивер —
На бурый гвоздь.

1176

Как знать, насколько ты велик,
Пока не кликнут: «Встать!» —
И можно до небес расти
И жить себе под стать. —

Геройство в будни бы ушло
Без шумной суеты,
Не будь из нас любой согбён
От страха высоты.

1228

Давно покинул Землю рай,
Но, может быть, святым
Оставлен где-то райский кров,
Что был обещан им.

Но если день и ночь кроту
Твердить о небесах,
И он подумает: «Зачем?» —
Навис над Верой крах:

От многих доводов она
Становится скудней. —
И черепаха не ползёт,
Пока стоят над ней.

1331

Сомненье — это осмысленье,
Неведение? — Нет, не вполне. —
Живое, тягостное чувство.
Чем дольше с ним наедине —

Тем ощутимее тревога:
Грядёт ли за блаженством тьма?
Сомненье станет злым предвестьем,
Как будто гнус, сводя с ума.

1380

Повеса, хлыщ и атеист
Лишь миг боготворят —
И за него всего себя
Поставят под заклад,
Не замечая до поры,
Как Вечности поток
Уже клокочет и бурлит
Внизу, у самых ног.

1397

Казалось, мчались улицы галопом —
И — замерли. — Черно.
Затмение за окном. — Всё онемело —
Страхом сведено.

Вот самый смелый выскользнул за двери:
— Где Время? Не пропало ли?..
Природа осторожно месит воздух
В переднике опаловом.

1410

Я не взропщу, когда к ответу
Однажды призовут меня
Мои родные — и в гордыне
И в отречении вина.
Скажу, как есть — и станет легче,
Но погублю я этим их.
Предательство имеет голос,
А мой — в слезах давно затих.

1481

Надежды дом. — Его
Из бруса или глины
Не строят никогда.
Её приют — вершина —

Блистательный мираж.
Но верим: возведён он
Из монолитных скал
И укреплён Законом.

1544

Кто не нашёл рай на земле,
И выше не найдёт —
Хоть ангелы всегда вблизи,
Быть может, у ворот.

1603

Путь в мир из нашего в другой —
Как страхи малыша
При мысли, что там, за холмом. —
И мечется душа:

Разочарует ли меня
Безвестная страна,
Куда дорогою во рвах
Бреду совсем одна?

1732

Я дважды повидала смерть —
И вот опять она.
Неужто я и в этот раз
На жизнь обречена.

И будет вновь огромный мир
Мучительно изжит. —
Разлука — всё, чем страшен ад
И всё, что рай сулит.

1748

Не может сдержанный вулкан,
Чуть слышно бормоча,
Доверить огненный свой план
Кому-то сторяча.

Природа ревностно хранит
Всё сказанное Им. —
Зачем же слушатель тогда
Нам так необходим?

Вулкан — урок для болтуна
На много долгих лет. —
Единственное, что таим —
Бессмертия секрет.

Александр ШИК

Переводы с английского

Роберт ФРОСТ

(1874–1963)

Подпорки для гороха

С воскресной службы в разгаре дня
Я в рощу шёл, где стучал топор.
Там Джон берёзу припас для меня,
Под мой горох нарубить подпор.

С небес в прогал, что рощу рассёк,
Лилось не по-майски много тепла
И душно пах берёзовый сок,
Как будто кровь из обрубков текла.

Лягушки, галдевшие день напролёт
У каждой лужицы и пруда,
При звуках шагов закрывали рот,
Гадая, зачем я пришёл сюда.

Навалены всюду ветки берёз
В сочащихся срезах от топора,
Пока на телеге никто не увёз
Груз этот, смявший цветы с утра.

Мне ветки нужны, чтоб по ним вились
Ростки гороха в моём дворе,
Словно из почвы их кто-то ввысь
За нитки тянет, как в детской игре.

И вновь оживут лесные цветы,
Страхнув калечивший стебли гнёт,
И триллиум, выйдя из темноты,
Когда положено, расцветёт.

К земле

Губ долгожданный вкус
Предельно сладок был;
Я принял этот груз,
Я воздух пил.

Он приторность унёс,
А ночью на холмах
Строй виноградных лоз
Как мускус пах.

Сжимала боль виски,
И жимолости сок
Меж пальцами руки
На землю тёк,

И жизнь была сладка
В том юношеском сне,
Где лепестки цветка
Жгли кожу мне.

А нынче — спрос на соль.
Во сне, что сладость нёс,
Сквозит вина и боль,
Я жажду слёз

По чувствам молодым,
А с плеч — любви гора.
И сладковат лишь дым,
Горчит кора.

Усталый и больной,
Годами бит и гнут,
Я, ощутив рукой
Шершавый грунт

И боли не страшась,
Чем дальше, тем сильнее,
К земле хочу припасть,
Сродниться с ней.

Весенние лужи

Весенним лужам не мешает лес,
Они вмещают синеву небес.
И, как цветы, дрожат в ознобе лужи,
И, как цветы, живут недолгий срок,
Им ни реки, ни ручейка не нужно —
Всё выпьют корни, вверх пуская сок.
Закроет солнце свежая листва
И свет к цветам дотянется едва.
А может, пусть повременит природа,
Чтоб уничтожить не пришла пора
Цветы с водою и с цветами воду,
Что звали снегом мы ещё вчера.

Охапка

Нагнёшься за свалившимся кульком —
Из рук сорвётся банка кувырком,
Бутылки, свёртки падают, скользя,
Их ухватить, казалось бы, нельзя.
Но всё, о чём заботишься, умей
Удерживать в руках, в душе, в уме
И, если надо, способы найди
Ничто не позабыть, прижать к груди...
Я пробовал, но не хватило рук.
Сижу, а всё разбросано вокруг.
Но всё равно надеяться не брошу,
Попробую сложить надёжней ношу.

Бук

Там, где земли моей нарез
Незримым клином входит в лес,
Среди камней железный шест поставлен.
А рядом с вехой межевой —
Бук, повреждённый, но живой,
Где на стволе глубокий шрам оставлен.
И раненый свидетель-бук
Даёт понять, что жизни круг,
Как и земли надел, не безграничен.
Мы это знаем с давних лет,
Но тёмен мир, покоя нет
И разум наш к сомнениям привычен.

Я всё бы отдал Времени

Я знаю — Время может без труда
Сровнять с долиной снежные вершины,
Чтоб к ним пришла бегущая вода,
И созерцать всё то, что совершило,
Сурово — без восторга, без стыда.

В морской дали, что сушею была,
Как на лице улыбки тихий призрак,
Наморщит гладь подводная скала;
Но Время, безучастно к катаклизмам,
Не чувствует ни радости, ни зла.

Я всё бы отдал Времени на суд,
Всё, кроме тайны, что в душе хранится,
И уходя в Покоя полосу,
Не предъявлю ту тайну на границе
И мимо сонной стражи пронесу.

Краткое счастье ярче

Мой мир трясли шторма,
Бураны, дождь, зима,
Стояла непогода
В любое время года,
За тучи вечно было
Упрятано светило,
Невидимое всем,
Частично иль совсем.

Тепла и света дни —
Так редкостны они,
Что в памяти теперь
Мне кажутся, поверь,
Одним чудесным днём,
Я помню всё о нём:
Он был с утра лучист
И продолжался чист,
И вечер чистым был...
Ничто я не забыл,
И живы для меня
Все чувства того дня,
Где только наши тени
Сквозь жаркое цветенье,
На лес меняя дом,
Вдвоём идут, вдвоём.

Уход

Иду в дорогу,
Где вечность ждёт,
И обувь ногу
Уже не жмёт.

Друзья садятся
За общий стол...
Прощайте, братцы,
А я ушёл.

Не доверяю
Чужим следам,
Не так из рая
Ушёл Адам.

Забудьте догмы
Библейских тем,
Ведь я не прогнан
Никем, ни с кем.

Иду за песней:
«I'm — bound — away!»*,
Покуда честно
Я верю ей.

Но может, всё же
Вернусь опять,
Коль смерть не сможет
Урок мне дать.

* «Я ухажу!» — припев народной американской песни «Oh, Shenandoah!», любимой Фростом.

Алфавитный указатель авторов

Амурский, Виталий (Франция)	453
Амчиславский, Александр (Канада) (1959–2022)	572
Ахметсафин, Ильдар (Германия)	459
Берберова, Нина (США) (1901–1993)	578
Березовская, Дина (Израиль)	203
Бобышев, Дмитрий (США)	354
Бриф, Михаил (США)	271
Гауфберг, Слава (США)	410
Генчикмахер, Марина (США)	51
Голубицкий, Денис (Украина)	197
Гринберг, Михаил (США)	292, 601
Грицман, Андрей (США)	436
Гройсман, Вадим (Украина — Израиль)	465
Гулисашвили, Константин (США)	606
Гущин, Андрей (Украина)	249
Дашевский, Ханох (Израиль)	588
Демидов, Павел (США)	528
Диденко, Юрий (Германия)	471
Дробот, Василий (Украина) (1942–2020)	561
Евса, Ирина (Украина)	34
Емелин, Валентин (Норвегия)	541
Емелина, Алёна (Норвегия)	506
Жук, Игорь (Украина)	430
Зелевинская, Галина (США)	534, 599
Израильский, Евгений (Израиль)	384
Ицкович, Галина (США)	73, 586
Каган, Виктор (США)	404
Казаков, Саша (Канада)	222, 627

Камышан, Сергей (Украина)	595
Кане, Яна (США)	107, 604
Карпинос, Ирина (Украина)	175
Картельян, Оксана (Украина)	40
Кенжеев, Бахыт (Канада)	364
Кодес, Сергей (США)	307, 622
Коровниченко, Максим (Украина)	20
Курбатов, Сергей (Украина)	244
Левитант, Ребекка (США)	446
Лемьш, Анатолий (Украина)	170
Либерман, Анатолий (США)	126, 302
Липес, Илья (Канада)	634
Лобанов, Николай (Украина)	145
Лоза, Владислав (Украина)	60
Лурье, Людмила (США)	399
Меерсон, Дина (Израиль)	66
Меламед, Ариэла Марина (Израиль)	512
Мелодьев, Мартин (США)	478
Михалевич-Каплан, Игорь (США)	180, 278
Некрасовская, Людмила (Украина)	483
Немировский, Александр (США)	295
Никоф, Олег (Украина)	419
Оклендский, Григорий (Новая Зеландия)	312
Павлова, Вера (Канада)	44
Палад (Украина)	83
Патлис, Семён (США)	502
Песочина, Эмилия (Украина — Германия)	16
Плышевский, Сергей (Канада)	380
Полевая, Зоя (США)	117, 391
Поташников, Давид (США)	287, 323
Пробштейн, Ян (США)	156
Пушкин, Александр А. (США)	493
Рассыпаев, Вячеслав (Украина)	266

Ратнер, Александр (Украина)	185
Резник, Раиса (США)	497
Рогачевская, Инна (Израиль)	517
Рыпка, Ирина (Украина)	89
Сагаловский, Наум (США)	260
Садхин, Георгий (США)	328
Сальникова, Татьяна (Украина)	348
Сеглевич, Давид (Канада)	375
Стреминская, Анна (Украина)	191
Сулович, Борис (Израиль)	487
Тайх, Алёна (Германия) (1969–2022)	556
Теплов, Андрей (Украина)	340
Тропольский, Михаил (Украина)	254
Тюрина Оберландер, Марина (США)	95
Фет, Виктор (США)	12, 316
Фраш, Берта (Германия)	210, 232, 415
Хентов, Игорь (Израиль)	334
Херсонский, Борис (Украина — Италия)	216
Чернякова, Лия (США)	27
Шабалин, Сергей (США)	441
Шендрик, Виктор (Украина) (1956–2021)	567
Шенфельд, Ольга (США)	424
Шик, Александр (Канада)	646
Штивельман, Вита (Канада)	228, 633
Щегловитов, Алекс (США)	461, 629
Щёголева, Татьяна (США)	370
Эскина, Марина (США)	165
Юдовский, Михаил (Украина — Германия)	101
Юрчук, Ирина (Украина — Германия)	111
Яблонский, Григорий (США)	71
Яровой, Сергей (США)	522

Літературно-художнє видання

ГОД ПОЭЗИИ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2505
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 38,13
Гарнітура «Swift».
Підписано до друку 29.12.2022 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.